

И.К.Вунина

ИСТОРИЯ
ГЛАГОЛЬНЫХ
ВРЕМЕН
В БОЛГАРСКОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. К. БУНИНА

ИСТОРИЯ
ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН
В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

ВРЕМЕНА ИНДИКАТИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

В книге исследуется система времен болгарского языка на материале памятников письменности (от древнейших старославянских до произведений на современном болгарском языке). Автор строит универсальную максимальную модель для языков, различающих относительные и абсолютные времена. Система болгарских времен рассматривается как усеченный вариант этой модели.

Ответственный редактор

Е. В. ЧЕШКО

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Возможны различные аспекты изучения глагольных времен в болгарском языке. В настоящей работе основное внимание уделяется исследованию значений форм времени и притом только форм времени индикатива. Значения так называемых пересказывательных форм времени рассматриваются лишь попутно.

Целесообразность такого ограничения подсказывается степенью изученности темы. История глагольных времен в болгарском языке исследована слабо¹, что отражает общее состояние изученности истории болгарского языка как в среднеболгарский, так и в новоболгарский период².

До сих пор изучение истории болгарского языка вообще и глагольных времен в частности велось в русле, определенном задачами сравнительно-исторического языкознания. Исследователей интересовало главным образом „чисто материальное изменение знаков“³. В этом отношении накоплено достаточное количество фактов, позволяющих судить об общем характере и направлении изменений в глагольных формах времени, которые нашли себе отражение в памятниках болгарской письменности. И хотя специальных работ по этому вопросу почти нет, кроме названной выше монографии Д. Ивановой-Мирчевой, можно было бы назвать еще ряд статей, но обычно в более или менее пространным вступлении, предвещающем текст издаваемого памятника, можно найти раздел, посвященный глагольным временам, в котором перечисляются

¹ Важнейшую литературу по данному вопросу см.: К. Мирчев. Историческата граматика по български език. София, 1958, стр. 271—272. Из работ, вышедших после 1958 г., см.: Д. Иванова-Мирчева. Развой на бъдеще време (futurum) в българския език от X до XVIII век. София, 1962.

² Y. Rusek. Deklinacja i użycie przypadków w triodzie Chłudowa. „Prace Komisji Słowianoznawstwa“, PAN, № 5, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 202.

³ И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., 1964, стр. 30.

формы времени, употребляемые в этом памятнике, и к ним дается соответствующий исторический комментарий. „Материальная“ история форм времени болгарского глагола составляет также основное содержание глав, посвященных временам, в общих курсах по истории болгарского языка.

Одно из фундаментальных положений современного языкознания состоит в признании независимости плана содержания и плана выражения знака. Одна и та же система может манифестироваться разными материальными единицами⁴.

Таким образом, очевидно, что по материальным изменениям знаков еще нельзя судить об изменениях, происходящих в их содержании. Между тем история значений глагольных времен в болгарском языке изучена совершенно недостаточно. Имеется только два конкретных исследования по этому вопросу, выполненных на материале памятников болгарской письменности. Эта работа Е. И. Деминой „Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII вв.“⁵ и книга Ю. С. Маслова „Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках“. Вторая работа написана в плане сравнительно-историческом, но самая пространная глава в ней посвящена исследованию истории значений имперфекта совершенного вида в болгарском языке⁶. Здесь используется материал памятников различных эпох, широко привлекаются примеры из современного литературного языка, но рассматривается история значений только одного времени и только в его редких употреблениях.

История плана содержания системы болгарских времен в целом не была вообще предметом исследования. Между тем такое исследование было бы небесполезным. Оно могло бы дать общую перспективу для более глубокой постановки вопроса о том, изменялась или не изменялась система времен индикатива в болгарском языке.

§ 2. В литературе были высказаны разные суждения по этому вопросу. Так, известные болгарские языковеды Ст. Младенов и Б. Цонев по-разному освещали историю времен в болгарском языке.

В общих курсах по истории болгарского языка и Ст. Младенова⁷ и Б. Цонева⁸, а также других авторов⁹ обычно отмечается, что изменения в области болгарского спряжения не носят столь катастрофического характера, как это наблюдается в области болгарского склонения. Они или связаны с теми фонетическими

⁴ И. И. Резвин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода М., 1964 стр. 30.

⁵ См.: „Уч. зап. Ин-та Славяноведения АН СССР“, т. XIX. М., 1960, стр. 1—48.

⁶ См.: ВСЯ, 1911. вып. 1, стр. 104—121.

⁷ St. Mladenov. Geschichte der Bulgarischen Sprache. Leipzig, 1929; Он же. История на българският език. София, 1935.

⁸ Б. Цонев. История на българският език, т. II. София, 1934.

⁹ К. Мирчев. Указ. соч.

и фонологическими изменениями, которые произошли в болгарском языке, или являются результатом действия морфологической аналогии¹⁰.

В болгарском языке имена существительные утратили падежные флексии, что явилось результатом коренной перестройки всей системы падежей. Само количество падежей сократилось в два раза. Материальные средства выражения падежей настолько изменились, что ведутся споры, можно ли вообще говорить о наличии системы падежей в современном болгарском языке.

Внешний облик таких болгарских времен, употреблявшихся еще в древний период, как настоящее время, будущее время, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, *futurum exactum*, изменился под влиянием указанных выше процессов, но материальная преемственность старых и новых форм этих времен не вызывает сомнений. Никакого сокращения в составе времен не произошло. Все времена, употреблявшиеся в древний период, употребляются и в современном болгарском языке.

В восточнославянских языках, а также в польском и чешском произошло сокращение количества времен до трех. Это давало основание при сравнении болгарского языка с другими славянскими языками говорить о „консерватизме“ болгарской системы времен. Именно это положение развивал в своих работах Ст. Младенов¹¹.

Состав болгарских форм времени, однако, не сохранился в старом виде. Он значительно пополнился новыми формами. Этот факт отмечал в своих работах и Ст. Младенов, не пытаясь его интерпретировать глубже¹². Напротив, Б. Цонев усмотрел в этом проявление новой тенденции, ранее не известной болгарскому языку. Он говорил „о необычайном стремлении болгарского языка различать определенные и неопределенные глагольные формы подобно тому, как это имеет место в именах: *стол—столът, столове—столовете*“¹³.

Цонев правильно уловил зарождение в болгарском языке новой категории — пересказывания, как ее теперь называют, но он был слишком увлечен фантастической идеей связи этой категории с категорией определенности—неопределенности в именах, чтобы сделать следующий шаг и вывести новые формы времени за пределы индикатива.

Общее состояние и направление исследований в области современного болгарского языка во времена Цонева не могли способствовать совершению этого шага. Вопрос об отношении старых

¹⁰ Б. Цонев. Указ. соч., т. II, стр. 448, 538.

¹¹ St. Mladenov. Geschichte., стр. 259.

¹² Ст. Младенов. История на българският език, стр. 113—120.

¹³ Б. Цонев. История... стр. 538—556; см. также: Б. Цонев. Определени и неопределени форми в българския език. София, 1911.

и новых форм времени не был решен и для современного болгарского языка и поиски его решения шли в неверном направлении. Неоднократно предпринимались безуспешные попытки найти чисто временной критерий для разграничения старых и новых времен¹⁴. Выделить новые формы времени в особую группу мешала омонимия ряда старых и новых форм времени.

И хотя впервые идея о параллельности старых и новых форм времени в плане выражения временных отношений была высказана Т.-Баланом еще в конце восьмидесятых годов прошлого века, она получила полное развитие и признание лишь в сороковые годы нашего столетия в работах самого Т.-Балана, Л. Андрейчина и их последователей. Новые формы времени были выделены в особое четвертое — пересказывательное наклонение¹⁵. Можно соглашаться или не соглашаться с такой квалификацией пересказывательных форм времени¹⁶ (мы склоняемся скорее к тому, что это вообще не наклонение, а какая-то совсем новая грамматическая категория, надстраивающаяся над категорией наклонения) — это вопрос особый. Нам важно здесь подчеркнуть, что в настоящее время утвердилось представление, что пересказывательные формы времени в современном болгарском языке не являются формами времени изъявительного наклонения (индикатива). Это дает основание для иной постановки вопроса об отношении старых и новых форм времени и в диахроническом плане. Речь должна идти не о расширении состава форм времени индикатива, а о появлении новой категории — пересказывания, — для которой, как и для индикатива, характерно различие форм времени.

Именно так ставит вопрос о судьбе болгарских времен проф. К. Мирчев. Кратко в общем виде об этом говорится уже в его курсе по истории болгарского языка для педагогических институтов, вышедшем в 1953 г.¹⁷ Обстоятельнее раскрывает новую постановку вопроса проф. К. Мирчев в „Исторической грамматике болгарского языка“, опубликованной в 1958 г. Он четко разграничивает вопрос о судьбе старых пересказывательных форм времени и вопрос о судьбе новых пересказывательных форм времени. Вопрос о судьбе пересказывательных форм времени для него есть вопрос не о появлении каких-то новых, неизвестных до этого болгарскому языку, времен, а вопрос о появлении в бол-

¹⁴ См. об этом: Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 5—8; Она же. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959, стр. 313-319.

¹⁵ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 164, 200—202; Л. Андрейчин. Въпросът за национална самобитност на езика. „Изв. на Института за български език“, кн. II. София, 1942, стр. 39—45.

¹⁶ Е. И. Демина. Пересказывательные формы. ., стр. 357—361.

¹⁷ К. Мирчев. Историческата граматика на българския език за учителските институти. София, 1953, § 50, стр. 123.

гарском языке нового наклонения, что совершенно справедливо, поскольку состав времен пересказывания и система их противопоставлений повторяют состав времен и систему противопоставлений индикатива.

Некоторые исследователи полагают, что появление пересказывательных форм времени способствовало сохранению старых непересказывательных форм времени¹⁸. Однако вряд ли сам факт появления пересказывательного наклонения мог оказать какое-либо воздействие в данном направлении. Исследователи еще спорят о конкретном содержании признака, лежащего в основе противопоставления пересказывательных и непересказывательных форм, но все они согласны в том, что оно не имеет отношения к сфере грамматического выражения хронологии действий.

Скорее можно предполагать обратное. Пересказывательные формы времени могли появиться в таком составе, в каком их фиксируют грамматики современного болгарского языка постольку, поскольку в пору формирования категории пересказывания они сохранялись в болгарском языке в своем прежнем составе.

Таким образом, сам факт появления форм пересказывания не мог затронуть систему временных противопоставлений внутри индикатива. К этому выводу приходит и Е. И. Демина¹⁹.

Все сказанное дает, как нам представляется, достаточное основание считать, что принятое выше ограничение темы нашего исследования временами индикатива является целесообразным.

§ 3. Во всех общих курсах, в том числе и в „Исторической грамматике болгарского языка“ К. Мирчева, всегда единодушно подчеркивается, что в болгарском языке такие времена индикатива, как аорист и имперфект, до сих пор „са запазени като напълно живи строго разграничени смислово глаголни категории“ (разрядка наша. — И. Б.)²⁰. Это отличает существенно болгарский язык не только от тех славянских языков, которые утратили эти времена полностью, но и от тех славянских языков, в которых формы аориста и имперфекта хотя и сохраняются в употреблении, но функционально не различаются не только между собой, но и с формами перфекта, как это наблюдается в сербохорватском²¹ и серболужицких языках²².

Какой признак лежит в основе „смыслового разграничения“ этих времен и менялось ли его содержание на протяжении истории

¹⁸ Ст. Стойков. Изчезване на имперфект и аорист в банатски говор. „Славистичен сборник“. София, 1962, стр. 206.

¹⁹ Е. И. Демина. Система прошедших времен. ., стр. 11.

²⁰ К. Мирчев. Указ. соч., 1958, § 54, стр. 193.

²¹ И. Е. Можяева. Значение и употребление прошедших времен в языке Дубровника в XVI в. „Уч. зап. Ин-та славяноведения“, т. XIX. М., 1960, стр. 49—69.

²² М. И. Ермакова. История употребления форм времени в серболужицких языках. Канд. дисс. М., 1964, стр. 220—222.

болгарского языка, эти вопросы не только не решаются, но обычно и не ставятся, не ставятся они и в названном курсе проф. К. Мирчева. Между тем из констатации факта „сохранения в живом употреблении“ аориста и имперфекта в современном болгарском языке автоматически не следует, что функции этих форм времени остались теми же, что и в древнеболгарском языке.

По-видимому, все же проф. К. Мирчев считает, что функции простых прошедших времен в болгарском языке остались прежними, хотя прямо об этом он не говорит, полагая, видимо, что это само собой очевидно, поскольку омонимии с пересказывательными формами в данном случае не наблюдается. В тех случаях, где она есть, а именно при рассмотрении сложных прошедших времен (перфекта и плюсквамперфекта), он специально оговаривает, что формы этих времен индикатива сохраняют свои старые значения в противоположность омонимичным пересказывательным формам, которые имеют уже другие временные значения: пересказывательные формы времени, совпадающие с формами перфекта индикатива, употребляются в значении пересказывательного аориста, а пересказывательные формы времени, совпадающие с формами плюсквамперфекта индикатива, — в значении и пересказывательного перфекта и пересказывательного плюсквамперфекта²³.

Все высказанное проф. К. Мирчевым по поводу судьбы значений отдельных времен индикатива можно свести к одному общему тезису.

В отличие от системы падежей, претерпевших на протяжении исторического развития болгарского языка существенные изменения, в системе времен индикатива за этот период не произошло таких существенных сдвигов, так что болгары в настоящее время пользуются такой же системой времен, какой пользовались их предки еще в X—XI веках.

Этот вывод в настоящее время в литературе как будто бы никем не оспаривается. Те расхождения в оценке судьбы болгарских времен, которые были у Ст. Младенова и Б. Цонева, по существу оказываются снятыми благодаря решению вопроса о пересказывательных формах времени, которые долгое время были камнем преткновения для многих исследователей и причиной расхождений между Младеновым и Цоневым.

Однако систематической проверке на материале памятников письменности сформулированный выше тезис не подвергался. Именно это мы и пытаемся осуществить в предлагаемом ниже исследовании.

§ 4. Исследование проводится на материале памятников болгарской письменности, начиная с древнейших и кончая произве-

---

²³ К. Мирчев. Указ. соч., § 55, 60, стр. 201—211.

дениями современных авторов²⁴. Из текстов, отмеченных в списке, делались исчерпывающие выписки, т. е. учитывались все формы времени индикатива, употребленные в данном памятнике.

Разумеется, наше описание построено на конечном и, стало быть, ограниченном числе примеров, и потому, как всегда в таких случаях, остается неясным, в какой степени оно является всеобъемлющим, объясняющим все факты данного языка. Иными словами — может возникнуть вопрос, не остались ли вне нашего поля зрения такие факты, которые противоречат предлагаемому описанию системы болгарского индикатива, и стало быть, ее опровергают или по крайней мере делают ее недостаточной.

Исчерпывающий ответ на этот вопрос был бы, очевидно, связан с полным перечислением всех фактов, относящихся к нашей теме, за весь рассматриваемый нами период. Поскольку это условие невыполнимо, представляется возможным поставить эксперимент на ограниченном материале.

Таким экспериментом на ограниченном материале, имеющем достаточно высокую, на наш взгляд, степень убедительности, является выборочный или сплошной сравнительный анализ равновременных редакций и переводов евангельского текста, чему посвящается III часть нашей работы.

В предшествующей нашей работе²⁵ мы дали описание системы времен старославянского глагола. Предложенная модель была построена на материале одного текста, что давало известные преимущества, но вместе с тем вызывало сомнения в ее приложимости к старославянскому языку в целом.

Ниже будет показано, что описанная модель в целом с известными уточнениями не только приложима к другим старославянским текстам, но что ее следует признать действительной и для текстов болгарского языка вплоть до настоящего времени.

Здесь же еще раз вернемся к некоторым теоретическим вопросам, связанным с построением модели, внесем ряд уточнений в саму модель, переформулируем ее, используя термин „дифференциальный признак“.

§ 5. В рецензии на нашу книгу о временах старославянского глагола В. Н. Топоров высказывает сожаление по поводу того, что в ней не учитывается „универсальная схема описания глагола в терминах видо-временных отношений, предложенная относительно недавно О. Куриловичем“²⁶. Так как в настоящей работе мы опираемся на свое исследование по старославянскому глаголу в отношении понимания содержания как самой категории

²⁴ См. список используемых текстов в конце работы.

²⁵ И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

²⁶ См.: „Структурно-типологические исследования“. М., 1962, стр. 237—238.

грамматического времени, так и других понятий, связанных с ней, то это обязывает нас выразить свое отношение к теории Е. Куриловича, тем более, что в последние годы она нашла своих последователей среди болгарских лингвистов, которые пытаются приложить ее к материалу современного болгарского языка²⁷. Для нас по-прежнему остается неизблемым тезис Б. Гавранка о независимости категории времени от категории вида.

Мы по-прежнему думаем, что попытки создать универсальную схему видо-временных отношений для славянских языков, исходя из представления о виде и времени как о некоей единой синкретичной категории, не могут иметь успеха, так как наталкиваются на все новые непреодолимые трудности. Работы Е. Куриловича убеждают нас в этом еще раз²⁸.

Формы болгарского аориста и имперфекта обычно сопоставляют с западноевропейскими временами, в частности с французскими формами времени *passé indéfinis*, *imparfait* или английскими *past indefinit*, *past continuous* (формы *passé indéfinis* трактуются как формы прошедшего совершенного, формы *imparfait* как формы прошедшего несовершенного). Между тем именно по виду эти формы не представляют соответствия, поскольку болгарские формы названных прошедших времен образуются не только от глаголов какого-либо одного вида: каждое из них может иметь формы от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида.

Раньше эти факты или не замечали, или обходили молчаливым. Поэтому не случайно именно им уделяется особое внимание в работах Ю. С. Маслова последних лет, посвященных исследованию вида в болгарском языке²⁹. Предлагается различать, помимо уже известной категории „вида в узком смысле слова“, под которой понимается противопоставление славянских глаголов по признаку совершенности—несовершенности, охватывающее не только личные формы, но и неличные, еще новую категорию „вида в широком смысле слова“. Последняя предпо-

---

²⁷ М. Янакиев. За грамемите в българската граматика „сегашно време“ и „бъдеще време“. „Изв. на ин-та за български език“, кн. VIII. София, 1962, стр. 419—432.

²⁸ Обзор работ, в которых различия между формами времен (таких, как аорист, имперфект и плюсквамперфект в славянских языках; аорист, презент и перфект в древнегреческом; *continuous* и *non-continuous* в современном английском; *imparfait* и *passé indéfinis* во французском и др.) трактуются как видовые, см.: С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959, стр. 157—159 (Масл.); Он же. Към типологията на глаголията вид. „Език и литература“, № 1, 1963. София, стр. 3—10. Там же в сносках приводится библиография по этому вопросу.

²⁹ Ю. С. Маслов. Към типологията . . . , стр. 3—10.

лагает видовое противопоставление отдельных форм времени, в частности таких прошедших времен, как аорист и имперфект в болгарском языке *passé indéfinis* и *imparfait* — во французском. Но содержание новой видовой категории и ее отношение к старой остается все еще недостаточно раскрытым, чтобы считать вопрос по существу решенным³⁰.

Не лучше обстоит дело с видовой интерпретацией и русских форм прошедших времен. Приведем пример. Обычно считается, что французским формам *imparfait* в русском языке соответствуют формы прошедшего времени несовершенного вида, в то время как французскими формами *passé indéfinis* могут переводиться русские формы прошедшего времени и совершенного и несовершенного видов. Таким образом, и русские формы прошедшего времени не представляют соответствия по виду („в узком смысле слова“) французским формам прошедшего времени *imparfait* и *passé indéfinis*.

В видовой теории Е. Куриловича названные факты тоже не находят себе объяснения. Материал болгарского языка вообще не привлекается, а материал русского языка хотя и привлекается, но случаи несоответствий французских и русских форм прошедшего времени не рассматриваются. Более того, как увидим ниже, в рамках теории Е. Куриловича не поддаются видовой интерпретации формы будущего времени, которые выводятся из состава времен индикатива и объявляются особым наклонением. Только ценой таких усечений системы времен реальных языков укладываются в прокрустово ложе универсальной схемы, предложенной Е. Куриловичем.

В чем же состоит существо этой схемы, с которой мы никак не можем согласиться? В категории вида и времени Е. Курилович усматривает общее содержание, которое составляет, по его мнению, понятие „совершенности“. Отличие категории времени от категории вида сводится, согласно Е. Куриловичу, к тому, что в категории времени „совершенство“ обязательно оказывается соотнесенной с моментом речи. „Западноевропейские времена содержат два элемента, — пишет Е. Курилович, — 1) вид, 2) временную веку, с которой соотносится вид“³¹. Так как „истинным конституирующим содержанием глагольных форм“ признается „вид“, а „понятие момента во времени не может“, как пишет Е. Курилович, „само составить никакого содержания качественного порядка, то оно может быть без ущерба устранено, и тогда мы получаем систему времен, подобную русской“³².

³⁰ М. Деянова. Славянска глаголска видова опозиция имперфект — аорист. „Език и литература“, 1963, кн. 5, стр. 106—110.

³¹ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 142.

³² Там же, стр. 142—143.

Можно согласиться, что понятие „временной ве^х“ не составляет главного, конституирующего содержания в категории времени, что могут быть временные формы, в содержании которых это понятие отсутствует. К таковым принадлежат, как справедливо замечает Е. Курилович, формы времени в современном русском языке.

Можно согласиться, что различия между системами времен в славянских (кроме болгарского) и в западноевропейских языках относятся к различиям количественного порядка, поскольку количество времен в данной системе определяется тем, входит ли в содержание категории времени элемент, именуемый Е. Куриловичем „временной вехой“, или нет. В содержании западноевропейских и болгарских форм времени этот элемент присутствует, чем и объясняется наличие в этих языках разветвленной системы времен с двумя рядами форм: относительных и абсолютных. Русским же формам времени, как мы уже говорили, указание на систему отсчета не свойственно: соотношение действия, обозначенного русской формой времени, с „моментом речи“ или со временем какого-либо другого действия выражается в русском языке с помощью других средств (различных обстоятельств времени, временных союзов) или выясняется из общего контекста.

Но совершенно невозможно согласиться с тем, что различие между категориями вида и времени сводится к наличию или отсутствию в их содержании элемента „временная веха“. Часть содержания категории времени, остающаяся по изъятии этого элемента, вовсе не равна содержанию категории вида, а именно „совершенности“, как утверждает Е. Курилович. Именно в этой оставшейся части и кроется различие интересующих нас грамматических категорий. В противном случае невозможно понять, почему в славянских языках, по словам самого Е. Куриловича, „времена все же имеются“³³. Русская форма времени *прочел* есть не только форма совершенного вида, но в то же время и форма прошедшего времени (ср. инфинитив *прочеть*). Понятия „вид“ и „время“ сосуществуют в русских формах времени, и вообще они никогда не переходят одно в другое. Конституирующее содержание форм времени и в западноевропейских языках, действительно едино, но таковым является вовсе не понятие „вида“.

В прежней работе мы попытались найти границу между категорией вида и категорией времени и пришли к выводу, что понятие „совершенности“ вообще не входит в содержание категории времени. Для нас „истинным конституирующим содержанием категории времени“ является не „вид“, а понятие „периода времени совершения действия“, определяемого по грамма-

³³ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 141.

тической системе отсчета³⁴. Об этом подробнее будет сказано ниже. Здесь же вернемся к рассмотрению схемы Е. Куриловича.

Схема проф. Е. Куриловича получает стройность лишь еще при одном условии, на которое уже проф. Е. Курилович идет совершенно сознательно, специально его комментируя. Он выбрасывает из своей схемы формы будущего времени. И только это позволяет ему свести содержание остальных форм времени к комбинации видовых понятий совершенности и несовершенности.

Однако аргументация, на основании которой формы будущего времени выводятся из состава индикатива, представляется неубедительной.

Е. Курилович считает, что формы будущего времени до сих пор включались грамматистами в состав времен индикатива по недоразумению. На сознание исследователей давила логико-математическая схема, на которой прямая линия делится точкой настоящего на две симметричные части — прошедшее и будущее. Е. Курилович пишет: «... недопустимо рассматривать как параллельные противопоставления „момент речи: момент в прошлом“ и „момент речи: момент в будущем“. Нельзя смешивать языковую реальность с логико-математической схемой... По сравнению с настоящим и прошедшим, выражающим действительность, будущее, обозначающее возможность, вероятность, ожидание и т. п., представляет собой наклонение, обозначаемое иногда неуклюжим термином „субъюнктив“ или „конъюнктив“»³⁵. Модальная трактовка форм будущего времени имеет свою традицию в романском языкознании и восходит к работам Е. Лерха и Фосслера^{35а}. Она возникла из стремления объяснить процесс вытеснения „синтетических“ форм будущего времени классической латыни формами перифрастического будущего, базой для которых послужили сочетания, включавшие в себя модальный глагол. Этот процесс Фосслер объясняет сдвигом „вульгарнолатинского понятия будущего в сторону различных модальных значений“³⁶.

Теория о модальном характере категории будущего времени нашла поддержку у многих исследователей. Имеет она своих сторонников и среди болгарских ученых. В настоящее время ее придерживается М. Янакиев, который формы будущего времени выделяет, как и Е. Курилович, в особое наклонение.

³⁴ И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 24—25.

³⁵ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 144.

^{35а} E. Lerch. Die Verwendung der romanischen Futurums als Ausdruck eines sittlichen Sollen. Leipzig, 1919; H. Fossler. Geist und Kultur in der Sprache. Heidelberg, 1925.

³⁶ Цит. по кн.: Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. „Новое в лингвистике“, вып. III. М., 1963, стр. 251—252.

Однако модальное значение форм будущего времени М. Янакиев описывает несколько иначе. Он считает, что граммема будущего времени имеет в своем составе признак, указывающий на „неизбежность, нужность, необходимость“ действия. Е. Курилович и М. Янакиев видят в формах будущего времени только модальное значение, доводя идею, которой они руководствуются, до логического конца. Их предшественники проявляли большую гибкость. Они говорили „о двойственности категории будущего времени“, о том, что в понятии будущего содержится два элемента: объективный и субъективный. Так, Ш. Балли писал: „В момент своего появления форма с *haveo* никоим образом не предназначалась для того, чтобы сделать более ясной идею будущего времени. Эта форма применялась для того, чтобы порвать с чисто интеллектуальным подходом к времени и выразить субъективный элемент, который содержится в идее будущего (долженствование, обязанность, необходимость). Перифрастические формы будущего времени объясняются субъективным восприятием будущего, которое мы воображаем себе прежде всего как отрезок времени, отведенный для наших желаний, наших опасений, наших решений и наших обязанностей“³⁷. Таким образом, под объективным элементом разумеется „идея будущего“, а под субъективным — модальный элемент, который обычно не определяется однозначно, а представляется в виде набора модальных значений, причем набор этих значений, как мы могли убедиться выше, у разных авторов разный.

Обязательно ли присутствие обоих элементов в содержании форм будущего времени? Этот вопрос решается для разных форм по-разному. Объективный элемент — „идея будущего“ — как будто признается обязательным и для „синтетических“ форм будущего времени и для перифрастических. Представление о субъективном элементе скорее связывается с перифрастическими формами, в перифрастических формах считается, что он выражен не так очевидно, так что такие формы даже называют „чисто временными“³⁸.

По своим воззрениям на формы будущего времени ближе всего к Е. Куриловичу его предшественник и учитель А. Мейе, рассуждения которого прямо подводят к идее выделения этих форм времени в особое наклонение, хотя он еще придерживается мнения о двойственности категории будущего времени. В „Очерке истории латинского языка“ А. Мейе противопоставляет формы будущего времени формам прошедшего времени в качестве не сообщающих о действии как об объективном факте. Он пишет: «Процесс в прошедшем — это факт, о кото-

³⁷ Цит. по кн.: Э. Косериу. Указ. соч., стр. 251.

³⁸ Там же, стр. 258—259.

ром говорят объективно, процесса в будущем ждут, на него надеются или его опасаются, невозможно говорить о будущем, не внося в свою очередь определенного оттенка аффективности... Будущее классического латинского, формы которого были часто двусмысленны и которое всегда было недостаточно экспрессивно в народном языке, вышло из употребления. Оно было замещено оборотами, существовавшими еще с эпохи классической латыни, со смысловыми оттенками, определяемыми компонентами этих оборотов: *facere habeo, facere uolō*³⁹.

Выбрасывать из содержания категории будущего времени, как это делают Е. Курилович и М. Янакиев, основной элемент — „идею будущего“ неправомерно. Именно этот элемент, постоянно присутствующий, однозначно определяемый, а не модальный, субъективный элемент, однозначно определяемый и подчас неуловимый, составляет, перефразируя Е. Куриловича, истинное констатирующее содержание категории будущего времени.

Посмотрим теперь, каким образом аргументируется положение о том, что формы будущего времени не являются формами именно будущего времени, что в их содержании идея будущности отсутствует. У Е. Куриловича собственно никакой аргументации не приводится; М. Янакиев уделяет этому вопросу специальное внимание.

В качестве одного из основных доказательств М. Янакиев использует результаты семантического анализа якобы частицы *ще*, являющейся неотъемлемой частью современных форм будущего времени в болгарском языке. М. Янакиев пишет: «Что *ще* в формах будущего времени не является «показателем будущего», подсказывается семантическим анализом самого *ще*. *Ще* — полиморфема в сознании современного болгарина: *щ-* здесь носитель значения, четко выделяемого из множества выражений *щ-а*, *щ-еш*, *щ-е*, *щ-ем* и т. д., а *-е*, без сомнения, функционирует в качестве алломорфа морфемы, означающей настоящее время, т. е. континуативность. Очевидно, что *-е* не является «определятелем будущего». Если *щ-* тоже не означает «в будущем, после момента речи», то «идея будущего» («футурность»), приписываемая так называемым формам будущего времени в современном болгарском языке, оказывается без морфемной опоры. Этимологически *щ-* связано с общеславянским корнем **ch-t-*, означающим 'хотение, желание'. Современная семема *щ-* в болгарском языке расширила свое значение, утратив семон, который позволял описывать состояния только живых существ. Так, теперь семема *щ-* может описывать состояния всяких (живых и неживых) объектов, достаточно того, что эти состояния 'обязательны, нужны, необходимы', а так как семон 'обязательность, необходимость'

³⁹ Цит. по кн.: Э. Косериу. Указ. соч., стр. 258—259.

принадлежит к категории модальных семонов, то оппозиции между граммемами, содержащими этот семон, и граммемами, которые не имеют его в своем составе, следует относить к модальным оппозициям, т. е. граммемы, содержащие этот семон, следует рассматривать в качестве граммем наклонения. Следовательно, и граммема, называемую в руководствах по болгарской грамматике «бъдеще време», надо рассматривать как граммема наклонения, потому что между этой граммемой и граммемой континуатива (называемого «сегашно време») налицо не темпоральная, а модальная оппозиция»⁴⁰.

Мы не случайно употребили выше словечко „якобы“. В приведенном отрывке из статьи М. Янакиева „За грамемите...“ дается по существу не анализ неизменяемой частицы *ще*, входящей в состав форм будущего времени, а анализ формы 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола *ща*. Частица *ще* по происхождению, действительно, является формой глагола *ща*, но функционально в составе аналитической формы будущего времени она в современном болгарском языке с этим глаголом не связана. Ни элемент *щ-*, ни элемент *-е* выделить в ней невозможно. Это одна морфема. В форме 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола *ща* сегмент *-е*, действительно, выделяется, поскольку он служит показателем основы форм 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го лица множественного числа настоящего времени (*щ-еш*, *щ-е*, *щ-е-м*, *щ-е-те*), в отличие от основы форм 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа настоящего времени, характеризующихся нулевым показателем основы (ср. *щ-а*, *щ-ат*). В формах будущего времени в качестве показателя лица выступают окончания форм настоящего времени знаменательного глагола, которые составляют вторую неотъемлемую часть аналитических форм будущего времени.

Частица же *ще* в формах будущего времени для всех трех лиц и в единственном, и во множественном числе остается без изменений, и выделять в ней фонему [e] в качестве самостоятельной морфемы нет никаких оснований. Признак настоящего времени, содержащийся в основе спрягаемого элемента форм будущего времени, нейтрализуется именно благодаря наличию частицы *ще*, которая служит грамматическим показателем будущего времени. Поэтому более чем странно говорить о том, что „идея будущего“ („футурности“) в „формах будущего времени в современном болгарском языке оказывается без морфемной опоры“.

Необходимо раз и навсегда отвлечься от генезиса категории будущего времени и в частности от генезиса перифрастических (сложных) форм будущего времени при решении чисто синхронных задач — определения функционирования форм будущего времени

⁴⁰ М. Янакиев. Указ. соч., стр. 426—427.

в современных языках, в частности в современном болгарском языке. Формы будущего времени в болгарском языке, действительно, возникли из сочетаний с модальными глаголами. Но когда эти конструкции стали употребляться в качестве форм будущего времени, глагол *хсѣти* стал выступать в качестве грамматического показателя будущего времени и, естественно, утратил свое лексическое, модальное, значение, следствием чего в конечном счете было превращение его в частицу.

Как известно, в омонимических конструкциях типа *хсѣж ити* и т. п. в тех случаях, когда глагол *хсѣж* употреблялся в своем прямом лексическом значении ('хочу'), он, претерпев некоторые фонетические преобразования, сохранил личные флексии настоящего времени (в том числе форму 3-го лица единственного числа). Глагол *хсѣти* в этой конструкции и вся конструкция в целом по-прежнему, хотя и редко, употребляется в значении настоящего времени, и никогда не имеет значения будущего времени. Таким образом, в современном болгарском языке частица *ще* представляет собой только омоним к форме 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола *ща*. Она может быть поставлена в ряд с частицей *да*, но никак не с личными формами настоящего времени глагола *ща*, она так же неразложима, как и частица *да*.

Возникновение омонима в конструкции *хсѣж + infinitiv* означало, что семантическое содержание глагола *хсѣж* в этих уже двух материально еще тождественных конструкциях стало различным. В одной глагол *хсѣти* сохранял свою прежнюю семантику, в другой эта старая семантика в конце концов исчезла.

То, что пишет М. Янакиев о расширении значения семемы *ще* в приведенной выше цитате, относится, по нашему мнению, только к частице *ще* в формах будущего времени, но не к глаголу *ща*. Возможность употребления при подлежащих, обозначающих неодушевленные предметы, этих конструкций свидетельствует именно об утрате глаголом *хсѣти* лексического значения.

В качестве другого доказательства отсутствия в содержании болгарских форм будущего времени „идеи будущности“ М. Янакиев использует те случаи употребления этих форм, где они употребляются для обозначения, как он считает, прошедших и настоящих действий. Он пишет: «Если *ще* был бы показателем „будущего“, то невозможно было бы его употребление в выражениях, относимых контекстными определителями к прошлому, потому что логическая сущность этих выражений была бы неистинной, т. е. таким выражениям не соответствовала бы никакая реальная ситуация. В современном же болгарском языке вполне возможны выражения, содержащие в рамках одного предиката и *ще*, и указывающий на прошлое контекстный определитель. Примеры: 1. Знаеш ли какво стана? Вчера в 5 часът, тъкмо ще излизаме и на вратата се звънва. 2. Добър човек беше покой-

ният ни съсед, помагаше ни — децата ни ще нагледа, като купува едино-друго от пазара, и за нас ще купи я грозде, я праскови, а да му платим това, дето ни е купил, и дума да не става. 3. Излезе ли Иван? — Ще излезе да не мислиш, че тебе ще чака.

Ще употребляется и в выражениях, которые контекстные определители совершенно очевидно относят к моменту речи. Это также было бы невозможно, если бы *ще* было „показателем будущности“. Примеры: 4. Ама Митко седнал да учи. — Ще учи я, няма само да хойка. 5. Гледай ти, моторът вече работи. — Ще работи, как няма да работи, намери си и той майстора»⁴¹.

Отметим прежде всего, что ни в одном из примеров, приведенных М. Янакиевым, частицу *ще* невозможно интерпретировать как форму 3-го лица ед. числа глагола *ща*. Это обнаруживается при переводе этих предложений на русский язык:

1. *Знаеш ли, что произошло. Вчера в пять часов только мы собрались выйти, как кто-то позвонил в дверь.* 2. *Добрый человек был наш сосед, помогал нам — за детьми приглядит, когда пойдет на рынок, и нам купит виноград или персики, а о том, чтобы заплатить ему за то, что он купил, и речи нет.* 3. *Ушел ли Иван? — Уйдет, не думай, что будет тебя ждать.* 4. *Митя-то сел за уроки. — Как же будет учиться, а не только баклуши бить будет.* 5. *Смотри-ка, мотор уже работает. — Будет работать, почему не будет работать, нашел себе мастера.*

Мы видим, что ни в одном из предикатов нет и следа лексического значения глагола *хотеть*, но зато в том случае, когда болгарские формы употребляются для обозначения действия, время совершения которого определяется относительно момента речи, они переводятся русскими формами будущего времени (см. примеры 3, 4, 5).

Формы будущего времени в болгарском языке, впрочем, как и в русском, относятся к числу абсолютных, а лучше сказать неотносительных времен (см. об этом ниже, стр. 34), т. е. они вовсе не всегда определяют время действия, ими обозначаемого, относительно момента речи, как это пишется и в русских, и в болгарских грамматиках. Формы будущего времени могут также обозначать действия, время которых определяется по отношению к действиям прошедшим, т. е. выступать в значении относительного будущего, с чем мы и имеем дело в первых двух примерах, приводимых М. Янакиевым. В остальных примерах формы будущего времени употребляются в своем главном значении — абсолютного будущего. Рассмотрим один из этих примеров. Так, в третьем примере из вопроса *Излезе ли Иван* вовсе не следует, что Иван действительно ушел, более того,

⁴¹ М. Янакиев. Указ. соч., стр. 426 (нумерация примеров введена нами для удобства, в тексте у Янакиева ее нет).

то обстоятельство, что в первой части ответа употреблена форма будущего времени *ще излезе*, а не прошедшего времени, скорее дает основание предполагать, что Иван еще не ушел. И вторая часть ответа, ... *да не мислиш, че тебе, ще чака*, которая, на первый взгляд, как будто бы может дать повод подумать, что речь идет о прошедшем событии, на самом деле подтверждает предположение о присутствии Ивана и о том, что он только еще намеревается уйти. Если бы это было не так, то вместо формы „да + настоящее время“, мы скорее в праве были бы здесь ожидать форму настоящего или прошедшего времени индикатива. Ср. следующие две русские фразы, первая из которых является переводом примера, приведенного М. Янакиевым: 1. *Иван ушел? — Уйдет, не думай, что будет тебя ждать!* 2. *Иван ушел? — Ушел, думаешь (думал) ждать тебя будет.* Форма *ще чака* имеет в примере М. Янакиева значение относительного будущего, как и русская форма *будет ждать* в нашем примере.

В четвертом примере (в словах *ще учи, няма само да хойка*) содержится угроза на будущее, в пятом — уверенность и в дальнейшей исправной работе мотора.

Впрочем, следует заметить, что контексты, приведенные М. Янакиевым, явно недостаточны для полного смыслового анализа.

Отрицая наличие форм будущего времени в болгарском языке, М. Янакиев считает, что существование их было бы излишним, так как приуроченность действия к будущему времени может быть легко выражена сочетанием форм настоящего времени с так называемыми определителями будущего времени (под определителями времени М. Янакиев подразумевает наречие и именные конструкции со значением времени). Несостоятельность этого аргумента совершенно очевидна, так как на том же основании можно считать излишними и формы прошедшего времени, поскольку отнесенность к периоду прошлого тоже можно выразить сочетанием форм настоящего времени, с определителями прошедшего времени. Более того; это рассуждение можно применить не только к болгарскому, но и к любому другому языку, ср. в русском: *Иду я вчера по улице и вижу: идет мой знакомый.* Наличие в этой фразе наречия *вчера*, безусловно, указывает на отнесенность действий, выраженных формами настоящего времени *иду, вижу, идет*, к периоду, предшествовавшему моменту речи.

Однако временные глагольные формы вовсе не являются в языке избыточными, и временные определители, как мы покажем в дальнейшем, не могут выполнять их функции.

Присутствие частицы *ще* в формах будущего времени в предложениях с одноименным определителем времени столь же целесообразно, сколь целесообразно употребление форм прошедшего времени с одноименным определителем времени. Как присутствие одноименного определителя времени не делает формы прошедшего вре-

мени формами настоящего времени, так и формы будущего времени не становятся ими в присутствии определителя времени, указывающего на будущее. Таким образом, возможность употребления форм будущего времени в предложениях с определителями времени, указывающими на будущее, никак не могут служить доказательством отсутствия в содержании частицы *ще* „идеи будущего“.

Е. Курилович связывает традицию грамматистов рассматривать формы будущего времени в ряду форм других времен, а не в ряду форм наклонений, как следовало бы делать, по его мнению, с предрассудком рассматривать логико-математическую схему в качестве модели времен естественных языков. Она действительно является плохой графической моделью времен. Но предлагаемую Е. Куриловичем графическую модель тоже вряд ли можно признать удачной. В части, касающейся форм будущего времени, она не соответствует действительности, а в части, касающейся форм прошедшего и настоящего времени, она повторяет недостатки старой схемы, о чем смотри ниже (стр. 40). Здесь же заметим следующее. В том, что до сих пор в грамматиках формы будущего времени включались в систему времен индикатива, повинна не логико-математическая схема, а сама языковая реальность. Логико-математическая схема лишь помогает осмыслить тот параллелизм противопоставлений „формы прошедшего времени ~ формы настоящего времени“ и „формы будущего времени ~ формы настоящего времени“, против которого восстает Е. Курилович. Однако этот параллелизм является отражением той самой „языковой реальности“, на которую Е. Курилович стремится опереться в решении вопроса о формах будущего времени. Параллелизм мы усматриваем в следующем. Хотя в основе этих противопоставлений лежат разные признаки: в основе первого — признак, указывающий на отнесенность действия к прошедшему периоду, определяемому по грамматической системе отсчета, а в основе второго — признак, указывающий на отнесенность действия к будущему периоду, определяемому по той же системе отсчета (в том и другом противопоставлении носителем признака выступает не настоящее время), тот и другой являются признаками одного порядка: они имеют прямое отношение к временной характеристике действия, являются элементами этой характеристики. Поэтому для нас формы будущего времени занимают свое место в системе времен индикатива на тех же законных основаниях, на каких имеют свои места в этой системе и другие формы времени: формы прошедшего времени и формы настоящего времени.

Граммема будущего времени, как и граммема прошедшего и настоящего времени, кроме временного компонента, который у всех у них различен, имеют общий компонент, указывающий на их принадлежность к индикативу. Индикатив же в противо-

поставлениях другим наклонениям всегда занимает место немаркированного члена. В качестве форм индикатива формы будущего времени, как и формы других времен индикатива, могут обозначать как действительные факты (действия), так и недействительные факты (действия), т. е. такие действия, осуществление которых говорящий считает желательными, возможными, неизбежными, нужными и т. д.

Граммема будущего времени не содержит в себе „неиндикативного компонента“, как не содержат его и другие граммемы времен индикатива. Другое дело, что формами времени индикатива, в том числе и формами будущего времени, могут обозначаться действия, осуществление которых говорящий считает желательным, возможным, неизбежным, нужным и т. д. Формы индикатива в противопоставлении формам других наклонений всегда занимают место неотмеченного члена. В этом суть синкретизма форм времени индикатива. Они „представляют действие с фактической стороны“⁴², „выражают действительность“⁴³. Но это только их одно, правда, главное значение — в этом значении ни одна из форм других наклонений не выступает, — но не единственное. Формы времен индикатива могут выступать в значениях, свойственных формам других наклонений, повелительного, условного, конъюнктива (см. третью часть настоящей работы). В болгарских грамматиках тоже обычно отмечаются такие случаи употребления времен⁴⁴.

§ 6. В интерпретации системы времен современного болгарского языка мы следуем направлению, которое нашло отражение в работах Т.-Балана, Л. Андрейчина и их последователей⁴⁵. Это направление признает тезис Гавранка о независимости категорий вида и времени и кладет его в основу своих исследований. Стремясь к чисто хронологической интерпретации временной системы болгарского языка, сторонники этого направления описывают ее в терминах абсолютных и относительных времен. Наличие в болгарском языке форм будущего времени ими не ставится под сомнение; они получают соответствующее место в системе времен индикатива. Формы же пересказывательных времен выделяются в особую систему, противопоставленную системе форм времени индикатива, по нехронологическому признаку. Мы рассматриваем

⁴² Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1956. стр. 229 (Андр.).

⁴³ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 144.

⁴⁴ Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956. стр. 239 (Очерк).

⁴⁵ Мы имеем в виду следующие работы молодых болгарских лингвистов: М. Деянова. Към въпроса за функционалния развой на перфекта в славянските езици. „Славистичен сборник“. София, 1963, стр. 53—69; О на же. За отношението между аориста и перфекта в старобългарския език. „Български език“, 1965, кн. 2, стр. 97—109; В. Станков. Имперфектът в съвременния български книжовен език — презенс в миналото. „Български език“, 1965, кн. 3, стр. 193—207; и др.

это направление как наиболее перспективное и стремимся в своей работе по мере возможности развивать его основные идеи.

§ 7. Прежде чем непосредственно обратиться к описанию модели времен болгарского языка сделаем следующую оговорку, касающуюся состава времен. В настоящей работе основное внимание уделяется тем формам времени индикатива, которые с древнейшей поры употребляются в памятниках письменности на протяжении всего исследуемого периода, и прежде всего формам прошедших времен: аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем, перфекта. Некоторые формы времени, редко употребляемые и в современном литературном языке и не обнаруженные нами в обследованных памятниках, в работе вообще не рассматриваются.

С тех пор как в болгарском языке сформировалась граммема будущего времени, набор граммем не менялся.

Потенциальные возможности системы времен в смысле расширения круга граммем времени внутри индикатива не были реализованы ни в среднеболгарский, ни в новоболгарский периоды и остаются нереализованными и по сию пору. Более того, намечается как будто бы тенденция к свертыванию, которая находит себе выражение в некотором расширении содержания граммемы перфекта⁴⁶. Однако факты, ее подтверждающие, встречаются редко, поэтому надежность этого наблюдения нельзя пока признать достаточно очевидной⁴⁷.

В болгарском языке различается восемь граммем: настоящее время (Н), будущее время (Б), аорист (А), имперфект (И), плюсквамперфект (Пл), перфект (П), будущее в прошедшем (БвПр).

В книге о системе времен в старославянском языке мы выделяли еще одну граммему „будущее в настоящем“, которую, правда, мы могли проиллюстрировать только двумя примерами, извлеченными из Марииинского евангелия⁴⁸. Выделение этой граммемы вызвало возражения рецензентов, по-видимому, справедливые⁴⁹.

Формы настоящего времени глагола *хотѣти* в сочетании с инфинитивом знаменательных глаголов уже в древнейших средне-

⁴⁶ См.: Е. И. Демина. Система прошедших времен..., стр. 111; М. Деянова. Към въпроса..., стр. 56—58.

⁴⁷ Не исключена возможность, что приводимые обычно в доказательство примеры при более тщательном анализе с использованием более широкого контекста, чем тот, в котором обычно цитируются интересующие нас формы, могут получить иную интерпретацию, не расходящуюся с интерпретацией остальных случаев употребления форм перфекта. По крайней мере в обследованном нами материале такого рода примеры исчисляются единицами, что свидетельствует об их случайном характере и дает основание расценивать их как индивидуальную ошибку писцов.

⁴⁸ И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 133—138.

⁴⁹ G. Janke. [рец]. И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959. — „Zeitschrift für slawistik“, V. IV, N. 2. Berlin, 1961, стр. 287—290.

болгарских памятниках всегда являются полным эквивалентом форм настоящего времени глагола *имати* в сочетании с инфинитивом, употребляемых в отрицательных конструкциях. И те, и другие формы являются формами будущего абсолютного, а не „будущего в настоящем“. Такое положение сохраняется на протяжении всей истории болгарского языка, несмотря на существенные преобразования, произошедшие в этих сочетаниях⁵⁰. Форма „*ще* + настоящее время“, являющаяся конечным результатом преобразований, пережитых первым сочетанием, в современном болгарском литературном языке выступает в качестве варианта будущего абсолютного в утвердительных конструкциях, а форма „*няма* + *да* + настоящее время“, представляющая конечный результат преобразований, произошедших со вторым сочетанием, является, вариантом будущего абсолютного, употребляемым в отрицательных конструкциях.

Набор дифференциальных признаков, сочетанием которых образуются перечисленные выше граммемы категории времени в болгарском языке, остался тем же, каким он был в древний период его развития (см. ниже табл. 3 на стр. 41).

Все это, как нам представляется, дает основание утверждать, что никаких принципиальных сдвигов в системе времен болгарского языка за исторический период его развития не произошло. Это, однако, вовсе не значит, что эта система не развивалась, не претерпевала никаких изменений, но это свидетельствует о том, что изменения эти происходили в рамках системы, не затронув ее основ.

Сравнение разновременных редакций и переводов евангельских текстов, относящихся к разным периодам истории болгарского языка, показало, что во всех редакциях и переводах в аналогичных местах евангельского текста в громадном большинстве случаев от 88 до 99% использованы те же самые временные формы или их диахронические варианты в том же самом значении, что и в тексте Мариинского евангелия, система времен которого была предварительно описана и которое было использовано в качестве эталона при сравнении (см. III часть настоящей работы).

Что касается разночтений, т. е. различий в использовании спрягаемых форм индикатива, которые подробно анализируются в том же разделе, то устойчивость состава типов разночтений, характерная для всех редакций евангельских текстов всех периодов, опять-таки свидетельствует о неизменности тех коррелятивных отношений, которые существовали в древнейший период.

Количественные характеристики различных типов разночтений изменились. Употребительность форм относительных времен возросла, но расширения объема значений форм относительных времен за счет абсолютных времен не происходит. В подавляющем

⁵⁰ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., стр. 191—192.

большинстве случаев замены осуществляются в пределах, допускаемых системой времен болгарского языка.

Появление в болгарском языке категории пересказывания на системе времен индикатива не отразилось в том смысле, что объем значений форм времени индикатива, связанный с категорией времени, не изменился. Внешнее выражение это находит в том, что никаких изменений в составе времен индикатива и в системе их противопоставлений внутри индикатива не произошло.

Однако мы не хотим сказать, что общий состав значений форм времени индикатива с появлением категории пересказывания не изменился. Мы хотим только сказать, что появление в содержании форм времени индикатива этих новых значений не отразилось на составе значений, связанных с категорией времени, как не оказывает на него никакого влияния наличие в содержании форм времени индикатива значений, связанных с категорией наклонения. Все эти три области частных грамматических значений мирно сосуществуют в содержании форм времени индикатива, потому что противопоставление их в качестве форм индикатива другим наклонениям и пересказыванию идет совершенно в разных плоскостях.

Не затрагивает временных значений форм индикатива появление в болгарском языке и такой корреляции как „настоящее историческое ~ аорист“, где место маркированного члена занимает настоящее время в отличие от чисто хронологической корреляции „аорист ~ настоящее“, в которой это место занимает аорист. Ведь формы „настоящего исторического“ употребляются с целью оживления повествования. Употребление форм „настоящего исторического“ дает возможность представить действие как непосредственно воспринимаемое, а не воспроизводимое по памяти.

Перейдем теперь непосредственно к описанию системы времен болгарского языка.

МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ
В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Глава I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Всякое действие как факт экстралингвистического плана сообщения может иметь или не иметь временную характеристику, наличие и степень сложности которой определяется по усмотрению автора данного сообщения. Например, автор по своему усмотрению может сообщить или не сообщить календарную дату действия, его протяженность во времени и т. п.

§ 2. Однако всякое действие, обозначенное временными глагольными формами, обязательно получает грамматическую временную характеристику, предусмотренную механизмом самого языка.

Эту грамматическую временную характеристику можно назвать датировкой событий по грамматической системе отсчета. Грамматическая датировка [событий во многих отношениях вполне аналогична датировке событий по календарной системе отсчета. Подобно календарной датировке, грамматическая датировка включает в себя указание на точку отсчета и указание на период совершения действия (период действия = ПД) по отношению к этой точке отсчета. В качестве абсолютной точки отсчета в грамматической системе используется только время акта коммуникации („момент речи“), единственного события экстралингвистического плана, с которым всегда связано всякое сообщение.

То обстоятельство, что абсолютная точка отсчета в грамматической датировке является событием экстралингвистического плана и что любое сообщение связано с этим событием, и позволяет легко перейти от грамматической системы отсчета к любой экстралингвистической системе отсчета.

Периоды действия делятся на прошедшие, настоящие и будущие по отношению к точке отсчета на оси времени: прошедшим периодом называется произвольной длины отрезок временной оси влево от точки отсчета, будущим периодом — произвольной длины отрезок временной оси вправо от точки отсчета, настоящим периодом называется произвольной длины отрезок временной оси, включающий в себя точку отсчета.

Следует иметь в виду, во-первых, что слово „точка“ употребляется здесь в значении „веха“ и не обозначает „точечного“, т. е. лишенного протяженности во времени события, и, во-вторых, что понятию „настоящий период“ присуще, как отметил О. Есперсен, свойство иметь самые различные границы в зависимости от обстоятельств, подобно тому, как местоимение „мы“, может охватывать „разное количество лиц“, причем требуется соблюдение только одного условия: включение в это число говорящего лица¹.

Сравнение О. Есперсена можно распространить на понятия прошедшего и будущего периодов. Они также, как и в настоящий период, могут иметь различные границы с той разницей, что ни тот, ни другой не могут включать в себя „точку отсчета“, которая служит для одного из них (прошедший период) конечным пределом, а для другого (будущий период) — начальным пределом.

Акт коммуникации, как уже говорилось, является единственным фактом экстралингвистического плана, который может являться и всегда является точкой отсчета при лингвистической датировке действия, но он не является единственной возможной точкой отсчета при лингвистической датировке, как мы увидим ниже. Однако все остальные возможные точки отсчета, используемые в разных естественных языках, во-первых, необязательны и, во-вторых, оказываются не абсолютными, а относительными точками отсчета, всегда так или иначе соотносимыми с абсолютной точкой отсчета — актом коммуникации.

В относительной грамматической системе отсчета времени в качестве точки отсчета, а лучше момента отсчета (МО) может выступать время любого события, ставшего предметом сообщения и, следовательно, уже датированного по абсолютной грамматической системе отсчета времени. Это событие не всегда бывает названо в речи, но в таком случае период времени его совершения относительно абсолютного МО (= момента речи) должен быть очевиден для говорящих из ситуации высказывания, в целом.

Грамматическая система отсчета времени отличается от календарной и средствами выражения. Для выражения календарной хронологии служат неглагольные формы — всякого рода обстоятельственные слова и словосочетания. В выражении грамматической хронологии действий всегда принимают участие глагольные формы времени или самостоятельно, или в сочетании с другими грамматическими и лексическими средствами.

Календарная и грамматическая системы отсчета могут сосуществовать в тексте, дополняя одна другую. Но можно набрать сколько угодно фраз, в которых календарная хронология события, служащего предметом сообщения, окажется невыраженной, между тем как нет ни одной фразы, в которой не была бы выражена грамматическая хронология события, служащего предметом

¹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 302—303.

сообщения. Обязательность выражения грамматической хронологии вытекает непосредственно из того обстоятельства, что без глагольных форм времени, которые являются основным средством ее выражения, в болгарском языке нельзя образовать сказуемого, центрального члена предложения, без которого вообще нет предложения, а глагольные формы времени и служат грамматическим средством указания на грамматический период времени совершения действия.

Указание на то, по какой грамматической подсистеме отсчета времени, абсолютной или относительной, определяется грамматический период времени совершения действия, может выражаться глагольными формами времени, но может выражаться и другими средствами.

Именно поэтому формирующим содержание категории времени является понятие грамматического периода времени совершения действия, или короче — грамматический ПД.

Это означает, что глагольные формы времени указывают на положение данного действия на временной оси по отношению к моменту отсчета, однако указание на то, что именно принято за МО (т. е. абсолютный это или относительный МО) глагольная форма времени может выражать в одних случаях, а в других может не выражать. В каких случаях глагольная форма времени указывает, что именно принято за МО, мы скажем ниже.

Славянские языки позволяют реконструировать максимальную глагольную систему времен, предполагающую различие трех периодов времени — прошедшего, будущего и настоящего — и четырех подсистем отсчета времени (если в этой модели не учитывать причастных форм) — абсолютной и трех относительных. Так как особых названий для относительных систем отсчета не существует, мы их перенумеруем римскими цифрами и будем называть I относительной системой отсчета времени, такую, в которой МО служит время прошедшего действия, грамматический период совершения которого по абсолютной системе определяется как прошедший; II относительной системой отсчета будем называть такую, в которой за МО берется время действия, относимого к настоящему периоду и III относительной системой отсчета — такую, в которой за МО берется время будущего действия.

§ 3. Адекватное выражение в языке грамматической системы отсчета предполагает наличие в системе времен 12 грамм времени. Между тем в славянских языках мы имеем дело с системами времен, различающими меньшее число грамм. Такие языки, как болгарский, македонский, характеризующиеся максимальным набором грамм времени, насчитывают только 8, а не 12 грамм времени. Но есть славянские языки, в которых имеется всего лишь три граммы времени.

Соответственно содержание грамматической категории в этих языках будет различным. В тех языках, где насчитывается более

трех граммем времени, формами времени выражаются не только различия между грамматическими периодами времени, но и различия, имеющие место между абсолютным и относительными моментами отсчета времени.

Однако различия в составе времен, наблюдаемые между отдельными языками, зависят не только от того, различаются ли глагольными формами времени грамматические подсистемы отсчета времени, но также и от того, сколько и какие грамматические периоды времени различаются с помощью глагольных форм времени. В разных языках в различные периоды их развития временной континуум носителями языка может члениться по-разному.

Максимально в пределах одной системы отсчета всегда имеются две возможности, когда вычленяются одновременно и прошедший и будущий периоды времени, как это наблюдается в современных славянских языках.

Но возможен и такой язык, в котором будет вычленяться только один период — прошедший. В таком случае понятие будущего у носителей языка еще не сформировалось или еще не грамматизировалось. Исторически этот тип членения временного континуума предшествовал максимальному.

По-видимому, вообще категория глагольного времени возникает как категория, опирающаяся на противопоставление по признаку: „прошлое ~ непрошлое“. Это минимальные условия, при которых можно констатировать наличие в языке грамматической категории времени.

В сравнительно недалеком прошлом в славянских языках форм будущего времени не было. Славянская система времен основывалась на противопоставлении по признаку „прошлое ~ непрошлое“. Такая система времен с очевидностью восстанавливается для праславянского периода, но некоторые исследователи и старославянскую систему времен склонны интерпретировать как систему, характеризующуюся отсутствием граммы будущего времени². Однако нам представляется, что уже в древнейших памятниках славянской письменности находит себе отражение сдвиг, произошедший в славянской системе времен в связи с грамматизацией понятия будущего³. Поэтому возникновение нового противопоставления по признаку „будущее ~ небудущее“ мы склонны относить к концу праславянского периода. Процесс унификации средств выражения граммы будущего времени в славянских языках шел медленно и затянулся, особенно в болгарском языке, захватив значительную часть его письменной истории⁴.

² Д. Иванова-Мирчева. Развой на бъдеще време (futurum) в българския език от X до XVIII век. София, 1962, стр. 211.

³ И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, стр. 53.

⁴ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч. стр. 211.

МАКСИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

§ 1. Максимальное развитие категории времени, как мы уже говорили, предполагает присутствие в системе времен двенадцати граммем, которые противопоставляются по пяти дифференциальным признакам. Описанию этой максимальной модели грамматической категории времени посвящается настоящий раздел.

Однако прежде сделаем несколько замечаний по поводу терминов и выражаемых ими понятий, которые мы используем в своем описании.

§ 2. Основными терминами, которые мы используем при описании модели грамматического времени, являются: грамматическая категория, дифференциальный признак, значение дифференциального признака, граммема. Все термины, кроме термина „значение дифференциального признака“, употребляются для обозначения тех же понятий, для которых они используются в „Опыте описания русского языка в его письменной форме“ З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой (М., 1964).

Понятие „значение дифференциального признака“ мы используем несколько по-другому, чем авторы названной выше грамматики русского языка.

Для них признак может принимать два значения: положительное и отрицательное. Признак принимает положительное значение в маркированной форме, что означает, что данная форма содержит элемент, указывающий на признак, лежащий в основе противопоставления немаркированной форме. Отрицательное значение признак принимает в немаркированной форме, что означает, что данная форма не содержит элемента, указывающего на признак, лежащий в основе ее противопоставления маркированной форме.

Мы же предлагаем пользоваться термином „значение дифференциального признака“ несколько в ином смысле. Мы тоже предлагаем различать два значения признака: прямое (положительное)

и противоположное (отрицательное). Под прямым значением мы разумеем значение маркированного члена противопоставления, под противоположным — то значение немаркированного члена, которое является собственным, в терминологии Р. О. Якобсона, главным значением этого члена и которое присутствует в его содержании наряду с прямым значением (= значением маркированного члена). Для нас содержание маркированного члена составляет прямое значение признака, а содержание немаркированного члена складывается из прямого (= положительного) и противоположного (= отрицательного) значений признаков.

Использование терминов „отрицательное значение“ и „положительное значение“ признака в указанном смысле при анализе на уровне граммем представляется целесообразным. Оно позволяет количественно выразить асимметрию в содержании элементов привативной оппозиции, а тем самым преодолеть неоднозначность термина немаркированность и выразить синкретизм содержания немаркированного члена.

Рассмотрим пример, который использует Р. О. Якобсон⁵.

Слово *теленки* образует корреляцию со словом *телка* по признаку пола. Положительным значением признака будет 'особь женского пола', отрицательным — 'особь не-женского пола, т. е. мужского пола'. Маркированным членом корреляции является слово *телка*, потому что оно во всех контекстах, т. е. и при совместном употреблении со словом *теленки*, и в изолированном употреблении, всегда принимает только одно, положительное значение признака, а именно значение 'особь женского пола'. Немаркированным членом противопоставления выступает слово *теленки*, которое в совместном употреблении всегда принимает отрицательное значение признака, т. е. значение 'особь мужского пола', но в изолированном употреблении может принимать и отрицательное и положительное значения. Хотя мы, действительно, только из контекста узнаем, какое именно значение принимает немаркированная форма, в данном случае *теленки*, тем не менее два противоположных значения выделяются в содержании этой формы в качестве частных грамматических, а не контекстных значений, благодаря тому, что есть слово *телка*, которое принимает всегда только одно значение.

Об отрицательном значении признака в том смысле, который мы имеем здесь в виду, как-то мало говорят, когда строят корреляции, выделяют дифференциальные признаки, формирующие грамматическую категорию. Между тем использование этого понятия представляется необходимым, так как отрицательное (про-

---

⁵ См. его работу по русскому глаголу: R. Jakobson. Zur Struktur der russischen Verbum. „A Prague School Reader in Linguistics“. Compiled by Yosef Vachek. Bloomington, 1964, стр. 348.

твояположное) значение дифференциального признака является обязательным элементом, формирующим граммему, выступающую в качестве неотмеченного члена корреляции. Наличие положительного значения в ее содержании тоже обязательно, но недостаточно, чтобы можно было констатировать, что данная граммема образует корреляцию с граммемой, характеризующейся наличием в ее составе только положительного значения признака. Ср., например, такие пары *девочка—мальчик*, *профессор* (мужчина)—*профессор* (женщина), *водитель—шофер*, которые не составляют корреляции по признаку пола.

Таким образом, синкретизм является обязательным для граммемы, выступающей в качестве неотмеченного члена корреляции, и содержание его совершенно определено: оно складывается из суммы положительного и отрицательного значений того признака, который лежит в основе противопоставления граммем, т. е. оно $= (+A) + (-A)$, но не $(+A) + (+B)$, где буквами А и В обозначены разные признаки. Значение другого признака (В) может присутствовать в содержании граммемы, но оно не оказывает никакого влияния на противопоставление граммем по признаку А.

§ 3. Дифференциальные признаки, формирующие грамматическую категорию времени, можно разделить на две группы соответственно двум элементам, из которых складывается понятие грамматического времени.

В первую группу объединяются два признака, указывающие на различия, имеющие место между грамматическими периодами времени совершения действия.

Прошедший и будущий периоды противопоставляются настоящему как такие периоды действия, которые характеризуются несовпадением с „моментом отсчета“ (МО). Несовпадение с МО может быть двоякого рода: не совпадающий с МО период действия может предшествовать МО и может следовать за МО.

Соответственно будем различать признак, означающий несовпадение первого рода, и признак, означающий несовпадение второго рода. За отсутствием специальных терминов перенумеруем эти дифференциальные признаки арабскими цифрами. Признак, отмечающий различия между прошедшим периодом действия и настоящим периодом действия, обозначим цифрой 1; признак, отмечающий различия между будущим периодом действия и настоящим периодом действия, — цифрой 2.

Положительным значением 1-го признака будет значение 'предшествующий период действия' или 'прошедший период действия', т. е. такой период действия, который характеризуется несовпадением с МО первого рода; отрицательным, т. е. противоположным значением 1-го признака будет 'непредшествующий период действия', или 'непрошедший период действия' т. е. такой период действия, который не характеризуется вообще несовпадением с МО, т. е. настоящим периодом действия'.

Положительным значением 2-го признака будет значение 'будущий период действия', т. е. такой период действия, который характеризуется несовпадением с МО второго рода, отрицательным значением 2-го признака будет 'небудущий период действия', т. е. такой период действия, который не характеризуется несовпадением с МО, т. е. 'настоящий период действия'.

Во вторую группу объединяются три признака, указывающие на различия, имеющие место между грамматическими системами отсчета.

Назовем „момент отсчета“ абсолютной грамматической системы—абсолютным, а 'момент отсчета' относительной грамматической системы—относительным.

Три относительные грамматические системы отсчета времени противоплагаются абсолютной грамматической системе отсчета времени как такие, которые характеризуются тем, что имеют в качестве „момента отсчета“ не абсолютный МО, а относительный: или „прошедший момент“ (I относительная грамматическая система отсчета), или „настоящий момент“ (II относительная грамматическая система отсчета), или „будущий момент“ (III относительная грамматическая система отсчета).

Итак, мы можем сказать, что имеется три вида относительных МО (прошедший, настоящий и будущий), каждый из которых противоплагается абсолютному МО, как не являющийся МО абсолютной грамматической системы отсчета времени.

Перенумеруем дифференциальные признаки второй группы соответственно относительным грамматическим системам отсчета времени римскими цифрами.

Признак, отмечающий различия между прошедшим относительным МО и абсолютным МО, обозначим римской цифрой I; признак, отмечающий различия между настоящим относительным МО и абсолютным МО, — цифрой II; признак, отмечающий различия между будущим относительным МО и абсолютным МО, — цифрой III.

Эти признаки будут принимать следующие положительные и отрицательные значения.

Положительным значением I признака будет значение 'прошедший относительный МО', отрицательным — 'абсолютный МО', т. е. 'момент речи'; положительным значением II признака будет значение 'настоящий относительный МО', отрицательным — 'абсолютный МО'; положительным значением III признака будет 'будущий относительный момент отсчета', отрицательным — 'абсолютный МО' (табл. 1);

§ 4. Грамматическая категория времени образуется противопоставлениями следующих двенадцати граммем: тремя граммемами неотнесенных времен: прошедшего (П), настоящего (Н), будущего (Б) и девятью граммемами относительных времен, которые слагаются из трех граммем относительных времен I относитель-

**Дифференциальные признаки грамматической категории
времени и их значения**

Группа признаков	Признак	Положительное значение	Отрицательное значение
Первая	1-й	прошедший ПД	настоящий ПД
	2-й	будущий ПД	
Вторая	I	прошедший МО	абсолютный МО (момент речи)
	II	настоящий МО	
	III	будущий МО	

ной подсистемы времен: прошедшего первого (Π_1), настоящего первого (H_1), будущего первого (B_1), трех грамм относительных времен II относительной подсистемы времен: прошедшего второго (Π_2), настоящего второго (H_2), будущего второго (B_2) и трех грамм относительных времен III относительной подсистемы времен: прошедшего третьего (Π_3), настоящего третьего (H_3), будущего третьего (B_3). Перечисленные граммы категории времени образуются сочетанием положительных и отрицательных значений пяти дифференциальных признаков, описанных выше.

Т а б л и ц а 2

Состав грамматической категории времени

Наименование граммы времени		Дифференциальный признак					
		1-я группа		2-я группа			
		1	2	I	II	III	
Неотносительные времена	Настоящее (Н)	+ -	+ -	+ -	+ -	+ -	
	Прошедшее (П)	+ 0	0 0	+ -	+ -	+ -	
	Будущее (Б)	0 0	+ 0	+ -	+ -	+ -	
Относительные времена	I	Настоящее первое (H_1)	+ -	+ -	+ 0	0 0	0 0
		Прошедшее первое (Π_1)	+ 0	0 0	+ 0	0 0	0 0
		Будущее первое (B_1)	0 0	+ 0	+ 0	0 0	0 0
	II	Настоящее второе (H_2)	+ -	+ -	0 0	+ 0	0 0
		Прошедшее второе (Π_2)	+ 0	0 0	0 0	+ 0	0 0
		Будущее второе (B_2)	0 0	+ 0	0 0	+ 0	0 0
	III	Настоящее третье (H_3)	+ -	+ -	0 0	0 0	+ 0
		Прошедшее третье (Π_3)	+ 0	0 0	0 0	0 0	+ 0
		Будущее третье (B_3)	0 0	+ 0	0 0	0 0	+ 0

Если наличие положительного значения признака обозначить знаком (+) и наличие отрицательного значения признака знаком (—), а отсутствие какого-либо из этих значений — знаком (0), то состав категории времени можно представить в виде табл. 2.

§ 5. Корреляции граммем категории времени можно представить в виде схемы на рис. 1. Формой элементов схемы обозначается противопоставление подсистемы неотносительных времен (квадраты) трем системам относительных времен (круги).

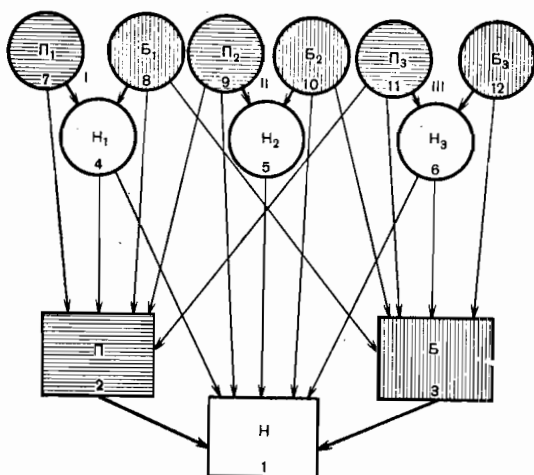

Рис. 1. Противопоставление граммем категории времени

Способом штриховки обозначена маркированность по признакам первой группы: по 1-му признаку (прошедший ПД/непрошедший ПД) — горизонтальная штриховка, по 2-му признаку (будущий ПД/небудущий ПД) — вертикальная штриховка. Отсутствие штриховки означает немаркированность по этим признакам.

Стрелками обозначены связи по признакам обеих групп. Жирными стрелками обозначены связи по признакам первой группы; они связывают элементы, входящие в одну подсистему. Светлыми стрелками обозначаются связи между элементами относительных подсистем с элементами неотносительной подсистемы. Стрелки направлены от элементов, представляющих маркированные грамме́мы, к элементам, представляющим немаркированные грамме́мы. Таким образом, по количеству стрелок, которыми связан данный элемент, можно установить число корреляций, в которые входит грамме́ма, им представляемая.

Каждая подсистема представлена однотипно тремя элементами, соответствующими граммемам настоящего, прошедшего и будущего времени.

Внутри каждой подсистемы противопоставление возможно только по признакам первой группы, что выражается штриховкой и жирными стрелками, направленными от заштрихованных элементов, представляющих граммы прошедшего и будущего времени, к незаштрихованному элементу, представляющему грамму настоящего времени. Между собой заштрихованные элементы стрелками не связаны, поскольку представляемые ими граммы являются однотипно противопоставленными как означающие „периоды времени совершения действия“ (ПД), не совпадающие с „моментом отсчета“ (МО), грамме настоящего времени, которая может означать как периоды времени совершения действия, совпадающие с МО, так и периоды времени действия, не совпадающие с МО, и которая представлена на схеме незаштрихованным элементом.

Отношения между четырьмя подсистемами основаны на корреляции по признакам второй группы. Три относительные системы образуют три однотипные и автономные подсистемы, независимые по отношению друг к другу. Они однотипны по внутренней структуре (как это только было показано).

Системы относительных времен автономны, потому что они все однотипно противопоставлены как означающие период времени совершения действия, определяемый по относительной грамматической системе отсчета, системе неотносительных времен, которые могут означать период времени совершения действия, определяемый как по относительной грамматической системе отсчета, так и по абсолютной грамматической системе отсчета.

Это находит себе выражение в том, что граммы относительных времен, принадлежащие разным подсистемам, между собой корреляций не образуют. На схеме отсутствие коррелятивных отношений между этими граммами обозначается отсутствием связывающих стрелок между элементами, представляющими граммы относительных времен.

Все граммы относительных времен каждой из трех подсистем находятся в коррелятивных отношениях по признаку, отмечающему различия между моментами отсчета, только с одной из грамм относительных времен, а именно с той граммемой, которой обозначается тот период времени совершения действия (ПД), один из отрезков которого служит МО для действий, обозначаемых граммами относительных времен данной подсистемы.

Каждая граммема относительных времен находится по периоду совершения действия в корреляции с одноименной ей граммемой неотносительных времен. В некоторых случаях, а именно для грамм прошедшего первого (П₁), настоящего второго (Н₂) и будущего третьего (Б₃) эти корреляции совпадают.

Определим теперь общие и частные значения каждой граммемы категории времени.

§ 6. Частные значения граммем категории времени формируются значениями дифференциальных признаков, общее значение — сочетанием частных значений. Среди частных значений Р. О. Якобсон выделяет главное значение, т. е. то частное значение, которое может принимать только данная грамматическая форма. Это ее собственное значение⁶.

У дважды маркированных форм времени, граммемы которых формируются только положительными значениями дифференциальных признаков, может быть только одно значение, которое и является их общим значением.

Такими граммемами в описываемой нами системы являются граммемы $P_1, P_2, P_3, B_1, B_2, B_3$. Первые три характеризуются сочетанием положительного значения 1-го признака первой группы и положительного значения одного из признаков второй группы; вторые три — сочетанием положительного значения 2-го признака первой группы и положительного значения одного из признаков второй группы.

Общее значение граммемы P_1 : 'прошедший ПД, определяемый относительно прошедшего МО', или 'прошедшее в прошедшем' (предпрошедшее).

Общее значение граммемы P_2 : 'прошедший ПД, определяемый относительно настоящего МО', 'прошедшее в настоящем' (преднастоящее).

Общее значение граммемы P_3 : 'прошедший ПД, определяемый относительно настоящего МО', или 'прошедшее в будущем' (предбудущее).

Общее значение граммемы B_1 : 'будущий ПД, определяемый относительно прошедшего МО', или 'будущее в прошедшем' (послепрошедшее).

Общее значение граммемы B_2 : 'будущий ПД, определяемый относительно настоящего МО', или 'будущее в настоящем' (посленастоящее).

Общее значение граммемы B_3 : 'будущий ПД, определяемый относительно будущего МО', или 'будущее в будущем' (послебудущее).

Граммемы относительных времен H_1, H_2, H_3 , выступающие в одних корреляциях в качестве маркированных, а в других

---

⁶ „То специфическое значение И, которое прямо противопоставлено значению коррелятивного падежа, т. е. значение действующего субъекта, или, еще более ярко, значение субъекта переходного действия, следует считать главным значением. Вместо И с главным значением нельзя поставить никакой другой падеж“ (R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. „Traux du Cercle Linguistique du Prague“, 1936, № 6, стр. 252—253).

в качестве немаркированных членов, характеризуются набором положительных и отрицательных значений признаков первой группы и положительным значением одного из признаков второй группы; частные значения этих граммем составляют парой значений дифференциальных признаков, взятых из разных групп: положительного значения признака второй группы и положительного или отрицательного значения признака первой группы, так как отрицательные значения признаков второй группы совпадают, то получаем не четыре, а только три частных значения.

Частные значения граммы H_1 : 1) 'прошедшее в прошедшем', 2) 'будущее в прошедшем', 3) 'настоящий ПД, определяемый относительно прошедшего МО', или 'настоящее в прошедшем'. Нетрудно определить, что главным значением граммы H_1 будет третье значение — 'настоящее в прошедшем', поскольку первые два значения являются главными для других граммем (P_1 и B_1). Общее значение граммы H_1 : 'период времени совершения действия, определяемый относительно прошедшего МО'.

Частные значения граммы H_2 : 1) 'прошедшее в настоящем', 2) 'будущее в настоящем', 3) 'настоящий ПД, определяемый относительно настоящего МО', или 'настоящее в настоящем', которое будет вместе с тем и главным ее значением. Общее значение граммы H_2 определяется аналогично: 'период времени совершения действия, определяемый относительно настоящего момента'.

Частные значения граммы H_3 : 1) 'прошедшее в будущем', 2) 'будущее в будущем', 3) 'настоящий ПД, определяемый относительно будущего МО', или 'настоящее в будущем'. Главным значением граммы H_3 будет ее третье частное значение. Общее значение граммы H_3 определяется аналогично: 'период времени совершения действия, определяемый относительно будущего момента'.

Граммемы маркированных форм неотносительных времен характеризуются следующим набором значений дифференциальных признаков: положительное значение одного из признаков первой группы и положительное и отрицательное значения признаков второй группы. Частные значения образуются сочетанием положительного значения одного из признаков первой группы и положительного или отрицательного значения одного из признаков второй группы. Так как отрицательное значение у признаков второй группы совпадает, то указанные граммемы будут иметь четыре частных значения.

Частные значения граммы P : 1) 'период времени совершения действия, определяемого относительно прошедшего МО', 2) 'прошедшее в настоящем', 3) 'прошедшее в будущем', 4) 'прошедший период, определяемый относительно абсолютного МО (момент речи)', или 'прошедшее абсолютное'. Главным значением граммы P будет четвертое частное значение, т. е. значе-

ние прошедшего абсолютного'. Общее значение граммы П на уровне противопоставления граммам относительных времен можно сформулировать так: 'период времени совершения действия, соотношенный с грамматическим МО времени'.

Частные значения граммы Б: 1) 'ПД, определяемый относительно будущего МО', 2) 'будущее в настоящем', 3) 'будущее в будущем', 4) 'будущее абсолютное', которое является главным ее значением. Общее значение граммы Б на уровне противопоставления граммам относительных времен совпадает с общим значением граммы П.

На уровне противопоставления граммам неотносительных времен общее значение рассматриваемых граммам сужается для граммы П положительным значением 1-го признака, для граммы Б положительным значением 2-го признака. Таким образом, общим значением граммы П на этом уровне будет 'прошедший ПД, определяемый относительно грамматического МО времени', а общим значением граммы Б — 'будущий ПД, определяемый относительно грамматического МО времени'.

Грамма неотносительного настоящего Н характеризуется набором положительных и отрицательных значений признаков обеих групп.

Частные значения граммы Н: 1) 'ПД, определяемый относительно настоящего МО', 2) 'настоящее в прошедшем', 3) 'настоящее в будущем', 4) 'прошедшее абсолютное', 5) 'будущее абсолютное', 6) 'настоящее абсолютное'. Последнее частное значение граммы Н является ее главным значением. Общее значение граммы Н: 'ПД, соотношенный с грамматическим МО времени'.

МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Мы закончили описание максимальной модели грамматической категории времени, которая может служить эталоном при сравнении систем времен в славянских языках. В частности, система времен болгарского индикатива представляет собой не развернутый до конца вариант описанной модели: в ней отсутствуют некоторые относительные времена (относительное настоящее второе и третье и относительное будущее второе и третье). Таким образом, полностью укомплектованной оказывается только первая подсистема относительных времен, вторая и третья представлены в болгарском языке только прошедшими относительными временами (рис. 2).

На приведенной схеме (рис. 2) пунктиром изображены те кружки, которые соответствуют временам, отсутствующим в системе болгарских времен. Буквами над квадратами и над кружками обозначены названия соответствующих времен в болгарском языке: А — аорист, Н — настоящее время, Б — будущее время, И — имперфект, Пл — плюсквамперфект, БвПр — будущее в прошедшем, П — перфект, f. ex. — *futurum exactum*.

В свернутом виде эту модель находим в русском литературном языке, где она представлена только неотносительными временами.

В максимально развернутом виде описанная модель ни в одном славянском языке не представлена. Наибольшим числом элементов характеризуется болгарская система, но и в ней такое относительное время, как *futurum exactum*, является крайне редко употребительной формой, встречающейся в особых жанрах письменности⁷. Отсутствие остальных четырех относительных времен, перечисленных выше, видимо, связано с тем, что реальная потребность в таких временах очень мала. Ситуации, при описании которых могли бы быть использованы эти времена, возникают редко,

⁷ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., стр. 142—149.

особенно в письменной речи. Чаще всего говорящий (пишущий) имеет дело с прошедшими событиями. Отсюда и идет такое полное развитие прошедших относительных времен в болгарской системе.

Итак, категория времени в болгарском языке образуется восемью граммемами времени: тремя граммемами неотносительных времен: настоящее неотносительное, будущее неотносительное,

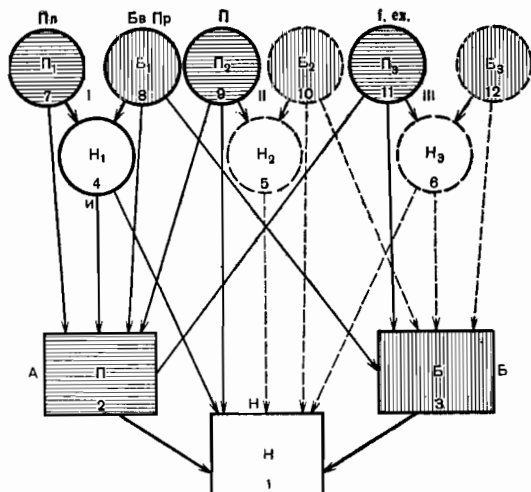

Рис. 2. Противопоставление граммем категории времени в болгарском языке

аорист (прошедшее неотносительное) — и пятью граммемами относительных времен: имперфект (настоящее относительное первое — Н₁), будущее в прошедшем (будущее относительное первое — Б₁), плюсквамперфект (прошедшее относительное первое — П₁), перфект (прошедшее относительное второе — П₂), futurum exactum (прошедшее относительное третье — П₃), которые противопоставляются по пяти дифференциальным признакам.

Таблицу дифференциальных признаков и их значений максимальной модели мы привели на странице 33. Здесь приведем таблицу распределения значений дифференциальных признаков по граммемам времени болгарского языка (табл. 3).

Сравнив приведенную табл. 3 с табл. 2, нетрудно заметить, что болгарская система времен отличается не только составом граммем. Отсутствие четырех граммем относительных времен сказывается на наборе значений дифференциальных признаков некоторых из существующих в болгарском языке граммем времени. Так, иным набором значений признаков, чем соответствующие им граммемы максимальной модели, характеризуются болгарские граммемы неотносительных времен Б и Н. Для первой из них

Состав грамматической категории времени в болгарском языке

Наименование граммы времени		Дифференциальный признак					
		1-я группа		2-я группа			
		1	2	I	II	III	
Неотносительные времена	Настоящее (Н)	+ —	+ —	+ —	+ —	0 0	
	Аорист (А)	+ 0	0 0	+ —	+ —	+ —	
	Будущее (Б)	0 0	+ 0	+ —	0 0	+ —	
Относительные времена	I Имперфект (И)	Имперфект (И)	+ —	+ —	+ 0	0 0	0 0
		Плюсквамперфект (Пл)	+ 0	0 0	+ 0	0 0	0 0
		Будущее в прошедшем (БвПр)	0 0	+ 0	+ 0	0 0	0 0
	II Перфект (П)	+ 0	0 0	0 0	+ 0	0 0	
	III Futurum exactum (f. ex.)	0 0	+ 0	0 0	0 0	+ 0	

нулями заполняется клеточка значений II признака второй группы ввиду отсутствия в болгарской системе граммы относительного будущего второго B_2 , для второй — клеточка III признака второй группы ввиду отсутствия в болгарской системе времен граммы относительного настоящего третьего H_3 .

§ 2. Граммы времени в болгарском языке отличаются от соответствующих им граммем максимальной модели своими корреляционными возможностями, что стоит опять-таки в прямой связи с различиями в составе граммем, с тем, что в болгарском языке четыре граммы времени максимальной модели отсутствуют. В связи с этим количество корреляций, в которые входят граммы неотносительного будущего и неотносительного настоящего, в болгарском языке меньше, чем количество корреляций, которые могут образовывать соответствующие граммы максимальной модели.

Так, грамма Б максимальной модели образует корреляции с пятью граммами времени: по 2-му признаку первой группы она образует корреляцию с настоящим неотносительным (Н); по I признаку из второй группы грамма Б образует корреляцию с граммемой B_1 , по II признаку — с граммемой B_2 , а по III признаку — с граммами H_3 , Π_3 , B_3 . В болгарском языке грамма Б входит только в три корреляции: в корреляцию с граммемой Н (по 2-му признаку первой группы), с граммемой БвПр (по I признаку второй группы) и f. ex. (по III признаку второй группы).

Грамма Н, характеризующаяся в максимальной модели наибольшим числом коррелятивных связей — семь, в болгарском языке входит только в четыре корреляции: с граммемой А (по 1-му при-

знаку первой группы), с граммемой Б (по 2-му признаку первой группы), с граммемой И (по I признаку второй группы) и с П (по II признаку второй группы).

Наибольшим числом коррелятивных связей в болгарской модели характеризуется граммема А, которая, как и прошедшее неотносительное (П) в максимальной модели, образует корреляции с шестью граммемами: по 1-му признаку первой группы с граммемой Н, по I признаку второй группы — с граммемами И, П, БвПр, по II признаку — с граммемой П, по III признаку — с граммемой f. ex.

Граммема И в качестве немаркированного члена I подсистемы относительных времен характеризуется четырьмя связями по 1-му и 2-му признакам первой группы с остальными членами этой подсистемы: Пл ~ И, БвПр ~ И, а по I признаку второй — группы с двумя членами подсистемы неотносительных времен: И ~ А, И ~ Н. Как видим, граммема И в болгарской модели повторяет все коррелятивные связи соответствующего члена максимальной модели — граммемы Н₁. Два других члена I подсистемы относительных времен граммемы Пл и БвПр характеризуются теми же коррелятивными связями, что и соответствующие им граммемы максимальной модели П₁ и Б₁. Пл образует корреляции с граммемой И по 1-му признаку первой группы и граммемой А — по I признаку второй группы: Пл ~ И, Пл ~ А.

БвПр образует корреляции с тремя граммемами: по 1-му признаку первой группы — с граммемой И, а по I признаку второй группы — с граммемами А и Б: БвПр ~ И, БвПр ~ А, БвПр ~ Б.

Граммемы II и III подсистем относительных времен П и f. ex. характеризуются наличием меньшего числа коррелятивных связей, чем это отмечается для соответствующих граммем максимальной модели П₂ и П₃. Они образуют корреляции только с граммемами неотносительных времен по признакам второй группы: граммема П образует корреляции с граммемами А и Н по II признаку, f. ex. — с граммемами А и Б по III признаку: П ~ А, П ~ Н; f. ex. ~ А, f. ex. ~ Б.

Ввиду отсутствия двух членов II подсистемы относительных времен и двух членов III подсистемы относительных времен симметрия, которой характеризуется максимальная модель категории времени, в системе болгарских времен отсутствует. Однако в тех звеньях системы, которые представлены максимальным набором элементов, а это наблюдается в подсистеме неотносительных времен и в I подсистеме относительных времен, однотипность построения имеет место, и она характеризуется теми же особенностями, что и соответствующие звенья максимальной модели (см. стр. 34).

§ 3. Значения граммем времени в болгарском языке формируются из положительных и отрицательных значений дифферен-

циальных признаков категории времени. Как мы видели, некоторые граммы времени в болгарском языке характеризуются неполным набором значений дифференциальных признаков и меньшим числом коррелятивных связей, чем соответствующие граммы максимальной модели, что, естественно, не может не найти отражения и в характеристике набора значений этих грамм. Однако решающее значение имеет отсутствие того или иного значения признака в наборе, характеризующем данную грамму. При наличии того же набора значений признаков уменьшение числа корреляций на значениях граммы не сказывается.

Меньшим числом коррелятивных связей характеризуются болгарские граммы Н, Б, П и БвПр. Однако значения последних двух являются теми же, что и у соответствующих грамм максимальной модели P_2 и P_3 . Обе граммы П и f. ex., как и P_2 и P_3 , характеризуются положительными значениями двух признаков: грамма П — положительными значениями 1-го признака первой группы и II признака второй группы, а грамма f. ex. — положительными значениями того же признака первой группы и III признака второй группы. Граммы П и f. ex. выступают в корреляциях с другими граммами только в качестве отмеченных членов. Общее значение граммы П — 'прошедший ПД, определяемый относительно настоящего МО', или 'прошедшее в настоящем' (преднастоящее), а общее значение граммы f. ex. — 'прошедший ПД, определяемый относительно будущего МО', или 'прошедшее в будущем' (предбудущее).

Грамма Б выступает в корреляции с граммой Н (по 2-му признаку первой группы) в качестве маркированного члена, а в корреляции с граммами относительных времен БвПр и f. ex. (по признакам второй группы) — в качестве неотмеченного члена. Она характеризуется следующим набором значений признаков: положительное значение 1-го признака и положительное и отрицательное значения I и III признаков.

Так как в болгарской системе отсутствует грамма относительного будущего второго (B_2), то соответственно клеточка значений II признака второй группы для болгарской граммы Б заполняется нулями, свидетельствующими об отсутствии противопоставлений по этому признаку.

Из указанного набора значений признаков выводятся следующие частные значения болгарской граммы Б: 1. 'будущее в прошедшем', 2. 'прошедшее в будущем', 3. 'будущее абсолютное'. Третье значение будет главным значением граммы Б. На уровне противопоставления граммам относительных времен общее значение граммы Б: 'ПД, соотношенный с грамматическим МО времени'. На уровне противопоставления граммме неотносительного настоящего это общее значение

сужается положительным значением 2-го признака и формулируется следующим образом: 'будущий ПД, определяемый относительно грамматического МО времени'.

Граммема Н выступает в корреляциях с граммемами других неотносительных времен А и Б в качестве неотмеченного члена, поскольку она характеризуется положительными и отрицательными значениями признаков первой группы, и в корреляциях с граммемами относительных времен И и П она тоже выступает в качестве неотмеченного члена, поскольку характеризуется положительными и отрицательными значениями признаков второй группы, по которым они ей противопоставлены. Граммема Н в болгарском языке имеет следующий набор частных грамматических значений: 1. 'настоящее в прошедшем', 2. 'прошедшее в настоящем', 3. 'настоящее абсолютное'. Третье значение является главным. Общее значение граммемы Н в болгарском языке: 'ПД, соотнесенный с грамматическим МО времени'.

Что касается остальных грамем (А, И, П_л и БвПр), которые характеризуются тем же набором значений признаков и тем же числом коррелятивных связей, что и соответствующие грамемы максимальной модели, то их частные, главные и общие значения перечислять здесь вторично не имеет смысла. Отсылаем читателей к тем страницам, на которых рассматриваются значения грамем максимальной модели П, Н₁, П₁ и Б₁, которые являются полными соответствиями названных болгарских грамем А, И, П_л и БвПр (см. стр. 36—37).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Глава I

КОНТЕКСТЫ С РЯДОМ ОДНОИМЕННЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ И „ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ МОМЕНТА“

§ 1. В некоторых работах, посвященных употреблению форм времени в славянских языках, в качестве постоянного признака, выражаемого глагольными формами времени, рассматривается указание на определенность или неопределенность времени действия, обозначенного глаголом. Сторонники этой гипотезы не всегда пользуются нашей терминологией („временная ось“, „момент отсчета“, „период действия“, „расстояние от точки отсчета=момента отсчета“), но то, что они утверждают по существу, как мы увидим ниже, сводится к следующему.

Понятие „определенность времени действия“, если его выразить через понятия временной оси и момента отсчета, которые мы использовали при определении понятий „период действия“, означает определенность расстояния (в каждом случае разного и безразлично какого), отделяющего данное действие от момента отсчета.

§ 2. Из последних работ эта гипотеза наиболее четко и последовательно выражена в статье Ц. Младенова „Миналите времена в брезнишкия говор“¹ и менее четко в исследовании М. А. Леонидовой „Употребление временных и видовых форм в русских переводах И. Вазова“, написанном до публикации статьи Ц. Младенова, хотя и опубликованном позже и отражающем предшествующий этап в истории изучаемого вопроса².

¹ См.: „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 9, М., 1959, стр. 7—50. В статье описывается один из болгарских говоров метрополии, но постоянно проводятся параллели с болгарским литературным языком; автор распространяет свои выводы на аналогичные явления литературного языка.

² М. А. Леонидова. Употребление временных и видовых форм в русских переводах И. Вазова. „Годишник на Софийския Университет. Филологически ф-т“, т. LIV, № 1. София, 1960, стр. 111—172. — В своем исследовании автор опирается на работы Е. С. Истриной („Синтаксические

Приводим выводы М. А. Леонидовой, относящиеся к этой гипотезе: „Аорист (прошедшее совершенное время в болгарском языке) обозначает действие, представленное как факт, относящийся к известному промежутку времени без определения его длительности или недлительности... Характерным для аориста как особой формы времени является то, что действие, выраженное глагольной основой, представлено как включенное в известный отрезок времени прошлого, причем действие не продолжалось далее второй границы отрезка... Аорист совершенного вида выражает действие, законченное в прошлом и представленное без посредства какого-либо другого момента ориентировки к моменту речи (разрядка наша. — *И. Б.*)... Аорист совершенного вида в болгарском языке означает действие, приурочиваемое говорящим к определенному моменту в прошлом. Момент этот обыкновенно отмечается в предложении обстоятельством времени. Не всегда, однако, при употреблении аориста в болгарском языке указано конкретно на тот момент в прошлом, к которому относятся действия, выраженные аористом. Не всегда специальными словами определяется это время, так как для болгарского аориста это не является обязательным; форма аориста сама по себе соотносит прошедшее действие с определенным моментом прошлого (разрядка наша. — *И. Б.*)“³.

„Даже когда на этот момент не указано конкретно, то он все равно является определенным, известным для говорящего и определяется на основании контекста или подразумевается (разрядка наша. — *И. Б.*). Аорист обозначает действие, совершенное не вообще в прошлом, а в определенное время и всегда мыслится в связи с моментом этого совершения. Когда болгарину нужно сообщить прежде всего о факте завершения данного действия в прошлом, не устанавливая точно, какой именно момент прошлого имеется в виду, то он употребляет перфект, а не аорист. Так, например, когда его интересует только факт, то он скажет: «Аз съм се учил (перф.) в Съветския Съюз». Однако он скажет: «Аз се учих в Съветския Съюз» подразумевается уже конкретный момент в прошлом, к которому относится это действие“⁴.

Как видно из приведенных цитат, М. А. Леонидова использует ряд синонимических выражений („известный промежуток

явления Синодального списка I Новгородской летописи“. — ИОРЯС, т. 24, кн. 2. Пг., 1923), П. С. Кузнецова („Из истории сказуемости употребления страдательных причастий в русском языке“. Докт. дисс. М., 1949), С. Д. Никифорова („Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в.“. М., 1952) и стремится приложить их выводы к болгарскому материалу.

³ М. А. Леонидова. Указ. соч., стр. 115—117.

⁴ Там же, стр. 118.

времени“, „известный отрезок времени“, „определенный момент в прошлом“, „конкретный момент в прошлом“, „определенное время“) для описания понятия „определенности времени действия“, которая, по ее мнению, выражается формами аориста в отличие от форм перфекта, которые этой определенности не выражают. Однако автор нигде не дает строгого определения этого понятия. Напротив, приведенные цитаты не только допускают, но даже как будто предполагают двойную интерпретацию понятия „определенность времени действия“ в работе М. А. Леонидовой.

Во-первых, указание на „определенность“, выражаемое формами А интерпретируется как будто автором не как определение конкретного расстояния, отделяющего данное действие по оси времени от точки отсчета, которое можно было бы как-то измерить или хотя бы приблизительно уточнить, а как „неопределяющаяся определенность“, подобная, скажем, „определенности“, сообщаемой имени существительному определенным артиклем. Как, говоря l'homme, имеют в виду определенное лицо, хотя этим самым еще не называют это лицо по имени, так и употребляя форму А, имеют в виду „определенный (известный, конкретный) промежуток времени (отрезок времени, момент в прошлом, время)“, никак не определяя еще этим его реальные границы, а просто имея в виду, что этот промежуток как-то ограничен. Конкретное определение границ в этом случае выражается уже не самой глагольной формой, а обстоятельствами, причем эта конкретизация, разумеется, вовсе не является обязательной.

Во-вторых, указание на „определенность“, выражаемое формами аориста, интерпретируется как будто автором и в ином смысле, а именно — в смысле конкретного определения „второй границы отрезка“, т. е. расстояния, отделяющего данное действие по временной оси от точки отсчета (в частности от „момента речи“). Эта вторая интерпретация, более широкая, чем первая, и включающая в себя первую, очевидно вытекает из последней приведенной нами цитаты, хотя слово „подразумевается“ как будто и оставляет какую-то возможность возвращении к первой интерпретации.

§ 3. В отличие от М. А. Леонидовой, Ц. Младенов отказывается от интерпретации аориста как абсолютного времени. Он пишет: „...прошедшее совершенное время (аорист. — И. Б.) означает действия в определенный прошедший момент в отличие от прошедшего неопределенного времени (перфект. — И. Б.), которое обозначает действия до момента речи (не относя действие к определенному прошедшему моменту). Следовательно, прошедшее совершенное время является временем с двойной ориентацией (т. е. указывает на отношение действия к двум моментам — первый ориентационный момент есть момент речи,

второй — определенный прошедший момент, о котором идет речь), а прошедшее неопределенное время является временем с простой ориентацией“. „Определенный момент может быть выражен специально (обстоятельством времени), но он всегда в мысли, т. е. мысль о нем включается в значение морфологических показателей прошедшего совершенного времени“⁵. Из этого выводится самое показательное, по мнению автора, как впрочем и других исследователей, хорошо описанное и, действительно, широко распространенное в болгарских диалектных и недиалектных текстах употребление форм аориста для обозначения ряда последовательных действий. Ц. Младенов пишет: „...Каждый глагол в форме прошедшего совершенного времени в цепи глаголов означает действие в различный прошедший момент, так что образуется цепь последовательных действий, ср.: *Аз слязох отгоре и почнахме да се бием. Аз избягах, влязох тук и се заключих...*“⁶

Последовательность действий, обозначенных формами аориста совершенного вида, автор изображает графически (рис. 3), где буквой Г обозначается момент речи (по-болгарски: „момент на говорението“), а буквами М₁, М₂, М₃ „различные... определенные“ моменты в прошлом, к которым приурочиваются отдельные действия.

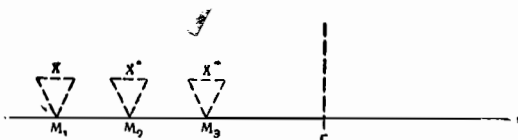

Рис. 3

Как видно из приведенных цитат и чертежа, П. Младенов, безусловно, склоняется ко второй интерпретации понятия „определенность времени действия“, так как он считает, что сами формы аориста (независимо от других средств, в том числе и от порядка слов) указывает на порядок следования действия во времени. По-видимому, к такой же интерпретации склоняется и М. А. Леонидова.

Надо сказать, что ни М. А. Леонидова, ни Ц. Младенов не привели никаких доказательств в подтверждение своей гипотезы (ни в ее первой, ни в ее второй интерпретации), они только утверждают, что формы аориста указывают на „определенный момент в прошлом“ („определяют минал момент“), тогда как формы перфекта такого указания не содержат.

Что касается второй интерпретации, то ее несостоятельность очевидна, так как сколько бы мы ни вдумывались, например,

⁵ Ц. Младенов. Указ. соч., стр. 19—20.

⁶ Там же.

в предложение, приведенное в статье М. А. Леонидовой *Аз се учих в Съветския Съюз*, мы не можем извлечь из него сведение о том, когда именно автор сообщения учился в Советском Союзе, так как автор этого сведения в свое сообщение не вложил. Сами же по себе формы аориста, как, впрочем, и другие формы времени и не только в болгарском языке, передать „определенность момента“ не могут, сведения об этом мы получаем или благодаря присутствию в предложении „специальных слов“ или извлекаем их из контекста высказывания в целом. При этом мы далеко не всегда получаем полное представление о моменте совершения этого действия. И дело здесь в том, что содержание понятия „определенность момента“ совершения действия складывается из ряда характеристик, представляющих собой разные степени приближения к определенности. Конечно, каждое прошедшее действие, если оно в действительности совершилось, то совершилось оно в какой-то „определенный момент“. Однако, сообщая о нем, мы можем передавать определенность момента с различной степенью приближения в зависимости от надобности. Так, когда уславливаются о встрече, то естественно стремятся к максимальной точности передачи момента встречи. Но во фразе: *Я читал очень интересную книгу, хотите расскажу?* (ср. *Четох много интересната книга. Искате ли да ви разкажа*) и сообщаемого и адресата сообщения вполне устроит такая минимальная степень приближения к точности в передаче „определенности момента“ совершения действия *читал (четох)*, хотя сообщаящий, конечно, мог иметь совершенно точное представление о действии, которое он сам совершил и, если потребовалось бы, он смог бы его уточнить.

Дальнейшее уточнение должно было бы состоять в указании года, месяца, дней и часов. Например: *Я читал эту книгу в прошлом году в июне с двадцатого по двадцать второе в следующие часы: двадцатого с 8 дня до 7 вечера, двадцать первого с 9 утра до 2 дня и двадцать второго с 12 ночи до 6 утра.*

Только ответив полностью на эту анкету, сообщаящий мог дать слушателям представление об „определенности момента“ действия *читал (четох)*. Но пока он этого не сделал, его слушатели почерпнуть этих сведений из первой фразы не могут. И сколько бы он ни старался, произнося первую фразу, мыслить об „определенности момента“, они не извлекут из нее ничего более определенного в отношении момента совершения действия *читал (четох)*, чем то, что это действие произошло в прошлом.

Далеко не всякое обстоятельство времени с максимальным приближением выражает определенность момента. Чаще мы имеем дело с такими предложениями, когда при наличии обстоятельства времени мы все-таки должны обращаться к более широкому кон-

тексту, чтобы составить себе представление об определенности момента. Все примеры М. А. Леонидовой, приводимые на употребление форм аориста с обстоятельствами времени, относятся именно к этим случаям. Приведем их: 1. *В това време изгърмя пушка от кошарата и планинските екове повториха и продължиха гърмежа* („Една българка“, с. 101); 2. *Същия тоя ден няколко турски войника дойдоха в селото, за да извардват подозрителни лица.* („Една българка“, с. 27), 3. *В това време бързи стъпки затропаха и вратата с трясък се разтвори* (П. И., с. 308)⁷. Во всех этих примерах содержание обстоятельств времени может быть понятно только из предыдущего контекста, который автором не приводится. К нему прямо адресует один из элементов, составляющих обстоятельство времени: в первом и третьем случае указательное местоимение *това*, во втором — *тоя*.

Другого рода пример находим в статье Ц. Младенова: *Дойдох да го взема в три часа, но тебе те нямаше*⁸. Хотя здесь сообщается точно час совершения действия, тем не менее определенного представления о моменте совершения действия *дойдох* не складывается. Без предшествующей части диалога и без знания ситуации в целом мы не можем сказать, в три часа какого именно дня, какого ~~десята~~ и какого года произошло это действие. Не получив этих дополнительных сведений, опираясь только на контекст, приводимый Ц. Младеновым, мы можем сказать о времени совершения действия *дойдох* только то, что оно произошло в три часа одного из дней прошлого, что, конечно, далеко от полноты представления об „определенности момента“.

Таким образом, „определенность момента“ может быть выражена или „специальными словами“ или она „определяется на основании контекста“, или, наконец, ее можно представить на основании знания ситуации высказывания в целом, но никогда „определенность момента“ не может быть выражена только формами времени и в частности формами аориста. С помощью форм времени „самих по себе“ можно выразить „определенность момента“ совершения действия только в самом первом приближении, т. е. указать на период совершения действий: прошедший, будущий, настоящий, определяемый по грамматической системе отсчета времени.

§ 4. Итак, вторая интерпретация понятия „определенности времени действия“ явно несостоятельна.

Однако и первая его интерпретация представляется нам непродуктивной, так как с ней плохо согласуется тот факт, что обстоятельства времени, в том числе и точные даты, так же свободно сопутствуют формам перфекта, как и формам аориста, а также других времен, что и показано в следующем разделе.

⁷ М. А. Леонидова. Указ. соч., стр. 117.

⁸ Ц. Младенов. Указ. соч., стр. 20.

КОНТЕКСТЫ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ВРЕМЕНИ

§ 5. В грамматиках древних славянских языков (старославянского, древнерусского и др.), а также в грамматиках и исследованиях по употреблению времен в современном болгарском языке можно встретить различные замечания по поводу несовместимости тех или иных значений форм времени с теми или иными обстоятельствами времени. В частности, как мы уже говорили, некоторые исследователи связывают употребление форм аориста с обстоятельствами времени, указывающими на дату совершения действия, с особой временной определенностью, которую они усматривают в значении этих форм времени. С другой стороны, сочетанию форм перфекта с теми же обстоятельствами времени, одни считают, препятствует их резульативное значение⁹, другие — „двойственность временной характеристики“, которой снабжают эти формы обозначаемое ими действие¹⁰.

Но вместе с тем для формы П в качестве особого употребления отмечается его сочетаемость с обстоятельствами времени, указывающими на отрезок времени, „простирающийся вплоть до настоящего момента“, ¹¹ такими, как *досега*, *всякога*, *никога*, и тем самым как-то всё-таки „датирующий“ действие, обозначенное формой перфекта.

Сочетание с обстоятельствами времени типа *всеки ден* представляется невозможным для форм А¹² и очень характерным для форм И.

Что касается обстоятельств времени, указывающих на длительность действия, то в литературе отмечалось, что формы имперфекта могут сочетаться только с ограниченным кругом обстоятельств такого рода.

Высказывалось предположение, что с формами И „неупотребительны“ „обстоятельства продолжительности типа *два часа*“¹³,

⁹ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 116: „Особенно часто аорист при точном указании даты события“; „дата указывает на то, что имеет значение в первую очередь точное время, когда было сообщено действие, а не результат действия“.

¹⁰ Е. И. Демина. Система прошедших времен в Новоболгарских текстах XVII—XVIII вв. „Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР“, т. XIX. М., 1960, стр. 40, прим. 65: „Обстоятельственные слова, приурочивающие реализацию действия к определенному моменту в прошлом, не употребительны при перфекте именно потому, что, давая действию двойственную временную характеристику, он останавливает внимание на моменте, следующем за действием“.

¹¹ Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 240.

¹² Ц. Младенов. Указ. соч., стр. 23: „Необходимо отметить, что контекст типа *секи' пун*, *понек'иаш*, *сек'и дн*, *секу недел'у* и пр. абсолютно невозможен для прошедшего совершенного времени“.

¹³ Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категорией вида и времени в современном болгарском языке. «Доклады и сообщения Филол. ин-та АГУ», в. I, 1949, стр. 147.

при этом объяснялось это значением форм имперфекта как времени, представляющего действие в процессе его протекания.

Для форм перфекта вообще исключалась возможность сочетания с обстоятельствами продолжительности действия, что также объяснялось особым значением этих форм времени¹⁴.

Со значением форм И как времени, выражающего „действие продолжающееся или повторяющееся“, связывалась легкость сочетания этих форм времени с обстоятельствами, указывающими на повторяемость действий как регулярную, так и нерегулярную. Наряду с этим для форм П отмечается возможность сочетания только с обстоятельствами, указывающими на нерегулярную повторяемость, такими, как *рядко*, *често*¹⁵. Это опять объясняется значением форм перфекта как времени, указывающего на связь прошедшего действия с настоящим моментом¹⁶.

Некоторые исследователи видели различие между формами прошедших времен в том, что одни формы времени обозначают, по их мнению, прошедшие действия, отделенные от момента речи большим промежутком времени, а другие — прошедшие действия, совершившиеся незадолго до момента речи. В старой литературе по славянскому глаголу формы П_л так и определялись в соответствии со своим названием как указывающие на „давно прошедшие действия“¹⁷.

В значении форм А подчеркивается обратное. Так, Т.-Балан, определяя значение болгарских форм А, писал, что этими формами обозначается действие, которое „только что протекло или длилось“¹⁸.

Но и те исследователи, которые склонны рассматривать плюсквамперфект в качестве относительного времени, обычно специально отмечают случаи сочетания этих форм времени с обстоятельствами времени, указывающими на промежуток времени, отделяющий совершение действий, обозначенных плюсквамперфектом, от времени действий, обозначенных формами аориста,

---

¹⁴ Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 39—40: „Показательным является тот факт, что с перфектом никогда не сочетаются обстоятельства, указывающие на продолжительность действия, или на периодичность регулярного действия“. „Этот факт легко объясняется, если учесть, что при употреблении перфекта указывается на связь действия с ситуацией в настоящем и поэтому нет необходимости (и в возможности) характеризовать действие со стороны особенностей его протекания в прошлом (разрядка наша. — И. Б.)“.

¹⁵ Ю. С. Маслов. Очерк., 240.

¹⁶ Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 39 (см. цитату, приведенную в предыдущей ссылке на эту работу).

¹⁷ П. С. Кузнецов. Указ. соч., стр. 38: „... давнопрошедшее могло иметь не только относительное значение, но употреблялось и в самостоятельных предложениях для обозначения чего-то действительно давнего“ (разрядка наша. — И. Б.).

¹⁸ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 187.

не указывая на возможность сочетания с такими обстоятельствами для других форм времени.

Так, например, М. А. Леонидова специально останавливается на случаях употребления плюсквамперфекта с указанными обстоятельствами времени, но при рассмотрении других форм времени она приводит лишь соответствующие примеры на формы имперфекта¹⁹. И, по-видимому, не случайно, потому что возможность употребления форм плюсквамперфекта „с обстоятельственными выражениями, указывающими на длительный промежуток времени после совершения действия *отдавна* (давно), *от много години* (много лет), *няколко години наред* (несколько лет подряд), *преди години* (несколько лет тому назад) и др.“ она объясняет тем, что „имперфект беше в составе плюсквамперфектной формы сохраняет свое собственное временное значение и представляет результат ранее совершенного действия, выраженный формой на -л, актуальным для длительного периода прошлого“²⁰.

§ 6. Все эти наблюдения носят случайный характер, хотя и отражают реальное распределение сочетаний форм отдельных времен с обстоятельствами времени в болгарских текстах. Действительно, как в памятниках болгарской письменности древней поры и среднего периода, так и в литературе, написанной на современном болгарском языке, те или иные формы времени в сочетании с обстоятельствами времени распределяются очень неравномерно. Одни сочетания встречаются довольно часто, другие — крайне редко. Редкость тех или иных сочетаний давала повод думать, что такого рода сочетания вообще невозможны, что в свою очередь, естественно, приводило к попыткам объяснить это, исходя из значения форм времени, не встречающихся с определенными обстоятельствами времени.

За последние годы в литературе по употреблению форм времени в болгарском языке накоплена немалая коллекция примеров на сочетания форм времени с различными обстоятельствами времени, встречающихся в современных болгарских текстах²¹, однако полным набором редких случаев мы еще не обладаем. Но и тот материал, который имеется, дает основание полагать, что собственно причин, содержащихся в значении отдельных форм времени и препятствующих их сочетанию с теми или иными обстоятельствами времени, не существует. В принципе в болгарском языке любая форма времени может сочетаться с любым обстоятельством времени, а если некоторые сочетания не встречаются или встречаются редко, то этому обстоятельству можно дать другое объяснение, о чем см. ниже (стр. 81—82).

¹⁹ М. А. Леонидова. Указ. соч., стр. 153.

²⁰ Там же, стр. 153.

²¹ См. цитированные выше работы М. Деяновой, Е. И. Деминой, М. А. Леонидовой, Ю. С. Маслова и др.

Мы проиллюстрируем возможность свободного сочетания форм времени с обстоятельствами времени на отдельных сочетаниях, воспользовавшись для этого примерами, отчасти почерпнутыми из исследований других авторов, отчасти собранными нами самостоятельно, но предварительно сделаем некоторые замечания по поводу распределения интересующих нас здесь словосочетаний в различных болгарских текстах.

Хотя наблюдения над частотой встречаемости словосочетаний, образуемых различными временными формами глагола с различными обстоятельствами времени, проводились разными исследователями по-разному, на материале различных жанров и разного объема, и хотя в том или ином случае эти наблюдения могут и не обладать статистической достоверностью, накопленный в этой области материал, по-видимому, достаточно велик и в целом дает, по-видимому, более или менее верную картину распределения подобного рода словосочетаний.

Однако сам факт количественного преобладания в текстах даже и разных жанров того или иного типа словосочетания над какими-то другими словосочетаниями, скажем количественное преобладание словосочетаний типа „аорист + обстоятельство времени со значением даты“ над словосочетаниями типа „перфект + обстоятельство времени со значением даты“, еще не является достаточным доказательством гипотезы о несвободной сочетаемости тех или иных временных форм глагола (в нашем случае форм перфекта) с теми или иными обстоятельствами времени (в нашем случае с обстоятельствами времени в значении даты).

Никто из названных нами выше исследователей, занимавшихся проблемой интересующих нас здесь словосочетаний, не обращал внимания на распределение самих временных форм глагола в том материале, на котором эти исследователи строили свои гипотезы. Так, отмечая тот факт, что словосочетания типа „перфект + обстоятельство времени со значением даты“ встречаются в тех или иных текстах гораздо реже, чем аналогичные словосочетания с формами аориста, исследователи искали объяснение этому факту в значении самих форм перфекта и аориста, не обращая внимания на то, как часто вообще встречаются в этих текстах сами формы перфекта и аориста. Между тем это обстоятельство представляется нам очень существенным. Ведь если даже допустить полную свободу и одинаковую легкость сочетания всех форм времени глагола с обстоятельствами времени в значении даты, то и тогда одинаковое распределение сочетаний указанных обстоятельств со всеми временными формами глагола возможно только для такого текста, в котором все временные формы глагола используются с одинаковой частотой.

Можно с уверенностью сказать, что таких текстов вообще не существует. (Представляется невероятным, например, предположение, что в каком-нибудь тексте, если только он не составлен

искусственно, формы *futurum exactum*, будущего в прошедшем и плюсквамперфекта употреблялись бы так же часто, как формы аориста.) Поэтому, если допустить, что указанные обстоятельства одинаково свободно могут сочетаться с любой временной формой глагола, то вероятность появления в тексте сочетания данного обстоятельства с данной временной формой глагола будет зависеть от распределения в тексте временных форм глагола. Если, скажем, в каком-то тексте формы аориста встречаются в десять раз чаще, чем формы перфекта (а это, как мы увидим ниже, даже не очень сильное предположение), то десятикратное преобладание словосочетаний типа „аорист+обстоятельство времени со значением даты“ над словосочетаниями типа „перфект+обстоятельство времени со значением даты“ не опровергает предположения об одинаково свободной сочетаемости обстоятельств времени со значением даты с каждой из этих глагольных форм и не может рассматриваться как доказательство гипотезы о несвободной сочетаемости.

§ 7. Относительная употребительность временных форм глагола определяется многими фактами, в том числе жанром и стилем речи, жанром и темой сообщения, индивидуальной манерой автора и т. д. При этом различия в распределении временных форм для разных текстов могут оказаться столь значительными, что практически для наших целей не будет иметь смысла попытка выяснить „среднюю“ картину распределения временных форм для болгарского языка в целом. Безусловно, надежнее будет в каждом отдельном случае учитывать конкретное распределение временных форм в данном тексте. Однако, по-видимому, некоторые существенные сведения можно извлечь и из „средней“ картины, составленной даже на очень ограниченном материале.

К сожалению, мы не располагаем полными данными относительно распределения временных форм во всем том материале, который мы обследовали, однако сведения этого рода по большинству основных обследованных нами текстов у нас имеются, и они достаточно интересны, чтобы их здесь привести (табл. 1).

Подробный анализ табл. 1 не входит сейчас в наши задачи, и мы отметим только два факта.

1. Громадное преобладание форм аориста, настоящего времени, имперфекта и будущего времени над остальными временными формами (в том числе и над формами перфекта) во всех старых и новых текстах. Это позволяет предположить, что с подобным явлением мы встретимся (с тем или иным отклонением) в любом болгарском тексте.

Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы поставить под сомнение выводы тех исследователей, которые связывали сочетаемость некоторых обстоятельств времени со значением тех или иных глагольных форм.

**Распределение спрягаемых форм индикатива в текстах
XI—XX вв.**

№№ п. п.	Текст	Форма							Объем выборки в словах
		наст. вр.	аорист	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее	будущ. в прош.	
1	Маринское ев. (1-я выб.)	28,0	43,1	10,4	1,5	0,2	16,7	0,2	2 656
2	Евангелие XIX в. (1-я выб.)	34,4	36,7	9,8	3,2	0,7	14,8	—	2 574
3	Евангелие XX в. (1-я выб.)	31,4	34,4	10,6	3,6	0,9	15,2	0,2	2 508
4	Супрасльская рук.	23,3	51,3	16,0	0,6	0,3	8,5	—	2 000
5	Троянская притча	10,3	64,1	15,3	2,7	0,6	6,6	0,2	870
6	И. Вазов. Под игото	18,0	40,1	26,5	3,5	2,8	6,6	0,4	2 000
7	Елин-Пелин. Герците	14,4	22,4	51,3	2,7	2,8	3,4	0,1	2 000
Среднее:		22,8	41,7	20,0	2,5	1,2	10,2	0,1	

2. Некоторый рост употребления форм относительных времен (кроме *futurum exactum* и будущего в прошедшем) в новых текстах (Елин-Пелин, Вазов) по сравнению со старыми, хотя при этом и сохраняется явление, отмеченное в пункте первом. Этот рост находит себе объяснение в изменении синтаксического строя болгарского языка. Болгарская современная фраза принципиально отличается от древней болгарской фразы прежде всего следующим. Раньше, когда господствовал паратаксический строй, личные глагольные формы времени в болгарском тексте были некими опорными пунктами, вокруг которых группировались цепочки причастных оборотов. Придаточные предложения с подчинительными союзами употребляются в старых текстах несравненно реже, чем всякого рода причастные обороты.

Если к тому же учесть необычайную скудость, однообразие сюжетов старой литературы, трафаретность описываемых ситуаций, то нетрудно понять редкость употребления и то контекстное однообразие, которым характеризуется употребление относительных времен в старых текстах до переводов дамаскинов на новоболгарский язык, в котором, как и в современном болгарском языке, уже господствует гипотаксис. Причинно-следственные связи, если они выражаются грамматически, то выражаются уже не с помощью причастных оборотов, роль которых

вообще сведена до минимума, а с помощью различных придаточных предложений, получивших широкое развитие. В придаточном предложении, как и в главном, сказуемое выражается личной формой времени, а не причастием.

Эта неравномерность распределения употреблений относительных времен в старых и новых текстах нашла, естественно, отражение и в нашем материале. Набор примеров, извлеченных из старых текстов, всегда оказывается однообразнее, беднее, чем набор примеров, почерпнутых из современных текстов, использованных нами в общем в меньшем объеме, чем в целом древние и средневековые болгарские памятники.

Кстати, этим объясняется ретроспективный принцип в иллюстрировании примерами тех или иных положений, которого мы придерживаемся во II части работы.

§ 8. Формы времени с обстоятельствами времени, указывающими на дату совершения действия по абсолютной календарной системе отсчета, встречаются в текстах не так уж часто. Частота употребления определяется прежде всего жанровой принадлежностью текста. Так, в старой литературе к датированию по абсолютной календарной системе отсчета чаще прибегают летописцы и реже авторы житий, проповедей и светских повестей; из новой литературы, естественно, абсолютные календарные даты чаще приводятся в исторических сочинениях, мемуарах, чем в художественных произведениях. Как в старое, так и в новое время к абсолютному датированию прибегают в документальной литературе (грамотах, договорах и т. п.).

Относительное датирование действий распространено широко во всех жанрах, в текстах, относящихся к любому периоду развития болгарского языка.

Действия, датируемые по абсолютной календарной системе, обычно обозначаются формами аориста. Однако это не значит, что употребление других форм времени с обстоятельствами абсолютной календарной даты исключено. Относительно датированные действия могут обозначаться в болгарских текстах, и старых, и новых, любыми формами времени.

а) В житиях, повестях редко прибегают к календарному абсолютному датированию даже тех действий, которые обозначаются формами аориста. Так, в Троянской притче автор приводит всего лишь одну дату и то уже в конце повести, а именно дату падения Трои: и тако сконча се троянское краляство прежде рождества христова на тѣхъ лѣтахъ едиктишна з. го (Тр. пр., 265). Частные эпизоды Троянской войны часто не датируются вообще и реже даются в относительной датировке. Например: ... И обрѣте го (сына царя Приама — И. Б.) шкчарь... И егда сътвори з. лѣтъ. тогда идѣхъ отрочати обѣ на поле

сз шцѣмз сконмз и играхъ около добытка. и шврѣтенного отрока
 нарече париж(а)... и егда бѣше юноша пари* хождаше сз до-
 рыми витезы... прободѣ... витеза за цитъ прѣ краалмз априде-
 жемз и въ то время женѣше се фелешъ краа господжж и ти-
 шомъ. и призка къ свѣт фелешъ краа... парижа (Тр. пр., 251).

В житиях календарные абсолютные даты встречаются редко. Они сообщаются обычно в зачине. Здесь описываются обстоя-
 тельства, при которых произошли „мучения“ святого. Чаще
 всего, как, например, в житии св. Ириней (Суп., 252—254),
 в котором представлена в упрощенном виде схема построения
 всякого „жития—мучения“, эти обстоятельства сводятся к ука-
 занию на то, при каких царях произошло описываемое автором
 жития гонение на христиан: въ лѣто осмондесатое црѣ перьска
 саворѣ гонение бысть на цркви христосовы. и на члчжшгтаа
 влсдразжителѣ бога. и поклѣ цѣсарѣ саворин... (Суп., 254).

Основное содержание жития излагается без употребления
 дат и лишь в заключении приводится дата смерти святого:
 Фкондча же сз скатчи бтцѣ нашѣ и испоконикъ йсакин. мѣсца марта.
 къ. цѣсарствоу йшшоу хрѣстолубивоубоумоу црю реудосию.
 (Суп., 209).

После этого повествование может быть продолжено описа-
 нием „явлений“ святого после смерти каким-то людям во сне
 или наяву и других чудес, которые творили мощи святого.
 Иногда эта часть содержит дату водворения мощей святого;
 заключается она обычно сообщением о том, что мощи святого
 продолжают творить чудеса и до нзинеа. Облекается это сооб-
 щение в трафаретную формулу, например: И тако тж... поло-
 жишж прѣбнаго къ неи мѣщи. къ лѣтѣ $\neq$ s ш г йдеже й до днешнѣго
 лежж $\neq$ дне. различнаа ицѣленѣа твораще къстмз йже сз кѣршж
 къ нимъ приричжчимз къ слава хѣ... (ЖИР, 383).

б) В романе И. Вазова „Под игом“ в издании 1956 г. име-
 ется всего немногим более двух десятков абсолютных календар-
 ных дат. Большинство из них имеет прямое отношение к хро-
 нологии апрельского восстания, лишь две из них касаются со-
 бытий личной жизни героев повествования. Причем только один
 раз дата дается в романе в развернутом виде: *Аз едно време
 ми се случи да ида в Цип — то беше на 1863 год — пак през
 май месеу, на 22-й, по три часа през ноца, събота и об-
 лачно...* (Ваз., 47).

Остальные даты приводятся в свернутом виде. Указывается
 или только год: *Турция ке падне, 1876* (Ваз., 275), или только
 день и месяц: *Умря на осемнайсети априлия* (Ваз., 394).

В первом издании романа была еще одна абсолютная календарная дата, которой начиналась первая глава второй части: *На 1876 година*, апрелий, доктор Соколов *ходеше* развълнувано из стаята си (Ваз., 430).

Несколько раз при описании восстания в Клисуре наряду с абсолютной используется и относительная календарная система отсчета времени: *На 20 априлий* клисурский представитель... пристигна от Копривщица... и обяви, че часът на въстанието удари... *На сутрешния ден*... избираха военен съвет... *На 22 априлий*... убиха двама турци пътници... *На следущия ден* унинието пак се въцари... *От вечера* и пътници престанаха да идат... (Ваз., 304—306).

В нескольких случаях в качестве известной календарной даты используется день празднования церковных праздников: ...Който щяха да изпатят за Джумайския панаир, който бива *на връх Геръовден* (Ваз., 212); Графе, няма ли *дадеш по Коледа* пак някоя комедия? (Ваз., 109). Ср. из старых текстов: *кѣсѣ тѣмами народѣ великомѣ гласомѣ. кѣскрича глагола*... сий же гласѣ до дѣнесанѣго кѣпнижѣ събиражшѣ сѣ. кѣ прѣслакний тѣ день памати стадого конона. (Суп., 35).

В качестве известной календарной даты может использоваться период жизни действующего лица повествования, например: Романът „Под Игото“ е излязал в пет издания *до смъртта* на Вазов (Ваз., 407). Ср. из старых текстов: Тако ѣмоу житие богѣ почѣте. ѣкоже ѣ по смърти ѣго славѣнѣшиша сътвори (Суп., 43); не бой сѣ, господине, ѣ млада того нѣсмѣ створилѣ да спаца китеза погубѣлѣ (Тр. пр., 262 — ср. перевод на современный болгарский: не бой се, господине, аз и *на млади* подобно нещю не съм сторвал — заспал юнак да погубя (Тр. пр., 124); ѣз младенства своѣго чистю пожика житѣе (М. в., 184) — ср. из новых текстов: ...Мирончо по после казваше, че чорбаджи Арменко *през живота си* предаваше патриотите... (Станк., 204).

Все остальные события, описываемые в романе, как имеющие непосредственное отношение к развитию восстания, так и факты, не имеющие к этому прямого отношения, большей частью вообще не датируются, а если и датируются, то устанавливается их относительная хронология и подчас в весьма общей форме. Но хотя относительная хронология выражается особыми неглагольными формами времени далеко не для каждого действия, описываемого в романе, тем не менее случаи употребления сочетаний форм времени с обстоятельствами времени такого рода в тексте романа исчисляются трехзначной цифрой. И если в приведенных выше примерах употребляется ограниченный круг форм — преимущественно формы аориста, и только дважды формы имперфекта и по одному разу формы будущего времени

и будущего в прошедшем — то примеры на сочетание с обстоятельствами времени, указывающими на относительную хронологию, имеются на формы всех времен, и абсолютных, и относительных, кроме *futurum exactum*, которое вообще не употребляется в романе.

§ 9. К датированию событий по календарю авторы могут и не прибегать, но относительная хронология излагаемых событий всегда находит себе то или иное выражение в тексте.

В пределах одного произведения действует своя система отсчета времени, в которой за исходный МО берется какое-либо из повествуемых событий. Хронология всех остальных событий определяется относительно этого исходного события.

При этом действие может быть обозначено любой формой времени. Его отношение к исходному событию если выражается специально, то не личными формами времени, а с помощью причастий или других частей речи. Вот как, например, начинается повествование в Троянской притче: *беше въ пръвое время* единъ кра иже са зовѣше именемъ пришеда краа, и бѣше сѣло богата, *и поиде въ нѣкои днь* локъз локити, понеже драго му бѣше локити... по томъ придешиз кра остартѣ, и роди сна ... вѣще приизда ѿца ского по смърти его (Тр. пр., 250).

Исходным моментом, относительно которого определяется хронология действий в романе „Под игото“, является тот вечер, когда Кралич, главный герой романа, появляется в селении Бяла Черква после побега из знаменитой турецкой тюрьмы в Диарбекире: *Тая прохладна майска вечер* чорбаджи Марко... вечеряше с челядта си на двора... Изрухтя нещо в тъмното дьно на двора... — Кой е тука? — попита Марко. — Бай Марко, не се бойте, ваш човек съм!... — Домашните се успокоиха... В твоя час вратнята се похлопа яката... — Чорбаджи отвори! извика по турски... при първото потропване на портата и без да помни и знае как, Иван Краличът се префърли обратно през зида... (Ваз., 1—12).

Во II и III главах рассказывается о последующих приключениях, происшедших с Иваном Краличем в эту ночь. В IV главе опять продолжается рассказ о том, что произошло в доме Марко в отсутствие Кралича. Глава начинается с напоминания о бегстве Кралича: *Когато Марко отвори снощи* вратнята, след *избягането* на Кралича той се срещна на прага с онбашият и заптиетата му, които предпазливо нахълтаха вътре. — Какво има тука, Марко чорбаджи? — попита онбашият... (Ваз., 25).

§ 10. Относительная хронология действий выражается двумя способами: или указанием на отрезок времени совершения действия или путем указания на отрезок времени, разделяющий

совершение одного действия от другого. Отрезок этот отсчитывается от времени действия, которое уже получило в тексте какое-то указание на временную определенность. Таким образом, в пределах каждого отдельного произведения действуют своя абсолютная и относительная системы отсчета времени.

В качестве отрезка времени, к которому приурочивается действие в относительной хронологии, может выступать любая единица измерения времени, применяемая в календарной хронологии: год и то или иное время года; сутки и та или иная часть суток, час и та или иная его часть, минута и т. д. Приведем примеры.

Формы времени сочетаются с обстоятельствами, указывающими на период времени года, например: *Но една-две недели през зимата ханчето не посрещат пътници... Именно сега пътят беше затворен и ханчето пустееше.* (Ваз., 159).

Лете тук се живееше леко и добре, ала зиме... животът ставаше труден... и посред бял ден виеха и ровеха снега около хижите... (Станк., 199); *въ вре́ма жа́теѣ шъдъши да съберѣтъ класъ на пшѣтъ събѣ. положи на земи сна ско́его...* (Суп., 43).

В качестве отрезка, которым датируется действие, чаще выступают сутки или та или иная часть суток, например:

из новых текстов: *Можем ли пратим някого... за Бяла Черква утре?* (Ваз., 327); *Е, довечера ще идем там у попа* (Ваз., 116); — *Кога ще дойде? — Надвечер*, по мръкнало (Ваз., 85); *Сутрин той оставяше шарената... черга... на чардака и вечер я намираше пак там.* (Станк., 199); *Влазяше една гостенка. Тя беше Рада. Тя едвам днес бе узнала за Лалка* (Ваз., 458); *Сутринта слънцето беше пак изгряло...* (Ваз., 260); *Нощес бе паднал сняг* (Ваз., 133); *Драмата „Многострадална Геновева“, която щеше да се представи довечера в мъжкото училище, не е позната на повечето млади читатели* (Ваз., 91); *Каблешков е дошел снощи* (Ваз., 201); *На, и завчера какви гнусотии са се пели на театъра...* (Ваз., 118), *Но луд ли си, Крайч? Още в първият ден ще вляза в клопката: мене ме дирят по листо* (Ваз., 419); *Той на другия ден от сцената, която разказахме, беше оставил манастира и отишъл в Клисура от срам* (Ваз., 251). *Утре в 5 ч. заминавам за Варна* (Янакиев, 426); *Друг ешелон от моторни коли тръгваше в шест часа сутринта* (Санк., 200); *Дошел съм тука още в 7 часа* (Андр., 175); — *Как? Той е излязал тоя път по-рано? — Пак по същия час, но аз изгубих време с колебанията си на двора...* (Ваз., 250);

из старых текстов: *дньсь довро ксть вре́ма пакы рѣшѣти. пророчѣскый бнз гласъ. где ти слъмати жало где ти дде повѣда.* (Суп., 487); *и тако на оу́тринѣ късь градъ... несоша и*

прокаждажште дожи и до погребения (Суп., 208); за отра
изиде Екторъ краля и начаста са бити са съ Цицелеш^а и набази Ци-
целеша Ектора и ърка его (Тр. пр., 262); въ дутрѣи ж^о рѣ^а на-
рш^а многа пришеди кз праз^аника слѣшавше ꙗко ꙗ градета
кз ѡр^ома, приаша кѣе ѡ финика, изидоуша кз срѣтеніе ѡмоу
(Ц. Слово, 39); Идущимъ же намъ и гѣ дна разбсѣ са кона ѡ
падъ изаши (Чудо, 215); ср. перевод на современный болгар-
ский язык: като вървѣхме на *третия* день първият ми конъ
се поболѣ, падна и издѣхна. (Чудо, 47); погребоша поштинѣ стоѣ
ѡго тѣло (Суп., 538), вѣкз поштинѣ пристѣдѣше оу тѣла на съблю-
даніе ѡмѣ (Суп., 537);

§ 11. Формы времени могут сочетаться и с такими обстоя-
тельствами времени, которые указывают лишь на определен-
ность момента (времени) совершения действия, никак дальше
не уточняя его, подобно тому, как придает определенность су-
ществительному сочетающийся с ним артикль. Например:

из новых текстов: *Едно време...* той ме *защищава*
(Масл., 268); *Една сутрин...* *пристигнаха* лека кола (Веж.,
11); На мястото на новата постройка *стоеше някога* бащината
му къща! (Масл., 258); Някога и той *е бил* младеж, и той ги
е водил по хора и седенки (Очерк, 240); *Аз никога се не кая*,
кога сторя малко добро някому (Ваз., 52); Един вѣлк *никога*
не се решаваше да умре от глад пред едно стадо овци. *Зѣбите*
на псетата не по-малко дѣрпат, *отколкото зѣбите на глада*
(Ваз., 353); Ти си чиста душа. *Никога не си дигнала* рѣка
срящу човек (Андр., 176); нѣкои члѣк ако не *бѣше* го *видѣлъ*
никога и да го *видѣше* меж^ѣ многу людіе *познаеше* го ѡ ли-
цѣто мѣ ... (Копр., 99);

из старых текстов: ꙗкоже *инъгда* двѣта кѣйма лѣжа-
кома бѣа сакры кз горахъ живѣште... ѡ за *власы* вѣчаахъ ѡ
плачѣшга *ведѣахъ*... (Суп., 40); въ нѣкыи *днь* повеле Елена
цѣрица хоро играти (Тр. пр. 255); на рѣци ми... и скажю ти
таины многи, и хъ же не *видѣ члѣка* *николиже* (Вар., 194); *никогѣ*
тако не *скриль сж* еси ѡ мене (А и Е, 212).

§ 12. Обстоятельства времени, предполагающие ссылку на пре-
дыдущий текст, бывают двух родов. Одни представляют собой
сочетания тех же имен существительных, обозначающих различные
единицы времени в календарной системе отсчета, с соответствующи-
ми указательными местоимениями, другие являются особыми
лексемами (*сега*, *тогава* и т. п.), например:

1. Из новых текстов: *Тая вечер* *има*ме тѣка....
(Ваз., 164); ... момчето го пратих в Бяла Черква, то *тая вечер*
ще си доде. Пѣк *сега* искам да прескокна до село ... (Ваз., 163);

Тая вечер Иван Дългия щеше да се откъсне от кооперативното стопанство (В. Геновска); Тая нощ си откранда невеста. (Ваз., 179); ... който беше зафанал тая нощ с шурмуване (Ваз., 22); из старых текстов (XV—XVI вв.): ка сѣа ноцѣ иде сѣ п'хурѣ и ѿгрѣзе емѣ глабѣж.... (Ак, 243); сѣи п'хурѣ великѣа ми естѣ вѣдѣж сѣтворилѣ въ сѣа ноцѣ (Ак, 242); въ сѣж ноцѣ дѣшѣ ткожѣ йстажжѣтѣ ѿ тебе (Ц. Беседа, 62);

из новых текстов: Тя живее сега в Клисуре.. (Ваз. 259); Аз видях сега пример на родолюбие от вас (Ваз., 249); Сега пък ще ме връзваш ли? (Ваз., 163); Сега за къде отиваше? (Очерк, 236); Той сега беше навършил седемдесетте години... (Ваз., 152);

из старых текстов: и прѣдавѣи б дѣснѣжѣ бт'ца сѣдитѣ на невисѣхѣ. ѣ прѣдавѣи въ дѣтѣ нѣниѣ кѣстѣ (Суп., 405); прѣвѣтѣ вѣчѣрашѣнаго владыка на крѣстѣ вѣашѣ. нѣ вѣскрѣсе нѣниѣ. такожде и сѣи прѣвѣтѣ вѣчѣрашѣнаго. подѣ грѣхѣомѣ дрѣжимѣ вѣдѣж, нѣ нѣниѣ вѣсташѣ сѣ хрѣстѣомѣ. (Суп., 495).

2. Из новых текстов: Онбашият постоя малко, па си излезе. Тогава гледам, че забравил писмото! ... Какво да чина? А нямаше време да мисля. Тогава ми доде нещо в главата. (Ваз., 53); Е довечера ще идем у поп Ставря?.. — Добре, ще те чакам у дома тогава (Ваз., 116); Неколцина души се повалиха... В тоя момент Огнянов съгледа, че.. (Ваз., 338); В същото време Бързобегунекът сам поддържаше кореспонденция с външни места... (Ваз., 197); А то се бе случило в същото онова време, когато и Огнянов се беше появил в града (Ваз., 137); тогазикато чю он'зи ар'хѣреи, тече и истрѣгна сабиата (Копр., 98, ср. в Хандж., 295 об. тогава така оуслыша... тече); и кога се разѣде съборѣ, тогазы го ще и сѣды (Копр., 90); В оновѣ врѣме бѣше нѣкои члѣкъ богѣтъ оу тоѣзи гра (Копр., 83);

из старых текстов: Тогда мѣжѣе кѣси тожѣ вѣстѣжѣтѣ сѣ шѣбѣѣ, йдѣтѣ въ горѣж (Вар. Охр., 52); ... тѣгда... апостѣолѣ похода азѣкѣы. доидѣ и къ странамѣ йсаурѣскимѣ (Суп., 24); привезутъ къ великѣжѣ црѣкѣвѣ. йже тѣгда йрини нарицадѣше сѣ. (Суп., 208); иже въ просвѣти въ сѣи лѣта (Чудо., 213 — ср. перевод на современный болгарский: когато Бог просвѣти... през тия години... Чудо, 45).

3. Из новых текстов: А броженнето расте всеки ден... (Ваз., 84); ... чини ми се че ще те изгубя навсегда... (Ваз., 258—259); Да, скорците дойдоха. Няма лъжа пролетта настъпва... Скорците дойдоха. Така беше лани, полани, така е било всякога. (Е.—П., V, 98);

из старых текстов: и того ради въ вѣкѣы веселите сѣ (Суп., 68); сѣи нарече сѣ прѣпростѣи въ сѣнѣ братнѣжѣ. ижеже молитѣами

причастници бѣдемъ цѣсарства небезскадго нѣинѣ и присно ѿ вѣ вѣкы вѣкомъ ами^в (Суп., 147); и вѣзахъ земля ихъ Саракине къ достоиніе и вѣсѣгда прѣвѣваетъ тако (А от Т, 269); и по вѣсѣ дни тако ткорухъ (А от Т, 267).

§ 13. Относительная хронология действий в пределах данного произведения может быть установлена путем исчисления в календарных единицах времени того промежутка, который отделяет одно действие от другого. Этот промежуток может быть любой продолжительности. В болгарском языке все формы времени могут сочетаться с обстоятельством времени такого рода. Действия, только что совершившиеся, могут обозначаться не только формами А, но и формами Пл, а также любыми другими формами времени. Вместе с тем „давнопрошедшее“ действие может обозначаться не только формами плюсквамперфекта, но и формами А, а также другими формами времени. Например:

из новых текстов: 1) Ти трѣгваш тѣй скоро! (Ваз., 258); *Скоро*, деца, *ще имате* хляб. Бабайко и Батю *ще* ви донесат (Очерк, 242—243); *Скоро подир тоя честен подвиг...* отец Иеротей *се помина* тихо (Ваз., 251); 2) *Току-що* Стефчов *излезе* днес от дядови си, за да иде при бея, след него *излязеше* жена му (Ваз., 224); Трите жени и отец Павел, кой-то *току-що се канеше да излезе*, погледнаха *влезлия* (Е.-П. V, 32); Павел *седеше...* и препрочиташе... писмо, което *току-що бе получил...* (Е.-П. III, 54—55); *Токо-що са изкласиле* и зафатат вече и да цѣфтят (Масл., 277); 3) Там *преди три години* *нощуваше* покойният Левски (Ваз., 31),... дякон Левски *беше умрял преди три години* (Ваз., 162); *Преди три години* фотографът Х-в *е живял* в Бяла-Черква... (Ваз., 419);... *пред стотина години*, насяха го навред по топлите места (Бер., 70); 4) ... *се крих досега* в Хамбаревата воденица (Ваз., 386); Крайчѣт *следеше досега...* сцената, която се разиграваше отпреде му... (Ваз., 18); Той *до сега не беше видял* кръв (Ваз., 18); Тя *е била до днес* жертва на цял ред глупи предразсъдки... (Ваз., 126);

из старых текстов: И мало бездѣшастковака пакы скоро вѣста (М. в., 212); Но крѣмени же дѣлѣтѣ дѣшти нѣкоего свѣтѣтника отъ нечиста вѣса мѣжима капнѣше стѣгѣо призывающти ѿ ѿтолѣ, дѣво казѣваше се какока хѣцѣта быти до послѣда къ добродѣтели (Хандж., л. 283 об. — ср. соответствующее место в Коприщенском дамаскине: и ѿ *тогазы показваше се* как' *се ще да бѣде* и до послѣ със добро что ще да чини — Копр., 82);... друго не думаха, ами тѣкмо за (си)на имь геѿргѣа-детосе минь' годѣната какъ самсѣ прѣдстѣаше натрапезата, ислугуваше... (Любл., 526); бѣше тогда архіерей петрь... ѿнѣже херотонисань бы(с) а́рія, начеть ѿтолѣ глѣти глѣ хлѣные (Хандж., 287 об. — ср. соответствующее место в Коприщенском дамаскине: и ѿ как го

хоритониса петръ авхїереи ѿ тогази почѣ да хѣли на га ба — Корп., 89); Блаженїи же то слышавъ оубоѣ са. не оубо бѣаше догола видѣла аггела ... (Суп., 122—123).

Формы времени и последовательность действий

§ 14. Известно, что формы А широко используются при описании цепи последовательных действий. В литературе о славянском глаголе сложилась традиция связывать это с особым значением этих форм. Этой традиции, как мы видели, следуют и авторы последних названных выше работ по употреблению форм времени в болгарском языке. Они объясняют такое употребление форм А тем, что в значении этих форм входит указание на „определенность момента совершения действия, ими обозначаемого“.

Определенность времени действия (см. 45—50 стр. настоящей работы), безусловно, всегда выражает последовательность действий: если для каждого действия из ряда каких-то действий определено расстояние этого действия по оси времени от момента отсчета, то таким образом указана и последовательность всех действий этого ряда. Например: *Сегодня я в 9 часов пришел на работу, в 2 часа пошел обедать и в 5 часов вернулся домой.*

Но последовательность действий из какого-то ряда можно указать и не определяя расстояния каждого из этих действий по временной оси от момента отсчета. Например: *Сегодня я пришел на работу, потом пошел обедать, а затем вернулся домой.* Последовательность действий, таким образом, можно выразить лексически, с помощью специальных слов. Но бывает и так, что при отсутствии в предложении специальных показателей мы все-таки правильно воспринимаем ход событий. Он подсказывается порядком их перечисления в речи, что можно проиллюстрировать на одном из примеров М. А. Леонидовой: *В това време изгърмя пушка от кошарата и планинските екове повториха и продължиха гърмежа* (стр. 117). Текст приведен М. А. Леонидовой в качестве одного из примеров того, что „аорист совершенного вида... означает действие, приуроченное говорящим к определенному моменту в прошлом“. В нем, действительно, есть обстоятельство, указывающее на момент совершения действий, обозначенных формами аориста *изгърмя, повториха, продължиха*.

Но как мы уже говорили, раскрытие содержания этого обстоятельства (*в това време*) требует обращения к предыдущему контексту. Без этого определенность момента оказывается неясной. И между тем порядок следования действий очевиден. Заметим еще следующее, что точное значение реального наполнения содержания обстоятельства времени ничего не дало бы для понимания порядка следования действий, потому что оно опреде-

ляет время для всех действий, взятых вместе, а не для каждого из них в отдельности. На основании предыдущего контекста и этого обстоятельства времени можно было бы судить лишь о порядке следования этих действий относительно действий предшествующего контекста, а не о порядке следования внутри ряда самих этих действий. Обстоятельство *в това време* можно удалить из предложения без ущерба для понимания последовательности действий, обозначенных названными выше формами аориста. В таком случае, может быть, действительно эти формы времени „сами по себе“ способны выражать последовательность действий? Отнюдь нет. Представление об этом мы получаем вовсе не благодаря присутствию форм А. Употребление других форм времени, например форм настоящего времени или будущего времени, не изменит представления о порядке следования описываемых действий, не затронет его восприятия, потому что в понимании последовательности действий мы в данном случае опираемся на свой внеязыковый опыт. Каждый, у кого есть представление о явлении, именуемом эхом, о котором идет речь в рассматриваемом предложении, тот всегда поймет, что порядок сообщения форм времени *изгърмя, повториха и продължиха* отражает естественный ход событий.

Того же рода случай представляет и третий пример, приводимый М. А. Леонидовой и процитированный выше (см. стр. 50).

§ 15. Хотя формы А широко используются и в новых, и в старых болгарских текстах для обозначения цепи последовательных действий, тем не менее такое употребление не является сферой употребления только форм аориста. Последовательные действия могут обозначаться рядом форм любого другого времени как из группы абсолютных, так и из группы относительных времен. Приведем примеры.

Формы настоящего времени. Из новых текстов: *Ленът ся сей* пролет и *пораства* на височена колкото един лакат и половина... Пък стеблата му *топят* в вода, ачи го *изваждат*, та го *тепят, валят, чешат, влачат, предат, варят, пират, сноват, навиват, такат, белят, кроят, шият*, и като притегли толкози муки, *става риза* или друга дреха (Бер., 72); *Еньо се усмихва* и спира продължителен поглед на Цвета. *Тя усеща, смущава се и изпуска* нещо... (Е.-П. III, 93).

Из старых текстов: (Дьявол) *ѿхъди...кз... стго вратѣ... дврѣтаеть игѡ... недѡбмѣждѡ ѡ лишени-отрѣпка, ѡ глеть емѡ... (ЖИР, 373);* *локѣца ѡземлеть стрѣлж... ѡ дѣлѣ ѡстѣкает ѡ рѣврз ѡгѡ ѡстѡчника мѡра... (Вар. Охр., 51); ...мои господѡна црѣ ѿнагрѣппа, еже помыслить, то и сътворить къ единая часа (Ак., 242).*

Формы будущего времени. Из новых текстов: *Тая вечер... Иван Дълги ще напусне кооперативното стопанство.*

Дал съм му дума: щом напусне, ти ще се стодиш за неговия син... (В. Геновска).

Из старых текстов: *Идма бо знадаше. како Гъ синти хоцеть на землж и шелеци(с) хоце(т) ка чакчи шобраза и попрати хоцеть диакла (А и Е, 215); възплака са велико и ре(ч): горе мнѣ камо дѣнж са! Теофана ре(ч): Млачи... аза та прикедж и погоубиши црѣ, и ты бждеши црѣ (К. Т., 308).*

Из всех относительных форм времени чаще всего для обозначения последовательных действий употребляются формы И как несовершенного вида, так и совершенного. И это совершенно естественно, так как формы И, как мы видели, употребляются во всех текстах несравненно чаще, чем формы других относительных времен. Обычно последовательные действия, обозначенные формами И, представляют собой цепь повторяющихся событий, с помощью которых описывается какая-нибудь типичная ситуация. Несравненно реже формами имперфекта обозначаются последовательные конкретные действия.

Что касается других относительных времен, то такого преимущественного употребления этих форм для обозначения последовательных действий обобщенных ситуаций не наблюдается. Во всяком случае легче найти примеры на употребление этих форм для обозначения последовательных действий конкретных ситуаций. Приведем примеры.

Формы имперфекта. Из новых текстов: *Белчо отиваше до реката, пиеше вода и пак спокойно... се връщаше на мястото... Привечер той пак излизаше самичък... и пак се връщаше (Е.-П. II, 27).*

Ср. аналогичный контекст с формами А: *По едно време той стана и бавно се отдели от нас. След това тръгна и... излезе из портата... Той спря до малкото мостче, пи вода, стоя дълго и... прегази реката и се опѣти към близката наша нива... (Е.-П. II, 30); Станка слушаше жадно... После лягаше тихо, затваряше очи и шепнеше бавно: Цвето, остави ме да си почина (Е.-П. III, 125—126); Графът зафана да говори, а кака Гинка му суфлираше от чиновете. А когато графът пропуснеше или променяше някоя дума, тя извикваше: „Сбърка!“ (Ваз., 93).*

Из старых текстов: *мнози же ѿ ѿни прихощаахъ къ нѣмоу различнѣмъ. аза ѿмжште. ѿ вси... ѿцѣлаеми отъхождаахъ (Суп., 518—519); къ сжотж же ѿ ка неѣлаж правѣе влсехъ въхождааше къ црѣкке ѿ по влстѣхъ исхождааше послѣжде... (Суп., 284—285); Мнози бешъ къ нѣмѣ прихощаахъ неѣжжнѣжъ свожъ принѣсаще, и молитвами егѣ зарави тѣхъ прѣмлаще и шхождаахъ... (ЖИР, 380); ... а нептенбоуша именемъ идѣше къ морѣ, и носѣше из морѣ варъ (Тр. пр., 253); ѿцѣлаахъ са*

Ѡ помазанѣта мѣра сѣдѣ и славлѣахъ бѣ всѣи ѡ бѣвѣшиха чюдеси... (Вар. Охр., 53).

Ср. аналогичный контекст с формами аориста: ... и ѣко сѣрѣахъ кзвѣта Ѡ ребрѣ ѣдѣ ѡко ѣго прозрѣ и прослави бѣ ловѣца и сѣтѣ Ѡ бчѣсно * прозрѣни (Вар. Охр., 51); Они же склзавше ѣгѡ вѣтѣахъ (sic!) сз нажжеж. и паше на землѣ, прѣшаахъ бавѣнта полѣчѣти. Ѡнже... въпрашаше прѣшествѣа кнѣж... (ЖИР, 376).

Формы плюсквамперфекта. Из новых текстов: ... Първия ден Белчо не иска да върви с тия палави дечурлига и се върна обиден, още не излязъл от селото. Телчарчето напразно бе се опитало да го откара. Белчо беше му изфучал така сърдито и така страшно бе си навел рогата към него, че то се уплашило и го оставило (Е.-П., II, 27); ... беше се оттеглила полека и беше влязла в една стая; там се бе тръснала на миндера с глава надолу и заплакала с глас (Ваз., 111).

Из старых текстов: и вѣхъ пѣннѣ грѣчѣстѣи кнѣзи тронскѣхъ странѣ, и привеле вѣшъ рѣжеоуша попа дѣщере рѣжеоудъ господѣж, коа вѣше наипшадъ къ тронскѣхъ странахъ (Тр. пр., 259).

Формы будущего в прошедшем: Тая вечер Иван Дългият щеше да се откъсне от кооперативното стопанство. А щом Иван се откъсне, щяха и другите да тръгнат след него (В. Геновска). Ср. выше аналогичное употребление форм будущего неотнносительного.

Формы перфекта. Из новых текстов: Вървим из пътя и аз си мисля: Василка не е глупава да стои в такава време, затворила е хана и се е прибрала в града. (Андр., 179).

Знам ги аз жените. Видяла ме е и е рекла, чакай уж да се скрия, та да го подмамя (Е.-П., II, 85); Станка чувствуваше, че някой е дошел и е съборил скала върху нея (Е.-П., III, 124).

Из старых текстов: ... рече ѣмоу попѣ калкашѣ оубили сѣ кнѣзи обрѣтѣше кошоутѣж вилѣ пророчицѣ фелешѣ господѣж и прогневала сѣ ѣ на нѣхъ(з) и поустѣла ѣ вѣнѣнѣ на морѣ да погоубѣтѣ кѣа грѣчѣскѣхъ корабѣж (Тр. пр., 256); ср. формы аориста в аналогичном контексте: ... и ѡвишъ онѣж кошоутѣж кнѣзе агамѣна царѣ ... и ѡвѣдѣ что фелешѣ господѣж и разгнѣва сѣ кѣлми и поустѣ кѣликѣхъ вѣнѣнѣ на морѣ, да погоубѣтѣ кѣа корабѣа грѣцкѣхъ... (Тр. пр., 256).

§ 16. Ряд последовательных действий может выражаться не только набором одноименных форм времени, с чем мы имели

дело во всех приведенных выше случаях, но и набором разноименных форм времени²².

В болгарских текстах, как старых, так и новых, формами И также могут обозначаться не только действия, одновременные действиям, обозначаемым формами А, но и действия, которые не совпадают по времени с действиями, обозначенными формами А. Так действия, обозначенные формами И, могут обозначать действия, предшествующие действиям, обозначенным формами А, например: Христина *играеше* лудо... и насмешливо *поглеждаше* младия воденичар. *После* тя отведнаж се *пусна* от хорото, *затица се* с подпряна на хълбок лява ръка... *изкомандува* му: — Ръченица! (Е.-П. I, 185), или следовать за ними, например: Няколко железни лакти *притиснаха* слабите му ребра, да ги строшат. Той *се задъхваше*... (Ваз., 139); Кольо извика кученцето... *веднага се запъти* към центъра на града. След десетина минути той *стоеше* на един зид... (Станк., 204); Изпитът *се свърши* ... *преди няколко дена* и учителката ... *дописваше* свидетелства на децата... (Е.-П. II, 109).

Ср. примеры из старых текстов: *коня приведе*... *въпраже* къ жрзнзкви... и *меляше* (Суп., 565); *егда ѿ морѣ изыде* и *молѣше* сѧ покрзвѣноу вѣти (Вар. Охр., 45); ... *рекнѡстѣж* разж^а и сѧ *црѧ*... *течѧше* ѧко же *ѣленз*... *поѣт* вѡ *сз* *свбѡж* *ѣже* *тѡмѡ* *любезнѣишжѧ*, *вѣстрѣ* къ *гврѣ* *течѧхж*. *ѡврѣ* *тошж* *кѧменз*... *недѡувзшественз*... *взвратншж* сѧ. *двѣже* на *дрѡгѣ* *взсхѡдѧ* гврѣ и ѡтѣдѡ *показовахж* *ѣмѡ*... *кѧменз* *ѣдеже* *прпобныи* *живѣше*. *И* не *кззможѣ* *тѧмо* *црѧ* *поити* *стрзъмнинѧ* *радн*... *нѣ* *двѣ* *погѧлетз* *двѡ* *отрѡка* *ѣхже* *сѧмѡ* *любѣѧше*... *вѡ* *кѣ* *сѧстѧ* *желѧше* *ѣгѡ* *видѣти* (ЖИР, 378).

Формы И *течѧхж* и *показовахж* в последнем тексте, впе­таются в канву раз­вертывающегося повествования, составляя одно из звеньев ряда последовательных событий. Это особенно рельефно выглядит благодаря присутствию других форм И *живѣше*, *любѣѧше*, *желѧше*, которыми обозначаются действия, явно не вписывающиеся в эту канву.

Последовательные действия могут передаваться также и с помощью другого набора форм разных времен. Например, они могут обозначаться рядом форм А и П: До тогава не бях виждала влака! Като *отидох* в Михайловград, вечерта *попитах* М. какво е това, дето *пици*. Тя ми *каза*, че е влака. *И на другия ден* ме *е водила* на гарата да ми *покаже* влака (Деянова, стр. 60).

²² И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, стр. 106—107.

Ср. из старых текстов: и обггаки ониеша господжа александра, и поиде на еленж царицж карати са с неа и рече еи помѣни, нбыто нбы три сѣдѣхома къ мор(а)скомъ отоцѣ, и дон(а)е тезиша китезъ, и каза тебе измеждж нас(а), и по том(ъ) та е възалъ менелосуша царя, а сези си къ третиа постела прѣланьбы сътвориша, а мене изгнаша да се хоцет(а) са за тебе великаа крѣвж пролиати. (Тр. пр., 258).

Ряд последовательных действий может быть выражен также рядом форм Пл и А, при этом формами Пл могут быть обозначены как действия, составляющие звено, предшествующее действиям, обозначенным формами аориста, так и такие действия, которые представляют звено, следующее за действиями, обозначенными формами аориста. Первый случай ничего необычного не представляет и не является для форм плюсквамперфекта показательным и поэтому не нуждается в иллюстрации, второй же весьма примечателен и требует специального рассмотрения, что и будет сделано в разделе, посвященном этим формам (см. стр. 89—93). Здесь же приведем один пример без комментария: *Бе изминала една година от деня, в които Борис постъпи в склада на „Никотиана“* (Масл., 284).

§ 17. Мы так подробно останавливаемся на вопросе о средствах выражения последовательности действий потому, что очень часто последовательность действий рассматривается исследователями как признак их отнесенности к основной сюжетной линии, как признак того, что такие действия относятся автором к первому плану, являются целью его сообщения.

Выражения „цепь последовательных событий“ и „действия основной сюжетной линии“ или „действия развертывающегося повествования“ употребляются обычно как синонимы, в то время как на самом деле за ними скрываются явления, перекрещивающиеся, но не тождественные. С одной стороны, действия первого плана сообщения могут передаваться говорящим не в их реальной последовательности, а с другой стороны, действия второго плана могут излагаться с соблюдением их реальной последовательности. Поэтому как формами относительных времен, так и формами неотносительных времен могут обозначаться и „последовательные“ и „непоследовательные“ действия.

Таким образом, сама по себе последовательность действий не может служить признаком того, что эти действия составляют основную сюжетную линию повествования.

§ 18. Далеко не всегда, как мы уже сказали, порядок перечисления действий, обозначенных формами времени, передает действительную последовательность событий. На это указывал еще Ю. С. Маслов в связи с рассмотрением употребления болгарского аориста. Он приводил такие примеры: *После седна до*

печката, *като остави* вратата отключена и *почна* да плете (порусски: 'оставив дверь отпертой'); *Велка легна* в стайчката, *дето умря* баба ѝ²³.

На основании этих наблюдений Ю. С. Маслов пришел к выводу о том, что „значение следования во времени за другим действием никак не присуще формам совершенного аориста как таковым“²⁴.

В старых болгарских текстах любого периода формы аориста чаще всего встречаются в таких контекстах, где ими обозначаются последовательные действия (примеры на такое употребление см. ниже, стр. 71). Однако и в них можно наблюдать „регресс в повествовании“. Ср. например: ... *посла* къ немуу *цѣтко* ми ѝ *проси* ёмоу село... Хантакъ на има *стаго*... Γεωργία. *ѣже* ѝ *бѣтъз* *абѣ*... и *подаде* таковоу село... къ коли *цѣтка* ми имже *образомъ* *проси* ѣ *цѣтко* ми (Зогр. гр., 589).

§ 19. Несоответствие в передаче действительного хода событий можно наблюдать не только в таких контекстах, где употребляются формы А, но также и в таких контекстах, где употребляются формы других времен, например формы перфекта: *Лалка* ѝ *казва* душата си. Ти нито знаеш колко *сълзи е проляла*, когато те *откараха* за К... и каква *радост е била*, когато са те *освободили*. Рада всичко това *е видяла*. (Ваз., 114), или формы настоящего времени: *сега* азъ *ѿхождамъ* на дълъгъ *пѣ* и тебѣ *прѣдава* * *стѣмѣ* *кѡз'мѣ* и *дамѣанѣ* и *тѣе* да ти *бѣдѣт* на *помощь* (Копр., 29), или формы плюсквамперфекта: И некоя *женѣ* *дето*... *бѣше видѣла* и *чюла*, *щѡ бѣше рекаль* *ѡма* *ономѣзи* *мом'ку*... *ре'*... (Копр., 2).

§ 20. В болгарском языке и в древнюю пору, и в настоящее время формами А, как и прочими формами времени, могут обозначаться не только действия, предшествовавшие другим действиям, но и действия, одновременные другим действиям. Приведем примеры:

Формы аориста: — *Какво има?* — *попита* любопитно тя, но *лицето* ѝ *запази* спокойна незаинтересованост. (Е.-П., III, 122); *Жената отвори* *полека* и *влезе*: *Заедно* с нея *влезе* и *застана* в *тъмната* и *бедна работилница* *хубавият* *пролетен ден*, *който цареше* *вън*. (Е.-П. V. 19). Ср. из древних текстов: И *приде* *Михаила* и *срѣте* и *ангѣл* *иже бѣ* *съ мною* (Вар., 199).

Формы настоящего времени: *Брат* *му Иван* *стои смирено*... *слуша* *молитвите* и *се кръсти* *бързо* (Е.-П., III, 92).

²³ Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, значение и употребление. „Вопросы грамматики болгарского литературного языка“. М., 1959, стр. 254.

²⁴ Там же.

Ср. из старых текстов: аще *призыраж* на *кга*, то *стож* и *тра-*
сжт са стгахω* (Ен., 178).

Формы имперфекта: ... Но той не *виждаше* как зло-
вещо го *гледаше* в това време онбашият (Ваз., 101); Той
вървеше бавно... *държеше* глава си гордо... (Е.-П. II, 26);
На другия ден аз *седях* в градината у дома и *мислех* за
снощната случка... (Е.-П. II, 68). Ср. из старых текстов: се
помъсликзша *идѣаховѣ* ѿ се *мвз идѣаше* *нагърашгж* нама (Суп.,
296—297); *вѣше* *сжбота* *ѣга* *творѣше* ѿ *нграаше* ѿ *многы* *дѣти*
тѣ *вѣхж* *сз* *ни* ѿ *нграахж*. (Ев. Фомы, 139).

Формы плюсквамперфекта: А то *се* *бе* *случило*
в същото онова време, когато и Огнянов *се* *беше* *появил*
в града (Ваз., 137). Ср. из старых текстов: И сичкы люде
гледаха онъси *рѣка* да ю *познають* *чѣ* е. И некоѧ жена *дето*...
бѣше *видѣла* и *чюла* *що* *бѣше* *рѣкаль* *ѳома* *ономѣзи* *момѣкѣ*...
ре... (Копр., 1—2).

§ 21. Обратим, наконец, внимание на такие контексты — они
встречаются не так уж редко, — когда формами А обознача-
ются такие действия, о порядке следования которых, как ока-
зывается, сказать ничего нельзя; он остается невыраженным,
несмотря на присутствие форм А.

Ю. С. Маслов уже отмечал возможность такого употребле-
ния для форм А несовершенного вида. Он приводит такой при-
мер: *И не се върна. Ходи той от град в град, дълго носи*
чирашката пристилка, спа на голите дъски на работилни-
ците, гладува и най-после се измъкна с професия в живота
и комментирует его следующим образом: „Здесь действия, вы-
раженные формами *ходи, носи, спа, гладува*, не следовали друг
за другом, а происходили в один период времени, сочетаясь
или перемежаясь друг с другом“²⁵.

Аналогичные примеры можно привести и из старых болгар-
ских текстов: они же *ѡхѡда* *хкалаше* *ба* *ѿ* *кзѣхж* *таже* *видѣшж*
и *слѣшашж* (ЖИР, 375); *сз* *ниди* *на* *земла* и *скажи*... *ѣ* *нико* *гла* *к* *тебѣ*,
и *ѣ* *нико* *видѣ* *ѡ* *нижнѣго* *нѣсе* *до* *прѣстола* *моего* (Ен., 178).

Однако в такого рода перечислительных контекстах могут
употребляться не только формы А несовершенного вида, но и
формы А совершенного вида, а также формы любых других
времен.

Заметим, что среди примеров, которые М. А. Леонидова
приводит на употребление форм аориста совершенного вида,
имеется как раз такой, в котором хронологическая последова-
тельность действий, обозначенных формами А, остается невы-

²⁵ Ю. С. Маслов. Очерк., 234—235.

раженной. Приведем его: „Известността му бързо порасна, влезна в хижата, развълнува градовете, изпълни планините“ („Немили-недраги“, стр. 74)²⁶. Здесь в весьма общей форме описывается сложный процесс распространения славы действующего лица, который в действительности складывался из ряда конкретных реакций на поступки и дела этого лица других действующих лиц повествования. Очевидно, что на уровне общения, представленном в рассматриваемом предложении, бесполезно пытаться составить себе представление об „определенности момента“ совершения каждого из действий, обозначенных здесь формами А, как и о порядке следования этих действий. Цель автора иная: дать читателю лишь самое общее представление об описываемом событии, и поэтому он только перечисляет отдельные характерные вехи. Вместе с тем характер действий таков, что последовательность их совершения без специального обозначения оказывается непредсказуемой.

В старых текстах также возможно употребление форм А совершенного вида в контекстах, где хронологическая последовательность действий, обозначенных этими формами, оказывается невыраженной.

Некоторые примеры на употребление форм А в перечислительных контекстах приводит Е. И. Демина в работе об употреблении форм времени в памятниках XVII—XVIII вв.²⁷

Приведем примеры из нашего материала. В романе „Под игото“ очень характерное употребление форм А в перечислительном контексте представляет описание неудачной попытки поимки Огнянова в церкви. В этом описании одновременно используются формы А и совершенного и несовершенного вида, например: *Заклучиха вратите извътре и захванаха тършуването. Едни се качиха в женското отделение... другите останаха долу, да дирят из троновете и ъглите, трети влязоха в олтаря из бочните врата. Преобърнаха всички, изгледаха всички кътове, които би послужили за убежище, вдигаха се на амвона, местиха аналоите, гледаха под престола в олтаря, в долахите със свещените предмети... но нийде нищо не намериха. Огнянов като че потъна в земята! (Ваз., 140—141).*

Ср. аналогичное употребление форм А в старых текстах: *Нега Бѣ съза Ядама, что повелѣ архангѣлоу Михаилоу събрати... ангѣлы да насадеѣ раи, и въсади Михаилъ маслыноу, Гокриналъ пѣлванъ... Сатананѣ же оусадн лозоу... и такоже кси ангѣли насадише различна дрѣвета (Вар., 196); ... и никтоже къ работоу не оумрѣ. на ѡкѣи къ Константинѣ градѣ, црѣми навидими покон*

²⁶ М. А. Леонидова. Указ. соч., стр. 121.

²⁷ Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 13—14, примеры 12, 13, 19—21; стр. 17—18, примеры 45, 46.

прѣше ѡбан въ Блзгарскоу землю пришаше съ великою частію по-
кои прѣше (Н. Охр., 53); И сѣ же вѣдомо боуди въсѣма почитаю-
щомъ... тако ѣрѣтци ѡвы мочнише много, а друугые продаше
жидомъ (Н. Охр., 53).

В аналогичных перечислительных контекстах могут употребле-
ваться и формы Н. Например: Идругое чюдо... още послу-
шайте бл(аго)с(ло)вѣни хр(и)стѣане. дѣто радость ѡма и ѡмилиѣ-
нїе^{мнѡго}. който казува, икойто слуша (Любл., 527).

§ 22. В приведенных примерах формами А и Н обозначают-
ся действия, совершавшиеся разными людьми. Но перечис-
лительные контексты охватывают и такие случаи, когда дей-
ствия, обозначенные формами А или какими-либо другими фор-
мами времени, совершаются одним лицом.

Например, формы аориста: ... и мнѡвѣшъ же мнѡго вѣ-
мѣни. прїидѣ нѣкто... именем пѣтръ ... и сътвѣриша ѣго папож
рїмѣнне. днже прѣлѣсти и^х. и повелѣ и^х слово жити ... и ѡверѣже
вѣржъ правослѣвнѣж... и поствѣи свѡи закунъ, съ мнѡгож ѣрѣтж...
(О вере, 24);

формы имперфекта: Слѣвѣ же ѡтѡлѣ по вѣсѣи странѣ
той прошѣши ѡ немъ хвалѣахъ ѡ вѣси и... мнѡвѣж... къ немѡ
стажѣваахъ... Іѡаннъ яко сѣдъ вѣважща зѣвѣдѣ, вѣстѣва ѡтїдѣ
ѡтѣждъ, чѣскѣа слѣвы вѡж сѣ... (ЖИР, 380);

формы настоящего времени: Тя искаши да знае,
какво прави той, кѣде ходи, какво мисли. (Е.-П. IV, 125);

формы будущего времени: роди сѣ ѡ жены твоеѣ
снъ за коѣго хощѣ изгорѣти троѣ градъ и разоритѣ сѣ и не
останѣтъ камена на камени (Тр. пр., 250).

Даже когда речь идет о конкретных действиях, и тогда
хронологическая последовательность действий, обозначенных
формами А, в некоторых случаях может вызывать сомнение.
Например: Отец Павел се прекръсти и се усмихна (Е.-П.
V, 33).

Судя по характеру действия *се усмихна*, можно предпола-
гать, что оно сопровождало действие *се прекръсти*, однако
быть в этом до конца уверенным нельзя, и именно потому, что
здесь употреблена форма А, а не деепричастия.

§ 23. Во всех приведенных выше текстах формами времен
обозначаются такие действия, которые могут совершаться в лю-
бой последовательности. Порядок их следования определяется
внешними обстоятельствами, а не обуславливается внутренней
необходимостью. И поскольку специальные слова, указывающие
на характер хронологических отношений между действиями,
обозначенными формами аориста, в текстах отсутствуют, по-

стольку хронологическая последовательность этих действий оказывается невыраженной, что, однако, не является авторским недосмотром, а определяется уровнем конкретизации описываемых явлений.

В ряде случаев оказывается невозможной сама постановка вопроса о хронологических отношениях между действиями, обозначенными теми или иными временными формами разных глаголов, так как в этих случаях разными глаголами описывается в сущности одно и то же реальное действие экстралингвистического плана. Это можно наблюдать в таких контекстах, где формами аориста обозначаются действия, описывающие различные физические проявления душевного состояния действующих лиц повествования, например: царь видѣ като белѣжи апль *арек'са мѣ*, и *зараува се* и *ре^ч мѣ*... (Копр., 4).

Формами *арек'са* и *зараува се* обозначаются чувства, очень близкие по содержанию, и они не воспринимаются как последовательные в отличие от действий, обозначенных формами *видѣ* и *ре^ч*.

В таких контекстах могут употребляться и другие формы времени, например, формы имперфекта: Цвѣта *идваше* веднага. Тя *сядаше* при леглото на приятелката си и с шишове в ръка, плетеше и разправяше... Очите ѝ *светеха*..., лицето ѝ *руменееше* и усмивката от устата ѝ *не падаше*. Тя споменаваше името на Еньо хиляди пъти, где трябва и не трябва (Е.-П. III, 125—126).

Формами *идваше*, *сядаше* в приведенном тексте обозначаются последовательно совершавшиеся действия, формами *плетеше* и *разправяше* — действия одновременные. Что же касается форм *светеха*, *руменееше*, *не падаше*, то этими формами обозначаются различные внешние признаки душевного состояния, настроения девушки, переживающей радости первой любви, так что вопрос о хронологии действий, обозначенных этими формами имперфекта, оказывается неуместным.

Ср. аналогичный пример из старых текстов: *Сѣа же ѣако сльшавъ самодръжеца, мнѣше себе по нѣси лѣтати и ѿ сѣнакъ не ѣмѣше камо дѣнжти радостн. и чѣ дѣи послѣ... митрополита ... прїнѣти чѣла прѣвнѣж... кѣ... Трїнокъ (ЖПТ, 432).*

Затруднительно бывает судить о последовательности действий, обозначенных формами времени, образованными от глаголов, являющихся близкими синонимами. Например,

из старых текстов: ... а Моравскаа земля.. кз скорѣ мѣста прѣше ѿ Бѣга не по мностѣ же лѣтѣх прїдоше Оугри... и поплѣнише землю и^х и опоустнше Оугри то кз Блзгары вѣжа-

аше и *вста* земла ѿ хъ поуѣта Оугромъ къ класта (Н. Охр., 53—54).

Формами А придоше, поплънише, поуѣтише, *вста* обозначаются действия, следовавшие одно за другим: одни явились следствием других. Действие же, обозначенное формой А прише, не является ни причиной, ни следствием этих действий, оно хронологически не предшествует им, не следует за ними. Все эти действия как бы манифестируют действие прише маѣга, представляют различные конкретные его проявления. С тем же мы имеем дело и в следующем примере: И тако сътвори Михаилъ, тако же рече ѿмоу Гъ, помаза ма и *вблече* ма (Ен., 174). Действия помаза и *вблече* конкретизируют действие сътвори.

Ср. аналогичное употребление форм имперфекта: *вг* рѣча *ѿсе* чегыремъ *лѣто* *вѣка* ѿ *дѣлоу* *вѣкшоу*, *играше* къ *мимохѣженѣи* *рѣчица* *дѣжевыи*. *тѣкщѣи* *къ* *мѣтныи* *съвирѣаше* и къ *ѣдинѣ* *строужѣ*. и *дѣте* *чѣсты* и *творѣше* *слово* *тѣлко* а не *дѣло* *покемѣкажѣ* и. (Ев. Фомы, 139); *вѣаше* же *сватыи* *мола* *са* и... *тако* *глаголаше*... (Суп., 234); не *бврѣгаше* что *иматѣ* *сътворитѣ*. *пакы* къ *темницѣ* *кѣдоша*. и *народѣ* *рѣгаше* *са* и *зауѣша* *хъж*... и тако *къзвѣдена* *кыста* къ *тамницѣ* (Суп., 138—139); форм настоящего времени: *никъ* *ти* *говора* и *мола* не *ѿпоушгана* *ѣна*... (Тр. пр., 261); форм перфекта: *ѿче* *ѣгын* *дѣстави* *ны* *ѣси*, и *ѿскрѣвиль* *ѣси* *на* *сѣлѣ* (Вар. Охр., 45); *благодарѣ* *та* *ги*... *ѣко* *призрѣлъ* *ѣси* *на* *смѣренѣ* *моѣ*. и *иѣси* *мѣне* *дѣставиль* къ *рѣка* *стѣжажѣи* *ми* (Вар. Охр., 44).

Аналогичное употребление форм времени наблюдается и в современных текстах, например:

формы аориста: *тѣры* *тѣхъ* *ѿръ* *ѿ* *онѣи* *рѣвь* и *изѣдоха* *гы* *львовете* *досѣщѣ*, и така *погынаха* (Копр., 44);

имперфект: Тежки стѣпки *се* *раздадоха* по стѣлбите *извѣн*. Она, който *се* *качуваше*, *вървеше* силно и лудешки, щото цялото дървено здание *се* *търсеше*. (Ваз., 71), Киру, персийскит цар, *имаше* толкази *памят*, щото *назоваваше* на имя сичките свои началници (Бер., 57);

формы будущего времени: Не плачи, миличко. Остани у дома... *Ще* *ти* *направля* нови хубави дрехи, *ще* *ти* *купя* обуѣтата... *ще* *ти* *купя* герданче... (Е.-П., II, 168);

формы настоящего времени: Слонат... има голяма глава... два зѣба... и между тях един супол... с него той *воздиша*, *лочи* *вода*, *поема* *ястие*, *та* *го* *внося* *в* *устата*... *заклича* и *отклича* *врата* и с една *реч* *употреблява* *го*

като рака (Бер., 74); ... кога позагъсти... снемат го. И като поистини наливат го в хуни и там *замръзва* и *става* захар (Бер., 71).

Еще очевиднее бессмысленность постановки вопроса о хронологии действий, обозначенных формами времени, образованными от глаголов, являющихся чистыми стилистическими синонимами, как в следующих примерах:

формы аориста: ... снаха му го погледна и се засмя. *Разсмеша* я това младо, румено, замислено момче. (Е.-П. III, 9). Здесь формами А *се засмя* и *разсмеша*, по сути дела, обозначено одно и то же действие. Ср. аналогичное употребление в старых текстах: *Благонизколи цр(с)тко ми дарѡвати... сзи хрисокѡ(а) манастирю... иже създа и сътвор и украси родителз цр(с)тко ми... црз Іванз александ(а)рз* (Вит. гр., 600); ...никѡ ѣго кз горѣ ѡнои обрѣте... никѡ не ѡвѣдѣ ни обрѣте жилице *каркарово* (Вар. Охр., 51);

формы имперфекта: Хоругвите *плаваха* бавно и *се носеха*, *леко*, като че на тях бяха кацнали невидими ангелчета (Е.-П. III, 88);

формы настоящего времени: а... *слоужеща* *ѣмоу* не *ѡстѣпаш* *нощѣж*, ни *ѡхода* *днѣж*... *херувими* и *серафими*... (Ен., 173).

Бессмысленно также ставить вопрос о хронологических отношениях действий, исключающих друг друга. В таких контекстах могут употребляться любые формы времени, например,

формы аориста: *Ісусѡп* не *иде* кз ванѣ, нж *възврати се* кз господиноу *своемоу* и *рече*... (Ев., 247);

формы имперфекта: ... *мжчимз* же не *ѡтвѣштываше* ничеже, нж *славяше* *вога* (Суп., 260); и *нждахъ* се *писати* и не *смѣахъ*, *хотѣ* *еще* *обрѣсти* *написанно* (Н. Охр., 54);

формы настоящего времени: *ѣще* же ѣ *сзврѣшеннаго* *пѡста* не *ѣмахъ*, нж *ѣдохъ* *ѣницѣ*, ѣ *млѣко* (О вере, 25);

формы будущего времени: — Не, майко, — каза той. — *Аз няма да стоя* за *обяд*. *Ще отида* да се *разходя* до *Листово*. (Е.-П. II, 180).

§ 24. Итак, последовательность действий не является обязательным признаком так называемого „развертывающегося повествования“, а лучше сказать, действия первого плана повествования. В изложении действий как первого, так и второго планов говорящий может придерживаться хронологической последовательности действий, а может и не придерживаться, допуская отступления и используя действия одновременные и предшествующие. При этом, как мы видели, им могут быть использованы любые формы времени. Это свидетельствует о том, что выражение хронологических отношений между отдельными

действиями не является сферой значений форм времени. Значение одновременности одного действия другому, последовательности — это комбинаторные, контекстные значения форм времени. И поэтому на последовательность действий, обозначенных формами того или иного времени, нельзя ссылаться как на признак, позволяющий отнести действия, обозначенные этими формами времени, к первому, а не второму плану повествования, а соответственно формы времени, которыми они обозначаются, — к абсолютным (неотносительным), а не относительным временам.

Формы времени и иерархия действий

§ 25. Хотя в принципе в болгарском языке не только современном, но и древнем рядом любых одноименных и разноименных форм времени могут быть обозначены действия, находящиеся в любых хронологических отношениях, однако практически в текстах отыскать соответствующие примеры на те или иные случаи для таких форм, как аорист, имперфект, которые встречаются постоянно, не составит трудности, для других форм, которые вообще редко встречаются, а если и встречаются, то чаще поодиночке, а не в ряду, это будет затруднительно. Так, практически очень редко встречаются подряд формы перфекта, плюсквамперфекта и будущего в прошедшем. Кроме того, наблюдается преимущественное употребление каких-то определенных форм времени в контекстах определенного рода. Так, формы А чаще всего встречаются в таких контекстах, где речь идет о действиях, совершающихся последовательно, хотя другие формы времени, как мы видели, тоже могут употребляться в этих контекстах. Для форм же перфекта и плюсквамперфекта характерно употребление для обозначения ряда действий с невыраженной хронологией. В других контекстах они встречаются в текстах всех периодов значительно реже. Только такое преимущественное употребление форм П в перечислительных контекстах может дать повод для осмысления этих форм времени как таких, которыми обозначаются действия, „неопределенные“ по времени, потому что в отношении точности передачи „определенности момента“ совершения действий, ими обозначаемых, они ничем не отличаются, как мы уже отмечали, от форм А. Действия, обозначенные и формами П и формами А, одинаково нуждаются в дальнейшем уточнении момента их совершения с помощью уже не глагольных форм, а вообще других, лексических, средств. В изолированных контекстах, когда формы П употребляются без сопровождения соответствующих обстоятельств времени, о действиях, ими обозначенных, как и о действиях, обозначенных формами А, можно сказать только одно, что они относятся к прошедшему периоду.

Однако с чем же все-таки связано такое преимущественное употребление форм П и Пл в перечисленных контекстах, а форм А в контекстах с ясно выраженной последовательностью действий?

Это статистическое различие связано, как нам представляется, с более существенными различиями, имеющими место между этими двумя рядами форм: оно определяется разной ролью этих времен в выражении иерархии действий повествования.

§ 26. Выше мы показали, что рядом одноименных форм времени обозначаются действия, относящиеся к одному и тому же периоду. Но вместе с тем оказалось, что некоторые разноименные формы, такие, например, как плюсквамперфект, перфект и аорист, все обозначают всегда действия прошедшего периода, а такие разноименные формы времени, как будущее и будущее в прошедшем, оба всегда обозначают действия предстоящего периода. Формы И и Н пока оставим. О них речь пойдет ниже.

Чем же различаются между собой формы плюсквамперфекта перфекта и аориста, с одной стороны, и будущего в прошедшем, — с другой?

Обращаясь к контекстам, состоящим из рядов разноименных форм времени, обнаруживаем, что такие формы времени, как плюсквамперфект, перфект и будущее в прошедшем, по сути в изолированных контекстах и не встречаются, что для них контекст одноименных форм является искусственно обрубленным контекстом, явно недостаточным. В тексте, представляющем собой развернутое высказывание, а не эллиптическую речь, эти формы времени всегда сопровождают другие формы времени, при этом обнаруживается определенное постоянство в сочетании форм различных времен. Так, формы Пл и БвПр всегда сопровождают только формы А.

Такое же совершенно очевидное, бросающееся в глаза, и уже описанное в литературе тяготение к формам А обнаруживают и формы И, хотя они, как увидим дальше, не определяют однозначно период времени совершения действий, ими обозначаемых.

Формы перфекта употребляются лишь в таких контекстах, которые предполагают употребление и форм Н, а формы f. ex. употребляются всегда в контексте с формами будущего времени.

И только формы А, Б и Н могут употребляться самостоятельно, в контекстах, не предполагающих употребления форм других времен.

Таким образом, обнаруживается три группы форм с различными центрами тяготения:

1) плюсквамперфект, будущее в прошедшем и имперфект, употребляющиеся совместно с формами аориста;

2) перфект, употребляющийся совместно с формами настоящего времени;

3) *futurum exactum*; употребляющийся совместно с формами будущего времени.

В смысловом плане в связях действий, обозначенных формами времени, входящими в каждый из этих кругов, с действиями, обозначенными формами времени, представляющими своеобразный центр тяготения, обнаруживается определенная общность.

Действия, обозначенные формами Пл, БвПр, И, П и f. ex., привлекаются автором сообщения с целью пояснить, уточнить, конкретизировать действия, составляющие основное содержание сообщения и обозначаемые формами А, Н или Б.

Таким образом, обнаруживается известная дуплановость действий, составляющих содержание сообщения: действия первого плана, составляющие основное содержание сообщения, и действия второго плана, привлекаемые для их пояснения.

Формы Пл, БвПр, И, П и f. ex. всегда обозначают действия второго плана. Это так называемые относительные времена.

Грамматическое выражение с помощью особых глагольных форм, именуемых относительными временами, второплановости действий вовсе не обязательно. Есть языки (восточнославянские литературные языки, польский, чешский), в которых нет вообще относительных времен. Необязательно оно и в тех языках, которые знают относительные времена. Возможен и болгарский текст, вполне законченный по содержанию, который будет написан без употребления относительных времен. Например:

1) Някои *хортуват* много, а не *правят* нищо. *Согласиха* ся мишките да прикачат едно званче на котката, за да я чуват кога дойди. Но не *ся намери* ни една да иди да ѝ го прикачи. (Бер., 47).

2) Великолепен дар. Перикл *поиска* от приятелят си Александра десят таланта да ужени дашерите си, а той му *дади* педесет. „Десят ми *стигат*“, рече Перикл, а Александър му *отвеца*: „Тебе стигат десят да земиш, но не и мене да дам толкози“. Другий път един добар воин му *поиска* едно малко нещо, а той му *дади* един дял град. *Земая се* онзи сиромаш като чу това, и рече: „Много е това, царю, на одного война“. А той му *отвеца*: „Но не и на одного царя“ (Бер. 55).

В приведенных текстах используются только два времени, аорист и настоящее, но совсем не употребляются относительные времена.

Однако если прибегают к формам относительных времен, то второплановость действий, ими обозначаемых, всегда налицо. Это важно подчеркнуть особенно, имея в виду формы Пл, потому что имеется мнение, что формами этого времени может быть обозначено любое действие лишь бы оно произошло ранее какого-то другого действия. Во всяком случае некоторые авторы связывают появление в тексте форм Пл с регрессом в повествовании. Между тем это неверно, так как в этом случае может свободно употребляться и аорист. Более того, формы плюсквамперфекта могут обозначать действия,

которые в хронологической цепи следуют за действиями, обозначенными формами А.

Категория относительных времен обязательно предполагает наличие определенной смысловой связи между действиями первого и второго планов: действия второго плана всегда являются своего рода комментарием к действиям первого плана. Поэтому, если между двумя действиями, относящимися к разным отрезкам прошлого, не устанавливается таких отношений, при которых одно выступает в качестве комментирующего, а другое — в качестве комментируемого, то такие действия в болгарском тексте всегда обозначаются формами неотносительного времени. Таким образом, о двуплановости, об иерархии действий мы считаем возможным говорить тогда, когда между двумя рядами действий, составляющих содержание сообщения, говорящим устанавливаются отношения комментирующего и комментируемого.

На уровне грамматического отношения между действиями комментирующими и комментируемыми получают временную интерпретацию. Действия комментируемые рассматриваются как такие, время совершения которых служит системой отсчета времени действий комментирующих.

Так как независимое, комментируемое действие может быть обозначено в болгарском языке формами трех времен: аориста, настоящего времени и будущего времени, то соответственно различаются и три группы форм относительных времен.

В первую группу входят плюсквамперфект, будущее в прошедшем и имперфект, для которых системой отсчета служит аорист. Вторая и третья группы в болгарском языке формируются из форм одного времени: вторая — из форм П, для которых системой отсчета служат формы Н, а третья — из форм f. ex., для которых системой отсчета служат формы Б.

Внутри группы формы относительных времен противопоставлены по признакам первой группы, связанными с различиями в периодах времени совершения действий.

Итак, потребность выразить иерархию сообщаемых действий, их второплановость, грамматически вызывает обращение к той или иной системе относительных времен, в которых она получает грамматическое выражение через временные характеристики действий.

Дальше мы покажем это непосредственно на анализе различных контекстов, в которых встречаются формы относительных времен в исследуемых нами текстах.

§ 27. Здесь же еще раз вернемся к вопросу о том, с чем следует связывать преимущественное употребление форм П и плюсквамперфекта в „перечислительных“ контекстах, форм А в контекстах, отражающих действительный ход событий, т. е. для обозначения так называемых „последовательных действий“.

Нам предстает, что нет ничего проще, естественнее, как связать это с тем, что формами перфекта и плюсквамперфекта

всегда выражаются действия второго плана, которые не представляют для говорящего самостоятельного интереса, но о которых сообщается только в связи с событиями первого плана. Действия второго плана характеризуются лишь с той стороны, с которой они могут что-то прояснить, что-то добавить к тому, что говорится о событиях первого плана, поэтому чаще всего оказывается достаточным сослаться лишь на сам факт совершения такого действия, не уточняя хронологическую связь его с другими действиями второго плана того же периода.

Поэтому же гораздо реже формы II и II₁, чем формы аориста, встречаются в контекстах с обстоятельствами, уточняющими „определенность момента“ совершения действий, ими обозначаемых.

В массе перфект и плюсквамперфект в наших примерах представлены одиночными формами. И это, по-видимому, опять следует связать с тем, что этими формами времени обозначаются действия второго плана. Известное ограничение накладывает также и то обстоятельство, что этими формами времени обозначаются такие действия второго плана, которые относятся не к тому же периоду времени, к которому относятся действия первого плана, а к периоду, предшествующему времени совершения этих основных событий. В этом отношении характерно сравнение употребительности форм II₁ с употребительностью форм I, которыми могут, как увидим ниже, обозначаться второплановые действия любого относительного периода, хотя чаще всего они используются для обозначения второплановых действий, период времени совершения которых совпадает со временем совершения действий первого плана. При характеристике действий первого плана говорящий, естественно, чаще и шире ссылается на события, совпадающие с ними по времени. Соответственно имперфект встречается в тексте несравненно чаще всех остальных форм I группы. Из событий предшествовавшего периода обычно берутся лишь отдельные действия. Если какой-либо эпизод прошедшего периода приобретает интерес для автора повествования в целом, он излагает его обычно как самостоятельное событие, используя для обозначения действий формы аориста, а отнесенность эпизода к предпрошедшему периоду выражает с помощью соответствующей лексики. Гораздо реже в этих случаях используются формы плюсквамперфекта.

При описании событий, составляющих основное содержание сообщения, говорящий обычно стремится передать действительный ход событий, стремится излагать их в той последовательности, в которой они происходили в действительности. Вот почему формы аориста, которыми передаются действия первого плана, чаще других прошедших времен (плюсквамперфекта, перфекта, *futurum exactum*) встречаются в контекстах, предполагающих передачу порядком введения в речь форм времени действительной последовательности действий, ими обозначаемых.

КОНТЕКСТЫ С РЯДОМ РАЗНОИМЕННЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ

ФОРМЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН I ПОДСИСТЕМЫ

§ 1. В предложенной выше модели болгарских времен к первой подсистеме относительных времен мы относим плюсквамперфект, будущее в прошедшем и имперфект. Их объединяет один общий признак: все они обозначают такие действия, период времени совершения которых определяется относительно времени действий, обозначаемых формами А (первый признак из второй группы дифференциальных признаков болгарских времен).

В текстах это обнаруживается в том, что формы относительных времен постоянно употребляются совместно с формами А. Вместе с тем обнаруживается и другое. Формы А могут употребляться и вне сочетания с формами относительных времен I подсистемы — свободно, в то время как последние в развернутом, не эллиптическом, сообщении всегда употребляются только с формами А.

В содержательном плане контексты, в которых совместно употребляются формы относительных времен первой подсистемы и формы А, характеризуются всегда наличием противопоставления действий первого и второго планов повествования. При этом действия первого плана всегда обозначаются формами А, а действия второго плана — теми или иными формами относительных времен первой подсистемы.

Контексты с полным набором форм

§ 2. Позицию максимального противопоставления форм времени в тексте представляют контексты с полным набором этих форм. Однако такие контексты встречаются сравнительно редко, так что из текстов древнего и среднего периодов развития болгарского языка можно привести один пример, что объясняется отчасти весьма узким кругом ситуаций, используемых в обследованных нами памятниках этих периодов, а отчасти более

редким употреблением вообще таких форм времени, как будущее в прошедшем, в старых текстах до XVII в., где и остальные формы относительных времен употребляются редко, где действия второго плана в основном выражаются с помощью форм причастий:

Подобны быти мно мѣжеки вѣгажцоу ѿ лица иншорога, иже не трзпа глазъ каплѣ егѡ... вѣгдаше, да не вѣдетъ томоу къ санѣдз. Кънегда же тѣчаше къ... къпаде... пропасть. Кънегда же къпасти семоу къ на, простирѣтъ рѣцѣ евои ѿ за дрѣво нѣкое похытик'са крѣпко дрѣжаше са и на расоѣ нѣкое и носѣ оутврѣднѣз, мнѣше са прочее къ мнрѣ быти и къ тврѣдзани. Къзрѣкъ оубѡ, видѣ дѣтъ мыши подзгри-зѣщи же коренѣ дрѣвоу, егѡже бѣше дрѣжж са, и еликоже оуже къ малѣ приближажцем' са има сие искоренити. Посмотрѣ' же къ дзну пропасти, видѣ змѣи страшна... оустѣ... раззинокааше. Къзрѣ' же пакы на степена шнз, на немже бѣше носѣ евои оутврѣднѣз, видѣ чѣтыре глави аспидшкы ѿ стѣны извникше, на немже стоаше. Къзрѣ' же... видѣ ѿ кѣткни дрѣка шного мало меда каплаца штакнѣз оубѡ пѣци са ш одрѣжжѣцихъ егѡ вѣдахъ, какѡ кънѣждоу... иншорѣз... искааше знѣсти егѡ, долоу... змѣи зидѣтъ пожрѣти егѡ, дрѣкѡ за неже са бѣше оухытилъ, еликоже къ малѣ искоренити са хотѣше, носѣ же на пазцѣ и невѣрнѣ степени оутврѣднѣз бѣше, ...таковыхъ злзъ бабыкъ оустрѣмѣ са сладости малаго меда шного (В и Й, 298).

В приведенном тексте дважды описывается одна и та же ситуация, а именно: положение, в которое попадает человек, преследуемый носорогом. В конце текста для ее описания используются формы всех трех относительных времен I подсистемы, а в начале вместо них употребляются причастия. Ср. следующие формы:

1) предложение къ малѣ искоренити са хотѣше и причастный оборот (= дательный самостоятельный) къ малѣ приближажцемъ са има сие искоренити;

2) предложение дрѣкѡ за неже са бѣше оухытилъ и причастный оборот за дрѣво нѣкое похытик'са;

3) предложение носѣ же на пазцѣ и невѣрнѣ степени оутврѣднѣз бѣше и причастный оборот на расоѣ нѣкое и носѣ оутврѣднѣз. Ср. также: крѣпко дрѣжаше са и егѡже бѣше дрѣжж са.

Приведем материал, извлеченный из текстов, написанных на современном болгарском языке.

Однако прежде заметим следующее. Единицей текста, достаточной при анализе форм времени, следует признать такой кусок текста, который представляет собой описание целого эпизода или его части, представляющей в смысловом отношении нечто самостоятельное. Иногда эпизоды бывают столь мелки, что могут совпадать с одним предложением, но как правило их содержание обычно выходит за пределы одного предложения, что, как нам представляется, до сих пор учитывается исследователями

употребления форм времени не только в болгарском, но и в других языках недостаточно.

Прекият път за Бяла Черква *отиваше* на североизточна посока, но Огнянов не *улови* него; *щеше да стане* нужда да мине през селото Емексиз Пехливана, но това му вдъхваше неволен страх. *Изпречваше* му се в ума хрътката за убития, в която сякаш *беше се въллтил* ненавистният дух на турчина, за да застрашава и гони — и от гроба — Огнянова. *Затова* той *реши* да потегли право на север до Стара планина към Бяла Черква (Ваз., 157).

Мы уже говорили выше о том, что противопоставление действий второго плана действиям первого плана сводится к отношениям действий комментирующих к комментируемым: действия второго плана что-то поясняют в действиях первого плана. В приведенном тексте эти отношения недвусмысленно выражены лексически союзом *затова*. И в самом деле, действия, обозначенные здесь формами относительных времен: будущего в прошедшем — *щеше да стане*, имперфекта — *вдъхваше*, *изпречваше*, плюсквамперфекта — *беше се въллтил*, — все вместе описывают мотивы, которыми руководствовался герой повествования в выборе пути. Само же это решение выражается фразой, в которой в качестве сказуемого используется форма аориста: *реши*. Действие же *реши* составляет одно из цепи последовательно развивающихся событий, составляющих основное содержание XXIX главы первой части романа „Под игото“, в которой описывается путешествие Огнянова из с. Веригова в с. Бяла Черква.

Формами И *вдъхваше...страх*, *изпречваше* му се в ума хрътката за убития обозначаются действия того же периода времени, что и действия, обозначенные формами А *не улови*, *реши*, в то время как формой Пл *беше се въллтил* обозначено действие, происшедшее до времени событий, описываемых в этой главе; формой Б в Пр *щеше да стана* нужда да мине през селото Емексиз Пехлевана обозначено предполагаемое будущее действие, которое могло бы осуществиться при условии другого решения.

Да, аз убих двама души турци; аз, който муха не *бях убивал*. Аз *трябваше да ги убия*, защото пред мен *щяха да насилият* едно момиче — пред мен и пред баща му, когото свързаха... (Ваз., 71). Здесь также формами относительных времен обозначаются действия, раскрывающие мотивы, ситуацию, в которой был вынужден действовать герой повествования.

—... аз трябва как-как да го предизвестя... И Соколов изхвъркна. Игуменът го благослови просълзен. Докторът знаеше, че тая заран Огнянов *щеше да бъде* в девическото училище, което *беше днес празно* и дето *беше назначил* среща на един писмоносец от П... ский комитет. В няколко скока той се озова в черковния двор, без да го зърне полицейски човек, и се покачи по стълбата на девическото училище... (Ваз., 135). Формами

относительных времен обозначаются действия, которые объясняют, почему Соколов отправился искать Огнянова именно в женскую гимназию, а не куда-нибудь в другое место.

Драмата „Многострадална Геновева“, която *щеше да се представи* довчера в мъжкото училище, не е позната на повечето млади читатели. А между това тя преди тридесетина години наред с „Александрията“, „Хитрия Бертолда“ и „Михаля“ *бе възпитвала* вкуса и *възхищавала* цяло поколение тогавашно... Геновевината легенда *помнеха* и днес всичките, а много госпожи *знаеха* наизусти драмата. Ето защо довчерашното представление *вълнуваше* от много дни обществото. То го *очакваше* нетърпеливо, като някое голямо събитие, което *щеше да внесе* приятно разнообразие в монотонния живот на Бяла Черква. Всичко се *тъкмеше да иде* на театъра... *Още щом зайде слънце* театърът *фана да се пълни*... Най после настана тържествената минута... и завесата се вдигна... (Ваз., 91-93).

Описание событий, происшедших в театре во время постановки драмы „Многострадална Геновева“, составляет основное содержание XVII главы первой части романа „Под игото“. Описание действий, имеющих непосредственное отношение к этим событиям, начинается в последнем абзаце приведенного текста. Они обозначаются формами А. До этого в приведенном отрывке описывается обстановка, состояние и отношение общества к этому самодеятельному спектаклю накануне представления. Моментом отсчета для действий, обозначаемых в первых двух абзацах формами относительных времен, служит тот день, в который было дано представление, что выражается в тексте соответствующей лексикой: *днес*. Формами БвПр обозначаются действия предстоящие, что выражается не только формой времени, но и соответствующим обстоятельством времени: *до вечера* 'сегодня вечером': *щеше да се представи довчера*; формами плюсквамперфекта обозначаются действия, происшедшие задолго до дня, в который состоялось представление, что также обозначается специальным обстоятельством времени: *преди тридесетина години*... *бе възпитвала вкуса и възхищавала*. Настроение же публики в день спектакля описывается с помощью форм имперфекта.

Словом, всегда в контекстах, где представлен весь набор форм относительных времен I подсистемы и аориста, формами Пл обозначаются действия, происходившие до совершения действий, обозначаемых формами А, т. е. действия „предпрошедшие“, формами БвПр — действия, происходившие после действий, обозначенных в пределах данного эпизода формами А, а формами И — действия, происходившие в тот же отрезок времени, что и действия, обозначенные аористом, опять-таки в пределах данного эпизода, что необходимо подчеркнуть, потому что переход к описанию другого эпизода обычно связан с изменением системы отсчета для относительных времен.

Следующие два текста, один из которых взят из романа „Под игото“, а другой — из старых текстов XVII в., хотя в них и представлены все формы относительных времен I подсистемы и формы аориста, тем не менее, строго говоря, не представляют собой контексты, аналогичные приведенным выше, именно потому, что формы относительных времен не соотносятся в пределах одного эпизода с формами аориста. Так как эпизоды невелики, то это не сразу очевидно, однако, если присмотреться внимательнее, то целостность текста представляется мнимой, и он с очевидностью распадается на составные элементы, которых в первом тексте мы насчитываем три, а во втором — пять и которые мы отделяем один от другого вертикальными черточками и нумеруем:

¹ Скоро притъмня добре и той остави това място, което утре щеше да бъде нагазено от турски потери. Заедно с мрачината и нощният студ растеше. ² Първото турско село беше съвсем замъртвяло. (Турските села запустяват и замязват на гробища, щом се смръкне). Само в една бакалница се чуваше глъчка. Но Огнянов не смя да похлопа, при всичко че бе премалял от глад. ³ Той вървя два часа още, замина други села и найпосле се бялна нещо пред него... Това беше Стрема (Ваз., 148).

¹ Амй и тѣа чюдеса дето стори архггль Михайль бѣхъ прѣ рожество хво. а послѣ рожество хвѡ. помѣуго сътвори... онзы архггль михаиль извади аплите Ѡ тьмница, когато гы, затварѣха архіерете еврейскѣ, защото ѡчаѡха людіе да вѣрѡвать въ ха, что го казѡва дѣѡвѣто апльско... ² съи архггль и кор'нилію ѡвѣ се въ ча когато се мѡгше ³ съи извади апла пѣтра Ѡ т'мница, когато щѣше да го ѡбїе прѣ іродѣ, дето щѣше да стори вола на еврееите ⁴ съи архггль заклѡ ірода цра, дето бѣше съ прѣв'з-нѣслъ и чинѣше съ стѣк'мо ба. ⁵ съи архггль ѡвѣ сѣ аплѡ павлѡ, когато щѣше да сѣ потопѣ корѡбть въ сѣр'ти и ре мѡ да се не бой (Копр., 44).

В приведенных текстах в каждом из эпизодов употребляются обязательно формы А, но относительные времена представлены ограниченным набором форм. Так, в 1-м эпизоде первого текста из относительных времен представлены только формы БвПр (страдательного залога) и И, во 2-м эпизоде этого текста, а также в 4-м эпизоде второго текста они представлены формами Пл и И, в остальных эпизодах они представлены формами одного времени, или И, как в 3-м эпизоде первого текста и 1-, 2-м эпизодах второго текста, или формами БвПр, как в 3-м и 5-м эпизодах второго текста.

Однако и в этих ограниченных контекстах соотношение форм относительных времен и форм А остается для форм Пл и БвПр

все тем же. Период времени действий, обозначаемых этими формами времени, определяется всегда относительно действий, обозначаемых формами А: формами Пл обозначаются всегда „предпрошедшие“ действия, формами ЕвПр — действия „послепрошедшие“, что касается форм И, то их значение в таких позициях, как увидим дальше, не определяется однозначно.

Контексты с формами плюсквамперфекта

§ 3. В настоящем разделе рассматривается употребление форм Пл в таких контекстах, в которых они сочетаются или с формами И и А, или только с формами А.

В таких контекстах, как и в контекстах с полным набором форм относительных времен, всегда налицо противопоставление действий двух планов. При этом формами Пл всегда обозначаются действия второго плана, а формами А — действия первого плана.

Как в контекстах с полным набором форм относительных времен, так и в рассматриваемых здесь контекстах формами Пл всегда обозначаются такие действия второго плана, которые относятся к такому прошедшему относительному периоду, для которого моментом отсчета служат действия, обозначаемые формами А.

При анализе употребления форм Пл в тексте очень важно иметь в виду следующее обстоятельство, которому не придают обычно никакого значения, что приводит к нежелательным недоразумениям.

В развернутом, не эллиптическом, повествовании формы Пл не употребляются в контекстах, где противопоставление действий первого и второго планов повествования не выражается грамматически: противопоставлением форм Пл формам А.

Из этого, однако, не следует, что если в тексте употребляются формы Пл, то всеми формами А в этом тексте обозначаются только действия первого плана. С другой стороны, из этого вытекает, что действия, обозначенные формами Пл, не являются „предпрошедшими“ по отношению к любому действию, обозначенному в тексте формами А, но только по отношению к тем действиям, обозначенным в тексте формами А, которые автор относит к первому плану в пределах того же эпизода, для описания действий которого он употребляет и форму Пл. Таким образом, формы Пл противопоставлены не всем формам А в данном тексте, а лишь тем, которые употреблены при описании того же эпизода в абсолютном значении.

Правильное членение текста на эпизоды, как увидим ниже, приобретает особо важное значение при анализе употребления форм относительных времен именно в контекстах с неполным набором форм.

Некоторые исследователи возражают против того, чтобы Пл считать относительным временем, выражающим предшествование действиям, обозначенным формами А, и приводят примеры, в которых формами Пл обозначаются такие действия из цепи последовательных действий, которые составляют последнее звено в этой цепи.

Такие примеры в качестве аргумента, свидетельствующего против „хронологической теории“, приводит Ю. С. Маслов в работе „Глагольный вид...“

Однако прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению такого рода примеров, заметим следующее.

Сторонники видовой теории возражают против понимания Пл как относительного времени, но при этом они имеют в виду такое понимание значения форм этого времени, которое предполагает, что формами Пл выражаются отношения предшествования между действиями одного грамматического периода времени. Между тем формы времени, как мы пытались это показать в предыдущей главе, вообще никогда не выражают хронологических отношений между отдельными действиями в пределах одного периода. И если иметь в виду не такое узкое понимание значения форм Пл, а придерживаться определения места Пл во временной системе, предложенного выше, то факты, приводимые в качестве аргументов, свидетельствующих против справедливости трактовки плюсквамперфекта как относительного времени, теряют свою опровергающую силу и получают в рамках предложенного в настоящей работе понимания плюсквамперфекта убедительное, на наш взгляд, объяснение.

Приведем теперь примеры из названной выше работы Ю. С. Маслова, которые мы имели здесь в виду.

„1. Той беше сиромах, но не му се работеше, обичаше да продава чорбаджилък. А откак *почнаха* да го избират за кмет, *беше се* и *пропил* (Е-П.). 2. *Бе изминала* една година от деня, в който Борис постъпи в склада на „Никотиана“ (Дим). 3. На Верчето много ѝ се искаше да не се пролива тоя ден кръв. Една седмица *бе изминала*, откакто дойде в отреда и не *беше се наравала* на своя Марин.. (Хадж.).“

„Во всех этих примерах, — пишет Ю. С. Маслов, — аорист обозначает хронологически более раннее действие, чем плюсквамперфект (лишний аргумент против «хронологической теории» плюсквамперфекта!), действие, которое в данном контексте служит только для указания точки во времени, для датировки начальной грани другого действия, выраженного плюсквамперфектом“ (разрядка наша. — И. Б.)²⁸.

Как мы уже не раз говорили, формами Пл, как и вообще любыми формами времени, хронологические отношения между

²⁸ Ю. С. Маслов. Глагольный вид..., 284.

отдельными действиями не выражаются. И в приведенных Ю. С. Масловым примерах формами Пл и А, как и в выше рассмотренных контекстах, обозначаются действия, относимые к разным грамматическим периодам времени: формами А обозначаются действия абсолютного прошедшего периода, формами Пл — действия относительного прошедшего периода, при этом период времени действий, обозначенных формами Пл, определяется относительно действий, обозначенных формами А, но не любых, а тех, с которыми можно обнаружить „логическую соотнесенность“, такую связь, которая делает действия, обозначенные формами Пл, „актуальными“ для действий, обозначенных формами А и составляющих основную повествовательную линию. Разберем подробно первый пример, взятый Ю. С. Масловым из рассказа „Летен ден“ Елина Пелина. Предварительно напомним общую ситуацию, описываемую в рассказе, и приведем более широкий контекст.

Итак, в названном рассказе речь идет о том, как автор посетил село Горно Ровнище, в котором бывал и раньше и в котором у него были среди жителей знакомые. Село, как и в прошлые посещения, произвело на рассказчика удручающее впечатление своим запустением, которое усугублялось летней жарой. Он зашел в местный трактир, где и провел весь день в разговорах с местными завсегдатаями трактира, горькими пьяницами. В начале рассказа он дает краткие характеристики этих людей, сообщая некоторые факты из их биографии, преимущественно те, которые объясняют, как они „дошли до жизни такой“. Именно из этой части рассказа и взят пример, который мы разберем ниже:

Отбих се на ханчето край шосето... Ниско и дълго като плевник здание... служи за кръчма... Вътре беше хладно... Отстрана около една малка масичка *вдигаха* врява петима пияни селяни.

При моето влизане те *замълчаха*. Внезапно из зад масата *се повдигна* едно мъничко, хило човече... *се казваше* Марко... В турско време... той (бил учител...) Ние *бяхме* стари приятели... Той *почна да ме разпитва* дяловито за това за онова... На средата на масата с важност *седеше* Гаврил, кметът... Медно-червеното му лице *сияеше* от доволство. *Беше* расположен.

Той ме *поздрави*... Тоя Гаврил *беше* чуден човек. Дългите му извити като два сърпа мустаци *придаваха* юнашки вид на господарската му външност, и *будеха* почит. (След сръбско—българската война, в която го ранили, той дълго служил като полицейски старшия, но после се уволил и се прибрал в село). Той *беше* сиромаш но не му *се работеше*, *обичаше* да продава чорбаджилък. А откак (*почнаха* ди го избират за кмет), *беше се и пропил*. *Обичаше* женити и си *имаше* истории. До него *седеше* с отпусната глава съвсем пиян Иван Дядката.

— Ей, Дядка, не спи, ами запей!.. — *задърпа* го Марко за рамото.. Гаврил му *подаде* чашата.

— Дядка, пий!

— Няма да пия! — *вдигна* глава Дядката... Дядката... *поиска* да побегне. Гаврил го *прегърна*... и *почна* да го целува.

— Дядко... много умуваш! (Е.-П. II, 19—20).

Первый план повествования, основные действия, развертывающиеся во времени рассказа, составляют действия рассказчика, связанные с посещением села (в данном отрывке это только одно действие, обозначенное формой *А отбих се*), и поступки других посетителей трактира, начиная с того момента, когда рассказчик вошел в трактир, т. е. действия, обозначенные формами *А, замълчаха, се вдигна едно... човече, почна да ме разпитва, той ме поздрави, задърпа го Марко, Гаврил му подаде чашата, вдигна глава Дядката, поиска да побегне, Гаврил го прегърна и почна да целува*.

Второй план повествования составляют все остальные действия, которые здесь обозначены формами имперфекта, аориста пересказывательного, аориста непересказывательного и плюсквамперфекта.

Формы *И* употребляются при описании действий, которые либо совпадают с „моментом“ совершения действий основной линии повествования, обозначенных формами *А*, перечисленными выше, либо выходят за пределы этого „момента“. К первым относятся формы *И*, использованные при описании обстановки, которую рассказчик застает в трактире: *беше хладно, вдигаха врява петима пияни селяни, седеше Гаврил, медно-червеното му лице сияеше, беше расположен*; вторые употреблены при описании характера, обычного поведения действующих лиц: *не му се работеше, обичаше да продава чорбаджилък, обичаше жените и си имаши историйки*; имущественного положения действующих лиц: *беше сиромаш*, обычного восприятия и отношения к ним посторонних: *мустаци придаваха юнашки вид на господарската му външност и будеха почит*.

Формы пересказывательного и непересказывательного *А*, как и форма *Пл*, употребляются при описании действий, происшедших задолго до того случая, который составляет основное содержание рассказа. По содержанию это биографические сведения, сообщаемые в их хронологической последовательности, о посетителях трактира, которых застает рассказчик. Факты их биографий, которые не связаны с характеристикой их как пьяниц, излагаются с использованием форм *А*: *бил учител, го ранили, дълго служил като полицейски страшия, се уволил, се прибрал в село* (формы пересказывательного *А*) *почнаха да го избират за кмет* (форма непересказывательного *А*). И только один факт из биографии Гаврилы, но именно тот, который имеет прямое отношение к событиям, происшедшим в трактире и свидетелем и участником

которых стал рассказчик, обозначен в тексте формой Пл. И в самом деле, ни в одной из своих служебных ипостасей (солдата, полицейского, старосты) он здесь пред нами не предстает, а ведет себя прежде всего как заправский пьянчуга.

Таким образом, употребление формы Пл в примере из произведения Елина Пелина, как и форм Пл в примерах из произведений других авторов, приведенных Ю. С. Масловым и процитированных выше, а также в тех примерах, которые Ю. С. Маслов представляет читателям как „примеры без осязательного, объективно доказуемого смыслового различия между“²⁹ формами А и Пл, если только их рассматривать в надлежащем контексте, в перспективе крупных эпизодов повествования, ничем не отличается от употребления форм Пл в более простых случаях, когда для выявления не только контекстного, но и инвариантного значения форм этого времени оказывается достаточным контекст одной-двух фраз. Поэтому такого рода примеры не могут рассматриваться в качестве аргумента против „хронологической“ теории плюсквамперфекта, но и вообще в качестве какого-либо аргумента, так или иначе дискредитирующего „хронологическую“ теорию.

Рассмотренный пример весьма поучителен не только в смысле выяснения наиболее эффективной методики анализа употребления форм времени, но и тех общих выводов, которые можно сделать из анализа содержания этого примера, который представляет один из редких, но возможных контекстов употребления форм Пл. Этот контекст можно выразить следующей последовательностью значков, принятых в работе для обозначения форм аориста (А) и плюсквамперфекта (Пл): «А+Пл».

Итак, анализ употребления форм Пл в контекстах типа «...А+Пл», где порядок элементов выражает не только последовательность сообщения этих элементов в тексте, но и последовательность совершения действий, ими обозначаемых, показывает, во-первых, что появление в тексте той или иной формы времени нельзя объяснять несоответствием между порядком изложения фактов и порядком их совершения в действительности, тем, что в литературе называется „регрессом в повествовании“; во-вторых, этот анализ показывает, что ссылка на последовательность совершения самих фактов также ничего не объясняет. Вместе с тем становится очевидным, что единицей текста, достаточной при анализе употребления форм времени, может быть признан только такой кусок текста, который представляет собой законченное описание целого эпизода. Только в пределах такой единицы текста мы можем выявить с полнотой, достаточной для понимания мотивов употребления форм времени в тексте, иерархию действий, т. е. то разделение действий в сообщении на действия, состав-

²⁹ Ю. С. Маслов. Глагольный вид. . . , стр. 284.

ляющие основное его содержание (действия первого плана), и на действия, привлекаемые для их пояснения, т. е. действия, комментирующие (действия второго плана), которого придерживается автор в своем повествовании, чем в конечном счете и определяется употребление относительных и неотносительных времен.

§ 4. Обратимся теперь к сравнительному рассмотрению материала, извлеченного нами из старых источников, и современных болгарских текстов.

Так как по содержанию контексты, содержащие формы Пл и И, и контексты, содержащие только формы Пл, ничем не отличаются, то мы будем рассматривать их по возможности параллельно.

Поводы, которые могут вызвать обращение повествователя к относительным временам, не поддаются исчерпывающему учету. Приводимый нами далеко не полный перечень ситуаций, при которых оказывается возможным употребление форм относительных времен, всегда отражает ограниченность нашего материала, большого по объему, но довольно однообразного, особенно в той части, которая представляет собой извлечения из старых текстов. Вместе с тем, однако, это однообразие материала дает некоторое преимущество, обеспечивая его надежность. Обычно за примерами, приводимыми в настоящей работе на те или иные случаи употребления форм времени, стоит еще ряд примеров, которые нет возможности привести полностью. Разумеется, обеспеченность примерами на употребление отдельных времен разная, что прежде всего определяется частотой их употребления в тексте. Так, набор ситуаций, в которых оказывается возможным употребление в обследованных текстах форм И, богаче набора ситуаций, в которых оказалось возможным употребление форм Пл и БвПр.

Изложение начнем с единичного, но характерного примера, в котором формы И и Пл употребляются для обозначения обычных занятий действующего лица: и въ ѿнова врѣме бѣше инокъ члкъ добръ и млѣтивъ, дето чюваше гро стмѣ, цю бѣше биль ѿпрѣвѣнь прѣтоспафарь цревъ, а сегѣ бѣше калѣбрь на црквата стмѣ. и тоѣзи инокъ видѣ въ една нощь като дойдѣха, двѣ члка... и рекоха мѣ... (Копр., 24). Формой Пл обозначается обычное действие, которое составляло занятие действующего лица до основных событий повествования, а формой И — такое обычное действие, которое являлось его занятием в момент совершения главных событий повествования, что недвусмысленно выражается и соответствующими обстоятельствами времени в приведенном тексте: ѿпрѣвень, сегѣ.

Формами И и Пл обозначаются действия, которыми мотивируется поведение действующих лиц повествования. Например: Влачил оралото дълги години... той беше изнемощял и остарял

(вол. — И. Б.). Баща ми беше го отгледал от мъничко теленце и знаеше целия му живот... Той обичаше тоя стар труженик... Жалеше го от сърце и, макар и негоден, не иска да го продаде... а го остави да живее... леко на старини... (Е.-П., II, 25).

Ср. аналогичное употребление форм в старых текстах: *Б҃га роди са и быста мъжско отроча поклѣ царя и ѿнесошъ его въ поустыа горы и покрагоша. И шврѣте отроча мечка еже вѣ изгоубила щенца скоа ѿ локца и волѣзноваше ѿ маѣка и възпита штроча за г лѣта.* (А от Т, 267);

В иллюстрируемом здесь контексте формы Пл могут употребляться и без форм И. Например:

из современных текстов: *Вечерта аз не можах да я видя, според както бяхме си казали. Среших я на другия ден* (Е.-П., II, 66);

из старых текстов: ...а Моравскаа земля, такоже вѣ про-
*река стѣи Мѣѡвдѣ архіепіскопа. за безаконіа дѣлама дѣла ѿхъ...
къ скорѣ маѣтѣ прѣше ѿ Б҃га* (Н. Охр., 53); *И пѣстишъ шраници
и дѣтица вѣскрѣча такоже вѣ наученъ...* (Ак., 242).

Формы И и Пл употребляются при описании действий, поясняющих ситуацию, в которую попадают действующие лица повествования. Например, из новых текстов: *Псалът се показа точен по любовното приглашение. Но вместо Рада него го посрещна със страшен рев Клеопатра, която Соколов беше довел и държеше вързана в един тъмен ъгъл на градината...* (Ваз., 74); *Непознатият бягаше възло... Той скоро взе преднина над гонители си... Скоро другарите видяха, че гонят вятъра. Непознатият беше се вмъкнал в няка вратня и никакъв шум не се чуваше. Те се изсмяха сега. — Защо гонихме този...? — попита докторът...* (Ваз., 121); ... и таквѡзи потѣгли кѡвъ и прѣтрѣпе доде мѡ пакъ даде бѡ ...доброами това що потѣгли бѡше искѡшеніе, защо мѡ бѡше дяволъ завидѣлъ и испросиль бѡше ѿ ба до го искѡсе да види дали ще лѡбы ба когато мѡ се скръбно". (Копр., 159).

Ср. аналогичные примеры из старых текстов: и кѡждо на^с началѣ бѡ^с скоемѡ молитица такоже ктѡ ѡвѣка вѣше, и кѡ нѣже вѣрѣ възпитана вѣше (Вар. Охр., 46) *Дѣлаже некоима мѣнѡ вшема, ѡуѣка дшекима окомѣ. Ёже... маѣкою и слѣзѣма кѡ ношеха и кѡ дны вѣ ѡтѡлѣ неоуѣпно прѣвакае. Кѡ съх же соуцоу стѣмѡ. прѣходита нѣким кѡ нѣмоу ѿже и многащи вѣше посѣцае его .... Ёлма кѡ стѣражоу тѣмничѣмоу лѡвока немѣлоу ѿ прѣже стѣжалъ вѣ нѣдрѣе бѡ вѣше моужоу прѣзваніе. ѣмоуже тѡгда и ѡвѣрѣла вѣзва вѣше тѣмници ѡлѣ...* (Н. Н., 107);

В подобных контекстах формы Пл могут употребляться и без форм И, например, из новых текстов: *Иглика не отговори...*

Тя седна зашеметена на камъка. И бедното ѝ малко сърце *се сви* от такава мъка, каквато *никогда досега не бе изпитвало*. (Е.-П. II, 52); Въведоха го в една отстранена стая, дето и друг път бе ношувал Бойчо. Чичо Марин внимателно му *прегледа* раната и я превърза. (Ваз., 150).

Формами Пл обозначается действие, которое характеризует способ осуществления действия, обозначенного аористом, как, например, в следующем тексте из Супрасльской рукописи: ... *бѣгъ жчѣнъ вѣи отъ звѣститѣльскыа службы. бѣрзъа же отлоучениа бытъа сица. а тоу быкъшоу стѣоуоу мѣу петроу койны. аже вѣаше постѣлалъ цѣсаръ дидкантианъ на бѣвниѣни ѣго ѣ какрзжѣноу быкъшоу въ темницѣ. ... бытъа по бѣвчѣаю' молаштоу са ѣмоу въ полоунощги кидѣти юншж. ... ѣ напрѣсно открѣзе оустѣа ексѣ стѣа петрѣа и рѣчѣ. ...* (Суп., 186—187).

В аналогичных контекстах формы Пл могут употребляться без форм И. Тогда мы имеем дело с эллиптическим высказыванием. Например: *слѣзе ѿ колибата и поидѣ наспѣреть тѣхъ. ... и позна ги добре, а тѣе нѣго не познаха защо едно за ѿблѣкло щѣ бѣше промѣниль дръго и ѿбръзъ сы бѣше промѣниль* (Копр., 165).

Ср. предыдущий пример, а также следующий пример из современных болгарских текстов: Чак след месѣц един стражар доведе Зуза... Тя се прибра съсипана, изгладняла... боса. Не я познаха. Само черните огнени очи *бяха останали същите* (Е.-П. I, 236—237); ...най-сетне познаха чи тии *бяха убили*

Ивика и тѣй ги изклаха (Бер., 68); И наурѣ поиде црѣь и извади данѣила ѿ рѣва живѣ непочекнѣть. а дето бѣха данѣила *въметнѣле*, тѣрѣы тѣхъ црѣь ѿ онѣзи рѣвъ и изѣдоха ги лѣвовете досѣщѣ, и така погынаха (Копр., 44).

Формы И и Пл употребляются при описании ситуации, складывающейся к началу совершения основных событий повествования. Например: ... ношите им *се струваха* дълги и тежки. *Нямаха* и часовник. Това не *мъчеше* бае Стоян, който *бе прекарал* без часовник толкова години, но един от неговите другари... само за това *мислеше* и *питаше* кого де срещне по пътя: колко е часът. Веднаж бае Стоян му каза: — Не часовник ами цял будилник ще ти намеря... И един ден, щом се смени, той се изгуби нанякаде и се върна чак вечерта. — Ето ви будилник, момчета — каза засмян от душа бае Стоян и извади из под ямурлука си едър петел. (Е.-П. II, 154); И дръгощѣ па^к искахѣ войны пррка илѣа. И тѣи *бѣаше се* да слѣзе ѿ горѣта гдѣто бѣше съскрѣль и архггль Михайль пѣви мѣ се и ре мѣ да слѣзе. (Копр., 41).

Ср. аналогичное употребление в старых текстах: ѣ къ нѣкъзи гра *ѣфремока* прише, живѣше съ бѣченикы своиими. иже вѣ нарѣди

съвѣтѣкоупили са вѣша, иже зрители хитѣхъ вѣрти вѣлнмоу распатѣ, занеже чѣтырнадцатыи мѣца дна прѣшель вѣ, кѣнже агнеца закѣлаахъ гадѣще. иже ѣлико прѣзникъ приближааше са, толико и нѣрѣ съвѣрааше са. и вѣнза оуже вѣвѣшоу прѣзникѣ егда вѣзи прѣйшли вѣша, прѣходѣ и гѣ прѣждѣ шѣстыи дна пасхы вѣ вѣодѣнѣ и такоже ре^н иѣвѣннѣ, иѣдеже вѣ лѣзарѣ оумѣрѣи, игоже вѣскрѣси... ре^н нѣрѣ мнѣгѣ ѣ иѣдѣи яко тоу е, и прѣидѣша вѣдѣша кѣ истинѣ и вѣскрѣсившаго и вѣскрѣшаго (Ц., Слово..., 40—41).

В аналогичных контекстах формы Пл могут употребляться и без форм И: **Бѣше** же тогда иѣвѣннѣ патрѣархъ цѣргрѣскѣи ересѣ вѣзвѣннѣ. и хоула на стѣла икѣны. и ѣ стѣо съвѣра ѣ стѣла съскрѣженѣ вѣ. прѣше же Кѣнстѣандѣннѣ филѣсѣфѣ кѣ нѣмоу и поскрѣми же, и поскрѣвѣ... ересѣ его (ЖК, 285).

Формы И и Пл употребляются при описании ситуации, которую застаёт действующее лицо. Например,

из новых текстов: Веднаж през един пролетен ден... Герака бе се извлякѣл пред вратата на крѣчмата си и лежеше по очите си на припек. Дядо Маргалак мина край него... и го бутна по рамото. Дядо Йордан не помрѣдна. Маргалака... каза: — Я, той умрял (Е.-П., III, 83); На утро отидох на ливадата, като заобиколих през корията. Колибата беше изгорѣла. На мястото пушеха последните недогорѣли вѣглени. Горе на канарата... стоеше Калина... Като ме видя, тя... избяга... Е.-П., II, 69); ... и ... прѣдѣдоха се да блѣзѣть оу ѣнѣзи ѣнѣнѣи конѣбѣ и та сѣ прѣдѣдоха бѣ дѣшата. и кога се минаха г дѣи поидѣ царѣ на ѣнова мѣсто и ѣворѣиха ѣнѣзи конѣбѣ и найдѣоха гѣи цѣлы и ни еднѣ влакно не бѣше изгорѣло., амы бѣхѣ да речешь като жѣвы... (Копр., 170—171); Уви! какво прискрѣбно зрелище бѣ настанало! Опусте земята, лиши се от всичките си блага... не остана князѣ... нямаше кой да ги... спаси... юнѣчните някого сѣрѣца на доблѣстните мѣже сега се бѣха обѣрнали на слаби женски сѣрѣца (И. Иванов. Старобѣлгарски разкази, 54);

из древних текстов: и кѣстѣкѣ кѣ тѣ часѣ иѣе кѣ скѣтѣжѣ вѣодемѣ и обѣрте яко кѣ тѣ часѣ. прѣдѣлѣ вѣашѣ дѣшѣ члѣкѣкѣ (Суп., 296).

Формами И и Пл обозначаются действия, поясняющие ситуацию, в которую попадает действующее лицо повествования. Например: — Огнянов... през плет не е видѣл театър... Трябва да му се подсвирне — каза Стефчѣв гневно. — Трябва, трябва — потвѣрди Хаджи Смион. — Кой ще подсвирѣва? — Извика някой от сѣщѣи чин. Дѣамата души се обѣрнаха. Те видѣяха Каблѣшкова. Каблѣшков не беше още станал апостол. Той случайно се нами-

раше в Бяла Черква, дето беше дошъл на гости у един роднина. Хаджи Смион се смути от огнения поглед на бъдещия апостол (Ваз., 95).

Действия, обозначенные формами И и Пл, поясняют реакцию действующих лиц на происходящие события. Например: Децата... пристигнаха... в село и уплашено разправиха, че намерили в нивите Скореча умрял... при тая вест всички се почудиха и всички го пожалиха. Каточе на всекиго липса нещо, каточе опразня селото. Не бе умрял Скореча, една душа бе изгоряла, една песен бе пересекнала. (Е.-П. I, 231).

Формами И и Пл обозначаются действия посторонних наблюдателей главных событий повествования. Например: Белчо се отпрати по пътя към реката. Хората, които не бяха го виждали няколко време се спираха и казваха — бедният Белчо! Той спря до... мостче... прегази реката и се опъти към близката наша нива... (Е.-П. II, 30).

Формы И и Пл употребляются при описании состояния природы, на фоне которой разворачиваются основные действия повествования. Например: Един хубав пролетен ден, празник беше, хората се връщаха от черква... В нашата градина бяха науфтели старите сливи... Пред нощта беше ваяло дъждец. Въздухът беше пресен, небето чисто и ведро. Слънце бе изскочило над баирите светло, хубаво, празнично, като че бе излязло из черква заедно с хора. Белчо (вол. — И. Б.) имаше пободър вид... По едно време той стана и бавно се отдели от нас... и излезе из портата... Тръгнахме след него... (Е.-П. II, 29—30).

Формы Пл и И могут употребляться при описании характеристики автора повествования. Ср., например, следующие отрывки из новых и старых текстов:... прекарах едно... лято, гостенин на... отец Сисой... Бурното и дълго миналото на отец Сисой му бе принесло много житейска опитност, а церковни книги и библията, над която прекарваше усамотените си часове, бяха прояснили душата му със света мъдрост. Ще ви разкажа някои от неговите приказки... (Е.-П., V, 7—8); съписа же паматъ стъийхъ. исайта нѣк'то именемъ... иже вѣаше шъль сз кльхъз по слоушати тчъжъ выкаемъзійхъ. иже рѣвъка по страданий стъийхъ. и васе испрѣка до жи и до конѣца. зѣло истинанѣ сз шшавъ и видѣвъ. потшпта сз сз вѣсткѣкожъ тврѣдостийжъ сз писати. на възграждение и оуспѣхъ и сз пасение и оуспѣхъ почитаемъштгиймъ... (Суп., 271).

Во всех приведенных примерах формы Пл никогда не обозначают действий первого плана и всегда обозначают такие действия второго плана, которые совершаются до времени того эпизода, основные действия которого ими комментируются. Такое употребление форм Пл вполне согласуется с тем местом, которое мы отвели граммеме Пл в системе времен болгарского глагола.

Контексты с формами будущего в прошедшем (БвПр)

§ 5. Выше мы рассмотрели употребление форм БвПр в контекстах с полным набором форм относительных времен I подсистемы, здесь проиллюстрируем употребление этих форм времени в двух других возможных видах контекста: а) в сочетании с формами И и А и б) в сочетании только с формами А.

И в этих контекстах, как и в контекстах с полным набором форм времени, мы всегда имеем дело с противопоставлением действий первого и второго планов повествования. При этом формами БвПр всегда обозначаются действия второго плана, а формами А — действия первого плана.

Как и формы Пл, формы БвПр в этих контекстах, как и в „полных“ контекстах, всегда принимают одно и то же значение — значение действия, относимого к такому относительному будущему периоду, моментом отсчета для которого служит время действий, обозначаемых формами А.

§ 6. Контексты «И+Б в Пр.+А»: В къщата на Гераците, та и в дялото село *се знаеше и говореше*... че стария Герак има скрити пари... Божан... като хитър и скритен човек, *уверяваше* всички, че това е лъжа... Така *говореше* Божан, но душата му не *беше* спокойна. Нему *се щеше да тури* ръка на тия пари и умът му *кроеше* разни планове. Понеже старецът *държеше* ключа от кръчмата сам и сам *отваряше* и *затваряше*, когато някой от къщи *отиваше* в нея по работа, то Божан *подозря*, че той там крие парите си и *почна да го следи*. (Е.-П. III, 25—26).

Здесь действие, обозначенное формой Б в Пр. *се щеше да тури ръка*, вместе с остальными действиями, обозначенными здесь формами И, раскрывают обстоятельства и мотивы поведения главного действующего лица, совершающего ограбление собственного отца. Действия, имеющие непосредственное отношение к осуществлению плана ограбления, обозначаются формами А *подозря, почна да го следи*.

Формой БвПр обозначается действие, которое предстоит осуществить, а формами И — действия, совпадающие по времени с действиями, обозначенными формами А. Ср. действия *се щеше да тури ръка* и *умът му криеше разни планове*.

Ср. пример из старых текстов: Гладъ великъ *бѣше* въ едно време... и *бѣше* сѣчѣка онаѣзы страна мѣриликѣйска на голѣма нѣжда и мѣреа что *бѣше* стѣмѣ николѣ епархѣа *щѣше да се развали* и *да погыне* ѿ глады, амѣ легома великы николае готовѣ помощникѣ на хртѣане не *ще* да си остави своите люде да погнати, ами *що оуткѣмѣ*... (Копр., 91).

Далее рассказывается о том, что предпринял св. Николай, чтобы спасти погибающих от голода. Изложение ведется в формах А. Формами БвПр и И, как и в предыдущем примере,

обозначаются действия, характеризующие мотивы поведения героя, формами И характеризуются признаки, которые делают действие, обозначенное формой БвПр., актуальным для описываемого момента в прошлом.

Ср. пример, в котором признаки предстоящего действия, обозначающегося формой БвПр., обнаруживаются в момент совершения действий, обозначаемых формами А, и выражаются формами И: Една зима Петър взема Захаринчо... и му каза: — Сега, да вървим! Захаринчо тръгна, без да знае къде... На Захаринчо му *стана жално*. Той *заплака* мълчешком и не каза нищо... На сърцето му *тежеше* камък. Нещо го *душеше*. Той *вървеше* като на сн и се *отдалечаваше* от селото *дето оставаха* връстниците му, дядо му, стрина му, големия бор. *Щеше* ли да *може* да го види веднаж? (Е.-П., III, 81—82).

§ 7. Контексты «Б в Пр.+А»: Каблешков пламна. Преприята *щеше* да се *разгори*. Мичо Бейзадето побърза да я прекрати... (Ваз., 95).

Здесь мы имеем дело по сути с таким же употреблением форм БвПр, что и в предыдущих контекстах. Формой БвПр. обозначается действие, актуальное в момент совершения действий, обозначаемых формами А, — действие, которым мотивируются поступки Мичо Бейзадето. Его действия обозначаются формами А и представлены в приведенном отрывке формой *побърза да я прекрати*.

Отличие состоит в том, что здесь признаки актуального действия, обозначенного формой БвПр, в тексте не получают никакого выражения. Таким образом, здесь форма БвПр. употребляется в так называемом эллиптическом высказывании, в котором ситуация не выражается полностью, что, однако, на значении формы БвПр никак не отражается.

Ср. аналогичное употребление БвПр. в старых текстах: ...на̀ ч̀т̀о ч̀т̀орит̀а̀ соуд̀ы̀ ѿ̀на̀... въ̀ дру̀го̀у̀ ст̀ран̀о̀у̀ дв̀ора̀ сво̀его̀... про̀кажа̀тъ̀а̀ сло̀у̀га̀мѝ сво̀имѝ ст̀т̀о̀. по̀нѣ̀жѐ р̀з̀зоум̀ека̀ тако̀ въ̀ ч̀т̀а̀й̀ час̀ х̀д̀т̀ех̀о̀у̀ ѝ рас̀т̀р̀г̀но̀у̀тѝ ѝг̀о̀ ѝлѝ н̀о̀ж̀мѝ ѝ м̀лчѝ на̀ о̀уд̀едѐх̀а̀ с̀ла̀д̀о̀вѣ̀тѝ. (Н. Н., 127).

Здесь, как и в предыдущем примере, формой БвПр *х̀д̀т̀ех̀о̀у̀ ѝ рас̀т̀р̀г̀но̀у̀тѝ* мотивируется поведение судьбы. Действия же судьбы обозначаются формами настоящего исторического, которое является стилистическим вариантом форм А.

Употребление форм БвПр в подобных эллиптических высказываниях встречается и в тексте Коприщенского дамаскина: Гл̀адь̀ бѣ̀ велик̀' еднѣ̀щь̀ на̀ сѣч̀ка̀ земл̀я̀ солѣн̀скаа̀... и солѣн̀ щѣ̀шѐ да̀ погынѐ ѿ̀ гл̀адь̀. амы̀... стѣ̀ димитрѣ̀... не оставь̀ мѣ̀сто̀ своѣ̀ да̀ сѣ̀ развалѣ̀ и да̀ погынѐ ѿ̀ гады̀, амѝ что̀ оутькмы̀ (Копр., 21).

Ср. приведенный выше пример на употребление БвПр. в сочетании с формами И из жития Николая Мирликийского, где аналогичная ситуация описывается полностью: *вьпефалгѡнь дѣто казувах'ме сегѡ. бѣше тамо и другыи храм' с(ве)т(ѡ)го... геуѡргѡа, малакѣ изразвалѣнь. амй с(ве)тѣи щѣше дасй поднѡвь чѣрковата, ичѣ ѡтъкмй...* (Любл., 528).

В этом примере формой БвПр обозначается намерение совершить действие, которое потом осуществляется. Описание осуществленных действий ведется в формах А, в приведенном тексте они представлены одной формой *ѡтъкмй*.

С таким же значением употребляется форма БвПр в тексте из Супрасльской рукописи: ... *рѣша ка нѣмоу. имамы двѣ пшты...* *к'лѣзи кѡ ни горжштѣма йма. й дшты йзлѣзиши йз' дгнѡа беза крѣда. к'тѡуема ѡтѣ тебе проповѣдаемоуѡумоу боу...* *притѣжпикѣ же ѣпѣз ка ѣднѡй пшты...* *прѣкрѣстикѣ себе й пшты. кѡ нѣже хотѣаше вѣлѣсти. дѡтакоу рѣшоу канѡмѣма. калѣзе кѡ пшты горжштѣж й...* *йзлѣзе силоѣж етаѡго дѡа без крѣда* (Суп., 540—541).

Формы БвПр могут употребляться также и в таких контекстах, где речь идет о неосуществленных намерениях действующего лица повествования. Например: *Огнянов се разжодаше живо из стаята. ...Внезапно зѣрна на масата новия брой от в. „Дунав“... и когато щеше да го зафѣрли, вниманието му се спря на едно заглавие... Той прочете, попарен следующее... (Ваз., 216); И се заля в смях, висок и проклет, който се чу далеч в гората. Насмалко щях да заплача. Веднага тя омекна, погледна ме... и хвѣрли се... на шията ми... (Е.-П. II, 61); ...Тя се мъчеше да победи, но след еднѡчасова борба спря отмаляла... — Не мога вече... Надигра ме! И един страшен срам щеше да я разплаче... — Облога, облога да се изпѣлни! — завикаха някои. Тя дигна глава и почти през съззи отговори: — Що? Аз стоя на думата си! (Е.-П. I, 189—190).*

Ср. аналогичное употребление форм БвПр в текстах XVII века: *въ врѣме, кога бѣха дрѣ хртѡанскѣ, бѣше некѡи влак... ивъ единъ днь оулѣзе въ корабѣ и щеше да поиде въ александѣа, и на пѣть... хватѣха ѡн'зы корабѣ и плѣнѣиха го...* (Копр., 19).

Значение форм БвПр в приведенных только что примерах напоминает так называемое конативное значение форм И. Оно обусловлено, как справедливо отмечает Ю. С. Маслов по поводу этого значения в формах И, общим контекстом, а не собственным значением формы времени ³⁰.

³⁰ Ю. С. Маслов. Глагольный вид..., стр. 256.

Формами БвПр могут обозначаться также действия предполагаемые, как, например, в следующих текстах из современной и старой литературы: Онбашият предпочете да го варди на вратите, а не да го хване в черквата. Това щешѣ да вдигне неприятна тревога в народа и да предизвика Огнянова на отчаяна самозащита (Ваз., 137); оти муѳси прркъ, когато щѳше да ѳмре, възлѳзе на еднѳ плѳнинѳ. . . и ѳ тѳка мѳ показѳ бѳ сѳч'кѳ землѳ. . . и ре мѳ сѳю землѳ. . . щѳ да ю насѣлать дрѳгы, и тѳ не щѳшь да пойдѳшь тамо. И на тазы плѳнина оумрѳ муѳси и дѳаволь щѳше да ѳлѳзе въ тѣлото мѳ да прѳлѳсти евреете и да им кѳже дрѳгы закѳнѳ. . . И архггль михайль ѳви се прѳ' него и зарѳчи мѳ и ре. Запрѳщѳет' ти гѳ бѳ. . . и исчѳзна ѳ тамо дѳаволь (Копр., 37).

В первом эпизоде старого текста формой БвПр также обозначается действие предполагаемое, а во втором, как и в выше приведенных примерах, форма БвПр. употребляется в контексте, описывающем неосуществленное намерение³¹.

Контексты с формами имперфекта

Формы имперфекта в контекстах с выраженной хронологией действий

§ 8. В настоящем разделе рассматриваются такие контексты, в которых формы И употребляются изолированно от форм других относительных времен I подсистемы, но совместно с формами А.

Напомним, что в рассмотренных выше контекстах, где формы И употреблялись в сочетании или с формами обоих остальных относительных времен — плюсквамперфекта и будущего в прошедшем или с формами только одного из этих времен, формы И всегда принимали одно значение — значение действия, относимого к относительному „настоящему периоду“, для которого МО служит время действия, выраженного формами А. Но если формы Пл и Б в Пр сохраняли свои значения и в контекстах, где они сочетались только с формами А, то формы И в отличие от них в контекстах, где не употребляются формы других относительных времен, могут принимать не только значение „настоящего в прошедшем“, но и другие значения, а именно: значения маркированных относительных времен — плюсквамперфекта и будущего в прошедшем.

³¹ Ю. С. Маслов. Глагольный вид., стр. 256. Ср. пример на употребление имперфекта в конативном значении, который приводит здесь Ю. С. Маслов: „. . . И сто лева бакшиш му даваше. . . — Взех ли ги? — Не, не ги взе, ама даваше ги човекът“ (Карасл.).

Таким образом, формы И в контекстах без форм других относительных времен могут выступать в одном из трех значений: в собственном значении „настоящего в прошедшем“, в значении „предпрошедшего“ (= значению плюсквамперфекта) и, наконец, в значении будущего в прошедшем, что и определяет место этого времени в предложенной выше модели болгарских времен как немаркированного члена оппозиций, возможных в пределах I подсистемы относительных времен.

Какое бы из трех возможных значений формы И ни принимали, ими всегда обозначаются такие действия второго плана, которые упоминаются в связи с действиями, обозначаемыми формами А с целью пояснения, уточнения обстоятельств, в которых совершались эти действия. Приведем материал, иллюстрирующий возможность употребления формы И в названных трех значениях.

§ 9. В контекстах, где нет относительных времен, формы имперфекта в собственном значении „настоящего в прошедшем“ встречаются чаще всего.

В примерах, иллюстрирующих употребление этих форм, обозначаются всегда действия, относимые к тому же отрезку времени, за который совершаются действия, обозначенные формами А.

Мы уже не раз говорили о том, что единицей текста, достаточной для выяснения условий употребления форм времени в тексте, а вместе с тем и их значений, может быть только такой отрывок текста, который содержит изложение эпизода в целом.

Это важно иметь в виду и при рассмотрении употребления в текстах форм И. Дело в том, что распределение форм И и форм А в пределах эпизода определяется его структурой.

Каждый отдельный эпизод в повествовании, если он излагается развернуто, представляет собой по своей структуре не что иное, как рассказ в миниатюре. В нем так же, как и в рассказе, можно выделить последовательно три части: *Vorgeschichte*, основную часть и эпилог. Первая или третья часть в эпизоде могут отсутствовать, так же как они могут отсутствовать и в рассказе. Но если они имеются, то их содержание излагается с использованием форм относительных времен и прежде всего форм И. В основной части используются главным образом формы А, формами И обозначаются действия, сопровождавшие действия, обозначаемые формами А.

С полностью развернутым эпизодом мы, например, имеем дело в следующем отрывке из рассказа Елина Пелина „Среца“.

... нощите им *се струваха* дълги и тежки. *Нямаха* и часовник. Това не *мъчеше* бае Стоян, който бе прекарал без часовник толкова години, но един от неговите другари... само

за това *мислише* и *питаше* кого де срещне по пътя колко е часът. | Веднаж бае Стоян му каза: — Не часовник, ами цял будилник ще ти намеря. И един ден, щом се смени, той се изгуби нанякъде и се върне чак вечерта. — Ето ви будилника, момчета, — каза засмян от души бае Стоян и извади из под ямурлука си едър петел. Те направиха на него място в колибата | и всяка вечер го *затваряха*. *Затваряше* го бае Стоян като *казваше*: — Чакай да навия часовник. Точно в определено време през ношта и особено сутрин, ясният и звънлив глас на петела *огласяваше* околността и *обаждаше* на старите войници, колко е часа (Е.-П. II, 153—154)³².

В первой части, соответствующей Vorgeschichte в рассказе, здесь описываются в общем виде те события, которые предшествовали действиям основной части эпизода и которые объясняют мотивы, побудившие одного из персонажей рассказа предпринять поиски петуха. Все действия в этой части эпизода обозначаются формами *И се струваха, нямаха, мъчеше, мислеше, питаше*, действие, происшедшее до времени описываемого эпизода, обозначается формой *Пл бе прекарал*.

Решение предпринять поиски и успешный результат этого мероприятия составляют основное содержание эпизода и излагаются с использованием форм А (имеется в виду авторская речь): *каза, се смени, се изгуби, се върне, каза, извади, направиха*.

Далше идет заключительная часть, соответствующая эпилогу в рассказе; в ней излагаются последовавшие затем события, но излагаются обобщенно, только в связи с основной частью и описываются опять с помощью форм И: *затваряха, затваряше, казваше, огласяваше, обаждаше*.

Ср. отрывок из Жития Иоанна Рыльского (XIV в.)³³:

¹ || ... дѣавѡмъ нестрѣпѣ на мноѡѣ слакити еѡ прѣвномѡ. нѣ некѣрѣа стрѣложъ срѣце ѣпкпа гра тѡгѡ ѡгѡзѡи. ² || ѡ не хотѣше никакѡже на поклонѣнѣ прѣити прѣвнагѡ мѡщемѡ... ѡ ѡнѣмѡ възвранѣваше не прѣити на тѡгѡ поклонѣнѣ... | ѡ дѣѣ вѣжимѡ еждѡмѡ праведнѡмѡ брѡзджъ ѡзѡкѡ прѣа^т. ѡ вѣше нѣмѡ... ѡже еѣ кѡдѣкѡшенѡ чѡ, стрѡхѡмъ ѡвѡзати вѡшѡж. ѡ вѣ помѡбѡж ѡмѡ ѡко же дрѣвнѡи... захарѣа... и разѡмѣ ѡко некѣрѣа ра етѡ еѣ пострѡда, вѡ скорѣтѣ кѡ рацѣ етѡ прѣтѣче... срѣчноѡ еѡкрѡшенѣ показѡваше. бѡжѡи же ѡгѡдникѡ... не вѡсѡхѡтѣ тѡгѡ... томѡити. нѣ вѡскѡрѣтѣ

³² Вертикальными линиями в тексте разделены части, представляющие названное деление содержания эпизода.

³³ Здесь в тексте одной вертикальной чертой отделяются составные части эпизода, а двумя вертикальными чертами — разные эпизоды.

Азъика егѡ азъи раздрѣши. и блгвдариша пакѡи тѡгѡ дѣтрѡи. |
 Онъ же сѣѣ пакѡ полбчикѡ блгвдариша... къ бѣ и тѡгѡ дѣтѡи
възснѡваше. сѣѣ же къси... кидѣше, множайшиж кѣрж и дѣрзѡи
 къ стѡмѡ показоуахъ (ЖИР, 381).

В первой части второго эпизода описываются события, навлекшие на епископа кару Божию. Они излагаются весьма общо с использованием форм И не хѡтѣше, къзбранѣше. Основное содержание эпизода составляет потеря дара речи и чудесное исцеление. Здесь используются главным образом формы А прѣаѣ, бѣзлати бѣшиж, разбѣт, пострѡда, притѣче, късхѡтѣ, раздрѣши, дѣтрѡи. В заключительной части опять только в общем виде описываются события, последовавшие за исцелением. Но из них называются только те, которые явились непосредственной реакцией на чудо, совершенное мощами св. Иоанна Рыльского. Обозначаются эти действия формами И къзснѡваше, показоуахъ.

Нетрудно заметить, что и в первом, и во втором тексте формами И и А обозначается цепь последовательно развивавшихся событий. Однако роль отдельных событий в эпизоде различна: одни составляют основное содержание эпизода и обозначаются формами А, другие привлекаются лишь в связи с этими событиями и обозначаются формами И. Таким образом, распределение форм И и А в эпизоде определяется опять, как мы видим, распределением действий, ими обозначаемых по двум планам повествования.

Вступительная или заключительная часть эпизода, как мы уже говорили, может и отсутствовать. Так, например, в приводимом ниже отрывке из романа Елина Пелина „Земля“ имеется довольно пространное вступление, а заключительная часть отсутствует: *Еньо купуваше една голяма нива... На пазарлъка имаше много селяни. Продавачът дълго се бори... Еньо бе упорит... Селяните от страна гледаха да стане работа, защото щеше да излезе по чаша и от двете страни. Те увещаваша Еньо да придаде, а продавача да отстъпи... Бъзунекът държеше страната на Еньо, но най-после и той настоя пред него да придаде... Купувачът и продавачът си подадоха ръце и откъснаха пазарлъка. Направи се продавателен запис...* (Е.-П. III, 128—129).

Основное содержание эпизода составляет здесь акт покупки. Предшествовавшие ей торги составляют, так сказать, прелюдию к основной части эпизода, и хотя описываются пространно, но все-таки картина предстает перед глазами читателя в обобщенном виде. В этой части действия, имеющие отношение к совершающейся покупке, обозначаются формами И *купуваше, имаше, бе упорит, гледаха, увещаваша, държеше*

страната.., действие, которое должно было состояться после покупки, обозначается формой БвПр *щеше да излезе*. Действия, составляющие основное содержание эпизода: упорство продавца, настаивавшего на своей цене, что и было причиной затянувшихся торгов, и акт оформления сделки,—обозначаются формами А: *дѣлго се бори, настоя, подадоха, откъснаха, направи се*.

Содержание вступительной части эпизода может составить описание обстоятельств, поясняющих, как произошли события основной части. Например: ¹ || *Иъз мелегѣнѣ изидѡхъ ѡ мѣрѣ и книдохъ в пещерѣ слоужити боу.* ² || *и прѣдѣ пещероу бѣше перикола... и погрѣде перикола бѣше источникъ... и кѣсакъ ходещи то почиваше. и азъ кѣсакъ съблюдахъ. и никтъ ме незнаше въ пещерѣ. за. к. мѣт. | и ю^аина дна прѣде чѣлка на источникъ. и пошлѣше много злата... азъ старъ видѣхъ чю велико. ге чѣлка непокинѣна прѣта смрѣта (Т. р., IX, 85).*

Вступительная часть здесь сравнительно небольшая, описываемые в ней факты поясняют события основного эпизода, т. е. обстоятельства, при которых путник мог потерять свое золото. При описании этих обстоятельств используются только формы И.

В качестве событий, поясняющих обстановку, обстоятельства совершения действия, составляющих основное содержание эпизода, во вступительной его части могут использоваться не только конкретные действия, излагаемые обычно обобщенно, как в вышеприведенных примерах, но и такие обобщенные действия, которые характеризуют обычаи, привычки и т. п. Например: *онѣзи калугери ймаха уставъ, оти в' чѣстѣать понеделникъ излѣзеха сичките калугери от монастырътъ и отхождаха в' пустинѣ, сѣкы по башка на единѣ, и стрѣваха таму до Врѣбница недѣла. | Че спротѣ онзи уставъ... излѣзи и старецъ Зосима и премина... рѣка на едно сасъ другите калугери... (Свищ., 259); Црѣ же имѣше обычаи въ полатѣ свои непрѣстанно чѣтѣще Псалтирь, и егда хотѣше почити имѣше каменѣ шетро тако ножеке и на то^а почиваше, а постелѣ црѣка стоаше люди ради... | И прикѣде его въ полатоу црѣж... оудари его и рѣчѣе его на двоѣ (К. Т., 308).*

Содержание вступительной части эпизода могут составить не только обобщенные обычные действия, не характеризующиеся регулярностью, как в приведенных примерах, но и такие обычные обобщенные действия, регулярность которых оказывается выраженной в тексте. Например: ¹ || *въ црква стмѣ... димитрѣю въ оновѣ врѣме бѣше нѣкди члкъ... и дѣволъ бѣше го настѣрилъ да краде свѣщѣте. зашо кѣи хрѣтѣанинь донесѣше свѣщѣ и запалѣше, а тои ю бгасешѣ и съкрыаше. | И въ една*

нощъ гави мѣ се стѣ димитріе и ре^а мѣ... не мѣ е ѹгодно тѣ что чинишь съ свѣщителе... (Копр., 25).

Обстоятельства, при которых совершились действия основной части эпизода, могут описываться во вступительной части не только обобщенно, но и конкретно. Например: На другая ден аз *седях* в градината у дома и *мислех* за сношна случка. *Искаше* ми се да намеря Калина да ѣ кажа, колко страдам... Лукан дойде при мен замислен и не вдигна очи да ме погледне. Само каза със заекване... (Е.-П., II, 68).

В составе эпизода может отсутствовать вступительная часть, но зато довольно пространно излагаются события заключительной части, как, например, в следующем отрывке из Жития Иоанна Рьельского: ... *распáli* *са* *яко*^ѣ *ѣлена*... *ше*^а *кз* *мшна* *стѣра*. *ѣ* *мáло*... *врѣма* *прѣвѣикз* *ради* *обвѣнѣта* *остáвãлѣ*^ѣ *земнаа* *земнãимз*... *ничз*^ѣ *ѡже* *ѣнѡ* *кз* *земз* *разкѣ* *ѣдинж* *одѣждж* *кѡжанж*, *прѣидѣ* *кз*... *гврж*. | *ѣ* *сзткóрз*... *квãнѣж* *вѣ* *тоу* *прѣвѣикаж* *поцѣнѣмз* *ѣ* *вдѣнѣмз* *држчакãж* *тѣлѡ*... Кто *ѡво* *сказãти* *кз* *зможетз* *тѡгѡ* *ãже* *тогда* *теóрѣше* *трѣды*. *ни* *вѡ*... *до* *сãтостѣ* *прѣнима* *ше* *нж* *мáло* *сѣлѡ*... *прихѡждаãхж* *свѣрѣн*... *бѣразы*, *дѣтрãшнѣ*... *тѡгѡ* *хѡтаце*. *нж* *дѡблãми* *непоколѣблѣмз* *прѣвѣивãше*... *ãкоже* *нѣкãи* *кãменз*... (ЖИР, 371—372).

Здесь хотя и пространно, но все-таки очень общо описываются события, последовавшие за переселением святого. Для описания образа жизни святого на новом месте используются формы И, действия основной части эпизода обозначаются формами А: ¹ || *кз* *други* *же* *пакзи* *ѣноша* *нѣкãи*... *ногама* *раслãвѣ*. *ѣ* *тог*^а... *ѣмоу* *принѣсоша*... *онз* *же* *три* *дни* *дãкãкз* *ѣ* *молитвѣ* *ѣднѡн* *прилежãвз*. *цѣла*... *сзткóривз*... *повѣлѣ* *своима* *ногама* *к* *домз* *ѣго* *ити*. | *мнози* *же* *ѣ* *ѣни* *прихѡждаãхж* *кз* *нѣмоу* *различãныã* *ãзã* *ѣмãштѣ*. *ѣ* *вси*... *ѣцѣлãнѣми* *отгхѡждаãхж*. ² || *видѣкз* *же* *себе* *разз* *бжни* *зѣлѡ* *бтз* *всѣхз* *чтома*... *бтидѣ* *бтз* *мѣста* *тог*^а... (Суп., 518).

В основной части приведенного эпизода сравнительно обстоятельно, конкретно описывается исцеление одного юноши, страдавшего телесным недугом. Об исцелении остальных лиц сообщается лишь в связи с этим эпизодом очень общо. При этом используются только формы И, исцеление юноши описывается в формах А.

Содержание заключительной части эпизода может составить описание реакции действующих лиц на события основной части эпизода, как в приводимых ниже примерах.

Одному юноше не понравились законы Ликурга, и он выкол ему глаз. Люди поймали его и отдали Ликургу, чтобы он

расправился с юношей как сочтет нужным: И той го зе та го заведе в къщата си и го имаше като син. Юноша от това толкозися укроти и умири, щото, ако бе възможно, ищяше да стани като Ликурга. И заради това отмъщение сичките хора ся чудяха, а юноша им думаше, чи тый го по-горчиво мучаше, а не ако го убияше... (Бер. 60).

В Житии Николая Нового (оригинальное произведение XVI в.) рассказывается о посещении автором жития и одним юношей святого Николая, заключенного в темницу. Этот эпизод, детально описанный, кончается сообщением о том, какой резонанс среди христиан получила весть об этом посещении: Прѣрѣченниже ѿнѣи моужіе... вѣсѣма ѣже кз пракослѣвнымѣ ѣже ѿ нѣма подрѣбноу повѣдоуѣта, ѣ кз тѣма бл҃гѣніе ѿ стого принѣсетѣ. ѣ ѿ лица ѣго вѣсѣ цѣлоуѣта ѣже и кз слѣста прѣемше вѣсѣ. ѣ велико благодареніе кз боу вѣсилѣхоу... мнозѣма же слѣшавшемѣ такокаѣ ѣже ѿ нѣма... прихѣжаахоу на посѣщеніе ка ст҃моу катѣинѣ... ѣ скѣзе сѣтлыни ѿноѣ... цѣлоканіе (sic!) ст҃моу... ѿдаахоу бл҃женниже никѣлае ѣзвѣноуѣра ѿканѣца ѣже катѣмници соуцаго. поклѣнишесе ка нѣма. ѣ вѣвѣка ѿпоуцаше. вѣше бѣ ѿканѣца ѿ малѣ стѣлѣ... ѣ не тѣчѣю моужіе прихѣжаахоу на ѣ жени... и тако вѣсѣха мѣткѣи ѣ вѣвѣка спѣвѣаше, ѣ сѣ мѣрѣ ѿ ѿпоуцаше. ѣ такокое прѣвѣвѣканіе ка тамныци ст҃го вѣше, ѣкоже слѣшавѣте (Н. Н., 120).

И вступительная, и заключительная части могут излагаться с разной степенью пространности и как минимум состоять из одного предложения, как, например, в следующем отрывке из Жития Варвара Охридского: ѣ пакѣи... прѣидѣ кз мнѣ сѣ нѣкѣзими... и кѣдѣше ма нага, даша ми ѿдеждаж. ѣ вѣцѣашамисѣа потрѣвнаѣа принѣсѣнги, ѣже ѣ сѣтѣвѣриша. тѣже принѣшѣаахж ми пѣцѣж ѣ ѿдѣанѣа за много вѣтѣма| ѣ тако... начѣша прихѣдѣти заѣ ѣ сѣпрѣвѣкаги сѣ множ (Вар. Охр., 47—48); ... покарѣаше (Иоанн Асен) ѣк'ртнѣж стѣранѣи. градѣи же ѣ вѣси. ѣко дѣвѣа двѣ сѣрѣца доше^а и сѣгѣ по^а сѣвож поѣвѣри ѣ... чюдѣса слѣшавѣа, дѣше... сѣвѣтѣа сѣвѣтѣа... прѣвѣнѣсти мѣщи... вѣ... гра^а тѣрнѣжкѣа, и акѣе послѣа кз прѣархѣ... писаніе кѣлацѣе сѣце... (ЖИР, 382).

В основной части эпизода формами И обычно обозначаются действия, совпадающие по времени с действиями, обозначаемыми формами А.

Контексты, в которых здесь употребляются формы И, по своему содержанию весьма многообразны. Приведем здесь примеры только на некоторые из них, преимущественно такие, для которых имеются параллели и в старых текстах. Формы И ис-

пользуются для обозначения действий, характеризующих способ протекания действия, обозначаемого формой А. Формой А в таких контекстах фиксируется конечный результат или последний этап действия. Например,

Из современных текстов: Пиенето му се привърши и той ден през ден *затваряше* кръчма, докато съвсем я затвори (Е.-П., III, 16).

Ср. из старых текстов: погълаша на мъжа $\bar{A}\bar{X}$ ъ въ образѣ змиинѣ... мъжааше. волѣзни... ѿмоу твора... и... къ стѣцоу бжѣю бустрами са. того же стѣий приѣмъ... мазааше... къ коемъ мѣстѣ пѣзаше $\bar{A}\bar{X}$ ъ. бжѣ змиа... касажшти во са ржѣт стѣаго отъвѣгааше $\bar{A}\bar{X}$ ъ въ ѿнъ оудъ. и пакы бтѣтжѣт прѣсажжшгама ржкама стѣаго. двнѣ къ другъий оудъ прѣстѣпааше. донелиже... възможе бѣтъ ѿгнати из него... (Суп., 567).

Формами И обозначаются действия, характеризующие обстоятельства, при которых произошли основные действия эпизода. Например,

из современных текстов: *Валеше* дъжд. От два дена не можеше да се работи... Божан *лежеше* в стаята си... Жена му *месеше* хляб. Петровица *переше*... Елка *шеташе* из къщи... Йовка *седеше* на судурмата. Около нея *се трупаха* децата... Петр *поправяше* някакво си колело... Павел *седеше* на стълбата... и *препрочиташе* десети пѣти писмото... Отведнаж из малка врата на тяхната затворена кръчма излезе баща им и се спря с един страшен вик: — Е... сега... свършихте и това! Лицето му беше тъмнобледо и страшно, очите му бяха широко отворени и косата чорлава (Е.-П. III, 53—54).

Ср. из старых текстов: тѣже сѣмѣтнѣ шѣса морю къ вѣдѣ бѣхумъ и кѣждо нѣа къ своѣмѣ бѣ ѡбѣты въздааше ѿвѣ и аз нача^х глагти... (Вар. Охр., 47).

Формами И выражается реакция на речь основного персонажа в данном эпизоде. Например,

из новых текстов: Тя видя мрачното лице на сина си и се помъчи да го развесели, като почна да му разправя разни закачки за момите на село. Николай остана мрачен, той дори *не чуваше* думите на старата... (Е.-П., II, 179).

Ср. из старых текстов: и ѿгда а много мъчнша глагола князъ... сватиѣ же мѣчаша $\bar{A}\bar{X}$ ъ. ничасоже ѿмоу бтѣкѣшгажште. Пакы же покѣт князъ... жшгти а по хрѣвѣцоу (Суп., 178—179).

В приведенных примерах формами И и А обозначаются действия разных лиц. Употребление той или иной формы времени определяется ролью данного лица в событиях, описываемых в данном эпизоде.

Формами И и А могут обозначаться действия одного и того же лица. Тогда употребление той или иной формы вре-

мени определяются степенью важности этих действий или событий, составляющих основное содержание эпизода. Обычно формами И обозначаются действия, мотивирующие поступки персонажа, например,

из новых текстов: Един ден дойде при нея Петър... Той влезе, и не знам защо, си свали шапката. От това на Елка ѝ стана страшно. Тя *знаеше*, че шапка свалят не пред болник, а пред мъртвец (Е.-П. III, 71).

Ср. из старых текстов: ън же стыдѣше сѧ и не покѣдѧ ѿма ѿстинж ѡ себѣ, и ѧко разбѡнника бѣ (Вар. Охр., 43); Тогѧзи дрь като чю за данѧла оскрѣби се тврьдѣ, отѧ защо го мно҃го любѣше и не щѣше да го тѣри ѡ ѡнѣ трапѣ при лѡвовете, и ѡнѧ кнѣсове... рекоха... (Копр., 43).

Формами И могут обозначаться действия, сопутствующие более важным с точки зрения описываемых событий действиям одного и того же персонажа. Например,

из новых текстов: — Дай да пия вода! — Кладенецът не е далеко, ако си жаден, иди пий, — каза ми тя соннато. Погледът ѝ *беше* строг и насмешлив... Обида, гняв и любов заблъскаха кръвта ми, задушиха думите ми... (Е.-П. II, 63).

Ср. из старых текстов: ѧко ѡбѡ свое ѣже кѡ гѡ ѡхоженѣе разѡмѣ на мѡтѣж себе ѡбрати. ѧ... слззы ѡ ѡчѣ ѧзливаше ѧ колѣтѣ (sic!) на зѣмла прѣклѡнѧ, вѣже глааше... прѣими ма... ѧ тѡ скѡими ѡченики погребѣнѧ бытѣ (ЖИР, 380).

Формы И употребляются в попутных замечаниях по поводу времени года, местности, внешнего облика персонажей и т. п. Например,

из новых текстов: ...по черковната улица на горското селце... бързо премина непознат полянин... и в недоумение спря на широкия мегдан сред селото... *Беше* хладна и ясна есенна утрин... Две-три босоноги подявки подгониха към къра закъсняла стока. Непознатият ги запита нещо, то те *не чу*а... (Е.-П. II, 87).

Ср. из старых текстов: Си слзизакъше старѣшинзи клѣшкѣзи. покѣтѣша. жжемѡ за ногѡ покразъше и клѣшги. кѡнѡ мразѡ. ѧ прѣвѣгити ѣмоу на ледѣ кѡлѡ ноштѣ вѣдѣше во зимноѡ врѣмѧ (Суп., 261).

Из новых текстов: В това време дойдоха прекарат лятото у нас едни далечни роднини... хубавата госпожица Николина *имаше* дълга кестенява коса, която *падаше* върху плещите ѝ на два разкошни плетника, завързани със сини панделки... Още на втория ден аз ги заведох на ливадата... Николина ме улови под ръка и тръгнахме да прием вода... На кладенеца *беше* Калина. Като ме видя под ръка с тая непозната мома, тя побледня... попита: — Коя е тая? ... (Е.-П. II, 65).

Ср. из старых текстов: И, таму, дету стоаше, видѣ като сѣнка че му сá явѣ человекѣску тѣло... видѣ очивѣсто, че врѣви человекѣ... и тѣло му *бѣше*... *чѣрно*, а космите... *бѣха бѣли*... *бѣха касѣ*... до рамоту му *достѣгаха*. И като го видѣ старицатѣ, зарáдва са... като намѣри унуй, дето трѣсеше (Свищ., 260).

Формами И обозначается действие, представляющее собой реакцию на действия главного лица событий эпизода. Например, из современных текстов: ... Той се наведе и целуна рѣка на Кирилица. А тя го *гледаше* радостна и не *можеше* да му се нагледа (Е.-П., I, 57).

Ср. из старых текстов: и напраки сá екторз краля на браня, и изидошж противж емоу троникъж господжа... и *възбранѣхж* емоу, да не би нсходилъ на браня... а он(з) сá не *хотѣше възвратити*... и тако екторз не врати сá, нж поиде противж ацилешоу... (Тр. пр., 262).

В основной части эпизода формами И хотя и реже, но могут обозначаться и такие действия, которые следовали за действиями, обозначенными формами А. Например: ... *сзшедзшѣ* же сá ѣмоу не може сгати противж ратникомъ. нз плещти кздакъ повѣже бѣз лица йхъ. Они же *женѣхж* кдслѣдъ... б вртѣз плѣквницж.... кзскочи кѣ нж... *женжшгтий*... запалишз плѣквницж .й сзжигосшз й... (Суп., 196).

Другие примеры см. в разделе, посвященном вопросу о выражении формами времени последовательности действий (см. стр. 65—78).

§ 10. Формы имперфекта могут употребляться в значении „предпрошедшего“ (т. е. в значении форм плюсквамперфекта). Выше мы уже приводили примеры, где формами И обозначались такие действия, которые хотя и предшествовали действиям, обозначенным в тексте формами А, но относились к мы показали, к тому же отрезку времени, за который совершались и действия, обозначаемые формами А.

Здесь мы рассматриваем такие случаи, когда формами И обозначаются тоже действия, предшествовавшие действиям, выраженным формами А, но которые относятся уже не к тому отрезку времени, за который совершались действия, обозначаемые формами А, а который предшествовал этому отрезку времени.

Из современных текстов: — Днес ти готвя едно хубаво ястие. Ти много го *обичаше* като беше малък, но няма да ти обадя какво е... (Е.-П. II, 179); ..Тая година той не докара и вино, как-то *правеше* по-преди... (Е.-П. III, 165); ...метна очи към полето. Оттук *се виждаше* голяма част от селото, тая част, дето *течеше* селска рекичка, дето толкова *обичаше* да играе, когато *бе* малък и дето *посрещаше* Елка, когато *бе* ерген. (Е.-П., III, 33); Изведнаж овците наоколо се разбягаха... Из храстите изскочи горски стражар... Иглика се уплаши и засрами. Тоя непознат стражар *тя виждаше* вече два пъти из гората.

Пре́ди него́ тук *вардеше* дя́до Ма́ртин, ко́гото И́глика *познаваше* до́бре. Той *беше* ста́р... Ни́как не *приличаше* на то́я мла́д... чо́век... с очи́ свете́щи ка́то на го́рския зва́р (Е.-П. II, 13).

Во́ всех приве́денных приме́рах форма́ми И́ обознача́ются де́йствия, упо́минаемые в свя́зи с де́йствиями, обозна́ченными форма́ми А. Особе́нно я́сно просту́пает причи́нная свя́зь э́тих де́йствий в последи́м приме́ре, где „предпроше́дшие“ де́йствия, обозна́ченные форма́ми И́, мотиви́руют испуг, недо́верие геро́ини расказа́ к незна́кому лесни́чему.

О́днако э́то необяза́тельно. Ср. следи́ющий приме́р из „Рибен буквар“ Бе́рона: ... Там усуди́ха веднѣ́ж е́дно дете́ на смрт, чи *вадяше* очите́ на вра́четата... (Бе́р., 62).

Ср. из ста́рых текстов: благойзко́ли... *црѣ*тко ми́ и издава́тъ насто́жщее златопеча́тное сло́вѣш... и́мже и запо́вѣва́тъ *црѣ*тко ми́ имѣ́ти... монасти́рю... селѣ́ Ханта́ка... и́ще же́ и не за́дѣвати́ са́ стажа́нишма́ то́го... монасти́рѣ за пода́ние... патъде́сатимъ перпи́рѣмъ, а́же да́ваахъ́ ради́ житѣ́аретѣ́а... по́неже ѿпро́си и́ си́хъ *црѣ*тко ми́ Ѹ́... *црѣ*к... Кало́ишанна (Зо́гр. гр., 589—590); Посла́ни же́ вѣ́шша посла́нници ѿ Хаза́рта кна́са... къ Ми́хаилоу *црѣ*рю. и́щяще́ ча́ка, къ е́же наоучи́ти и́хъ пра́восла́внѣ́а вѣ́рж хрѣ́ти́анска́а. по́неже и́ и́ще и́ма не *сѣ*ще́ хрѣ́ти́анѣ́мъ. *напа́даахъ́* на ни́и́ Граци́не... *привѣ*сти́ и́ на *сво*ж... *ѣ*рса́ Црѣ́ же... посла́ Кѡнста́нти́на филосо́фа... (Ж. К., 286); и́ се́ *трѣ*́ *лѣ*́ *сѣ*тъ *ни*́ѣ, *тако* *скрѣ*ва́ще и́скахѣ́мъ те́бе. и́ не *свѣ*рѣ́тажци́ те́бе не́ *имѣ*ше́ покѡ́а дѣ́хъ на́ша. *ни*́ѣ же́ *радо*стѣ́ж вели́кожъ *квзрѣ*дока́са дѣ́ла мо́а *видѣ*шѣ́ ми́ *тко*жъ *стѣ*ста́ днѣ́... (Ва́р. Охр., 45); и́ не ѿ то́гдази́ се́ *наре*́ то́ка́ *мѣ*сто́ *хо*не́, а ѿ *прѣ*кѣ́н' се́ *зовѣ*ше́ *ко*лдѣ́е (Ко́пр., 48).

Ка́к и в приме́рах из совре́менных текстов, *здесь* отнесе́нность къ „предпроше́дшему“ пери́оду обозна́чается специа́льно особе́ными обстоя́тельствами вре́мени.

В следи́ющем приме́ре из Жити́я Никола́я Но́вого та́ких специа́льных сло́в не́т, но отнесе́нность де́йствий, обозна́ченных форма́ми И́, я́вствует из их соде́ржания: и́ *стра́жоу*ца́го *щце́нню* ѡно́ю ко́дою́ *ѡ*ко́же *мѣ*рѣ́ помáзоу́е́та по *кв*се́моу *тѣ*лоу́. и́ ѿ *дик*стѣ́ко не *за*кáне *в*лѣ́та. *н*ѣ́ *к*а́ *т*ѣ́и *ча*́ *про*ка́зы *ѡ*но́е *сво*вожа́ше *ѡ*но́ша | *про*ка́зоу | *в*ѡ́ недоу́га ѡ́на *дрѣ*зноу́... *на*ре́ци *по*не́же *в*ѡ́... *скрѣ*ва́вѡ *не*кѣ́ *лѣ*тъ *напа*ше́ ѡно́го по *кв*се́моу *тѣ*лоу́... *но*кѣ́тми *п*лѣ́ты *сво*ѣ... *ра*стрѣ́заше́. *тако* *к*рѣ́вѣ́ *и*схо́дити ѿ *ра*на́ *мно*гы́ и́ не *а*́ *до* *се*́го *прѣ*вѣ́иваше́ *лѣ*тъ ѡ́на *вѣ*да. *на* *по*тѡ́ма *со*у́гребы́ *квзрѣ*щахоу́ *не*ма́лѣ... и́ *по* *ма*ле... *в*ели́кие *стро*у́пы *с* *ма*лими *скр*аца́еми *вн*вахѣ́ и́ *к*а́ *ко*нѣ́ца *к*а́сѣ́ *тѣ*ло́ *ѡ*дѡ́ *к*а́ *ѣ*ди́на *с*лѣ́иваше́се *стро*у́па. и́ *о*уми́лиена *к*взѡ́ра *с*ѣ́и *зрѣ*ци́ма *в*ѣ́иваше́ (Н. Н., 142).

Формой *скобожашше* обозначается действие, происшедшее в тот же период, что и действие, обозначенное формой *А* не *заканше* и настоящего исторического *помазочитъ*; остальными же формами *И* *растгърашше*, *прѣтъйкаше*, *казрацахоу*, *салйкаше*, *быкаше* характеризуется течение болезни до выздоровления юноши.

Соотнесенность действий, обозначенных формами *И*, очевидна и в предыдущих примерах, здесь она выражена причинно-следственным союзом *бо*.

§ 11. Формы имперфекта употребляются и в значении будущего в прошедшем. Выше в разделе о собственном значении форм *И* мы приводили примеры, где этими формами обозначались действия, следовавшие за действиями, обозначенными в тексте формами *А*. Эти действия в рассмотренных там примерах относились к тому же отрезку времени, что и действия, обозначаемые формами *А*.

Здесь мы приведем примеры, в которых формами *И* обозначаются такие действия, которые хотя и следовали за действиями, обозначенными формами *А*, но относятся уже к другому отрезку времени, а именно: к отрезку времени, следовавшему за отрезком времени, в котором происходили действия, обозначаемые формами *А*. Например:

Скилур, скитский цар, когато *умираше*, повеле та му принесоха един сноп копия (маждраци) ягко вързани, ачи привика... синове... рече: «Видите ли кък снопат кога е свързан, бива ягк, а кога ся развързи, прикърша ся лесно? Тъй и вие, ако живейте вси соединени със братска любов и согласие, ни един противник не ще можи да ви развали, ако ли ся споделите, ще останите безсилни и всякий ще ви побеждава» (Бер., 64); Когато *умираше* Евдаמיד... натрави инди тойзи... завет... (Бер., 63).

Ср. приведенные выше примеры на употребление в аналогичных контекстах форм *БвПр* в разделе, посвященном рассмотрению значений этих форм времени (см. стр. 98—101).

Имперфект в контекстах с невыраженной хронологией действий

§ 12. Здесь рассматриваются такие контексты, в которых оказывается выраженной соотнесенность действий второго плана, обозначенных формами *И*, с действиями первого плана, обозначенными формами *А*, т. е. выражается логическая соотнесенность этих действий, но остаются неясными их хронологические отношения. Трудно бывает сказать, к какому именно относительному периоду: настоящему, прошедшему или будущему — относит автор сообщения действия, обозначенные формами имперфекта. Создается впечатление, что эти действия как будто бы вплетаются в канву повествования о действиях, составляющих основное содержание эпизода. Именно эти случаи могут дать повод думать,

что имперфект не относительное время. Между тем как здесь относительность имперфекта предстает в чистом виде, поскольку значения признаков I группы, т. е. значения отнесенности к прошедшему, настоящему или будущему периоду, нейтрализуются общим контекстом, как, например, нейтрализуется значение мужского и женского пола в слове *теленки*, употребленном в следующем контексте: *телята паслись вместе с коровами, один теленок отстал от стада*, где слово *теленки* имеет лишь значение детеныша коровы. Ср. контексты: *теленки и телочка паслись на лугу; одного теленка оставили на племя, других зарезали*, в которых слово *теленки* определяется однозначно как детеныш коровы, мужского пола.

В контекстах с невыраженной хронологией действий формами имперфекта обычно обозначаются всякого рода обобщенные, отвеченные, вневременные, словом — не конкретные действия.

Иногда в заключительной части эпизода формами II обозначаются действия, раскрывающие содержание факта, в общем виде обозначенного предварительно формой A, как, например, в следующем тексте:

И ъзѣха оновѣ тѣло... и ѡнѣсоха... и побѣжиха А въ црква... и тамо много чюдо стѣры тогѣзы стаа пѣт'ка. бѣсны исцѣлѣха... и ѡ сѣкак'вы бѣдѣсть, кой дохож'аха и вѣтра имаха чѣста и любовь ѡ сичко срѣце на стаа пѣтка, тоѣ час исцѣлѣваха. (Копр., 10).

Поскольку отношения между действием, обозначенным формой A, и действиями, обозначенными формами II, в содержательном плане сводятся к отношению вида к роду, постольку вопрос о хронологии этих действий в данном случае сам собой отменяется. И логическая соотнесенность действий, обозначенных формами II, с действием, обозначенным формой A, предстает здесь в чистом виде. Примерно теми же причинами вызывается нейтрализация значений признаков I группы в тех случаях, когда формы II образуются от глаголов одного синонимического ряда. Например, из ряда *verbum dicendi*: особенно часто тавтологическое употребление этих глаголов наблюдается в старых болгарских текстах. Например: *начата ѣго... ѣспытѣ кѣти, ѡк'ждѣ ѣ прѣху' ѣго заѣ, ѣ гаѣ рождѣнѣ ткоѣ вѣпрѣшаше ѣго... и ѡк'цак'з, рѣ ѣмѣ... (Вар. Охр., 49)*. См. также аналогичные примеры, приведенные в первой главе в связи с рассмотрением вопроса о выражении последовательности действий формами времени (стр. 66—77).

С противоположным, но ведущим к тем же результатам случаем мы имеем дело тогда, когда формами II и A обозначаются действия, взаимно исключаящие друг друга. Например: *ѡк'рѣзе ѣ не чѣт'ше ѣже вѣх'ж писана. къ ни' нж ѡк'рѣзе оуѣста скод глабше*

ахо^х сты^х и оучааше... послѣшаахъ ѿго прѣстоужци (Ев. Фомы, 142); ср. из современных текстов: Божан не дойде на гробището. Той ограждаше някаква си нива. (Е.-П. III, 80).

В следующем примере формами И и А обозначаются действия отвлеченные, никаких обстоятельств времени, уточняющих их хронологию, нет. В результате хронология этих действий оказывается невыраженной, однако соотносительность с действием, обозначенным формой А, действий, обозначенных формами И, — очевидна: ѿ глаго казѣбѣнжкѣ ѿ сѣна казѣтѣхъ ѿморѣхъ и прѣидохъ на мѣсто сѣе ка кѣрѣхъ. и обрѣтохъ источника... дрѣвеса мѣгдалнаа... и разѣмѣхъ како бѣмѣ настѣвлена бѣхъ зде и помышлѣхъ житѣе свое зде скончати и молѣхъ бѣ помѣщи... ибѣхъ не ѡстѣвлѣхъ ма помышленѣа (Вар. Охр., 47).

Нейтрализация значений признаков I группы наблюдается и в тех случаях, когда в тексте имеет место переносное употребление глагола, от которого образуется форма И.

Например: не поглѡуша братѣ. нѣ отиде пѣтемѣ иже ка мана-стѣриѣ и дѣаше (Суп., 291).

Явления нейтрализации названных значений форм И можно наблюдать в таких контекстах, где наряду с формами И и А употребляются формы Н, к рассмотрению которых мы и переходим.

§ 13. Контексты с формами И и Н, в которых следует различать два случая: во-первых, такие примеры, где формами И обозначаются конкретные действия, и, во-вторых, такие примеры, где формами И обозначаются действия не конкретные, обычные, привычные и т. п.

В первом виде контекстов формами И обозначаются всегда такие действия, которые совпадают по времени с действиями, обозначаемыми в описании данного эпизода формами А. При этом формами Н обозначаются и конкретные и неконкретные действия, но в тех и других случаях формами Н времени обозначаются всегда действия, факт которых оказывается действительным за пределами описываемого эпизода из прошлого. Приведем примеры.

Формами И и Н обозначаются конкретные факты в пределах речи персонажа: ты различанъими мѣжками прѣшталаше оуморити ма. и азъ надѣахъ са како мечемѣ отѣсѣчиши ми глакж. занѣ моаѣ та покѣли и то сѣтворити да оубѣси како крѣстиани сѣмрѣтѣ прѣдвидѣти накзикохомѣ. христосокы ради любѣ (Суп., 253—254).

Здесь представлено эллиптическое высказывание: действия, с которыми соотносится действие, обозначенное формой И, не называется в речи персонажа как очевидное, описанное в авторской речи, предшествующей описанию диалога. Мучения святого описываются в речи автора конкретно; при их описании используются формы А.

Итак, формой И в приведенном примере обозначается конкретное действие, соотнесенное с прошлым персонажа, формой Н—конкретное действие, соотнесенное с моментом речи персонажа.

Во всех приводимых далее примерах мы имеем дело с авторской речью.

Как и в прямой речи, формами И и Н могут обозначаться конкретные действия. В этих случаях формой И обозначается действие второго плана описываемого эпизода из прошлого, а форма Н употребляется в авторском отступлении, представляющем собой комментарий к действиям персонажа, обозначенным формами А. Например: и кога́ бы врѣме да се веселѣть и да пїють със голѣма чаша́ вїно, донде рѣдь и до е́ома бжїи члкъ нѣли е, пази се ѿ много пїтїе и *нешѣ* да ѡзме ѡнѣзы чаша и едишь. . . ѿсугыте що *слўжаху* оударї е́ома еднѧ плесница и ре мѡ. . . (Копр., 2).

В других случаях формами Н обозначаются всякого рода „вневременные“ действия, действительные не только за пределами описываемого эпизода, но и в момент создания автором своего произведения. Формами И при этом могут обозначаться конкретные действия, как, например, в следующих примерах: Никакъв шум не *показваше*, че *вървят* живи хора, те *мязаха* на нощни призраци и вампири, които *стават* около Коледа. . . (Ваз., 181—182). Форма И используется здесь для характеристики персонажей в момент повествования, формой Н обозначается факт, действительный и за пределами времени описываемого эпизода; он является характерным признаком одного из христианских праздников.

и показа ми поле. . . И бѣ на поли томѧ гора *кыска*. . . и на неѧ *лежаше* змеѧ. . . и *оупивакт'* ѿ мора лакатѧ едина по кѣ д'ни и землю тѣтъ тако и стѣно (Вар., 195). В приведенном примере формой И обозначается конкретное действие, которым характеризуется картина, раскрывшаяся перед глазами Варуха, формой Н—характерное качество змея, присущее ему не только в момент, описываемый в данном эпизоде, но и за его пределами.

След три часа пѣт той и конят му, покрити със сняг, се спряха при Канарския хан. Канарскийт хан е станцията на високия троянски проход. Тук пѣтниците *почиват*, *похапват*, посгрыват се и тогава с нов запас от сили *почват* да възлизат по ребрата на Стара планина. Но една-две недели през зимата ханчето не *посрещѧ* пѣтници, защото веялици, *засиват* с дебели преспи стария римски друм на връх Балкана и той *става* непроходен. Всякакви съобщения между Тракия и Дунавска България *се прекращават*, додето троянските кираджии с египетски мъки не *прорият* тясна пѣтека из снега. Именно *сега* пѣтят *беше затворен* и ханчето *пустееше*. Хаджият. . . *посрещна* твърде вежливо гостя си и го въведе в голямата стая. . . (Ваз., 159—160). Формами Н здесь обозначаются действия, которыми характеризуется

назначение трактира и его типичное состояние в определенное время года. Формой же И *пустееше* фиксируется наличие этих признаков в момент посещения трактира Огняновым, т. е. в определенный конкретный момент прошлого, совпадающий с периодом времени года, в который обычно наблюдается запустение.

Таким образом, формой И обозначается некий признак, постоянно присущий предмету в определенный отрезок года, однако упоминается он в связи с основными действиями эпизода, характеризует обстановку в момент, когда совершаются эти действия.

Такое же употребление форм И и Н можно наблюдать и в таких контекстах, в которых конкретное действие сравнивается с фактами, имеющими вневременное значение. Например: Някакъв незнаен недъгъ гризеше здравето на това нежно и мило дете, и от ден на ден *линееше* и *съхнеше*, като цвете, в чийто корен *живее* червей (Е.-П. III, 21).

В проповедях подобное сопоставление проводится часто там, где факты евангельской истории не просто излагаются, а комментируются в поучительных целях, когда из конкретных фактов проповедник делает поучительные выводы всечеловеческого значения. Например: *ниѣ же, принеси да кѡснемъ са ѣже о млѣтѣни... ѣвѣ ни ѣдино тѣко лѡвезно бѣ, ѣкоже млѣтѣни. понеже и сама млѡстѣва и ѣ. и ѣмензетъ са. тѣмъже и оуча глааше, бждѣте млѣтики, ѣко ѡцъ ваша нѣвны млѣтика ѣста снъ бжїи и вѣ къ млѣти призѣкаетъ га члчѣ, и тѣ не радїши* (Ц., Беседа, 59).

С явлением нейтрализации значений признаков I группы в контекстах, характеризующихся совместным употреблением форм И и Н, мы встречаемся тогда, когда с помощью форм И описываются факты, действительные не только для отрезка времени, в который разворачиваются действия описываемого эпизода, но и за его пределами.

В отличие от форм Н, формами имперфекта обозначаются только такие „вневременные“ действия, которые действительны только в относительные периоды времени, МО для которых служит какой-либо момент прошлого. Например: То (страус. — И. Б.) *яде... трева, хляб... По гарбѣт перата им са черни, а по упашката бели; на ветхо время мужите си кичяха със тях главите, кога отхождаха на бран, а сега жените ги носят по шепките* (Бер., 80).

Ср. аналогичный пример из старых текстов: *заклѣти прѣвѣсѣхъ хотѣаше стго. ѡце не вѣи ѡ ѣже тоу прѣсѣденихъ кзвѣранѣна бѣла. и ѡ роука... оубицѣ... исхытили... вѣше во мно ѡ цркъихъ слоуга соуцоу ѣдиномоу. ѣже ка гра срѣчаскы послана бѣ съ ѣнеми двѣими... стражемъ бѣти градѣ ѣкоже ѡбвѣчан вѣше цркъима вѣцѣма тогда*

и оуѣтѣво. ꙗкоже и до днѣ зрѣтсе. нѣ и сарѣѣника бѣтѣ по пѣлты
сѣто рѣше нѣци. и мѣста ѣдиногѣ жителѣ. нѣ сѣ оуѣдѣ сѣце. нѣмже
ка прѣлжежимѣ слѣко да ѣде (НН, 102).

Еще очевиднее факт нейтрализации значений признаков I группы в таких контекстах, в которых речь идет об отвлеченных фактах. Так, в следующем примере, форма Н употребляется в определении одной разновидности жанра — комедии, а форма И в определении жанра данного конкретного произведения, о котором ведется речь в повествовании о прошедших событиях: — Графе, няма ли да дадеш по Коледа пак някоя комедия? — Геновева не беше комедия, а трагедия, — забележи господин Фратю; — комедия се нарича, когато е смешно представление, а трагедия — когато има трагически сцени и жалост... Онова, дето играхме, беше трагедия... моята роля беше трагическа роля... (Ваз., 109).

Перечислить все контексты, в которых возможно употребление форм И, в болгарских текстах нет возможности. Мы преимущественно назвали те из них, для которых можно было в древних текстах найти соответствующие параллели к современным текстам.

Важно, однако, одно, что во всех случаях, когда мы встречаем форму И, то и в старых, и в новых текстах мы имеем дело с действиями второго плана. В новых текстах формы И употребляются гораздо чаще, чем в старых текстах. Однако это более частое употребление определяется не тем, что круг значений форм И в современном языке шире, а тем, что формы И вытеснили из употребления формы причастий настоящего времени действительного залога, употреблявшиеся раньше наряду с формами И для обозначения действий второго плана. В древнейших болгарских памятниках причастия употреблялись даже чаще, чем формы И. В современном болгарском языке причастия в предикативной функции совсем не употребляются; круг их употребления сузился и ограничивается атрибутивной функцией. Формы И еще в древнейших памятниках болгарской письменности могли употребляться в своих основных трех грамматических значениях, в которых они употребляются и в современном болгарском языке, а именно: в значении „настоящего в прошедшем“, „будущего в прошедшем“ и „предпрошедшего“. Эта многозначность форм И свидетельствует о том, что и в старое время, и в настоящее время формы И выступают в текстах как формы, которые занимают позицию неотмеченного члена в противопоставлениях по признакам I группы. Однако вместе с тем во всех контекстах — и в старых, и в новых текстах — и с формами Н, и без форм Н формы И всегда обозначают только действия второго плана, причем такие действия второго плана повествования, период времени совершения которых определяется относительно времени совершения действий, обозначаемых формами А.

Грамматическое значение перфекта

§ 14. При построении модели глагольных времен болгарского языка мы исходим из того, что главным значением П является значение предшества действиям, выраженным формами Н времени. Это значение, с нашей точки зрения, является не только специфическим значением форм П, в котором не могут выступать остальные прошедшие времена, но и единственным грамматическим значением этой формы, поскольку П занимает во всех корреляциях и по признаку первой группы (указание на отнесенность действия к прошедшему периоду), и по признаку второй группы (указание на соотнесенность прошедшего периода действия со временем действий, обозначаемых формами Н) место маркированного члена.

Такое представление о значении форм П расходится с тем, которого придерживается большинство исследователей, касавшихся этого вопроса.

В литературе по славянскому глаголу П обычно определяют как время, указывающее на результат прошедшего действия.

Исследователи, ведущие наблюдения над употреблением форм П в современном болгарском языке, тоже исходят из такого понимания этих форм времени. „Результативное значение“ расценивается ими как главное, а временная характеристика действия, которая выражается формами П, рассматривается только в связи с „результативным значением“. Именно так построено изложение статьи проф. Л. Андрейчина „Към характеристика на перфекта в българския език“, в которой он подводит итоги своим многолетним наблюдениям над употреблением форм П в современном болгарском языке³⁴.

Ю. С. Маслов хотя и несколько шире понимает „результативное значение“ перфекта, чем это обычно принято, но тем не менее он не только не отходит от этой традиции, но стремится закрепить ее, выступая резко против чисто хронологической интерпретации не только форм Пл, но и вообще всех форм, как он говорит, „группы перфекта“, хотя специально критических замечаний в связи с рассмотрением форм П он не делает³⁵. Более того, акцентируя общность форм П и Пл в отношении выражения результативности действия, Ю. С. Маслов, определяя различия времен группы перфекта, опирается на различия во временной характеристике действий, ими обозначаемой, как, впрочем, это делают и другие исследователи, считающие „результативное значение“ основным, главным значением П.

³⁴ См.: „Сб. в чест академик Ст. Младенов“. София, 1958, стр. 57—61.

³⁵ Ю. С. Маслов. Глагольный вид., стр. 275—285.

Л. Андрейчин видит различия между прошедшими относительными временами также в области выражения ими временных отношений³⁶.

В книге „Система времен старославянского глагола“ мы специально останавливались на вопросе о „результативном значении“ славянского П, имея в виду прежде всего употребление его форм в древнейших евангельских кодексах. Мы старались показать в этой работе, что носителем „результативного значения“ в формах П, как и в формах других времен, является не морфема времени, а глагольная основа. Не останавливаясь здесь на аргументации этого положения, приведем вывод, к которому мы пришли в результате рассмотрения значений старославянского П и который мы считаем возможным распространить и на формы П, употребляемые и в старых, и в современных болгарских текстах. «Таким образом, — писали мы, — результативное значение перфекта — это только одно из комбинаторных значений, обусловленных прежде видовым значением глагольной основы. Значение „актуальности последствий действия“ тоже нельзя рассматривать, по нашему мнению, в качестве основного значения перфекта. Это также комбинаторное значение перфекта, которое в отличие от „результативного значения“ может появляться в формах перфекта любого вида — и совершенного и несовершенного, но далеко не во всех контекстах, где вообще возможен перфект»³⁷.

К сказанному добавим следующее. Преимущественное употребление форм П в контекстах, где речь идет о „результатах“, „последствиях“, „следах“ прошедшего действия, не случайно, как оно не случайно и для форм Пл. Дело в том, что для употребления форм П, как и форм Пл, наличия „чисто хронологического предшества“, как справедливо указывает Ю. С. Маслов, недостаточно. Необходимо еще одно условие, а именно: чтобы это действие расценивалось говорящим как действие второго плана сообщения, как такое, которое он упоминает в связи с действием первого плана, как такое, на которое он ссылается, чтобы пояснить действие первого плана.

Если подойти к вопросу с этой стороны, то надо сказать, что „результативное значение“ является одним из наиболее распространенных проявлений связи действия второго плана с действием первого плана. Естественно, что уже происшедшее действие может оказывать какое-то воздействие на протекание другого действия прежде всего своим результатом. Вот почему чаще всего в болгарских текстах, и старых, и современных, встречаются формы П, образованные от глагольных основ совершенного вида с результативным значением.

³⁶ Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 57—61.

³⁷ И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1958, стр. 76.

Обратим, однако, еще раз внимание на такие случаи, в которых вообще невозможно увидеть сообщение о каких-либо последствиях действий, обозначенных формами П, если только под термином „последствия“ не понимать ту логическую связь второпланового действия с действием первого плана, которая всегда присутствует во всех контекстах, где употребляются два ряда форм — относительных и неотносительных. В своей старой работе мы приводили примеры на такое употребление П в евангельском тексте Мариинского кодекса (см. примеры Лк. XIII 23—28, Мф. XXV 24—26, Мф. XXIV 4—21, Лк. VI 1—4, Мр. VIII 1—4, Мф. XXI 15—17, Ио. X 30—34, Ио. III 2—3, Лк. XXIII 33 и др.)³⁸.

Во всех этих случаях старославянским формам П в переводе евангелия на современный болгарский язык соответствуют также формы П.

Возможность употребления форм П в таких контекстах, где актуальность последствий прошедшего действия ослаблена или совсем не чувствуется, отмечает и Ю. С. Маслов, который приводит аналогичные примеры из современной болгарской художественной литературы³⁹. Ниже приводятся примеры из болгарских текстов XII—XIII вв. (см. §§ 17—19).

Среди исследователей, которые не выдвигают на первый план „результативное значение“ П, нет единства в понимании места этого времени в болгарской системе глагольных времен. Одни причисляют его к временам абсолютным, другие — к относительным.

Первую точку зрения развивает в названной выше работе Ц. Младенов, который пишет следующее: „Перфект состояния означает действие, предшествующее моменту речи. Из этого определения следует и результативность перфекта. Поскольку действие ориентировано только на момент речи, обычно выраженный глаголом в форме настоящего времени, и отнесено без указания на определенный прошлый момент просто к прошлому, постольку оно выражается и воспринимается в качестве производителя результата в единственный ориентационный момент“⁴⁰.

В этом рассуждении содержится справедливое утверждение о том, что моментом отсчета для П служат не два, а одно событие. С этим следует согласиться, но лишь в том смысле, что для любого времени моментом отсчета служит всегда одно, и только одно, событие, что относительные времена отличаются от абсолютных не тем, что выражают „двойное отношение во времени“, а тем, что они содержат в своем грамматическом значении указание на „ориентационный момент“, причем этим моментом никогда

³⁸ И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 69—71.

³⁹ Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 280.

⁴⁰ Ц. Младенов. Миналите времена в брезнишкиля говор. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“, вып. 9. М., 1959, стр. 37.

не бывает „момент речи“, а абсолютные времена вообще не содержат элемент, указывающий на момент отсчета.

Еще в своей старой работе мы писали о том, что следует различать понятия „момент речи“ и „настоящий момент“ или правильное „настоящий период времени“. Эти понятия не покрывают одно другое⁴¹. „Настоящий период времени“ — это такой период времени, который в какой-либо части совпадает с любым ориентационным моментом, а не только с „моментом речи“. Кроме того, даже абсолютный настоящий период, для которого МО служит „момент речи“, далеко не всегда тождествен по длине „моменту речи“: он может выходить за его пределы или составлять лишь какую-то его часть.

Различать эти понятия особенно важно, когда обращаешься к таким формам времени, как перфект и настоящее время.

Некоторая нечеткость формулировок, используемых проф. Андрейчиным, как и Младеновым, приводит, как нам представляется, обоих исследователей к ошибочному отождествлению как одного „ориентационного момента“ момента речи и периода времени действий, обозначенных формами Н. Поэтому из их определений следует, что формами П обозначаются действия, „ориентационным моментом“ для которых является момент речи.

„Ориентационным моментом“ (в нашей терминологии „моментом отсчета“) для действий, обозначенных формами П, является не момент речи, а время совершения действий, обозначенных формами Н. „Симбиоз“ форм П и Н, о котором пишет Ц. Младенов⁴², лучшее доказательство этого. Он свидетельствует о связи действий, обозначенных формами П, с действиями, обозначенными формами Н, а не с актом коммуникации.

И если помнить, что полное совпадение „времени действия“, обозначенного формой Н, с „моментом речи“ — это в общем редко встречающийся частный случай, что время действий, обозначенных формами Н, может вообще не совпадать с „моментом речи“ или совпадать только частично, то порожденное неправильным пониманием грамматического содержания форм Н сомнение относительно вторичности системы отсчета времени в тех случаях, когда действия обозначаются формами П, не представляется основательным.

§ 15. Некоторые исследователи, отличая перфект от пересказывательного аориста в плане содержания и признавая перфект относительным временем, говорят тем не менее о расширении сферы грамматических значений форм П по сравнению со сферой значений форм этого времени в древних болгарских текстах.

Такое предположение о тенденции перфекта стать универсальным относительным временем предшества высказала Е. И. Демина

⁴¹ И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 65—68.

⁴² Ц. Младенов. Указ. соч., стр. 37.

в работе, посвященной употреблению форм прошедших времен в болгарских памятниках XVII—XVIII вв.⁴³ Правда, в своих выводах она остается в пределах обследованного материала и не распространяет их ни на употребление форм П в памятниках более ранних эпох, ни на употребление этих форм в произведениях, написанных на современном болгарском языке.

В работе, посвященной истории развития перфекта в славянских языках, М. Деянова поддерживает вывод Е. И. Деминой о расширении сферы значений перфекта и распространяет его уже на все этапы развития болгарского языка, усматривая тенденцию к вытеснению перфектом других прошедших времен еще в древнейших болгарских памятниках⁴⁴.

Мы уже говорили во введении о том, что наблюдения Е. И. Деминой и М. Деяновой относительно расширения сферы значений перфекта требуют очень тщательной проверки.

Заметим прежде всего, что они построены на совершенно недостаточном материале. В двух работах используется в качестве иллюстраций наблюденной тенденции примерно 20 примеров. Характерно распределение этих примеров в работе М. Деяновой.

В процессе экспансии славянского перфекта на сферу значений аориста М. Деянова намечает несколько этапов. Процесс начинается, по ее мнению, с вытеснения формами П форм А в его неглавных значениях и прежде всего в тех контекстах, где он выступает в значении „предшествования относительно будущего“, т. е. в значении форм f. ex.

В древнеболгарском этот процесс только начинается, но в новоболгарский период он „доведен до конца“⁴⁵.

Вытеснение форм А в указанных контекстах иллюстрируется одним примером из Синайской псалтыри и двумя примерами из современной устной болгарской речи. Никаких отсылок к другим примерам нет.

Что касается вытеснения аориста из контекстов, где он выступает в значении плюсквамперфекта, то М. Деянова ссылается на примеры из дамаскинов, приведенные Е. И. Деминой, указывает, что такого рода примеры имеются уже во влахоболгарских грамотах, но не приводит их и иллюстрирует процесс вытеснения форм Пл формами П тремя примерами из произведений современных болгарских авторов. Отсылка к другим примерам также нет.

Последняя стадия вытеснения аориста перфектом знаменуется экспансией в область главного значения аориста, т. е. перфект

⁴³ Е. И. Демина. Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII вв. „Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР“, т. XIX, М., 1960, § 11, стр. 40.

⁴⁴ М. Деянова. Към въпроса за функционалния развой на перфекта в славянските езици. „Славистичен сборник“. София, 1963, стр. 56—60.

⁴⁵ Там же, стр. 57.

вытесняет аорист в таких контекстах, где аорист употребляется для обозначения „действий основной сюжетной линии“. Такая замена наблюдается, как пишет М. Деянова, в „экспрессивном повествовании“. Примеры в количестве десяти приводятся из современного болгарского языка.

Отступление же аориста перед перфектом в контекстах, где формами А обозначается „предшествование относительно настоящего момента“, иллюстрируется М. Деяновой не только примерами, но и статистическими данными, почерпнутыми из сравнения текстов Марииинского евангелия и Синайской псалтыри с переводами, сделанными на современный болгарский язык.

Экспансия перфекта в эту область значений аориста не вызывает никаких сомнений. Она подтверждается и нашими наблюдениями (см. подробно в соответствующих главах III раздела).

При том, что материал, на котором строится вывод об „универсальности“ значения форм П, сам по себе недостаточен, он интерпретируется авторами, с нашей точки зрения, неправильно. Это связано прежде всего с одним общим недостатком, которым страдают вообще все исследования, посвященные употреблению форм времени. Авторы этих исследований при интерпретации значения форм времени используют очень узкий контекст, ограничиваясь одной-двумя фразами, что очень часто оказывается недостаточным. В большинстве случаев и в названных работах Е. И. Деминой и М. Деяновой формы П, используемые для подтверждения универсальности их значения, также рассматриваются в контекстах явно недостаточных. Особенно это относится к примерам, приведенным М. Деяновой. Отсутствие же точной документации примеров в ее работе лишает возможности читателя почерпнуть недостающие сведения непосредственно из самого источника. Этим, к стати, объясняется то обстоятельство, что дальше разбираются не все примеры, приведенные М. Деяновой, а лишь некоторые, контекст которых в том виде, в котором он проводится М. Деяновой, дает возможность сделать дополнительные наблюдения, свидетельствующие о том, что и в этих примерах формы П выступают не как формы универсального относительного времени предшествования, а только как формы такого относительного времени, которое указывает на предшествование действиям, обозначенным формами Н.

После этих общих предварительных замечаний обратимся непосредственно к анализу примеров.

В примере из Синайской Псалтыри формы П, по мнению автора, употребляются в одном, правда, не главном значении А; ими обозначается „предшествование относительно будущего момента“⁴⁶.

⁴⁶ М. Деянова. Указ. соч., стр. 56 [сътвори со мѣнож знаменіе въ благо. ꙗ оузырѣть ненавидѣшети мене и постыдѣати си. ꙗко ты ꙗ поможе ми-н оутѣшати мѣа еси (Син. пс., LXXXV, 17)].

Однако, по-видимому, форма П *сүтүшлз ма ии* употребляется все-таки в своем собственном значении. Обратим внимание на то, что LXXXV псалом, из которого взят пример, представляет собой молитву Давида, обращенную к богу.

В молитве Давид говорит о бедственном положении, в котором он находится в настоящее время („Я беден и нищ. ., я благоговею пред тобою. ., к тебе взываю каждый день“ и т. д.), вспоминает о прошлых милостях, оказанных ему богом, и просит бога не оставить его в будущем. Формой П *сүтүшлз ма ии* обозначено одно из действий прошлого периода, моментом отсчета для которого являются действия настоящего периода, обозначенные формами настоящего времени. Таким образом, формы П использованы здесь не как субституты форм *f. ex.* („предшествуване спрямо бъдешето“), как утверждает М. Деянова, а в собственном значении прошедшего преднастоящего.

Первый пример из современной болгарской устной речи, в котором М. Деянова видит формы П, употребленные в значении форм *f. ex.*, мы затрудняемся объяснить, так как приведенный контекст очень мал⁴⁷. Во втором примере: *Ще ти кажа, когато съм решил окончателно*—форма П стоит в придаточном после формы времени *verbum dicendi*, о чем см. на стр. 128.

Все примеры, приведенные на употребление форм П в значении плюсквамперфекта, требуют расширения контекста. Без этого комментирование затруднительно.

Для иллюстрации употребления форм П для обозначения „действий основной сюжетной линии“ в „экспрессивном повествовании“ М. Деянова приводит следующие примеры: „1) В петъка *съм бил* до един час в кабинета на директора, после отидох та спях до четири, станах и *съм пак отишел* да пиша, писал *съм* без да ставам до сутринта; 2) . . . Легнах веднага, спал *съм* до четири, и станах, и се сетих, че не *съм ял*; 3) . . . ча къде «Солунска» усетих, та *съм се върнал* как на «Света неделя». . . страшна работа беше; 4) кога премерим кръвното налегане — 260! Едвам *съм дошла* до болницата. Па ме прегледа доктор Х. . .“ — и сопровождает их следующим комментарием: „В подобных отрывках формами П и А отмечаются последовательные моменты в развитии событий. С другой стороны, однако, это именно те моменты, которые должны быть (с точки зрения говорящего лица) специально подчеркнуты, ввиду их необычности и вообще большей важности“⁴⁸. Нам представляется, что в интерпретации этих примеров допущены две неточности. Во-первых, М. Деянова, как и Ю. С. Маслов, в комментировании примеров на употребление форм П в контекстах с формами А молчаливо исходит из того, что всякие последовательные действия уже тем самым, что они после-

⁴⁷ М. Деянова. Указ. соч., стр. 59.

⁴⁸ Там же, стр. 59

довательные, должны рассматриваться как относимые автором повествования к основной сюжетной линии, что, однако, как мы знаем, не так (см. выше, стр. 123). Теоретически последовательность действий вполне совместима со значением перфекта как „преднастоящего“ относительного времени, хотя практически в текстах встречается редко. Во-вторых, М. Деянова справедливо отмечает, что формы П употребляются говорящим, чтобы выделить действия, ими обозначаемые, ввиду их особой важности, но при этом она допускает вторую неточность, когда употребляет ничего не выражающее словечко „вообще“, что и приводит к ложному толкованию примеров в целом. Дело в том, что прошедшие события, обозначенные формами П, важны для говорящего не „вообще“, а потому, что они поясняют ситуацию настоящего момента, в то время как остальные, обозначенные формами А, не имеют такого значения. Если бы была возможность расширить контекст форм П, приводимых М. Деяновой, то, вероятно, стало бы еще очевиднее, что эти формы П употребляются здесь в своем собственном значении относительного прошедшего времени, а не в главном значении А, т. е. не в значении абсолютного прошедшего времени.

Столь же очевидными представляются из приводимых далее М. Деяновой следующие примеры: «До тогава не бях виждала влак! Като отидох в Михайловград, вечерта попитах М, како е това, дето пици. Тя ми каза, че е влака. И на другия ден ме е водила на гарата да ми покаже влака; Беше много хубаво. И съм се върнала. и съм спала като не знам какво; Много ми беше студено. Бре свивах краката, бре пусках ги докато се затопли юргана и чаршафа»⁴⁹.

В этих примерах формами П выделяются из ряда сообщаемых прошедших действий те, которые так или иначе оказываются связанными с ситуацией настоящего момента.

Рассмотрим первый пример. Смысл высказывания в целом состоит в следующем. Раньше говорящий не знал, что такое поезд, но в настоящее время он знает. Это не выражено словесно, но подсказывается уже первой фразой: *До тогава не бях виждала влак!* Событие, в результате которого говорящему в настоящий момент известно, что такое поезд, естественно определяется говорящим не как независимое прошедшее действие, а как такое прошедшее действие, которое имеет прямое отношение к настоящей ситуации, что и соответствует собственному значению перфекта, т. е. значению прошедшего преднастоящего.

Экспрессивность, которую М. Деянова отмечает в рассмотренных примерах, по нашему мнению, следует отнести на счет того, что эти примеры взяты из прямой речи, которой всегда свойственна большая эмоциональность. Во всяком случае, если упот-

⁴⁹ Там же, стр. 60.

ребление форм П в этих примерах объяснять особым народно-разговорным, как утверждает М. Деянова, стилем речи, то следует прежде определить, что разумеется под этим стилем, назвать его характерные признаки. В статье же М. Деяновой называется только один признак народноразговорного стиля и в качестве этого единственного признака как раз выступает „особое“ употребление форм П, которое на деле ничего особого не содержит.

§ 16. Перейдем к рассмотрению примеров Е. И. Деминой.

В отличие от Ю. С. Маслова, который стремится к последовательной видовой интерпретации болгарских времен, в том числе плюсквамперфекта и перфекта, Е. И. Демина рассматривает в этом аспекте только формы простых прошедших времен — имперфект и аорист, а в интерпретации сложных времен — плюсквамперфекта, перфекта и будущего в прошедшем — придерживается „хронологической“ теории, причисляя их к группе относительных времен⁵⁰.

Относительные времена, по мнению Е. И. Деминой, отличаются от имперфекта и аориста тем, что они несут каждое „в самом себе указание на двойственную темпоральную характеристику действия“. Простые прошедшие времена указывают только на отношение действия к моменту речи, относительные же времена, кроме того, указывают еще на „посредствующий ориентационный момент“, при этом плюсквамперфект „всегда указывает на то, что посредствующий ориентационный момент является прошедшим по отношению к моменту речи“⁵¹. „В условиях нейтрализации“, полагает Е. И. Демина, значение плюсквамперфекта „может передавать перфект“⁵². В качестве иллюстрации этого положения она приводит следующие примеры:

173. И *шнѣ* слѣгы цареви катѣ затвориѣхѣ стѣго и штидоха си весели при цѣра, зацо *са* сториле волѣ цѣрева и сти димитрие оста затворен *донази* банѣа... (Копр., 16); 174. Ибѣше тѣлото айлово катѣ, че *е* заспало (Тихонр., 280); 175. И намѣтриѣ бѣдна риба шклуче, и почюдиѣхѣсе. и немѣгоѣх дагы познатѣ катѣса минале тѣлкози гѣдинь (Любл., 558); 176. И поради тоизи законь посрѣщѣнаѣха и ха съсѣ цвѣтѣве млади, и дръжаше стѣкы на рѣка цвѣтъ ш врѣба или ш финыкъ, зацо *е* и хс навиль на съмрѣть и *дви*наль лазара (Копр., 184); 177. Икогѣ шкрѣха трѣпать, и намѣбриѣ с(ве)т(а)го, честѣй правѣ, ирѣцѣтеси *вдиг*наль нагорѣ нан(е)бо, ибл(а)годѣре б(ог)а (Любл., 511)⁵³.

В примерах 173, 174, 176 формы П употреблены в придаточных причины (173, 176) и сравнения (174), которые представляют собой высказывания, не развернутые полностью. В силу эллиптичности конструкции форма Н, которой должно быть обо-

⁵⁰ Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 24.

⁵¹ Там же, стр. 43.

⁵² Там же, стр. 44.

⁵³ Там же, стр. 39.

значено действие, „поясняемое“, „комментируемое“ действием, обозначенным формой П, в тексте отсутствует. Во всех трех примерах формами П обозначаются „вневременные“ действия, на которые автор ссылается как на штамп, эталон, мотивирующий поступки действующих лиц своего повествования. По выражению Ю. С. Маслова, мы имеем здесь дело „с отходом от чистого повествования“⁵⁴.

Рассмотрим теперь более обстоятельно пример 176, приведя сначала его в более широком контексте, чем тот, который использует Е. И. Демина. Этот пример взят ею из проповеди Дамаскина Студита о праздновании христианской церковью праздника, называемого „вербным воскресением“, или „цветоносием“. Тот кусок текста проповеди, из которого взят рассматриваемый пример, посвящен объяснению того, почему принято в этот праздник приносить в церковь вербу:

размѣйте защо прѣ сегѧ хва црква тѡйзи празникъ да празнѡваме със' ваѧ съ ре младѣ прѣчкѣ със' цвѣтъ. Ѡ првѣнь на елин'ско врѣме на сѣка година събираха сѣ елѣны на аморѧ и чѣнѣха празникъ... и имаха законъ и играѣха тамо пѣть игрѣ... и кой навѣше на тѧ е игрѣ, а тѣе го вѣн'чаваха със' мно҃го цвѣтѡве Ѡ маслѣны дивѣ и вѡдеха го по сѣч'кѣ трѣгъ и почѣтаха го и дарѡваха го, *защо е юнакъ та е навѣль на сѣч'кы игрѣ*. И порѧди тѡйзи законъ посрѣщ'наха и ха със' цвѣтѡве млѧды и дрѣжѧше сѣкѣ на рѣка цвѣтъ Ѡ врѣба или Ѡ финѣкъ, *защо е и хс навѣль на смърть и дигнѧль лѧзара*. и *затѡва го почетоха* като истинѣ црѣ. и пѣстѣлаха си рѣзите по пѣти да ходы основѧ ослѣ по тѣх. и влѣзе хс въ ѣерлимь (Копр., 184).

В основе построения приведенного текста лежит принцип параллелизма, сравнения событий, описываемых во второй части текста, которая начинается словами *и порѧди тѡйзи законъ*, с событиями первой части, что находит себе отражение и в синтаксисе, в параллелизме используемых конструкций. В частности, конструкция, в которой употребляются интересующие нас формы П *е навѣль на смърть и дигнѧль*, представляет, несомненно, свернутую параллель к конструкции *защо е юнакъ та е навѣль на сѣч'кы игрѣ*, описывающей аналогичную ситуацию.

В примере 173 форма П употребляется также в придаточном причини для обозначения „вневременного“ действия: *ѡтѣдоха весели... защо са сторѣле волѧ црѣва*. В придаточном мы опять сталкиваемся со свернутой конструкцией, смысл которой в развернутом виде соответствовал бы смыслу следующего русского предложения: „Слуги ушли; они имели хорошее настроение (по

⁵⁴ Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 281.

смыслу = болг. *весели*), потому что всякий имеет хорошее настроение, если ему удалось выполнить приказ (= поручение) царя". В болгарском тексте соответствия той части придаточного предложения, которая выделена в русском разрядкой, нет, а именно в ней содержится форма Н, обозначающая действие, в связи с которым называется действие, в болгарском тексте обозначенное формой П.

В примере 174 также можно констатировать „отход от чистого повествования“ и эллипсис в высказывании, содержащем форму перфекта.

Употребление форм П в таких условиях контекста возможно и в современном болгарском языке. Об этом пишет Ю. С. Маслов. При этом он не квалифицирует его как факт, свидетельствующий о нейтрализации значений перфекта и плюсквамперфекта⁵⁵. Ср. пример, приводимый Ю. С. Масловым: „И като грабна копанята с расипаните трици, тя се отдалечи с походката на вълчица, която е отхапала къс месо от някое живо добиче (Е.П.)“⁵⁶.

Употребление форм П в двух других примерах (175, 177), приводимых Е. И. Деминой, представляет иной случай. И в том, и другом примере форма П употребляется в придаточном дополнителном при так называемых глаголах „идеальной деятельности“. В этих случаях действительно возможно употребление плюсквамперфекта, и все же это нельзя рассматривать как свидетельство нейтрализации этих форм. Дело в том, что появление в тексте перфекта в указанных условиях, т. е. после глаголов „идеальной деятельности“, служит показателем того, что сменилась система отсчета грамматического времени, а не произошла замена одной формы другой в пределах одной системы отсчета.

Смена системы отсчета ведет к замене не только форм П на формы П, но и форм И на формы Н, что мы и видим в одном из примеров, приводимых Е. И. Деминой, где рядом с формой П употребляется форма не И, а Н „и намериха (синоним глагола *видя*. — *И. Б.*) светаго, че *стои* правь, и рѣдѣте *си* *вдигналь* нагорѣ на н(е)бо“ (пример 177). Впрочем, об употреблении форм П в повествовании о прошедших событиях после глаголов „идеальной деятельности“ Е. И. Демина тоже пишет⁵⁷ и объясняет такое употребление форм П „семантикой самих глаголов“, позволяющих дать временную характеристику действия с точки зрения не говорящего (в данном случае имеется в виду автор повествования), а действующего лица повествования. Можно предположить, что она сочла нужным выделить рассмотренные примеры, потому что считает невозможным причислить глаголы *позна* и

⁵⁵ Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 281.

⁵⁶ Там же, стр. 282.

⁵⁷ Е. И. Демина. Указ. соч., стр. 39.

намеря, после которых употребляются формы П в рассмотренных выше примерах (175, 177), к группе глаголов „идеальной деятельности“. Действительно, обычно среди глаголов „идеальной деятельности“, перечисляемых в болгарских грамматиках, эти глаголы не упоминаются, что, однако, является недосмотром. Глаголы *позная* и *намеря*, конечно, по своей семантике относятся к этой группе глаголов: глагол *намеря* в том употреблении, в котором мы его находим в рассмотренном выше примере 177, выступает как синоним глагола *видя*, как глагол, выражающий один из способов получения информации, а именно: ‘увидеть в результате поисков’; глагол же *позная* указывает только на акт получения информации в самом общем виде, без указания на способ получения информации. Пример, который Е. И. Демина приводит на употребление перфекта якобы в значении будущего предварительного (f. ex.), аналогичен примерам 173, 177. Как и в тех примерах, форма П употребляется здесь в придаточном причины для обозначения обобщенного, „вневременного“ действия: „Да не буде никоему Хр̄ст̄янину да упадна у таков̄й ташк̄й гр̄ѣх, почто казнен хоче да буде... понеже въру свою Хр̄ст̄янскую предадь есть на врага Хр̄ст̄янского“ (Софр., 144)⁵⁸.

Как видим, форма П здесь, как и в примерах 173, 177, употреблена в эллиптическом высказывании, которое в развернутом виде должно было бы содержать форму Н и по смыслу соответствовать смыслу следующей русской фразы ‘всякий, кто такой-то грех совершит, тем самым уже предал свою веру’. Такое употребление форм П в повествовании о будущих событиях возможно как в более старых, чем дамаскины, текстах, так и в текстах, написанных на современном болгарском языке.

Контексты с формами перфекта

Перфект в прямой речи

§ 17. Совместное употребление форм П и Н показательно и требует специального рассмотрения. Поскольку действия, обозначаемые формами П, всегда соотнесены с действиями, обозначенными формами Н, употребленными в собственном значении Н, использование в тексте форм П зависит от использования форм Н в их собственном значении. Для этой зависимости, по-видимому, нет исключений, если принять во внимание возможность такого эллиптического построения текста, при котором употребленные в тексте формы П соотнесены с опущенными (т. е. формально в тексте не названными), но подразумеваемыми формами Н.

⁵⁸ Там же.

С этим обстоятельством (зависимостью форм П от форм Н) связана неравномерность использования форм П в разных видах речи — в прямой речи и в авторском повествовании.

Дело в том, что в прямой речи основным временем повествования часто является настоящее время и в соответствии с этим для описания действий первого плана используются формы Н. Поэтому для действий второго плана, относящихся к прошлому, часто используются формы П, если автор хочет грамматически выразить связь событий прошлого и настоящего периодов. Если указание на такую связь автору безразлично, он может вместо форм П использовать формы А.

В авторском повествовании, по крайней мере в тех жанрах, которые мы использовали в нашем исследовании, настоящее время является очень редко основным временем повествования. Обычно повествование относится к какому-то периоду прошлого, и в соответствии с этим для описания действий первого плана в авторском повествовании чаще всего используются или формы А, или формы „настоящего исторического“, которые представляют собой стилистический вариант форм А⁵⁹. В этих случаях для описания действий второго плана, кроме форм А, используются как правило формы относительных времен I подсистемы, т. е. формы И, Пл, Б в Пр.

Именно такому положению вещей соответствует, например, использование глагольных временных форм в разных видах речи в евангельском тексте. Так, в евангелии от Матфея (в Мариинском кодексе) все случаи использования форм П приходится на прямую речь, тогда как в авторской речи формы П ни разу не используются⁶⁰.

Следует, впрочем, иметь в виду, что и в таком авторском повествовании, которое в основном описывает события, относящиеся к прошлому, возможно использование форм Н в их собственном значении в различного рода авторских отступлениях от основного повествования; в соответствии с ними могут быть использованы и формы П, хотя в общем число таких случаев сравнительно невелико.

Анализ контекстов с формами П в нашем материале мы начнем с употребления форм П в прямой речи.

Значения, в которых употребляются формы П в прямой речи, весьма многочисленны. Мы отметим некоторые из них, наиболее часто встречающиеся в нашем материале как древнего, так и нового периода.

---

⁵⁹ Очень может быть, что в научных текстах основным временем повествования является настоящее время.

⁶⁰ Подробнее о распределении временных глагольных форм в евангельском тексте см. ниже в III части.

Формами П обозначаются действия, которые мотивируют, поясняют причины действия, обозначенного формой Н. Например,

из современных текстов: Тъй е! Аз съм врял и кипял в тия работи, че ги разбирам... (А. Константинов, Бай-Ганю) Пополеко, по-полеко, тихо, — забележи изповедникът. — Защо? Няма що да крия. Не съм убил някого. Ние в гората така (т. е. громко — И. Б.) си говорили. И на стоката така си говорим. Планина широка (Е.-П., V, 35);

из старых текстов: — Гдѣ естъ жена господина твоюго? — ѿдавна вѣжала естъ, а нынѣ вззываетъ тинж женж, да прїидѣте на реченный день брака (Ез., 247); ... — Како смѣши оуста своа ѿборити на ялокѣка ... Тога зкѣра рѣ к ней ѿ бѣго, ѿ селн не имаше владѣ на^а нами да покѣлѣдешн на^а, ѿти ѿ тебе са е зачело зло (А и Е, 213); Гцурга хр(и)стіанина, потѣп^акаль е наша дръжава и ѿувалье бшговете наши, истрошїлье идолыте, повелѣвамъ даму ѿскѣть главѣта... (Любл., 519).

Формами П обозначаются действия, которые служат обоснованием действий, обозначаемых формами Н. Например: — Бай Иване, кой ти изкрѣсти такава страшно име? (Боримечка. — И. Б.). — Как, та ти не знаеш ли, даскале? — отзова се Остенът. — Той се е борил с мечка. Той е ловецъ страшен... (Ваз., 193).

Такие контексты широко распространены в житийной литературе, в тексте псалтыри. В житиях они встречаются преимущественно в текстах молитв, с которыми персонажи житий обращаются к богу. Например: и мѡлѣше са гла гї... не похѣти мене... искѣити ми са ѿ бѣса... ивѡ на тѣ ѡпокаѣтъ дша моа... помози ми... како тѣ гї извѣлъ еси ис темницж... дшж мож. и поста-ви ма еси въ пжстїна еїж. како да пож и слакла има твоє стое... (Вар. Охр., 44); ... на твож надѣвъ са бгшета, тебе призваж на помоща. сам вѡ съ клатвож обѣцалъ еси ѡусты равъ свшн^а прркъ, не хѡтѣти смѣрти грѣшникѡ (ЖИР, 376); бл(а)годарим те ѡгодниче б(о)жїи, скорыети рад(і) помѡщи. ѡти нѣсї потѣп^акаль слѣзыте наши... амї като скорь и готѡвъ помѡшникъ, ипослушал'си и исплнїл'сї шоти сме їскале. и сегá тисе м(о)лимь ако сме нѣчто свѣрѣшїле като свкы чл(о)в(ѣ)щїи прѡш'ка їщеме, защѡ нѣ понивѡла, амї ѡмнѡго жалости издѡмах'ме таквїзи думы неприличны (Любл., 500).

Несколько сложнее отношения между действиями, описываемыми в следующем диалоге из романа „Под игото“: — Какво представление ще давате? ... — Реши се „Геновева“ по две причини: първо, че тя няма възбудителен характер., второ че всички са я чели и желаят нея (Ваз., 80).

В приведенном тексте формами Н и П обозначаются действия, поясняющие действие *реши се*. Они выступают одной из причин этого действия. Но, в свою очередь, они тоже связаны между собой причинно-следственными отношениями. И хотя форма П образована не от результативного глагола, тем не менее, очевидно, именно знание пьесы, т. е. результат этого действия (*са чели*), определило желание видеть ее на сцене.

В следующем примере причинно-следственные связи выявляются с трудом: — *Аз искам* еманципацията ѝ. — Пардон, вие *искате* деградацията ѝ — *обърна се* Огнянов. — Господин Огнянов, *чели ли сте* философите, които *са писували* по женския въпрос? *Съветвам* ви да четете. — Кандовче! Кандовче! — *обърна се* попът. — Ами ти *чел ли си* евангелието? — *Чел съм*... някого. — Ти знаеш ли там, дето казва: Женя, *сконма* мъжема покинуите *са*?... — *Аз се основавам* само на здравата наука... (Ваз., 127).

Однако совершенно очевидно, что формами П обозначаются действия, весьма актуальные для ситуации, складывающейся в момент диалога. Знание литературы вопроса, естественно, весьма существенно для спора, составляющего содержание процитированного диалога.

Ср. аналогичное употребление форм П в Мариинском евангелии: Мф. XIX 3-4: *пристѣпниша* къ немуѣ фарисѣи и скоушахъште и глахъше. аште достоитъ чакѣу поуцити женѣ *скож* по калѣкѣи винѣ. онѣ же отвѣштакъвъ рече имъ. *нѣсте ли чьли*. чко сътвори и *ископи* мжжескъ полѣ и женескъ. *сътвори*лъ естъ. ꙗ рече сего ради оставитъ чакъ отца *скогѣ* и матерѣ *скож*. ꙗ *прилѣпитъ* *са* женѣ *скогѣ*. ꙗ *бѣдетѣ* оба *къ* плѣтъ *едино*.

Формой П могут быть обозначены действия, которые конкретизируют, раскрывают действие, обозначенное формой Н. Например: — На черква ходиш ли? — Не ходя. Аз не *съм ходил* от дете. Току речи едвам помня, кога *е било*. (Е.-П. V, 36).

В близком по содержанию к предыдущим примерам контексте формы П употребляются в сравнительных оборотах. Например: г(осподи) б(ож)е мой чюиме раба своего... *низбавиме* ѿтѣа злыни... *катѣси избавиль* трѣ отроци ѿпещи халдейскыя... (Любл., 252). Действие, обозначенное формой П, служит основанием для установления личности. Например: и позна го... и рече. *тѣдизи е* *вдишь*, *щѣ* *е* мене ѿ робство *извѣдиль* (Копр., 20); ти ли си *гидине* *мди* *дето* *си* *сѣ* *тавилъ* на *мдата* *жена* (Копр., 39).

Во всех рассмотренных контекстах формы П могут принимать и „акциональные“ и „статальные значения“, но эти значения являются контекстными значениями форм П, как и для форм Пл⁶¹. Они определяются, с одной стороны, характером глаголь-

⁶¹ Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 275—284.

ной основы, от которой образуется форма П, а с другой — сохранением ситуации, описываемой в диалоге в целом.

§ 18. Изолированное употребление форм П имеет в виду такие случаи, когда формы П употребляются изолированно от форм Н, но в ряду с формами А.

Употребление П в таких случаях связано с эллиптичностью изложения фактов. Выше мы уже приводили такого рода примеры в связи с рассмотрением вопроса о том, является ли перфект универсальной формой прошедшего времени. Напомним, что в тех примерах формы разных прошедших времен употреблялись для обозначения ряда последовательных действий, но формами П, как мы старались показать, обозначались те действия из этого ряда, которые были так или иначе связаны с ситуацией, складывавшейся в момент речи, остальные действия обозначались формами А.

Такие изолированные контексты представляют собой не что иное, как эллиптические высказывания. Чтобы это выяснить, рассмотрим сначала такие контексты, в которых, кроме форм П и А, употребляются и формы Н и которые представляют собой развернутые высказывания.

Приведем примеры из современных болгарских текстов: ... Не си ли намирал някъде звънче? ... Мъркушка (овца. — И. Б.) вчера си изгуби звънчето ... Не ме е яд за звънчето, а за герданчето — първото герданче, което съм оплепа от мъниста. Колко беше хубаво и колко бях мъничка, когато го плетох (Е.-П. II, 56—57). Здесь одно и то же действие упоминается дважды и обозначается разными формами времени. В первый раз оно называется в качестве причины действия, обозначенного формой Н (ме е яд), во второй раз внимание сосредоточивается на обстоятельствах, при которых было совершено это действие. Связь с действием, обозначенным формой Н, здесь уже не имеется в виду, и поэтому это действие во второй раз обозначается уже формой А (плетох).

Ср. аналогичное употребление форм П и А в следующем диалоге: Еньо Кунчин ... рече: — Молебен, а? ... Къде мислите да го правите? — Горе, на Грамадата, — рече клисарят. ... — Там сме го правили всякога и сега там рекохме да го направим, — рече попът (Е.-П. III, 89).

Контексты с подобным набором форм времени встречаются и в старых текстах. Например: Мученики, которых хотят бросить в кипящие котлы, обращаются к богу с мольбой: „ги ... що си на^л сич'ки силы нб^ные дето н^т è никои теб^ъ вид^тль, а ные те вид^тх'ме, амй посл^ъшаи на^с оу тойзи ча^с, що ти се мли^м, защо довр^ъши ны се млб^ата. и като си бл^гвоуоуль та се събр^ах'ме наедно затова сег^а н^ые сл^авим' те и бл^годарим' те и като си шн^а трите мом^ъци вав^лонскы оуп^азиль и не изгор^ъха ѿ шн^ъзи

шг'нь, така нашите тѣлеса оучюван. зашо и нѣе зара^{лї} твоа любовь та се прѣдаваме, на съмр'ть. и даи ги тойзи шг'нь нашите тѣлеса да не съгорї" (Копр., 170).

Из всех прошедших действий, которые упоминаются в приведенном отрывке, формами П обозначаются такие, которыми характеризуется благосклонность бога к тем, кто обращается к нему с молитвой. Это актуально для ситуации, складывающейся в момент моления мучеников, так как именно надеясь на эту благосклонность бога, они и обращаются к нему с мольбой. При этом они напоминают о своей благодарности за прошлые благодеяния, о том, что они страдают именно ради любви к нему. Все это выражается с помощью форм Н. Формами же А в приведенном тексте обозначаются действия, не имеющие прямого отношения к ситуации, складывающейся в момент речи.

В следующем примере с аналогичным набором форм мы встречаемся уже не в прямой речи персонажей, а в авторской речи. По содержанию приводимый ниже отрывок текста представляет собой не что иное, как отступление от изложения фактов жития святого, своеобразную авторскую ремарку, в которой автор жития рассказывает об обстоятельствах написания жития и об отношении к своему труду: аз же братїе... хотѣще обрѣсти житїе ихъ... написанно... и не обрѣтохъ мало бѣ а азъ вѣдѣ еліко же ми сами блаженныи ѡци сказаши и нѣждахъ се писати и не смѣа хотѣ вѣще обрѣсти написанно. аще кто обрѣщетъ инѣми написанно да не зазритъ насъ збогнхъ и гроувнхъ вѣ^а бѣ тако множае сего сътъ сътворили ѡци... на се еліко намъ сказаши. а друга поганише за смѣренїе (Н. Охр., 54).

Автор стремится поделиться с читателями своими сомнениями по поводу целесообразности предпринятого труда. Больше всего его волнует неполнота фактов, которыми он располагает. Отсюда — форма множае сего сътъ сътворили. Действие, ею обозначенное, связано непосредственно с ситуацией того момента, в который автор излагает свои сомнения, именно этот факт и повергает его в сомнения.

ѡ гна. црѣ Свѣцимира. ждпанѣ Пиковѣ... и кемъ пѣргаромъ цю ми сте писали и порѣчали. да ки лю^л. хо^л свободно. тако ми бѣ болно и скободно. да нѣж... да трзѣж. цю имъ е драго а ѣ давамъ мю керѣ. црѣѣ и та ихъ ззимамъ. на мою дшю... да имъ не бѣде пакостя некога... и ѡще да еѣ погани и полюбени. ѡ црѣка ми. кои донесе листъ ѡ ка^о... (Браш. гр., 602).

Ср. в этом тексте употребление форм П *сте писали* и *поръчали*. Этими формами обозначаются действия лиц, обратившихся к царю с просьбою, на которую он отвечает этой грамотой (дакамъ мсю вѣрѣ, ѹзимама на мсю дшю). Действие лица, служившего только посредником, обозначается формой А (*донесе*), как не имеющее прямого отношения к событиям, ставшим причиной, основанием для составления такой грамоты.

Приведем примеры употребления форм П в таких контекстах, которые представляют собой свернутый вариант рассмотренных выше высказываний.

Из современных болгарских текстов: — Видя ли там Огнянов? — питаше докторът нетърпеливо. — Очилата ми от Америка не са дошли още, та го не видях. Но знам, че е там... (Ваз., 138). Смысл этого высказывания передается следующей русской фразой: 'Очки мне еще не прислали. Но хотя у меня еще нет очков и я его не видел, я знаю, что он там'. Выделенная часть фразы не имеет соответствия в болгарском тексте.

Тот же элемент конструкции, представляющий развернутое высказывание, отсутствует в следующих примерах из современных текстов: — Сега стани да си ходим. Виж, как си премръзнала. Стани чедо! (Е.-П. III, 79); — Пий, бе Палю! Жаба на сухо кряка ли, бе... Видели сме се веднаж в толкова години, дай барем да се напием! (Е.-П., III, 41).

Аналогичное употребление форм П встречается и в старых болгарских текстах. Например: Слепой и хромой охраняли сад. Хромой влез на слепого и руководил им. Так они забрались в сад и украли виноград. Когда их стали допрашивать, они стали валить вину друг на друга. Тогѣ гна, сѣдѣ на сѣдици нача^а има сѣдиги рѣ^а: како же еста крада, да касѣдѣтѣ хромѣца на сѣпца. касѣдиюу же хромцоу, покѣлѣ кѣти та... (Пр. за т., 306). Смысл этого эллиптического высказывания таков: 'Раз вы оба воровали, то вы тогда оба — воры и оба понесете наказание'. Вторая часть этого высказывания в болгарском тексте не имеет соответствия.

...попита... за Ѳома гдѣ е ли или что работи и тѣе мо така казаха: ништо нѣ е направиль, ами ходы по сичкы градове и села, и дава по сыромаси... и длѣжны ѡкѡпѡва... (Копр., 5). Смысл этого высказывания в полном виде соответствовал бы следующей русской фразе: 'Он ничего не сделал: он не работает, а только ходит и раздает деньги нищим'. В болгарской фразе соответствия части русской фразы *он не работает* нет.

Ѣмама оубо бысть манскение бѣ... на стѣти горѣ йѡвнстѣти еже быти къ ней пристанище спсеноу въсѣкой души християнстѣти...

ѣже ради кнѣи и въздвигошѣ... сѣи (Зографский монастырь. — И. Б.), оубо, издавна прѣдръжимъ ѣсть ѿ... црѣни болгарскѣи хъ, дѣдъ и прѣдѣдъ црѣка ми и прилагали сѣтъ и крѣпили кждо ихъ, ѣлико благоволиа ѣсть. даже и до црѣка нашего, о своен памяти. ѿнеаже пакы благоволиа ѣсть гъ бгъ мои Іс Хс милостиж и ходатайствомъ... его мѣре (Зогр. гр., 587—588).

Формами П в грамоте обозначаются такие прошедшие действия, которые объясняют побуждения царя Ивана Александра составить эту дарственную грамоту Зографскому монастырю на владение селом Хантак. Далее в формах А повествуется о тех усилиях, которые царю пришлось предпринять, чтобы добиться согласия на составление этой грамоты со стороны греческого царя Иоанна V Палеолога, поскольку село ко времени составления грамоты находилось на греческой территории.

В житии-мучении св. Евстафия рассказывается о том, как он после долгих лет разлуки встречается с женой. Так как он сильно изменился и переменял имя, то жена его сначала не узнает, но потом дело проясняется. Естественно, что действие перемены имени к ситуации, которая складывается в момент рассказа св. Евстафия о своих мытарствах, имеет самое непосредственное отношение, объясняет ее, и поэтому это действие обозначается формой П, в то время как другие факты излагаются с использованием форм А: ... тогази им исказа стѣи сѣч'ко, като видѣ ха, и какъ се крти и прѣсторилъ си име еѣстѣте и какъ мѣ оузе корѣбныѣ жената ... и що ѣ патиль сѣч'ко имъ исказа (Копр., 166).

Ср. в том же житии: и като видѣха какъ се познаха съ стго еѣстѣте и чѣдѣха се и дѣмаха. какъ въ е бьль голѣмъ члѣкъ и какъ бы толкози врѣме межѣ на^о и не приказа се нѣкъмѣ (там же). Факт, что Евстафий был праведником (е бьль голѣмъ члѣкъ), был самым неожиданным для жителей и вследствие этого прежде всего был причиной их удивления, и поэтому естественно, что в их речи он обозначается формой П, в то время как другие действия обозначаются формами А.

Таким образом, следует подчеркнуть, что грамматическая функция форм перфекта в изолированных контекстах остается той же, что и в контекстах с формами настоящего времени.

Перфект в авторской речи

§ 19. Как уже говорилось, встречаются случаи употребления форм П в авторской речи, посвященной в основном описанию событий прошлого. Эти случаи приходятся на те места в тексте, которые представляют собой отступления от изложения собы-

тий, являющихся основным предметом повествования. В этих отступлениях автор комментирует излагаемые события, делает всякого рода замечания по поводу этих событий. Обычно в этих отступлениях от авторского повествования употребляются и формы Н.

В старых текстах такие отступления обычны и в проповедях. Они постоянно делаются по ходу проповеди. Например: Слѣнде кѡлкото има свѣтъ и свѣти. толѡкозы и на прѡбб-наа пѣт'ка пѣмьтъ, що ѡ е просвѣтила по сѣч'кы свѣтъ. нѣйно чѡдо... кой ези^к може исказа, що е тѣта стѡрила добродѣтель на землѣ... (Копр., 7) ср. в авторском тексте XV в. „Жития св. Петки“ патриарха Евтимия это вступление излагается без употребления относительных времен: свѣтъѣшила слзнѣца прѣподѡвныѣ памѣтъ петкы, аште подѡвнѡсу тоѣ спѡкѣми житѣ, дѣянѣа и хѡжденѣа таже ради хрѣстѡви любѣе подѡѣтъ. На кто субѡ тоѣ по чѣсти изречѣта дѣянѣа же и чѡдѣса, кто благодѣянѣа... по кѡсѣмѣнѣи тоѣ шѡврѣштѣши шѡвнѡсѣмо имѣ? („Stargine“, кп. IX, u Zagrebu 1877, стр. 53).

Глѣдь бѣи велик' едношѣ на сѣч'ка землѣа солѡн'скаа. и так'вѣзь глѣдь дрѡгочѣ нѣ е бѣль нѣти нѣкои ѡ тамошнѣи члѣци за-пѡмнилѣ, такѡ да е било (Копр. 21).

В конце проповеди обычно имеется специальная довольно пространная часть, которая называется поучением и которая целиком представляет собой не что иное, как пространный комментарий фактов, изложенных в предыдущей части проповеди. Например: Такѡ е бѣль тѣхны живо^т благословени Хрѣстиане. и на тоѡзи свѣтъ так'вѡзи потѣглиха рааѣ любовь хвѡ и прѣ-трѣпѣха толѡкозы скрѣбѣ... и не ѡмѣтнѣха се ѡ имѣ хво, амѣ бѣха ѡгѡдници бѣ. а нѣе мноѡго пѣти без бѣдѡ... та се ѡмѣт-нѡваме ѡ хво имѣ и ѡде^х на дрѡга... вѣра... (Копр., 171). Дальше проповедник призывает последовать примеру твердости свою паству, к которой он обращается с этим поучением. Здесь форма П употребляется во фразе, выражающей общую высокую оценку подвига святых, которые за приверженность к христианству были брошены в кипящие котлы. Сами признаки стойкости святых, которым дается оценка, выражаются с помощью аориста: потѣглиха, прѣтрѣпѣха, не ѡмѣтнѣаха. Напоминание о высокой оценке этих качеств актуально для цели проповеди. Упоминанием об этом проповедник хочет пробудить благочестие своей паствы, не отличающейся, по его мнению, радивостью, о чем он и напоминает ей, используя при этом формы Н: се ѡмѣтнѡваме, ѡде^х.

Замечания поучительного характера можно встретить и в житиях, чаще в их завершающей части. Но здесь они изла-

гаются в отличие от проповедей скупю, в двух-трех фразах. Например: ... ѿ на то^м мѣстѣ дѣхъ скон бѣ прѣддѣтъ. тѣло же ѿдѣ на земли бѣ... цѣлѣбными даруема спсѣлѣтъ. ѿко... и кзѣтъ извѣститѣ ѿко мѣлѣтъ бѣ рѣчѣ члчѣ и прѣмлетѣ посканѣ... и ѿко сѣдѣ прослѣки бѣ тѣло... цѣлѣбными и чудесѣ на земли. кѣмѣи дѣшж ѿдѣ кз нбѣсны^х прослѣвиль ѣ сзвѣрѣшеннаго ради посканѣа (Вар. Охр., 51).

Чудеса, творимые мощами, — лишь признак того благостного положения, которое занимает душа праведника в раю. По-видимому, этим можно объяснить, почему в первом случае употребляется форма А прослѣки, а не форма П, как во втором случае, прослѣкил ѿ. В этом проявляется факультативность употребления форм П в тексте (о чем подробнее см. ниже).

Формами П здесь обозначаются такие прошедшие действия, которые служат основанием для поучительного заключения, выраженного в формах Н: мѣлѣтъ, прѣмлетѣ посканѣ.

В других старых жанрах болгарской письменности такие отступления авторы делают реже. Таким отступлением, например, является обращение к читателю из „Слова за ползата от четенето“, написанного на светскую тему Иосифом Хелендарским: Фати ми вара, защо е истина, дето ти пиша... Ась колку книги прочетохъ. ѿ сичкити книги, шо сам' разбралъ, това и пиша. И вас' канѣм и молим'... да земниш' книгата... Ако ли хайнишъ, и това дето си са изѣчилъ и негѣ ще забораѣишъ и дрѣгѣ не можешъ да са прѣчишъ... (Петк., 183).

Что касается современной болгарской художественной литературы, то здесь как правило частота отступлений от авторского повествования зависит не столько от жанра произведения (если иметь в виду прозу), сколько от стиля, которого придерживается автор в своем повествовании, от склонности его к „лиризму“.

Мы уже приводили отрывок из рассказа Елина-Пелина „Грях“, в котором описывается, как однажды автор рассказа на охоте убил дикую утку. В описании этого эпизода он наряду с формами А употребляет и формы относительных времен I подсистемы, в том числе формы Пл. Заклѣчает это описание Елин-Пелин следующим лирическим отступлением, где употребляются уже формы Б и П: Това бешѣ от давна. Оттогава сѣм убил много дѣви патици, но за тая всякога ще си спомнѣм с истинска жалост и смятам, че сѣм извѣршил голям грях (Е.-П., 193).

Другой пример такого отступления находим у И. Вазова: Дѣматѣ прѣятѣли изминаха няколко тѣмни улици мѣлчешката. И дѣматѣ бѣха затѣнали в размишлѣния. Огнянов бешѣ унишѣжил в. „Дунав“, единственна брѣя в града, а това го бешѣ

поразслабило... той беше станал неизразимо дързък... Това се случва с всички ония, на които опасностите и рисковете са станали стихия (Ваз., 121).

Формы П могут употребляться в так называемой не собственно прямой речи, например: От кога ... той не е играл на топ! Как му се е доиграло!“ (Е.-П., II, 35). Здесь передаются переживания больного мальчика.

Итак, отход от авторского повествования не ведет к изменению в тексте системы отсчета времени. Но поскольку содержанием отступления могут уже быть не только прошедшие действия, но и действия настоящие, постольку в этих отступлениях оказывается возможным и употребление такого прошедшего относительного времени, как перфект.

Формы П и в авторских отступлениях, как и в прямой речи, всегда принимают одно и то же значение — значение действия, относимого к такому относительному прошедшему периоду, для которого моментом отсчета служит время действий, обозначенных формами Н.

FUTURUM EXACTUM (F. EX.)

§ 20. Формы *f. ex.* встречаются и в старых, и в новых текстах крайне редко. Все примеры из древних памятников у исследователей буквально на счету⁶². Это обстоятельство неоднократно служило причиной того, что в литературе правомерность включения этих форм в парадигму старославянских времен ставилась под сомнение: в них видели кальку с греческих форм, или рассматривали их в качестве форм, несущих только модальные значения⁶³, или, наконец, высказывали предположение о начавшемся еще в эпоху древнейших памятников вытеснении этих форм формами перфекта⁶⁴.

Собирали специально примеров на употребление форм *f. ex.* в более новых и современных текстах никто не занимался, так что и для этого периода мы располагаем буквально единичными примерами. Однако авторы грамматик современного болгарского языка обычно рассматривают их в составе форм времени⁶⁵.

Вслед за Д. Ивановой-Мирчевой нам представляется возможным утверждать, что формы *f. ex.*, претерпев в процессе исторического развития болгарского языка некоторые фонетические

⁶² Д. Иванова-Мирчева. Развой на бъдеще време (*futurum*) в българския език от X до XVIII век. София, 1962, стр. 145.

⁶³ Там же.

⁶⁴ М. Деянова. Указ. соч., стр. 11.

⁶⁵ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1956, стр. 188—189.

и морфологические преобразования⁶⁶, сохранили свою грамматическую функцию до настоящего времени⁶⁷.

По нашему мнению, граммема *f. ex.* представляет собой очевидную структурную параллель к граммемам других относительных прошедших времен, а именно: к граммемам *Pl* и *P.* Как и последние, граммема *f. ex.* указывает на отнесенность действий, обозначенных ее формами, к прошедшему относительному периоду, но в отличие от них к такому прошедшему относительному периоду, для которого *MO* является время действия, обозначаемого не формами *A* (как у граммемы *Pl*) и не формами *H* (как у граммемы *P.*), а формами *B.* Таким образом, *futurum exactum* (будущее предварительное время) „обозначает прошедшее в будущем“⁶⁸.

Характерно употребление форм *f. ex.* от результативных глаголов, что типично и для форм *Pl* и *P.* В этом случае формы *f. ex.* указывают на актуальность результата в тот будущий момент, о котором говорится. Например: *и мариѣ къ себѣ си размышляше. покѣдѣ ли се ѿ ѿсиѳу. или паче съкрыж тайноу се. ѣда вждетъ съзгала приходикый. почто ми гнѣкити ѡзыкъ старцоу. и ѣкоже сего соумлѣдѣше са. жтрова дѣмѣше са. и младеништѣ жтрѣ дѣжидѣше са.* (Суп., 239). Ср. перевод на современный болгарский, приводимый Д. Ивановой-Мирчевой (характерно, что для пояснения значения употребляемой в этом примере формы *f. ex.* Д. Иванова-Мирчева использует в скобках соответствующую форму *P.*): „Дано бѣде излъгал (дано се окаже, че е излъгал) оня, който беше дошъл!“⁶⁹

В подавляющем большинстве примеров из древних памятников, которые имеют хождение в литературе, формы *f. ex.* употребляются в условных предложениях. Такое употребление характерно и для более новых и современных текстов. Ср., например:

а) из новых текстов: Ако бѣде съгрешил нещю, ще се накаже (Андрейчин, 189); Ако е заминал влакѣт, ще вземем автомобил (там же); идѣте ивиждѣте ако бѣде остало щѣ гѣдѣ ѿ коститѣмѣ, ифрѣлѣтегы дасѣ ненамѣратъ, замѣ данѣ дѣйдат' тѣа щосѣ зѣвѣтъ хр(и)стѣане дагы ѡзвать (Любл., 511); нѣе ѡ црѣ нѣты се некогы ѡчихме ние на зло за цра... ако ли бѣде^м ние помислили нѣкогы зло да стѣри^м... на твоѣ цртво, а тѣи тогази да не оставишь никѣго, ами погѣби ^и на (Копр., 97); *Аще бѣдет* некои христианин много зла *сѣтворил* и речеть мѣ агарене: „Потѣрчи се да те не погѣбим“, и он не покори се и не предасть свою вѣрѣ, или го посечѣтъ... или го ѡ вода ѡдавать, ѡнѣ

⁶⁶ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., стр. 150.

⁶⁷ См.: К. Мирчев. Историческата граматика на български език. София, 1958, стр. 111.

⁶⁸ Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 189.

⁶⁹ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., стр. 148.

ѣко прѣжни мученици венчай се, понеже със онова мучение ѡмивають мѡ се все прегрешения... (Д. Петканова, 152);

в) из старых текстов: и аще и грѣхы бѣдетъ створилъ ѡдадатъ сѧ емоу (Ап. Гильфердинга — см. Выскочил, стр. 260); Толи потомъ да приѧ бѣде въ свое отчество. аще бѣде прѣвено покадалъ. о хлѣбѣ о водѣ... аще ли бѣде недокрѣ покадалъ. То да не приѧтъ бѣде въ свое отчество (Еuh., 102a).

Именно преимущественное употребление форм *f. ex.* в условных предложениях склоняет некоторых исследователей к тому, чтобы приписывать этим формам не временные, а модальные значения. Однако „решающим является“, как говорит Д. Иванова-Мирчева, „не условие, выражаемое союзом *аще*, а характер будущего действия“, „необходимость выразить именно такой вид будущих действий, которые являются прошедшими по отношению к какому-то будущему моменту“⁷⁰.

Как в новых, так и в старых текстах формы *f. ex.* могут употребляться и не в условных предложениях. Ср., например: из новых текстов: Когато минат много, много зими и ако някога се срещнем пак, *забравил ще* си вече мойто тихо име (Андрейчин, 188);

из старых текстов: нѣтъ въ ничтоже тако боу мѡво. ѣкоже ѣже бѣлшгѧго ради оупѣха жити. того ради слов° нзи ѣтъ въ бога далъ... не во на хвалѧ намъ слово... тчѧлѧ трѣбѣ. нз ѧ на бученіе... аште на то створимъ владѧки подражали бѣдемъ. аште ли на сѧпротивѧноуе то днѧкома. (Суп., 379) — ср. перевод на современный болгарский *ще бѣдем подражавали*⁷¹; Прѣклонитъ сѧ и падетъ егда оудобрѣлъ бѣдетъ оубогаимъ (Син., 9, 31).

ПОДСИСТЕМА НЕОТНОСИТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН

§ 21. Во всех рассмотренных выше примерах формы неотносительных времен: аориста (А), будущего времени (Б), настоящего времени (Н) — всегда употреблялись совместно с какими-либо формами относительных времен. Эти контексты являются позицией максимального противопоставления каждого из неотносительных времен соответствующим относительным временам по признакам второй группы. Формы А противопоставляются формам относительных времен I подсистемы по I признаку, т. е. по признаку, указывающему на прошедший МО, формы Н находятся в корреляции с формами II по II признаку, указывающему на МО, находящийся в настоящем, а формы *f. ex.* — с формами Б по III признаку, указывающему на МО, находящийся

⁷⁰ Там же, стр. 147.

⁷¹ Там же.

в будущем. В качестве маркированного члена в перечисленных противопоставлениях выступают формы относительных времен.

Свидетельством этому в текстах, как мы видели, является тот факт, что при совместном употреблении форм относительных и неотносительных времен формами относительных времен всегда обозначаются действия второго плана повествования, в тексте всегда обнаруживается в той или иной степени, в той или иной форме смысловая связь действий, обозначенных формами относительных времен, с действиями, обозначенными формами неотносительных времен. Грамматическое выражение в тексте эта „логическая“ соотнесенность действий первого и второго плана повествования находит выражение в том, что период протекания действий, обозначенных формами относительных времен, всегда определяется не относительно исходного МО (= момента речи), а относительно времени действий первого плана.

То, что формы относительных времен I подсистемы (плюсквамперфект, будущее в прошедшем и имперфект) составляют корреляцию именно с формами А, а формы II — с формами Н и, наконец, формы f. ex. — с формами Б, свидетельствует наблюдаемое в текстах явление „симбиоза“ форм относительных и неотносительных времен, которое, как мы видели, состоит в следующем. Формами относительных времен I подсистемы всегда обозначаются такие действия второго плана повествования, которые упоминаются в связи с действиями, обозначаемыми формами А, формами II — всегда действия, упоминаемые в связи с действиями, обозначаемыми формами Н, формами f. ex. — всегда действия, упоминаемые в связи с действиями, обозначаемыми формами Б.

Содержательная связь действий, обозначаемых формами относительных времен, с действиями, обозначенными формами неотносительных времен, в тексте может проявляться по-разному.

Действия, обозначенные формами относительных времен, могут выступать в качестве причины или следствия действий, обозначенных формами неотносительных времен, с одной стороны, с другой стороны, они могут использоваться в качестве признаков, с помощью которых характеризуются обстоятельства совершения действий, обозначаемых формами неотносительных времен, и т. д. Какое бы ни получала выражение связь действий второго и первого плана в тексте, важно одно, что формы относительных времен в развернутом повествовании никогда не употребляются изолированно от форм неотносительных времен, что возможно якобы изолированное употребление форм относительных времен, по существу, является, как мы видели, мнимым: оно возможно только в высказываниях эллиптического характера, в которых действия первого плана, хотя не называются, но всегда имеются в виду говорящим, имеющим основание предполагать, что они известны также и воспринимающему его речь. Формы относительных времен никогда не обозначают в текстах действий первого

плана. Даже в эллиптическом высказывании с их помощью, как мы видели, всегда выражаются действия второго плана повествования. Соответственно можно сказать, что формы относительных времен никогда не принимают значений неотносительных времен, из чего опять следует, что во всех возможных оппозициях с неотносительными временами относительные времена всегда занимают место маркированного члена. Грамматически противопоставленность форм относительных и неотносительных времен находит себе выражение в контекстах с тем или иным набором форм относительных и неотносительных времен в том, что формами относительных времен всегда обозначаются действия, относящиеся к тому или иному относительному периоду времен вместе с тем, как формами неотносительных времен всегда обозначаются действия, относимые к тому или иному абсолютному периоду времени: формами А в названных контекстах, как мы видели, всегда обозначаются действия, относимые к прошедшему, формами Н — к настоящему, а формами f. ex. — к будущему — абсолютным периодам.

В отличие от форм относительных времен формы неотносительных времен могут, действительно, употребляться изолированно, т. е. без форм относительных времен. Здесь имеется в виду употребление форм этих времен в таких контекстах, которые вообще не предполагают употребления форм относительных времен. Такие контексты являются слабой позицией, в которой обнаруживается многозначность форм неотносительных времен, что и определяет место неотносительных времен в оппозициях с относительными временами. Во всех оппозициях, возможных между относительными и неотносительными временами, неотносительные времена занимают только место немаркированного члена.

Связь неотносительного времени с его противочленом проявляется в тексте в том, что формы неотносительных времен в изолированных контекстах могут принимать значения относительных времен (обратное, как мы уже отмечали, в исследуемых болгарских текстах не обнаружено).

Контексты с формами аориста

§ 22. Формы аориста употребляются в значении форм плюсквамперфекта в следующих примерах.

Из новых текстов: Действително предательство имаше. Още нощес Стефчов, доведен в конака, *разказа* на бея всичките си открития и подозрения за личността на Огнянова... (Ваз., 137); Св. Христофор се върна бързо на другия бряг и треперящ от гняв, че не *уби* тоя злодеец, *обърна* се да го види. И *видя* по пътя... фигура на дявола... (Е.-П. V, 31).

Из старых текстов: гл̄ же, рѣ^ако прѣ^а нѣквалицѣми днѣми въскрѣси лавара, и архііерѣа оукѣ дѣ^а сзвѣща^акши^а да оубіжта его, оукѣ

лони сѧ ѡтѣдоу скръѣва ѡ ѡкаменени срѣца ѿ (Ц., Слово..., 40); ѿ вѣдше видѣти чоудо прѣславано. како тѣлеса стзѣихѧ носидѣхъ сѧ сквозѣ вода. нѧ бѧ. ѡ мѣченици ѿгоже възлюбисте ѿ за негоже смрѣтѣ ѿзволисте. тѧ же чоудо стѣвори. (Суп., 67); Блгоизволи црѣтко ми дарѡвати... сѧи хрисовѡ... манастирю прѣчистио бгѡмтрѣи... иже създа и стѣвор и ѡкраси родителѧ црѣтка ми... црѣ Ісѡвѧ Ілѣзарѣ (Вит. гр., 600—601); Кѧ сѧ ѡбш ѿ сѣцевы тѡмѡ сѣцѣѡ, слѡхѧ. ѡ нѣмѧ ѿко прѣбрѣ сѧ прохѡждааше, ѣлико ѿ црѣ ѿжа ѡ нѣмѧ слѡшати... (ЖИР, 377); ѿ ѿкоже ѡ пѧвлѣ апѣ стѣлѣчи сѧ, ѿгѡ ѿвѣрѣ ѿго бѧ... сѣце нѣчто таково прилѡуисѧ ѿ ѡ вѣтѣвнѣмъ кѧрварѣ (Вар. Охр., 41).

§ 23. Формы аориста употребляются в значении форм перфекта в следующих примерах.

Из современных текстов: Ето онбашият дойде, — извикаха (Ваз., 129); Господи, защо ме мъчиш. Погубих очите си да те постигна — а далече съм от тебе. Научи ме как да те постигна. Направи знамение, господи! (Е.-П., V, 23);

Из старых текстов: ... ѿ ѡкѣцава ре ѿмѡ рождѣнѣ моѡ ѿгѡпѣ ѣ, ѿ житѣе моѡ сѧ развѡиники... ѿмѣ... ѿнѣ кѧ стѣрогги приблѣжи сѧ, ѿ вѣма ѿко... ѡжѣдет ма... мѣжа вѣчнаѧ аще не покаж сѧ (Вар. Охр., 49—50); ..., кѧшее слоужбы... ѡрекохѣ ѿ проклѣнѧю кѧ хоу боу моѡмоу прѣтѣко ѿ нѧнѧ спѣнѧ надежоу ѿменю. ѿ ради... стѣто имени ѿгѡ гѡтова ѣсѣма ѡумрѣти (Н. Н., 130); ѿ ѡсѣф же приѣмѧ ѡтрѡча ѿ ѡблѡвѣза ѣ ѿ ре вѣжа ѣсѣма ѡза кѧкоко ѡтрѡча да ми бѧ (Ев. Ф., 141); и призва сѧа своѡго бѣга и ре ѿмоу: вѣстани ѡ тѣла ѡца своѡго и прѣидѧ да виши чоудо, кое не видѣ сѧ николиже... (А и Е, 216); доврѣ дойдѡхѣте вратѣа, амѣ прѡстѣте, зацо сѧ свѣрѣши вѣного и не имамѣ что да пѣемѧ (Копр., 30).

§ 24. Формы аориста употребляются в значении форм БвПр в следующих примерах.

Из новых текстов: ... и му ся обрече да остани в темница вместо своего приятеля доде ся върни (Бер., 65); ... и родѣха тѣзи чѣста... голубица и двѣа... дрѡго мѡжѣко. име томѡ евтѣмѣ шо бѡ напоконь на мадѣть епкѣ (Копр., 7).

Из старых текстов: стѣражѣ же ждѣти темѣ повѣлѣвает. дѡндеже вѣрѣме блгополучно ѡвѣрѣетѣа З (Н. Н., 112); кѧ небеснѧне прѣидоше ѡвѣтѣли наслѣдницѡу домоу ѡстѣвалше петѡку сѧ вратѡмѧ

Еуфиміема, иже и послѣжде еписк'па мадитгоу быстѣ и многа... сѣтворн тамо чюдеса и по самрати... его... и дивнїе мощти источника мурѣ истѣкахоу излишана... („Starine“, kn. IX, 1877, стр. 53).

Контексты с формами будущего времени

§ 25. Формы Б могут употребляться в значении форм f. ex., например.

Из новых текстов: *Ще бъдат* ли щастливи така тия хора, когато утре *намерят* богатството и *изгубят* прекрасната измама на мечтата? (Андр., 159); *Ако не дойдеш* утре, няма да се срещнем вече (Е.-П., II, 45); *Чувай, Продане*, когато *умра*, ти да посееш на гроба ми слънчоглед! (Андр., 159).

Из старых текстов: *ѡце спсєши* ма ѡ єго влзненїа мѡрскаго и *ѡврѣцїжє* на єбши. *пєслоужж* тебѣ *єз* влзѣкож истинож кз влѣ дни жикѡта мѡєгѡ (Вар. Охр., 42); *И* єще кз єїма, *ѡце* ктѡ *начкнє* ѡ лѡден монастїр'скїи^х *хѡдїти* є коупїж... по влзєї дряжѣвѣ... и да коупѡкѣ^т и да *прѡдѣваж* євѡводно... *И* єще же кз єїма *ѡце* какокаа *рїкоєтѣ дѣєт* єл кз ѡбласти монастїр'скон. *тѡи монастїрѣ*... влзє... да влзїмає^т. *ѡ* илѣ нїкто... (Рил. гр., 599); *Былѣ* ми єси, *єнє*, *єкоже* и коза *єдѣцѣ* ємрадинж *чрѣвєноєстїє*, и *рєчє* єи ємрадинка: *Почтѡ* ма *изѣдѣєши*? *Егда* *оумрєшь*, *єз* чїма ти *хїтѣтѣ* кожж *оучрѣвїтѣ*? *И* *рєчє* єи коза: *Илѣ* тѣ *дондєже* єєма *жїва*, и *єгда* *оумрѣж*, *тѡє* *корєнїє* *хѡтѣтѣ* *ископати* и *мѡл* *кшжж* *ѡчрѣвїти* (Ак., 245); ... *Црѣ* *рє*: *Млзчи* *ѡєшфано!* *пожди* *мало* *дондєже* *нѣж* кз *Ієрлїма* и *пєклона* за *єєвє* и за *тѡбє*, да *єгда* *прїндѣж*, *єтѣвѡрѣ* *єєвє* *нгумена* и *тѡбє* *нгуменїцж*, и *наша* *дшѣ* *єпѡкѣ*, а *ѡ* *тѡ* чтѡ *вѣдєт* *на*. (К. Т., 308).

§ 26. Формы Б употребляются также и в значении форм Б в Пр.

Из новых текстов: *Знаєш* ли какво стана? *Вчера* в 5 часѣт, *тѣкмо* *ще* *излїзѣмє* и на вратата се звѣнѣва (Янакиев, 426); *Викентїй* забележи голямото му изнурение и бледност и му предложи да го заведе в килията, в която *ще* *прєнощува* (Ваз., 22); и *грѣбн'ха* го като *дїви* *лѡвѡвє* и *завєдохѣ* го *прѣ* *цѣра*... и *стї* *дїмїтрїє*... *нї* на *ѡнїа* *лѡдїє* *нѣщѡ* *злѡ* *пѡѣма* *нїтѣ* се ѡ *црѣ* *оуплѣши*, *тѣк'мѡ* *станѣ* *прѣ* *лицєтѡ* *црєвѡ*, *вєсєлї* и *радува* се, *тѡлькѡзи* *мѡ* се *познавѣше* *лицєтѡ* *свѣтлѡ* и *вєсєлѡ* *ради* *зѣщѡ* *дѣ* *прїємє* *мѡжѣ* (Копр., 15).

Из старых текстов: *Бз* *сї* *ѡбѡ* *тѡмѡ* *єжїцѡ*, *ѡмѣлї* *єзѣвѣтѣ* *блѣз*, *рѣстѡчї* *єжїцѣа* *тѡгѡ* *кѣ* *ржкї* *ѡвѡгї*... *єко* *да*... *бѣн* *дѣтї* *вѣзлѡжєтѣ*. *Бз* *жє*... *пѡказѣвѣ* *ємѡ* *и* *мѣєтѡ* *нѣдєжє* *тѡмѡ*

блгвѣдѣти възмѣже* (ЖИР, 371); И пѣстишъ шричници, и дѣтища въскрѣча како* бѣ наоучена: Нѣстѣе кара и каменѣ ... да сиждаема дкора фараонѣ... И стоаше цра са волѣрѣе ... чюдаще са ... шпеудалишъ са велѣми, како хѣтати на нѣш възнести каменѣ и кара... (Ак., 242).

Контексты с формами настоящего времени

§ 27. Нейтральность форм Н к выражению признаков II группы, т. е. к указанию на МО, проявляется в возможности употребления форм Н в значении форм И. Например: Днес не вървеше. Изгърмяха си патроните. *Раниш* го проклетия му заек, *повлече* си краката, *забута се* в хръсталака и го *няма* никакъв (Е.-П. II, 11). Ср. аналогичное употребление форм И: Нямаше кой дърва да им насече ... Ратайче, ако *вземаха*, *крадеше ги* и те го *изпъждаха* (Масл., 271).

В значении форм И формы Н могут употребляться в придаточных предложениях с союзом *докато*. Например: Там той хвалеше народните обичаи, ядеше и пиеше *докато падне* и *заспи* (Масл., 250). Ср. аналогичное употребление форм И: Двете машини преминаха из село и влязоха в двора на Вълчана. Тук те щяха да останат, *докато дойдеше* време за вършитба (Андр., 171).

В качестве „несомненных случаев относительного настоящего“ обычно рассматривается употребление форм Н «в предложениях, грамматически или логически зависящих от глаголов „идеальной деятельности“, т. е. от глаголов мысли, речи и чувственного восприятия»⁷². Действительно, в этих предложениях после глагола „идеальной деятельности“, выраженного формой А или И, могут употребляться и формы И, и формы Н, например: *Всеки знаеше, кой какво се готвеше да каже* и *Всеки знаеше, кой какво се готви да каже* (Андр., 172). Из сопоставления такого рода примеров можно как будто бы сделать вывод о том, что формы Н в данном контексте тождественны формам И, т. е., как и в выше рассмотренных примерах, они выступают в значении „настоящего в прошедшем“. Между тем это не так. Если учесть весь набор форм, употребляющихся после глаголов „идеальной деятельности“, то можно констатировать, что после глаголов „идеальной деятельности“ возможно использование двух рядов форм времени: I ряд форм — А, И, Пл, Б в Пр и II ряд форм — Н, П. Замену форм I ряда формами II ряда в рассматриваемом случае следует интерпретировать, как и в случаях такого рода замен при переходе от авторского повествования к повествованию от лица персонажа (= прямая речь), как сигнал о смене абсолютной грамматической системы отсчета времени повествования. Разница будет

⁷² Ю. С. Маслов. Глагольный вид... стр. 250.

лишь в том, что при прямой речи смена форм (= смена абсолютной системы отсчета) будет для автора сообщения грамматически обязательна, в других случаях („косвенная речь“ и другие дополнительные придаточные предложения после глаголов „идеальной деятельности“) она грамматически не детерминируется, допускается использование и того, и другого ряда форм времени.

Выше мы видели, что формы неотносительных времен А и Б могут замещать в текстах формы тех относительных времен, которые образуют с ними корреляцию по одному из признаков II группы.

Немаркированность форм Н по признакам I, и II группы должна была бы обнаружиться также в возможности подстановки в тексте форм Н на месте не только форм И, но и других относительных времен. Практически, однако, осуществить это непосредственно, не проделав некоторых операций по свертыванию, оказывается невозможно. Это объясняется тем, что граммема Н сама непосредственно не составляет корреляций со всеми относительными временами.

И все-таки в нашей модели болгарских времен предусматривается принципиальная возможность замены формами Н любых форм времени, в том числе и относительных. Дело в том, что любое из трех относительных времен I подсистемы, как мы видели, может быть заменено А; f. ex. может быть заменен Б; П заменяется Н, — так что вся сложная система противопоставлений относительных времен может быть свернута до противопоставления на уровне неотносительных времен: $A \sim H$ и $B \sim H$. На этом уровне возможности замен формами Н форм других времен становятся не только теоретически допустимыми, но и практически возможными.

Контексты с формами разных неотносительных времен

§ 28. В позиции максимального противопоставления неотносительных времен ($A \sim H \sim B$) формами Н всегда обозначаются действия, относящиеся к такому периоду, который обязательно включает в себя МО, т. е. к настоящему периоду, а формами А и Б — действия, относящиеся к таким периодам времени, которые никогда не включают МО, но формами А обозначаются всегда только действия, относящиеся к прошлому периоду, формами Б — всегда только действия, относящиеся к будущему периоду.

Протяженность периода действий, обозначаемых формами Н, в этом случае ограничивается временем действий, обозначаемых формами А и Б. Им обычно охватывается некоторый отрезок времени до и после момента речи, и в него обязательно включается момент речи. Например,

из новых текстов: Силний Песоголавецо, пренеси ме на другата страна, за да спася хората. Там *изчезнаха* всички пороци и добродетели *ще умрат*, защото няма вече от какво да живеят.

(Е.-П. V, 30); ... момчето го пратих на Бяла Черква, то тоя вече си доде. Пък сега искам да прескокна до селото, а няма кого да оставя тука... Остани де! (Ваз., 163);

из старых текстов: ѿ сѣмѣ аза га есма вы же тѣжи есте ꙗко мнѣ единомѣ клѣ да сѣ. ꙗко азъ прѣже вѣхъ ѿ ннѣ аза есмѣ и оу кагъ рѣди сѣ и сѣ ками есмѣ ѿ не знаете кто есмъ аза. азъ же ка знаж (Ев. Ф., 140).

В позиции противопоставления одному из неотнесенных времен протяженность периода действий, обозначаемых формами Н, обычно ограничена лишь с одной стороны — или каким-то моментом в прошлом (в позиции противопоставления А), или моментом в будущем (в позиции противопоставления Б). Например:

из новых текстов: *Искам да умра дядо. Не мога да живея. Не съм вече човек за тоя свят... Пропадна вече моя живот... Кому съм потребна? Кой милее за мене?* (Е.-П., III, 78); *Тошке, хайде чедо, — остани тука при тия хора, баба си има работа — ще помина да те взема после* (Е.-П., II, 169).

из старых текстов: тебе же цѣсару противимъ сѣ... накзи кохомъ бо бгъ стѣихъ к'нигъ покар'ѣти сѣ богоу ѿ не кназемъ (Суп., 59); чгдѣи самрѣтгѣи прѣтгѣиши жгз'на мнѣ кѣчноу... нѣ и ѿгна прѣлагавши. ѿже сама сѣ ка сѣми тѣвѣ моудрѣствоуещими сѣгорѣти хѣщещи кз кѣчныи ѿг'на... (Н. Н., 130).

Уже в этих контекстах обнаруживается известная неоднозначность форм Н. Еще очевиднее она проявляется при „изолированном“ употреблении, т. е. вне контекстного противопоставления формам других относительных времен.

Контексты только с формами настоящего времени

§ 29. В нашей модели болгарских времен граммема Н занимает в обеих корреляциях с граммемами других неотнесенных времен А и Б место немаркированного члена. К такому пониманию содержания форм Н приходил болгарский исследователь Д. Попов, который определял настоящее время как „нулевую категорию“⁷³.

Другие болгарские лингвисты, хотя и не формулируют так четко этой идеи, но всегда отмечают многозначность форм Н. Однако недавно болгарский исследователь В. Станков⁷⁴ выступил против понимания форм Н как немаркированного члена, при этом он имеет в виду следующее. Все случаи употребления форм Н он делит на две группы: одни относит к прямому употреблению,

⁷³ Д. Попов. Българска граматика. София, 1941, стр. 77.

⁷⁴ В. Станков. Имперфектът в съвременния български книжовен език. София, 1966, стр. 52—53.

другие — к переносному. К переносному он относит „настоящее историческое“, а также „настоящее реферативное“ и „настоящее сценическое“, которые он подводит под понятие „настоящего исторического“. Переносное употребление он исключает из своего анализа, с чем можно согласиться, поскольку целью исследования является выяснение круга грамматических значений форм *Н*, а не его стилистических функций. В рамках же прямого употребления *В*. Станков не находит таких случаев, где бы формы *Н* принимали на себя значения других неотнесенных времен, что является необходимым условием признания граммы *Н* неотмеченным членом рассматриваемых оппозиций. Даже тот единственный случай, который мог дать повод для сомнений в этом отношении, а именно: употребление форм *Н* после глаголов „идеальной деятельности“, выраженных формами *А* или *Б*, — он по специальному рассмотрению отводит, показывая достаточно убедительно, что они употребляются здесь в собственном значении для обозначения действий настоящего периода.

Соглашаясь принципиально с невозможностью учета переносного употребления форм *Н* при выявлении круга их грамматических значений, заметим, однако, следующее.

Во-первых, *В. Станков* слишком широко трактует „настоящее историческое“, подводя под него не только такие случаи, где формы *Н* употребляются параллельно с формами *А*, которые используются в качестве основного времени повествования, но и такие случаи, когда в повествовании о прошедших событиях используются формы *Н* самостоятельно в качестве основного времени. Такое широкое понимание „настоящего исторического“ является далеко не бесспорным и не общепризнанным⁷⁵.

Если определить „настоящее историческое“ более строго, ограничив случаями параллельного использования форм *Н* и *А*, где стилистическое использование форм *Н* не вызывает сомнений, то легко выявляются случаи употребления форм *Н* в несобственном значении.

Во-вторых, *В. Станков* не всегда дифференцированно толкует случаи, где формами *Н* обозначаются обобщенные действия, благодаря чему вне поля его зрения остаются не только такие контексты, которые предполагают отнесенность действий, обозначаемых формами *Н*, не к настоящему, а прошедшему или будущему периоду, но и такие контексты, которые вообще не предусматривают уточнения грамматического периода действий, обозначаемых формами *Н*. Между тем как эти контексты весьма показательны;

---

⁷⁵ П. С. Кузнецов. К вопросу о *praesens historicum* в русском литературном языке. „Доклады и сообщения филологического ф-та МГУ“, кн. 8. М., 1947, стр. 30—32; Ю. С. Маслов. Глагольный вид. . ., стр. 240, примечание 242; Р. Мутафчиев. Сегашно историческо време в съвременния български език. София, 1964, стр. 33—34.

они также могут свидетельствовать в пользу нейтральности форм Н к выражению признаков I группы.

§ 30. Обратимся теперь непосредственно к примерам на изолированное употребление форм Н, поскольку именно вне контекстного противопоставления формам коррелятивных времен А и Б и обнаруживается неоднозначность форм Н в отношении выражения признаков I группы.

В изолированном употреблении формы Н встречаются в болгарских текстах в трех видах контекстов.

Как и в позиции противопоставления формам А и Б, формы Н могут употребляться и в контекстах, предполагающих отнесенность действий, ими обозначаемых, к настоящему периоду. Это могут быть и конкретные, и обобщенные, и потенциально возможные действия. Например:

из новых текстов: *Тежко ли ти е?* Сивушка, слабушке! Сърцето ти плаче, миличка... Ти какво ме гледаш, Белчо? Юнак си ти, — говореше им Боне. (Е.-П., I, 158—159); *Добърден.* Тук, ли живее изповедникът (Е.-П., V, 32); — *Кой е тоя?*... — *Не е тукашен.* Някакъв агент... *Назначава* на служби, дава препоръки и пие. През ден, през два се мъкне тук. Друго нека каже Цветкова... — *Какво мога да кажа?* Отвратителен ми е. *Заплашва* ме с уволнение. *Пише* ми глупави писма (Е.-П. II, 181); сикъ майсторе на *лѣте започнѣть*, а тѣ *зѣме кѣжешь* да започнешь (Копр., 4); как'ва майсторѣа *ѡмѣшъ*, и ѡмѣре на дръво с'мь дръводѣлецъ, и *ѡмею* и рѣла и корѣбе да правим и на камѣк с'мь хытрѣць да сѣдам дворѡве цар'скы (Копр., 1);

из старых текстов: и се же послѣжде азъ же на кѣраждение лѣтѣное кзсѡждаж ... *слѡучи са* (Супр., 281); и *процѣаѣт* и *оскобѣаѣтъ* *црѣтко* ми люди кзсѣ и *сѣла* кзсѣ того монастырѣ... да има не *сѣаѣт* забѣаѣти иже сѣт сѣбастн... ни има никто ... да не *сѣаѣт* забѣаѣти тѣма людем... ни на никѣе нѣа, иже *иматъ* на пѡли... (Рил. гр., 598); — *скажи* ми, что *оумѣши* работати да тѣа коупла да не *закѣаѣтѣ* тебе кз *Гаракыни* (Ез., 246).

§ 31. Формы Н могут употребляться в контекстах, предполагающих отнесенность действий, ими обозначаемых, к будущему или к прошедшему периоду, при этом отнесенность действий к тому или другому периоду может быть выражена особыми обстоятельствами или может быть очевидна из общего контекста.

Формами Н обозначаются действия, относимые к будущему: *Очаквам* Ви *довечера* в бабината Якимчина градина. Вратичката ще бѣде отворена (Андр., 153); *Утре* в 5 ч. *заминавам* за Варна (Янакиев, 426); и *днес* да поработим, па *утре* е *празник*. *Цѣл ден* ще си почивате (Е.-П., I, 158—159).

Формами Н обозначаются действия, относимые к прошедшему периоду. Здесь имеются в виду те случаи, где настоящее время выступает в качестве основного времени повествования и является

не стилистическим, а грамматическим эквивалентом аориста. Бесспорными случаями здесь будут такие, где в тексте имеется специальное, выраженное неглагольными формами, указание на то, что описываемые события относятся к прошлому. Но сюда же, как справедливо отмечает Р. Мутафчиев, должны быть отнесены и такие случаи, когда в произведении, носящем описательный характер, используются только формы Н и когда очевидно, несмотря на отсутствие специальных указаний в тексте, „что писатель описывает случаи, которые он наблюдал ранее“⁷⁶. В качестве примера на такое употребление форм Н Р. Мутафчиев называет рассказы Е. Пелина „Неизвестното“ и „Хризантеми“. В этих рассказах описываются некоторые отвлеченные ситуации. Они преподносятся как обобщение личного прошлого опыта автора (и тот, и другой рассказ ведется от первого лица), и поэтому, хотя временные, определители, указывающие на прошлое, в тексте отсутствуют, мы воспринимаем описываемые события как прошедшие, понимая вместе с тем, что это в данном случае не существенно, как это несущественно и для понимания следующих примеров, где также очевидно, что формами Н обозначаются прошедшие действия.

Из новоболгарских текстов: Пйше на вѣт'хыи завѣтъ като искѣсѣваше авраѣма и ре^ѣ емѣ... (Копр., 35); дойдоха римлане и прѣеха цригра^ѣ. като каже двѣ црь със палица желѣзна ѡдрѣжаха (Копр., 10).

Из старых текстов: Дѡврѣтѣ ка писаніи глѣтъ: ка на же мѣрѣж мѣриши, казмѣ рит'ти сл... (Ак, 244); ѣди ѣ се ѣспѣкѣжда ѣмѣ. ѡбладѣѣи каѣснѣ соурнѣж сице ка казмѣ глаголетѣ (Супр. 59).

§ 31. Формы Н могут употребляться в контекстах, не предполагающих уточнения грамматического периода действий, ими обозначаемых. Мы различаем здесь две группы случаев. К случаям первого рода мы относим такие, когда формами Н обозначаются так называемые „постоянно-непрерывные“ действия, имеющие место в любой период времени, и настоящий, и прошедший, и будущий. Например:

из новых текстов: Те избраха за засада... дол, из които слазѣя речката Белещица (Ваз, 181);

из старых текстов: Се же сѣж^ѣ сема стго ѡца Іѡ Рылскаго... И планина Брѣднѣка ѡ где Рыла истиче^ѣ на Зланю... (Рил. гр., 597).

В. Станков трактует такого рода случаи по-иному⁷⁷. Он видит здесь действия, относящиеся только к настоящему периоду, длящемуся бесконечно. Такое толкование представляется нам ошибочным. Покажем это на следующем примере, в котором формы Н употребляются наряду с формами И: Войната продължаваше... Никола ставаше още по-нервен... Стоил се измени повече:

⁷⁶ Р. Мутафчиев. Указ. соч., стр. 34.

⁷⁷ В. Станков. Имперфектът., стр. 53.

отбъгваше от другите и *се уединяваше*... Сега той често *пишеше* в къщи... *Даваше* най-подробни нареждания... В селата, освен общия и известен календар *има* и друг, самобитен и оригинален. Годината, според тоя календар, *се дели* на два големи периода от време. Дните на единия *започват* да се броят от Димитровден, а другия — от Гергьовден. Оран, сеитба, жътва, кога *почват* и кога *се свършват*, хиляди правила, наставления и вярвания — *имат* мястото си в тоя календар. Една радост *беше* за Стоила, всеки ден да си припомня кое число *е* от Димитровден и каква работа съответствува на него (Йовков, 177—178). (См. още пример из Вазова на стр. 115.)

В приведенном отрывке формами И обозначаются такие обобщенные действия, которые укладываются в хронологические рамки описываемого эпизода, т. е. в рамки времени пребывания героя на фронте, формами же Н обозначаются действия, обладающие большей степенью обобщения. Они выражают признаки более постоянные, действительные не только для периода времени описываемого эпизода, но и за его пределами, т. е. действительные и для предшествующего ему, прошедшего, периода, и для следующего за ним, будущего, периода.

Ко второй группе относятся такие случаи, когда формы И используются для описания абстрактных ситуаций. Например: Книгите *са* като хора, — казваше той, — когато *остаряят, стават* мъдри. Науката и мъдростта *са* дело на миналото. Настоящето *е* винаги било море от чувства, по което *се клатушкат* хорските души, не сигурна от своя път. Техните сълзи... техните мисли и опити *падат* като скъпоценни бисери в бездните на това море. И когато то *се оттече* в далечното минало, хората *намират* на дъното му утаени всичките попадали съкровища и черпят мъдрост (Е.-П. V, 8).

Обобщение фактов здесь достигает такого уровня, на котором вообще становится ненужной конкретизация их временной отнесенности. Такие же абстрактные факты, не приурочиваемые к определенному периоду, составляют содержание всякого рода сентенций и пословиц, например: Цвето, чакай... Прощка не *ща*... Само това искам да ти кажи, че живот без любов не *е*. Лула тютюн не *струва*. (Е.-П. III, 140).

Аналогичное употребление встречается и в старых текстах. Например: ... И аггъл ... запскѣдакъ ѣже приносите ѣмъ пицж... и вѣ прѣчѣе и на немъ испланѣемо писаное. хлѣвъ аггакли пде чакъ (ЖИР, 377); ... прииде къ гурж. и съткѣръз... кулибъж вѣ тоу прѣбываеж пощеніема и вѣднѣмаъ ддржчакаж тѣмъ. кто дѣво сказати възмѣжетъ тѣмъ аже тогда тѣкѣрши тѣрды (ЖИР, 372); ив'тоизи вѣч(е)рь вѣдѣму родителіе нѣгови радѣсть ивеселбѣ щосѣ стѣри кѣкъ даизрѣку . или слѣд'ко цѣлуваніе бащѣ му имайцѣ му кой мѣже исказа (Любл., 527).

С фактами, отвлеченными от условий времени, мы, по существу, имеем дело в переложении содержания какого-либо произведения („реферативное настоящее“) и в авторских ремарках („сценическое настоящее“). Ввиду этого ни то, ни другое употребление форм Н, как нам представляется, нельзя относить к „настоящему историческому“, как это делает В. Станков.

§ 32. Итак, диапазон употреблений форм Н очень широк. С одной стороны, формами Н могут обозначаться как действия, относящиеся к какому-либо одному грамматическому периоду: настоящему, прошедшему или будущему, — так и действия, распространяемые на все периоды, а также действия, временная отнесенность которых является неопределенной. Этот круг употреблений выявляет нейтральность форм Н к выражению признаков первой группы. С другой стороны, формами Н могут обозначаться как действия, период совершения которых определяется относительно „момента речи“ (абсолютный МО), т. е. по абсолютной грамматической системе отсчета, так и действия, период совершения которых определяется относительно времени каких-либо других действий сообщения (относительный МО), т. е. по какой-либо относительной грамматической системе отсчета. Этот круг употреблений форм Н демонстрирует нейтральность форм Н к выражению признаков второй группы.

В силу такой многозначности общее значение форм Н трудно поддается положительному определению. Не случайно обычно и не пытаются его определить, ограничиваясь перечислением ряда наиболее очевидных значений. Если все-таки попытаться это сделать, то надо сказать, что оно сводится к весьма абстрактной идее — идее соотнесенности времени действия с грамматическим периодом в чистом виде без его конкретизации ни со стороны положения относительно МО, ни со стороны его принадлежности к той или иной грамматической системе отсчета времени. Несмотря на абстрактность, эта идея, как мы видели, находит себе реальное воплощение в ряде употреблений форм Н. Мы имеем в виду последние два типа контекстов, в которых, как справедливо заметил еще Д. Попов, с наибольшей очевидностью обнаруживается нейтральность, или, как он писал, „нулевость“, форм Н⁷⁸.

Что касается круга специфических значений форм Н, то он шире, чем это обычно представляется, и в частности в названной выше работе В. Станкова. Никакие другие формы времени, кроме форм Н, не могут выступать не только в значении „настоящего абсолютного“, которое обычно и рассматривается в качестве специфического, но и в значении „настоящего относительного второго“ (Н₂, см. рис. 1), т. е. в значении „настоящего в настоящем“, например: Стоя и се чюдя. *Гледам*: мост *има*, мегдан *има* и къща *има* срещу мегдана, ами не е нито бяла, нито висока (Станк., 30).

⁷⁸ Д. Попов. Българска граматика, стр. 77.

Ср. аналогичное употребление форм имперфекта: Далматинецът се обърна с бърз поглед лодката. Хората спяха, никой не ги слушаше (Станк., 54).

Объединить эти два специфических значения в качестве главного значения болгарской грамемы Н в одном определении, под одним термином мы затрудняемся. Эта неоднозначность форм Н даже в специфическом употреблении объясняется неполнотой болгарской системы времен, с отсутствием в ней грамемы Н₂.

ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН

§ 33. Привативный характер оппозиции „относительных ~ неотносительных времен“ проявляется в том, что неотносительные времена могут в известных случаях принимать значение своего маркированного противочлена. Это мы уже демонстрировали на таких случаях употребления форм И, где они выступают в значении форм Пл, Б в Пр., а также на употреблении в аналогичных значениях форм А.

Здесь мы хотим проиллюстрировать это такими примерами, в которых в одном тексте формы и относительных и неотносительных времен принимают одно и то же значение, употребляются для обозначения одних и тех же или аналогичных действий: ... и кога̀ бы вре́ме... да пѣютъ съ голѣма чаша̀ вино, доидѐ рѣдь и до е́ома... и нещѣ̀ да ѓзме ѡнѣ̀зы ча̀ша и еди́нь... ѡ сѣ̀гыте... оударѣ̀ еома... и е́ома мѣ̀ ре: да ты̀ оста̀ви гѣ̀ съгрѣ̀шенѣ̀то на онѣ̀зы свѣ̀тъ а рѣ̀ката що̀ си прострѐ та ме ѓдарѣ̀ свѣ̀рѣ̀ла да тѣ̀и ю̀ растрѣ̀гнать и мно̀го лю̀дѣ̀ да видѣ̀тъ. И то̀а час то̀йзи слѣ̀га ѡ̀тидѐ на кла̀денѣ̀ць и случѝ се свѣ̀рь... и раска̀са го и ѓзе мѣ̀ ѡ̀е ѡнѣ̀зы рѣ̀ка що̀ бѣ̀ше ѓдарѣ̀ла а̀пла и донесѐ ю̀ на трапѣ̀зата...

И сичѣ̀кы лю̀дѣ̀ глѐдаха онѣ̀си рѣ̀ка̀ да ю̀ позна̀ють ча̀ е. И неко̀а жена̀ детѐ бѣ̀ше... чѣ̀ла що̀ бѣ̀ше рѣ̀каль е́ома оно̀мѓ̀зи момѣ̀кѣ̀ що̀ го плѣ̀сна и ре... бѣ̀жи нѣ̀кои а̀плѣ̀ що̀ сѣ̀ди тѣ̀ка... за̀що азъ видѣ̀х катѣ̀ го плѣ̀сна вина̀рь... и то̀и мѣ̀ ре: та̀зи ... рѣ̀ка ѡ̀е да ю̀ донесѐ и мно̀го лю̀дѣ̀ да видѣ̀тъ... (Копр., 1—2).

В приведенном тексте пять раз упоминается действие, обозначенное глаголами *оударя* и *плесна*: четыре раза в авторском повествовании, один раз — в прямой речи. Во всех случаях, кроме одного, оно обозначается формой А, а в одном — формой Пл. Однако лишь в первом случае оно упоминается в качестве действия первого плана. Во втором случае оно упоминается в прямой речи в придаточном определительном, в котором можно было бы ожидать не форму А, а форму П. В следующих случаях о нем говорится в авторской речи тоже в придаточном определительном, и в качестве предпрошедшего действия оно

однажды обозначается не формой А, а формой Пл. В последнем случае оно упоминается в авторской речи, но в придаточном дополнительном при глаголе восприятия. В такого рода придаточных предпрошедшее действие может обозначаться тоже формой Пл., здесь же оно выражено формой А.

Ср. аналогичное употребление в более старом тексте: И рече ми ангѣл: слыши Бароха, правую дрѣво юста лоза, каторую же дрѣво похота грѣхот'на, юже изниа Гагананиа на Юоугоу и Ядама; и сего ради проклеель вѣ Гѣ лозоу... Юга створи Гѣ потопа на земли... изиде Ною ѿ кочюга и обрѣте лозоу... и не знаше ю... Ба себѣ помышляше, гдше: се юста ва истинуу лоза, юже вѣ вьса-диль Гагананиа посрѣдѣ рата, юеюже прѣлести Юоугоу и Ядама и сего ради проклетъ ю Гѣ и сада юи... (Вар., 196—197).

Факультативное употребление наблюдается в текстах и между формами П и А. Например:

... И вьзаха... сиа и вьложиха аже желѣзно на шѣа игѡ... и вьсадиха ва темницѣ... И потома начах вьстѡдати ка сноу...: Сине, еже не чюеша са оушима сконма да чюеша са шѣа скоа... азы тебе казаньбахъ и вьстѣ срадечнаа моа тебѣ из'казаха, а ты си копаль тамж, а сама са си вьпала ва на. Сне, азы тебе поставиха на столѣ златѣ, а ты сьстапи ѿ прѣстола и послѣдова юдѣ, еже продаде ха, сине, и ти поставки мене жика ка гроба и копа тамж мнѣ. Сего ради твоего неистовства и несамышленѣа сама на себе да видиша, еже еси сѣлаа, ѡ мнѣ... и азы тебе извоучихъ каси прѣмждрости, а тыи ми еси вилъ, сне, тако замѣа иногда Ядама из раа изгна, и тако и тыа бѣа прокла (Ак., 244).

В приведенном тексте складывается ситуация, аналогичная той, которая возможна и для форм Пл. (см. примеры, цитированные выше, из работы Ю. С. Маслова, стр. 146), когда формами П завершается ряд последовательно совершавшихся действий; предыдущие действия обозначаются формами А. Мы имеем в виду такие ряды форм: азы... казаньбахъ, из'казах..., а ты си копаль тамж, си капаль и азы извоучиха... прѣмждрости, а тыи ми еси вилъ... тако замѣа. Употребление последних можно объяснить следующим образом.

В речи отца противопоставляются действия отца, выражающие сердечные добрые чувства к сыну, и действия сына, выражающие черную неблагодарность сына. Так как причиной беседы и было предательское поведение сына, то естественно, что действия сына, как имеющие непосредственное отношение к ситуации, сложившейся в момент беседы, обозначаются формами П.

Однако ниже те же действия выражаются уже формами А. Ср. следующий ряд действий: азы... поставиха... а ты сьстапи... и послѣдова... и ти поставки... и копа тамж мнѣ.

Ср. подобное употребление форм П и А в более древнем тексте: И видѣхъ тоу... коѣ... рекомѣи григоре... И не вѣ служенїа на е-мѣ неси. И гл҃ахъ... чего ради си ежѣ арахли... и нѣ слоуженїа на сѣм неси? И рѣста... мжжа... шкврзани са земла дѣлами ихъ... И того ради шкжди ихъ бѣ великоѣ шждш... И рѣхъ григорш: азъ видѣхъ братїа кашж... мншхъ са ш нихъ и нж шкжди а ѣ гл҃а под землаж дондеже скончатъ са небо и земла къ кѣкы (Ен., 172).

Аналогичное употребление форм П и А встречается и в новоболгарских дамаскинах: ... И попыта патріархъ сщ҃енника. вѣе ли крѣтихѣте онѣз кѣрѣва. и рекоха... нѣе... и реѣ патріархъ. и кой бы нѣи к крѣтнїкѣ. и рекоха сщ҃енниците еде кой и еде кой болѣринь. И призовѣ патріархъ и онѣа двѣта болѣрина и реѣ иѣ. вѣе ли сте бѣлѣ кѣмове на шназы блѣдница. и тѣе мѣ рекоха не сме и не знаеѣ кой е бѣлѣ... и познѣа и патріархъ и сщ҃енниците че ѣ нѣкоа бжѣа рѣбота (Копр., 55); ... Ѱиде сщ҃енникъ... да поѣ штрнѣю... и найдѣ маркѣана зрѣва и каза мѣ маркѣанѣ что видѣѣ и что мѣ реѣ архггль. И когѣ сѣврѣши штрнѣю и пойдѣ шцногѣзы врача и найдѣ го че сѣ разболѣлъ злѣѣ и каза мѣ сщ҃енникъ за маркѣаѣ какъ е видѣлѣ архггль михайла, и что мѣ е рѣкалѣ за бѣлѣето. тогѣзи... онѣзы врѣчь станѣ и заведоха го... до шрквата (Копр., 49); ... кажете ми какъ сте помлїле бѣа и когѣ стго млїхѣте прѣзѣ тѣзи нѣщѣ (Копр., 97).

В последнем примере, как мы уже писали в разделе об употреблении форм П в изолированных контекстах, можно видеть некий стилистический прием, к которому прибегали старые книжники. Он состоит в следующем. Обращение с молитвой к богу, непосредственному источнику благих дел, рассматривается авторами проповедей, житий как нечто более важное, более непосредственно связанное с теми надеждами, которые возлагают молящиеся на молитву и покаяние, чем обращение к святым. И поэтому действие моления, обращенного непосредственно к богу, а не через посредство святых, выделяется с помощью форм П.

Следующий отрывок текста начинается и кончается аналогичными фразами. В начале текста употребляется форма И, в конце текста — форма А: и така проважаше свой живѣтъ по шнѣзы пѣстинѣа за много врѣме. а лѣкавыи дѣаволь не прѣстанѣваше да ю плаши... амѣ стаа пѣтѣка имаше бѣа помѣщника... и сѣчкаѣ хытроѣ дѣаволска исчезнѣваше Ѱ нѣината млба такъ вазы силѣ бѣше добыла Ѱ бѣа... двѣ шрѣ за такъ визи жены... каже... и така стаа пѣтѣка сѣс голѣм поѣ прѣбѣи мншго години вѣ пѣстинѣа. и вѣ една нѣщѣ... видѣѣ... видѣнїе (Копр., 8).

В „Сказании о Стефаните и Ихнилате“ наблюдается факультативное употребление форм Н и П в трафаретных фразах, которыми начинается каждый новый поучительный эпизод. Ср. например: Разоумѣхъ, ꙗже предложѣ еси, но познаи ꙗко... (С. и И., 291) и Разоумѣхъ, ꙗже глещи, но рѣсмотри ꙗко... (там же).

Важно отметить, что во всех приведенных примерах факультативность в употреблении обнаруживают только формы времени, находящиеся в привативной оппозиции. Этот факт положительно свидетельствует о том, что никаких сдвигов в системе болгарских времен на протяжении исследуемого периода не произошло.

Характер факультативности форм времени в болгарских текстах согласуется с теми данными, которые можно извлечь из анализа разночтений, наблюдаемых между различными редакциями и переводами, относящимися к различным эпохам развития болгарского языка. Анализ разночтений показывает, что в обследованных евангельских текстах взаимные мены возможны только между коррелирующимися формами времени. Замены некоррелирующимися формами очень немногочисленны, они исчисляются единицами и приводят к искажению первоначального смысла.

РАЗНОЧТЕНИЯ В СПРЯГАЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА (XI—XX ВВ.)

Глава I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предложенное нами описание системы времен болгарского индикатива, как уже говорилось, сохраняет свою силу для всех периодов истории болгарского языка, зафиксированных в памятниках письменности, от X—XI вв. до настоящего времени. Хотя материальное выражение форм времени претерпело за этот период существенные изменения, все эти изменения коснулись только фоно-морфологических способов обозначения знаков, но не семантики самих знаков и системы их взаимных соответствий, которая, как мы видели, остается в текстах современных болгарских авторов (И. Вазова, Елина-Пелина) такой же, какой она была в текстах древнего и среднего периода.

Устойчивость системы болгарского индикатива на протяжении всей истории болгарского языка, зафиксированной в памятниках письменности от X—XI вв. до нашего времени, убедительно обнаруживается при сравнении разновременных редакций евангельского текста.

Для сравнения мы взяли четыре древнейшие из известных редакций евангельского текста на древнеболгарском языке, относящиеся к X—XI вв. (Зографское, Мариинское, Ассеманиево евангелия и Саввину книгу), Врачанское евангелие (среднеболгарский период) и два издания на современном болгарском языке, относящиеся одно к XIX, другое — к XX в.

Доказательная сила этого анализа обусловлена, во-первых, тем обстоятельством, что для анализа используется не сумма разрозненных примеров, выбор которых может оказаться (или кому-либо показаться) в какой-то мере субъективным, произвольным, а сплошная последовательность или обладающая достаточно высокой статистической достоверностью выборка интересующих нас фактов в „естественном“ тексте достаточно большого размера. В самом деле, в евангельском тексте насчитывается около 10 000 спрягаемых форм индикатива, используемых в разных

формах повествования — в авторской речи, в прямой речи, в так называемой несобственно прямой речи, в авторских ремарках (т. е. в конструкциях, служащих для введения прямой речи в авторское повествование), в цитатах. Использование такого большого „естественного“ массива уже исключает всякое предположение о субъективном подборе материала.

Сомнение может возникнуть только в отношении жанровой ограниченности материала. Но жанровая ограниченность обнаруживается в частотах использования тех или иных языковых средств, а не в „алфавите“ самих этих средств и законах „синтаксиса“ этих средств, одинаковых для всех разновидностей данного языка в данный период. Частоты использования тех или иных форм индикатива в евангельских текстах могут существенно отличаться от частот использования этих же форм в других жанрах письменной, а также в жанрах устной речи. Но самый „список“ форм и система их взаимных соответствий остаются одинаковыми для всех жанров данной эпохи.

В отношении евангельских и других религиозных текстов XIX—XX вв. может также возникнуть вопрос об архаической стилизации этих текстов, о некоторой их „ориентированности“ на древние редакции этих текстов на староболгарском или церковнославянском языках. Исчерпывающий и конкретный ответ на этот вопрос даст только сравнительный анализ древних и новых редакций евангельских и других текстов, однако в общей форме ответ — и ответ отрицательный — самоочевиден. При любой стилизации в пределах данного языка используются средства, разрешаемые системой данного языка, хотя бы это были и, так сказать, периферийные средства системы языка. Систематическое же использование грамматических средств, чуждых системе данного языка, как средств стилизации вывело бы таким способом стилизованный текст за пределы „естественных“ текстов данного языка. Таким образом, стилизованный текст выглядел бы неким лингвистическим „монстром“. Такого рода стилизацией было бы, например, использование системы склонения имен существительных в текстах, написанных на современном болгарском языке, или использование аориста, имперфекта и других форм времени древнерусской системы глагола в текстах современного русского языка. Чтение евангелия на современном болгарском языке показывает, что подобные средства стилизации в евангельских текстах не используются, и, стало быть, с этой стороны избранный нами материал не должен вызывать возражений.

Вторым обстоятельством, определяющим, на наш взгляд, решающее значение предлагаемого эксперимента, является внелингвистическое содержательное тождество сравниваемых текстов. Может быть, слово „тождество“ является здесь чересчур сильным, но все-таки мы вправе надеяться, что, поскольку мы

имеем дело с разными редакциями одного и того же произведения, мы найдем в каждой редакции примерно один и тот же набор внелингвистических ситуаций.

Последовательно сравнивая языковые описания одних и тех же ситуаций в разных редакциях одного произведения, мы, таким образом, получим свод различий для этих редакций. Разумеется, нас будут интересовать не все различия, а только те, которые относятся к спрягаемым формам индикатива. Но и в области спрягаемых форм индикатива мы будем обращать внимание не на все факты, а только на те, которые представляются существенными для решения поставленной проблемы.

Так, очевидно, что для понимания того, как функционирует система времен индикатива, можно пренебречь, во-первых, всеми различиями, связанными с материальным выражением самих форм времени¹, и, во-вторых, всеми лексическими различиями, если речь идет о синонимических заменах (например, взаимозаменяемость глаголов *речь* и *глаголати*) при совпадении в сравниваемых редакциях форм времени.

Различиями существенными мы будем считать все замены самих форм времени в одной редакции памятника по сравнению с другой редакцией.

Однако не всякие замены форм времени можно считать признаком разрушения или изменения системы индикатива.

По-видимому, для описания всякой внеязыковой ситуации в языке существует не один, а несколько способов, и все эти возможные способы описания входят в систему данного языка. Выбор того или иного способа описания из множества разрешенных системой языка в ряде случаев может быть до некоторой степени обусловлен жанром и видом речи. Однако какая-то свобода выбора остается даже при этой обусловленности, а кроме того, какие-то варианты остаются и внутри самих жанровых подсистем. Так что можно с уверенностью сказать, что практически во всех случаях два лица, описывающие на одном языке один и тот же набор внеязыковых ситуаций, всегда используют разные наборы языковых средств. Очень может быть, что различия в описаниях будут не так уж велики, если мы выберем двух людей примерно одного уровня образования, развития интеллекта и т. п. И все-таки описания их будут как-то различаться. Очевидно, что у профессиональных писателей и переводчиков (а мы сравниваем — по крайней мере в ряде случаев — именно разные переводы) эти различия могут быть значительнее, чем у непро-

---

¹ Сюда относятся как многочисленные графические различия в написании слов, обусловленные самыми разнообразными причинами, так и различия в самих способах образования форм времени (например, сложные или простые формы имперфекта или будущего времени).

фессионалов, и могут иметь стилистически направленный характер.

Так, например, в двух переводах на болгарский язык рассказа Тургенева „Муму“ из 864 форм индикатива, использованных обоими переводчиками, мы нашли 59 несовпадающих форм (т. е. $\approx 7\%$ несовпадений), хотя в обоих переводах нет ни одного случая, противоречащего предложенному нами описанию системы индикатива².

Поскольку в пределах описанной нами системы функционирования времен изъявительного наклонения для каждой внеязыковой ситуации допускается более одного способа ее описания, необходимо установить, какие именно замены форм времени следует считать инвариантными по отношению к системе и какие следует считать ее нарушениями.

Для этого обратимся к рис. 1, представляющему собой схему некоторой „идеальной“ модели системы времен индикатива, о которой мы уже писали в I части настоящей работы (см. стр. 34).

Очевидно, что для всякой системы, построенной на коррелятивных отношениях, ответ в общей форме будет один и тот же: замены возможны только между элементами, связанными коррелятивными отношениями, т. е. противопоставленными друг другу в данной системе хотя бы по одному признаку как маркированные и немаркированные. Принято говорить, что элементы, связанные такого рода отношениями, образуют привативные оппозиции. И невозможны замены в пределах данной системы (т. е. без ее нарушения) между элементами, не связанными такими коррелятивными отношениями.

Описанная нами система индикатива состоит из четырех подсистем (одна неотносительная и три относительные). На рис. 4 каждая подсистема представлена однотипно тремя элементами, соответствующими трем временам: настоящему, прошедшему, будущему.

---

² Так, например, во фразе: „Ни одна мать так *не ухаживает* за своим ребенком, как ухаживал Герасим за своей питомицей“. Русская форма *не ухаживает* переводится на болгарский язык одним переводчиком формой Н: Ни то една майка *не се грижи* за детето си така, както Герасим се грижеше за своето хранениче (И. Тургенев. Събрани съчинения в дванадесет тома, т. 8. София, 1957, стр. 11), а другим — формой перфекта: Нито една майка *не се е грижила* тъй за детето като Герасим за своята питомка (И. Тургенев. Муму. Харьков — Одесса, 1935, стр. 6). Ср. также перевод следующего текста: „Вообще Герасим был нрава строгого и серьезного, любил во всем порядок: даже петухи при нем не смели драться, а то беда! *увидит*, тотчас *схватит* за ноги, *повертит* раз десять колесом и *бросит* врозь“. Последнее предложение один переводчик переводит, используя формы Б: Ако ги види, веднага *ще ги пипне*... *ще ги завърти*... и *ще ги хвърли* на разни страни (И. Тургенев. Събрани съчинения, стр. 3), другой переводит, используя формы Н: ...види ли, веднага ги *хваща* за крака, *завърти* ги... и ги *хвърля* на разни страни (И. Тургенев. Муму, стр. 11).

В пределах каждой подсистемы корреляции возможны только по одному из признаков I группы (или по первому, или по второму). Эти корреляции показаны стрелками, направленными от маркированных членов (прошедшего или будущего) к немаркированному (настоящему). Немаркированная форма в определенных условиях может заместить собою маркированную форму (т. е. форма настоящего времени может быть поставлена как вместо формы прошедшего времени, так и вместо формы будущего времени). Маркированные формы друг с другом в коррелятивных отношениях не находятся, поскольку они однотипно — по одному из признаков I группы — противостоят немаркированной форме,

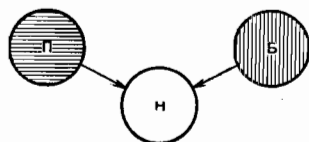

Рис. 4

а признак II группы у всех трех членов каждой данной подсистемы всегда общий — стало быть, у разноименных маркированных форм одной подсистемы нет признаков, по которым они могли бы составить привативные оппозиции.

Это означает, что при описании одной и той же внелингвистической ситуации в пределах данной подсистемы формы прошедшего и будущего времени не могут замещать друг друга. Такое замещение противоречило бы описываемой нами системе.

Заметим, что фразы типа *мальчик читал книгу* и *мальчик будет читать книгу* мы будем считать фразами, описывающими разные внелингвистические ситуации, а нарушающими описываемую систему употребления времен мы будем считать фразы типа *мальчик будет сидеть на диване, читал книгу, будет грызть орехи и смеяться*.

Далее. Отношения между четырьмя подсистемами основаны на корреляции по признакам II группы. Три относительные системы отсчета образуют три однотипные и автономные, независимые по отношению друг к другу подсистемы. Они однотипны по внутренней структуре (как это только что было показано) и однотипны также в том отношении, что противопоставлены как системы, маркированные по одному из признаков II группы, неотносительной системе отсчета как немаркированной. Это последнее обстоятельство и делает их автономными по отношению друг к другу, так как элементы (в данном случае — системы), однотипно маркированные по отношению к третьему элементу (в данном случае — системе), не могут находиться в коррелятивных отношениях друг к другу. Они составляют между собой эквиолентные оппозиции.

Таким образом, относительные времена, входящие в разные относительные системы отсчета, также никогда не стоят друг с другом в коррелятивных отношениях описанного типа, иначе говоря они не образуют привативных оппозиций.

В то же время, во-первых, все три относительных времени каждой данной системы отсчета коррелируются с тем временем неотносительной системы отсчета, которое выступает по отношению к данной относительной системе отсчета как точка отсчета. В этой корреляции относительные времена являются маркированными членами противопоставления, а неотносительное время немаркированным. Следовательно, форма неотносительного времени может замещать любую из форм относительных времен настоящего, прошедшего и будущего внутри своего периода времени действия.

Во-вторых, относительные времена любой относительной системы отсчета коррелируются по одному из признаков II группы как маркированные с одноименными временами абсолютной системы отсчета как немаркированными. Следовательно, форма неотносительного времени может замещать форму любого из одноименных ему относительных времен.

Напоминаем: из этого обстоятельства не следует, что форма неотносительного времени может быть заменена формой любого одноименного относительного времени. Во-первых, форма относительного времени может стать только на место той формы неотносительного времени, которой обозначено действие второго плана. Во-вторых, в каждом данном случае возможен один и только один способ замены, обусловленный характером описываемой внеязыковой ситуации, которая „подсказывает“, форму какого именно одноименного относительного времени можно поставить на место формы неотносительного времени.

Графически на рис. 1 это означает, что замены возможны только между элементами, связанными (непосредственно или опосредованно) стрелками (движение по стрелкам возможно только в одном направлении — сверху вниз).

„Запрещающим“ графическим признаком (т. е. признаком того, что между элементами мена невозможна) является невозможность соединить два элемента стрелками, двигаясь только сверху вниз.

Нетрудно подсчитать, что при этих условиях „запрещенными“, т. е. противоречащими системе, заменами в обе стороны оказываются следующие пары: 2—3; 2—5; 2—6; 2—10; 2—12; 3—4; 3—5; 3—7; 3—9; 4—5; 4—6; 4—9; 4—10; 4—11; 4—12; 5—6; 5—7; 5—8; 5—11; 5—12; 6—7; 6—8; 6—9; 6—10; 7—8; 7—9; 7—10; 7—11; 7—12; 8—9; 8—10; 8—11; 8—12; 9—10; 9—11; 9—12; 10—11; 10—12; 11—12.

Напоминаем еще раз, что замены форм прошедших времен формами неотносительных или относительных времен будущего и обратные замены (т. е. 2—3; 2—10; 2—12; 3—7; 3—9; 7—8;

9—10; 11—12) являются „запрещенными“ только в случаях бес- системной замены этих форм. При полной замене в тексте одних форм другими мы будем считать, что имеем дело не с заменой форм, разрушающей систему индикатива, а с заменой внеязыковых ситуаций.

Замены форм прошедших времен формами разносистемных им времен будущего (и обратные замены), как и все другие перечисленные выше замены, являются безусловно „запрещенными“.

Что касается остальных 27 пар, то замены в них, строго говоря, возможны только в одну сторону: немаркированный член может стать на место маркированного члена корреляции (т. е.: 1 → 2; 1 → 3; 1 → 4; 1 → 5; 1 → 6; 1 → 7; 1 → 8; 1 → 9; 1 → 10; 1 → 11; 1 → 12; 2 → 4; 2 → 7; 2 → 8; 2 → 9; 2 → 11; 3 → 6; 3 → 8; 3 → 10; 3 → 11; 3 → 12; 4 → 7; 4 → 8; 5 → 9; 5 → 10; 6 → 11; 6 → 12). Иными словами, действие второго плана (второстепенное действие) может быть обозначено как маркированной, так и немаркированной формой, тогда как действие первого плана (главное действие) обозначается всегда немаркированной формой.

Однако практически при сравнительном анализе двух редакций одного памятника, конечно, может оказаться, что в ранней редакции для описания каких-то ситуаций были использованы две немаркированные формы, а в редакции более поздней для описания этих же ситуаций были использованы одна немаркированная и одна маркированная формы. Таким образом, хронологически в этом случае маркированная форма заменила собою форму немаркированную. Разумеется, такая замена вовсе не противоречит нашей системе, не противоречит и утверждению, что замены всегда идут только в одном направлении (немаркированная форма → маркированная форма). Поскольку второстепенное действие можно обозначить как маркированной, так и немаркированной формой, хронологический порядок тут безразличен. Просто более ранний автор не маркировал второстепенное действие, а более поздний — маркировал.

Не противоречат системе и возможные случаи переосмысления самих ситуаций, когда действия, кем-то ранее рассматривавшиеся как второстепенные, более поздним автором интерпретируются как главные, а те действия, которые прежде оценивались как главные, более поздним авторам осмысляются как второстепенные. При таком переосмыслении ситуаций действия, в ранней редакции обозначавшиеся маркированными формами, будут в поздних редакциях обозначаться формами немаркированными и наоборот.

Единственным теоретически мыслимым случаем „запрещенных“ замен в перечисленных 27 парах, где разрешены замены в одну сторону, была бы одновременная всеобщая замена в „обратную“ сторону во всем тексте, т. е. использование одних только относительных форм времени в неэллиптическом повествовании (не-

предельным вариантом такого случая было бы последовательное использование в качестве однородных членов маркированных и немаркированных форм).

Перейдем теперь от „идеальной“ схемы к схеме реального болгарского индикатива, соответствующей предложенной нами системе. Эта последняя схема (см. рис. 3) отличается от „идеальной“ отсутствием в ней элементов 5, 6, 10 и 12 „идеальной“ схемы. Эти отсутствующие элементы и их связи мы для простоты сравнения двух схем обозначим пунктирами. Иными словами — II и III относительные системы отсчета в болгарском языке представлены только формами относительных прошедших времен, тогда как формы относительного будущего и относительного настоящего в них отсутствуют, а соответствующие этим формам второстепенные действия обозначаются в болгарском языке формами неотносительного настоящего и неотносительного будущего времени.

Сравнивая две схемы, мы легко определим список „запрещенных“ замен в системе болгарского индикатива: аорист — будущее; будущее — имперфект; будущее — плюсквамперфект; будущее — перфект, имперфект — перфект; имперфект — *futurum exactum*; плюсквамперфект — будущее в прошедшем; плюсквамперфект — перфект; плюсквамперфект — *futurum exactum*; будущее в прошедшем — перфект; будущее в прошедшем — *futurum exactum*; перфект — *futurum exactum*.

Кроме того, „запрещенным“ будет сплошное использование одних относительных времен — имперфекта, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем, перфекта, *futurum exactum* — в неэллиптическом повествовании без использования неотносительных времен — настоящего, аориста и будущего, а также использование форм относительных времен попеременно с формами неотносительных времен в качестве однородных членов.

Прежде чем перейти к рассмотрению материала, сделаем еще одно замечание. Появление в тексте „запрещенных“ замен может свидетельствовать о разрушении системы, если использование этих замен становится систематичным. Такое явление мы находим, например, в памятниках серболужицкой письменности, где формы А и И постоянно используются как грамматические дублеты одного прошедшего времени³.

В то же время наличие единичных „запрещенных“ замен в устной или письменной речи того или иного носителя языка и даже ряда носителей может и не иметь никакого влияния на систему языка в целом. К такой категории относится всякое стилистически направленное использование средств, противоречащих системе языка, которые только потому и могут использоваться

³ См.: М. И. Ермаков а. История употребления форм времени в серболужицких языках. Канд. дисс. М., 1964, стр. 220—222.

в такой функции, что существует некоторая система, из которой они выпадают, и это противоречие осознается носителями языка.

Сюда же следует отнести и такие отдельные „неправильности“, которые не имеют намеренной стилистической направленности и допускаются носителями языка невольно и бессознательно. Таково, например, во многих случаях сравнительно распространенное в русской речи употребление самостоятельных деепричастных оборотов (например, у Л. Толстого „Пройдя шагов тысячу, стали попадаться люди и женщины...“).

Было бы трудно строго сформулировать такой критерий, применяя который мы могли бы каждый раз классифицировать явления подобного рода на „случайные“ отклонения („ошибки“, „неправильности“) от системы языка и на „закономерные“ тенденции, знаменующие разрушение старой системы и становление какой-то новой системы. Трудность эта связана с тем обстоятельством, что, с одной стороны, естественная речь всегда сложнее и богаче любой грамматической системы и всякая система есть только некоторое приближенное описание языкового материала, а с другой стороны, всякое изменение системы языка осуществляется именно через „нарушения“, „неправильности“ и „ошибки“, которые, приобретая массовый характер, перестают быть „неправильностями“ и „ошибками“, становятся фактами новой системы, хотя, разумеется, далеко не всякие „ошибки“ приобретают такую тенденцию.

Трудно, однако, сформулировать именно общий критерий для оценки значения „запрещенных“ замен. В каждом же конкретном случае обследование достаточно большого материала чаще всего приводит исследователя к однозначной оценке подобного рода явлений.

ДРЕВНИЕ РЕДАКЦИИ

§ 1. Сравнение разных редакций евангельских текстов мы начнем с древнейших евангельских списков — Зографского, Мариинского, Ассеманиева и Саввиной книги⁴. В качестве эталона при сравнении постоянно используется текст Мариинского евангелия, так как именно на материале этого списка строилось наше предшествующее описание системы времен изъявительного наклонения в старославянском языке⁵. Сравняться здесь и далее будут только спрягаемые формы, так что действительные причастия и их судьба в истории болгарского языка остаются вне нашего поля зрения, хотя некоторые данные по составу причастных форм и будут использованы в отдельных случаях.

По разным поводам нам приходилось сравнивать разные по числу входящих в них форм индикатива куски евангельского текста. Самая большая выборка, содержащая более четвертой части всех спрягаемых форм индикатива, встречающихся в полном тексте четырех евангелистов, взята из тех общих мест евангельского текста, которые представлены в двух апракосах — Саввиной книге и Врачанском евангелии XIII в. Эти общие места двух апракосов полностью включены в нашу первую выборку. В нее входят отрывки из всех четырех евангелистов, но, естественно, разные по числу интересующих нас форм⁶.

⁴ Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883. Саввина книга. Труд В. Щепкина. СПб., 1903. — Различия между Мариинским евангелием, с одной стороны, и Зографским и Ассеманиевым евангелиями, с другой, — извлечены из построчных примечаний И. В. Ягича к тексту Мариинского евангелия. Греческие соответствия даются по изданию Тишендорфа: K. Tischendorf. *Novum testamentum graece*. Lipsiae, 1896.

⁵ См.: И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

⁶ Совпадающими в двух избранных нами апракосах оказались следующие места (римскими цифрами обозначены главы, арабскими обозначены стихи в соответствующих главах из каждого евангелиста):

Так как в апракосах дан не сплошной текст, а выборки, причем из разных евангелистов составители апракосов делали выборки разных размеров, мы сделали, кроме того, вторую — пропорциональную выборку, взяв для нее из текста каждого евангелиста равное число спрягаемых форм индикатива, причем формы эти выбирались подряд из сплошного текста (а именно — были взяты первые 500 форм из текста каждого евангелиста).

Наконец, был расписан полностью весь текст евангелия от Матфея, использованный, как и вторая выборка, для контрольного сравнения с текстами тетра.

Распределение временных форм в этих трех больших выборках (см. табл. 1 на стр. 169) по тексту Мариинского евангелия оказалось не совсем однородным, причем особенно отличается третья выборка от двух первых. Это естественно, так как в третьем случае взят текст одного евангелиста, тогда как в первом и втором — тексты разных евангелистов, а в текстах разных евангелистов формы времени распределяются по разному. Более того — тексты каждого из евангелистов также неоднородны в отношении этого признака. Это видно из табл. 2, где данные о распределении форм времени в двух первых наших выборках приведены не суммарно, как в табл. 1, а дифференцированно — по тексту каждого евангелиста в отдельности.

Как мы видим, размах колебаний, причем в наиболее часто встречающихся формах — в настоящем, аористе, будущем и имперфекте, в ряде случаев весьма значителен. Например, в двух выборках из Луки он составляет в настоящем времени около 10%, в аористе — более 8%; у Марка в имперфекте более 7%; у Иоанна в будущем времени — более 12%. Правда, первая и

Матфей: V 42—48; VI 1—34; VII 1—8; 24—29; VIII 5—13; 14—23; 28—34; IX 9—13; 18—26; 27—35; X 1; 5—8; 37—42; XI 27—30; XII 15—21; 30—37; XIV 14—22; 22—34; XV 21—28; 32—39; XVII 14—23; 24—27; XVIII 1—4; 23—35; XIX 3—12; 16—26; XXII 15—22; 35—46; XXIV 36—51; XXV 1—13; 31—46; XXVI 40—75; XXVII 33—54; XXVIII 1—20;

Марк: I 35—44; II 1—12; 14—17; 23—27; III 1—5; VII 31—37; VIII 27—31; 34—38; IX 17—31; X 32—45; XV 16—31;

Лука: I 32—38; II 1—40; V 18—26; VI 17—22; 31—34; VII 1—10; VIII 7—15; 16—21; 27—39; 41—56; IX 1—6; 37—43; X 19—21; 25—37; 38—42; XI 5—13; 27—28; XII 16—21; 32—40; XIII 10—17; 19—29; XIV 1—11; 16—24; XV 11—32; XVI 10—15; 19—31; XVII 3—10; 12—19; XVIII 2—8; 18—27; XX 46—47; XXI 1—4; 12—19; 25—27; 33—36; XXII 43—44; XXIII 32—40;

Иоанн: I 29—34; 44—52; III 13—17; VII 37—52; XI 1—45; XII 25—36; XIII 31—38; XIV 1—31; XV 1—27; XVI 1—33; XVII 1—26; XVIII 1—28; 29—40; XIX 1—16; 25—27; XXI 14—25. Совпадение текста в перечисленных местах не было, однако, полным в Саввиной книге и Врачанском евангелии, в других евангельских сводах в этих местах также были несовпадения, впрочем не очень значительные. Вследствие этого количество сравниваемых форм в этой выборке не одно и то же для разных сравниваемых списков и редакций, но, повторяем, различия эти можно считать несущественными.

Текст Мариинского евангелия берется в том составе, как он представлен в издании И. В. Ягича, т. е. с дополнениями из Дечанского и Зографского евангелий.

Распределение спрягаемых форм индикатива в трех выборках по тексту Марининского евангелия

Выборка	Форма времени								
		настоящее	аорист	имперфект	перфект	плюсквам-перфект	будущее	будущее в прошедшем	общее число спрягаемых форм
I Отрывки из 4 евангелистов, совпадающие в Саввиной кн. и Врачанском ев.	число	781	1152	264	37	4	447	4	2690
	%	26,3	42,8	9,8	1,3	0,1	16,6	0,1	
II Отрывки из 4 евангелистов, содержащие по 500 спрягаемых форм	число	538	897	317	11	4	232	1	2000
	%	26,9	44,85	15,85	0,55	0,2	11,6	0,05	
III Весь текст евангелия от Матфея	число	750	1033	131	23	—	475	—	2412
	%	31,1	42,8	5,4	1,0		19,7		

вторая выборки различны по объему, причем первая выборка непропорциональна в отношении числа форм, приходящихся на долю каждого евангелиста⁷, но не этим объясняются различия в распределении форм.

Если мы возьмем две равные и достаточно большие выборки из текста Матфея — по 1000 форм в каждой выборке (табл. 3), то и в этом случае обнаруживаются довольно большие различия в использовании форм настоящего времени, аориста и перфекта, каких мы не вправе были бы ожидать при таких больших выборках для однородного текста.

Эта неоднородность обусловлена неравномерным распределением в тексте речи автора и речи действующих лиц, а эти два вида речи (обычное повествование в третьем лице и прямая речь) существенно отличаются в отношении использования форм времени. Кроме того, в авторской речи для наших целей оказалось продуктивным выделение тех конструкций, при помощи которых прямая речь вводится в авторское повествование. По составу форм времени эти вспомогательные конструкции мало отличаются

⁷ В первой выборке из 2690 форм на долю текстов из Матфея приходится 815 форм, из Марка — 240, из Луки — 753, из Иоанна — 882.

Распределение спрягаемых форм индикатива в двух первых выборках (I и II)

Евангелист	Форма					
	настоящее		аорист		имперфект	
	I	II	I	II	I	II
Матфей	33,8	30,1	40,0	44,4	4,2	6,5
Марк	25,8	26,0	41,8	46,4	24,6	17,6
Лука	15,4	25,1	50,0	41,9	20,4	13,14
Иоанн	32,6	30,2	47,6	40,8	14,2	8,2

* I и II — номера выборок.

от остальной авторской речи, но в отношении замен в разных редакциях евангельского текста судьба их оказалась несколько иной, чем судьба остальной части авторского повествования.

Распределение форм времени в этих трех типах структур у Матфея по тексту Марииинского евангелия представлено в табл. 4⁸.

Т а б л и ц а 3

Распределение спрягаемых форм индикатива в первых двух тысячах форм у Матфея по тексту Марииинского евангелия

Форма времени	Настоящее		Аорист		Имперфект		Перфект		Будущее	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Выборка										
Доля форм времени (в %)	37,3	30,1	36,8	42,9	4,2	4,6	0,7	1,4	21,0	21,0

Разумеется, сам факт преобладания в прямой речи форм Н и Б над формами прошедшего времени, а также относительно частого использования форм П и факт преобладания в повествовании от 3-го лица форм А и относительно частого использования форм И является общеизвестным. Мы останавливаемся на этом обстоятельстве потому, что в случаях неравномерного распределения замен по разным временным формам сдвиги в системе индикатива в разных редакциях и списках одного и того же памятника могут оказаться разными в разных местах этого памят-

⁸ Все притчи, излагаемые от лица Иисуса Христа, отнесены к прямой речи.

к тексту Маринского евангелия у каждого евангелиста
отдельности * (в %)

перфект		плюсквамперфект		будущее		будущее в прошедшем	
I	II	I	II	I	II	I	II
0,2	0,9	—	—	22,4	18,1	—	—
0,6	0,4	0,2	—	6,8	9,2	0,2	0,4
1,0	1,2	0,4	0,3	12,4	18,1	—	—
0,4	2,4	0,2	0,3	5,0	17,8	—	0,3

ника в зависимости от преобладания в них того или иного вида речи. Например, если замены в форме А встречаются значительно чаще, чем замены других форм, то куски текста, где преобладает авторская речь, окажутся более измененными, чем те куски текста, где преобладает прямая речь, и т. д.

Таблица 4

**Распределение спрягаемых форм индикатива в речи автора,
ремарках и в речи персонажей у Матфея по тексту
Маринского евангелия (в %)**

Вид речи	Форма времени					доля всех форм	
	настоящее	воист	имперфект	перфект	будущее	число	%
Речь автора	2,0	82,7	14,1	—	1,1	439	18,2
Авторские ремарки	1,4	88,6	9,7	—	0,3	351	14,6
Речь персонажей	45,4	22,2	2,2	1,4	28,8	1622	67,2

Все типы разночтений мы разделим на две группы. К первой (I) отнесем такие, в которых форма, встретившаяся в обследуемом памятнике, не является спрягаемой формой индикатива (напомним, что Маринское евангелие рассматривается как эталон и в нем рассматриваются только спрягаемые формы индикатива); пропуск глагольной формы в тексте обследуемого памятника также относится к этой группе. Ко второй группе (II) мы отнесем все типы разночтений, где спрягаемой форме времени индикатива

в Мариинском евангелии соответствует в обследуемом памятнике тоже спрягаемая форма индикатива, но другого времени.

Все разночтения II группы мы разбиваем на подгруппы в зависимости от того, какими формами времени представлены разночтения в сравниваемых текстах, например „настоящее время—аорист“, „настоящее время—перфект“ и т. п.

В этих названиях подгрупп первой всегда указывается форма, использованная в Мариинском евангелии, а второй — форма, использованная в сравниваемом тексте.

В ряде случаев мы будем иметь дело с „зеркальными“ парами подгрупп, например „настоящее время—аорист“ и „аорист—настоящее время“, „настоящее время—перфект“, „перфект—настоящее время“ и т. п. Естественно, что замены в таких „зеркальных“ подгруппах основаны на одних и тех же корреляциях, а потому могут быть совершенно одинаковыми по грамматическому содержанию, поэтому в ряде случаев мы даем к ним общий комментарий.

§ 2. Наименьшие отклонения в составе интересующих нас форм по сравнению с текстом Мариинского евангелия отмечены в Зографском евангелии⁹. Так, на 2690 спрягаемых форм индикатива в нашей первой выборке в тексте Зографского евангелия приходится 2667 совпадающих форм, и только в 23 случаях обнаружены несовпадения. 21 несовпадение обнаружено в текстах нашей второй выборки (на 2000 форм). Наконец, в третьей выборке на 2412 форм найдено 16 несовпадений. Несовпадения, таким образом, составляют по материалам первой выборки примерно 0,9%, по второй — немногим более 1% и по третьей — менее — 0,7% всех спрягаемых форм индикатива в Мариинском евангелии. Это почти в 10 раз меньше количества различий в использовании различных форм в двух переводах одного произведения на современный болгарский язык разными переводчиками (см. стр. 161 настоящей работы), в которых оба автора остаются в пределах одной системы языка. Можно предположить, что Ягич отметил не все разночтения в двух евангельских списках, но если даже он пропустил столько же разночтений, сколько

⁹ Разночтения Зографского и Ассеманиева евангелий с Мариинским выбраны из подстрочных примечаний Ягича к изданному им тексту Мариинского евангелия. Данные по всем остальным памятникам получены в результате наших собственных сравнений разных редакций этих памятников.

Разночтением мы будем считать использование в двух сравниваемых текстах разных глагольных форм (в нашем случае при обязательном использовании в тексте Мариинского евангелия спрягаемой формы индикатива) при описании одной и той же внеязыковой ситуации. Использование разных глагольных форм при описании разных внеязыковых ситуаций мы в данной работе к разночтениям не относим. Частным случаем такого рода будет отсутствие в одном из текстов описания внеязыковой ситуации, описанной в другом тексте. Например, в тексте Мариинского евангелия читаем: како въиде въ храмъ бжии. при авнатари архирери. і дахъвъ прѣдъложениѣ сънѣсть. і хъже не достоѣши ѣсти. тѣмко ниромъ. і дасть і сжитиѣ съ нимъ (Мр. II 26).

отметил, то и тогда общее число несовпадений не составит и 2⁰/₁₀ всего числа форм¹⁰.

I. Рассмотрим разночтения, относящиеся к первой группе.

1. Из 23 несовпадений в тексте первой выборки в шести случаях спрягаемым формам индикатива в Маринском евангелии соответствуют в Зографском действительные причастия (Мф. VIII 18; XV 26; Мр. VII 34; Лук. VIII 49; XIII 15; XIV 21).

Мы не будем рассматривать эти типы несовпадений, так как замена спрягаемых глагольных форм причастными относится к обычным и весьма распространенным трансформациям, входящим в систему древнеболгарского индикатива и никак ее не разрушающим.

Правда, в современном болгарском языке подобные трансформы будут встречаться довольно редко (так, например, в полном тексте евангелия от Матфея из 394 действительных причастий настоящего времени, имеющих в Маринском списке, в издании XIX в. на болгарском языке¹¹ сохранилось только 7 причастий, а причастия прошедшего времени полностью заменены другими формами), поскольку старые действительные причастные формы исчезли из живого языка, а новые не получили в нем такого распространения и всех тех функций, которые они имели в древнеболгарском языке. Но поскольку в древнеболгарском языке существовала развитая система причастных форм, использование их в ряде случаев вместо спрягаемых форм глагола для обозначения второстепенных действий не разрушало системы времен древнеболгарского индикатива. Замена одних форм другими при соблюдении известных условий была более или менее свободной. И если в Зографском евангелии мы отметили шесть случаев использования действительных причастий в тех местах текста, где в Маринском списке использованы соответственно спрягае-

В тексте Саввиной книги выделенные нами слова отсутствуют. Случаи, подобные этому, мы не относим к разночтениям и о них вовсе не упоминаем. Другие случаи различия в описываемых ситуациях, более сложные, мы также не относим к числу разночтений, но будем их анализировать, так как сейчас трудно сформулировать общее правило, как во всех случаях отличать различия в описании одной и той же внеязыковой ситуации от описания двух различных, хотя и похожих, внеязыковых ситуаций. Представляется, что практически эти два случая удастся отличать довольно успешно.

¹⁰ Предположение это не вовсе лишено оснований, так как при сравнении текстов Маринского евангелия с Саввиной книгой мы обнаружили 39 разночтений, не отмеченных Ягичем (из общего числа отмеченных нами 112 разночтений). Разумеется, предположение, что Ягич пропустил половину всех разночтений, является очевидным преувеличением. Если исходить из данных нашего сравнения с Саввиной книгой, то Ягич мог не отметить 8—10 разночтений в текстах, соответствующих нашей первой выборке. В этом случае процент несовпадений поднимется от 0,9 до 1,2.

¹¹ „Библия сиречь священно-то писаніе на ветхый и новый завѣтъ“. Вѣнна, 1885.

мые формы (аорист, имперфект, аорист, аорист, аорист, имперфект), то в трех других случаях в той же выборке отмечены обратные замены, когда действительным причастиям в Мариинском списке соответствуют в Зографском спрягаемые формы (Мф. XXVI 51 — аорист; Лук. VIII 49 — аорист; XXII 44 — аорист). В еще большем количестве подобные соответствия обнаружены при сравнении Мариинского евангелия с Ассеманиевым, Врачанским, с Саввиной книгой.

Исчезновение старых причастий (или по крайней мере существенное ограничение сферы и функции их использования) привело, как мы увидим дальше, к большему использованию спрягаемых форм индикатива, но не могло опять-таки само по себе разрушающе подействовать на систему времен, поскольку замена причастных форм спрягаемыми формами была „разрешена“ системой.

2. В четырех случаях в Зографском евангелии отсутствует глагол, имеющийся в тексте Мариинского евангелия.

Мф. XXII 36: ... каѣ запокъѣда естъ болаши къ законѣ (в Зографском етъз пропущено).

Пропуск связи настоящего времени широко распространен в древнеболгарском языке, встречается он и в современном болгарском (ср. примеры из „Грамматики болгарского языка“ Л. Андрейчина: „Влажно. Мокро. Ситен дъжд пръска ... А из разкаляната улица глъчка, шум, върволяк.; Свят широк, хора всякави“¹² так что мы постоянно — и во все возрастающем количестве — будем встречаться с подобными несоответствиями. Ср. пропуск связки гѣтъз в Мариинском евангелии там (Мф. XIX 26), где в Зографском она дана.

Ио. XIV 4: ... и ꙗможе азъ идѣ къ тебѣ. и пѣтъз вѣсте. (в Зографском второе къ тебѣ пропущено).

Психологически легко объяснить пропуск повторяющегося слова (это именно пропуск, потому что в греческом тексте, по видимому, было повторение), так как оно несло явно избыточную информацию, хотя синтаксически при этом и создавалась некая незавершенность или инверсированность конструкции.

Ио. XIV 28: ... аште висте любилн ма. къздродокали са висте оубо. ꙗко рѣхъ идѣ къ отцю. ꙗко отецъ мси болии мене етъз (в Зографском рѣхъз пропущено).

Пропущенный в Зографском списке глагол рѣхъз, в сущности, является семантическим нулем и близок по значению вводному слову или вспомогательной конструкции, нужной для построения фразы, но не для смысла.

Ио. XI 41 ... казаса же каменя идеже въ оумерзи лежа (в Зографском въ лежа пропущено).

В этом последнем случае несколько изменена описываемая внеязыковая ситуация, поскольку естественно восстанавливается

¹² Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1956, стр. 339.

глагол бытия (вѣ), но не знаменательная часть сложного имперфекта.

3. В одном случае активная форма будущего времени заменена аналогичной ей страдательной.

Мф. XXVI 24: ...горе же чѣлкоу тѣмоу имѣже. снѣ чѣкъ прѣдѣсть сѧ (Зогр. прѣданѧ вѣдѣтѧ).

Замена активной конструкции пассивной также является „разрешенным“ системой языка и одним из широко распространенных трансформов, с которым мы постоянно встречаемся при сравнении разных переводов одного и того же произведения на иностранный язык, как и при сравнении разных списков и редакций одних и тех же памятников.

4. В трех случаях на месте форм индикатива находим в Зографском евангелии формы повелительного наклонения.

Поскольку изъявительное наклонение является в системе наклонений неотмеченным членом корреляции (или „нулевым наклонением“, по выражению Пешковского¹³), его формами могут выражаться и такие отношения, для выражения которых в глагольной системе используются формы „специальных“ наклонений. В частности, формы будущего времени изъявительного наклонения, помимо своего „обычного“ (чаще всего встречающегося) значения — действия, которое реально (по мнению говорящего) совершится в будущем, могут также обозначать и действия, которые кем-то приказано кому-то совершить в будущем, т. е. выступать в функции форм повелительного наклонения.

Именно в таком значении употреблены в тексте Мариинского евангелия формы простого будущего от глаголов *взымѣти* и *вѣрѣвати* в следующих двух примерах, тогда как в тексте Зографского евангелия в этих местах использованы формы повелительного наклонения.

Мф. XXII 37: ...каѣ запокѣдѧ естѧ большѧ къ законѣ. ꙗже рече емоу. *взымѣши* гѧ вѣ твоѣго. *взымѣ* срѣцемѧ твоимѧ. и *взымѣ* дшнѧ своиѧ... (Зогр. *взымѣ*).

Ио. I 51: 48. *видѣ* же *исѣ* *натананилѣ* *граждшгѧ* къ себѣ. *и глѧ* о немѧ. *се* *взи-истинѣ* *издѣтннѧ* къ немѧже *дѣсти* *нѣстѧ*. 49. *глѧ* емоу *натананилѣ*. *како* *ма* *знаѣши*. *отвѣшгѧ* *исѣ* и *рече* емоу. *прѣжде* *даже* *не* *взыгласи* *тебе* *филипѧ* *сшгѧ* *подѧ* *смокованицѣ* *видѣхѧ* *тѧ*. 50. *отвѣшгѧ* *натананилѣ* *и глѧ* емоу. *равѣки* *и тѣ* *еси* *снѣ* *бжнѧ*. *тѣ* *еси* *цѣрѧ* *избраннѣ*. 51. *отвѣшгѧ* *исѣ* и *рече* емоу. *зане* *рѣхѧ* *ти* *ѣко* *видѣхѧ* *тѧ* *подѧ* *смокованицѣ* *вѣроуѣши*. *большѧ* *снѣ* *оузѧ* *риши* (Зогр. *вѣроуѣ*).

¹³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 29.

В третьем случае форме повелительного наклонения в Зографском списке соответствует в Мариинском списке форма настоящего времени.

Мф. XXVI 45. : 38. тѣгда гла имъ ис. прикръзна естѣ дша моѣ до самрѣати. пождѣте еде и бдите съ мною... 45. тѣгда приде къ ученикомъ. і гла имъ спите проче и почиваете. се приближи са година. і снъ чкъзи прѣддѣтъ са въ ржкзи грѣшникомъ (Зогр. почиваете).

В этом случае дело заключается не в использовании различных грамматических трансформов, а в различных осмыслениях самой внеязыковой ситуации, поводом к чему могло быть использование в греческом оригинале омонимичной формы ἀναπαύετε (по Тишендорфу), которой передается как значение 2-го л. мн. числа наст. вр., так и значение 2-го л. мн. числа повелительного наклонения.

Приведенными примерами исчерпываются все различия I группы между Мариинским и Зографским евангельскими кодексами по текстам нашей первой выборки. Как мы видели, из 14 случаев 12 относятся к числу разрешенных трансформов, одинаково допустимых в пределах одной глагольной системы. Два случая относятся не к различиям в осмыслении самих внеязыковых ситуаций, а к различиям в осмыслении самих внеязыковых ситуаций. Ни одного случая „запрещенных“ трансформов, т. е. таких различий, которые не могли бы быть объяснены в пределах одной глагольной системы, Ягичем не отмечены.

II. К различиям второй группы, т. е. к заменам времен внутри системы индикатива, в материалах первой выборки относится всего 9 случаев. Это составляет менее 0,3% всех случаев использования форм индикатива в пределах первой выборки. Примерно такие же доли различий дают и две другие наши выборки.

Всего в трех выборках отмечено 17 случаев использования разных времен индикатива в Мариинском и Зографском евангелиях при описании одних и тех же внеязыковых ситуаций.

По характеру замен эти различия можно разбить на восемь подгрупп в зависимости от того, какие временные формы использованы в сравниваемых памятниках.

1. Настоящее время—аорист (2 случая).

Лук. X 19 ... се даждь вамъ власть настѣпати на змиа (Зогр. даждь);

Ио. XIV 24: ... і слово еже слышите. нестѣ моѣ нз послѣдшаго ма отца (Зогр. слышите).

Обе фразы относятся к прямой речи. В обоих случаях формами настоящего времени и аориста обозначается действие второго плана, актуальное для той ситуации, при которой совершается диалог и которая для действующих лиц — участников диалога — является настоящей.

Очень часто, как и в данном случае, ситуация диалога в самом диалоге не описывается, но она ясна читателю из авторского повествования¹⁴.

Так, в первом примере (Лук. X 19) от лица евангелиста повествуется о том, как Иисус послал предварительно своих учеников в те города и села, которые собирался посетить сам, и наделил их божественной способностью исцелять больных, и о том, что из этого „похода“ они „возвратились с радостью“. Почему они возвратились с радостью и чему они в действительности должны радоваться, выясняется уже из содержания диалога, который происходит между Иисусом и учениками. Ученики сообщают Иисусу, что им удалось исцелять людей. Иисус же объясняет им, что они должны радоваться не тому, что им дана такая сила, а тому, что этим утверждается их праведность, тому, что „их имена будут записаны на небесах“.

Интересующие нас здесь формы времени *даж* (*дажз*) употребляются в речи Иисуса. Факт, ими обозначаемый, как относящийся ко второму плану, поясняющему настоящую ситуацию, за отсутствием особой формы настоящего относительного (= *H₂* в „идеальной“ схеме времен — см. стр. 34), можно обозначить формой настоящего времени (*H*), как это мы находим в Маринском евангелии.

Этот же факт наделения учеников божественной силой исцелять, имевший место до момента, в который произошел диалог, т. е. как относящийся к прошлому периоду, можно обозначить формой *A*, что мы и находим в тексте Зографского евангелия. Но при этом актуальность этого факта для настоящей ситуации, т. е. то, что силой исцелять ученики обладают и в момент диалога, остается грамматически не выраженной.

Отнесенность этого факта к прошлому и его актуальность, связь с настоящей ситуацией диалога одновременно могли бы быть грамматически выражены, если бы для его обозначения была использована форма *П* — дважды маркированного времени — и по периоду действия и по моменту отсчета.

Таким образом, аорист в тексте Зографского евангелия выступает в перфектном значении.

Итак, в рассмотренном случае мы имеем дело с „меной“ форм неотносительных времен, употребленных не в своих собственных значениях: форма настоящего времени — в значении настоящего относительного, а форма аориста — в значении перфекта. Такое употребление форм и того и другого времени допускается системой времен болгарского языка. Аналогично можно проинтерпретировать и второй пример (Ио. XIV 24).

2. Настоящее время — будущее простое (1 случай).
Мф. VIII 25: ги. *гъпс ны погъвълемъ* (Зогр. *погъвълемъ*).

¹⁴ См. об этом: И. К. Бунина. Указ. соч., стр. 73—74, 123.

Этот случай аналогичен двум только что приведенным, с той разницей, что время действия, также актуальное для настоящей ситуации, уточнено в Зографском как такое, которое должно следовать за моментом речи (ср. франц. *futur immedia*) действующего лица. Соответственно вместо формы настоящего времени Марийского кодекса, употребленной в относительном значении, в Зографском употребляется форма будущего времени, которая выступает здесь в значении будущего относительного второго (B₂ — см. рис. 1 на стр. 34), которое в болгарском языке за отсутствием особых форм выражается будущим неотнесительным (B).

3. Аорист — имперфект (5 случаев).

Мф. XV 38: 36. и примѣз ж хлѣба. и рыбы. хвалѣ взвѣда. прѣломн и дастѣ оученикомѣ своимѣ... 37. и ѣша каси и настѣтиша са. и взвѣса. извѣтъзкы... 38. и ѣдзшихѣ бѣша четыри ты-
ѣшста мѣжѣ. развѣ женѣ и дѣтеи (Зогр. бѣаше);

Мр. IV 38: 37. и выстѣ боурѣ кѣтрѣна кениѣ... 38. и вѣ самѣ на крѣме на взвѣлабаници сѣпа. и взвѣоудиша и. и глаша емоу... (Зогр. гладох);

Мр. V 8: гла емоу (Зогр. глааше);

Лук. VIII 27: и шедзшю же емоу на землѣ. сзрѣте и мѣжѣ единѣ отѣ града, и же имѣ бѣсты отѣ лѣтъ многоѣ. (Зогр. имѣаше);

Ио. IV 52: 51. а бне же сзходащю емоу. се рави его сзрѣтѣ и глаше. ѣко ѣнѣ ти живѣ естѣ. 52. въпраша же годинѣ от нихѣ. вѣ кѣжѣ соуѣѣ емоу бы рѣша же емоу... (Зогр. въпрашааше).

Во всех случаях действия, обозначенные в Зографском кодексе формами имперфекта, являются действиями второго плана; формами аориста обозначаются действия первого плана. Ср. формы аориста в первом примере: прѣломн, дастѣ, ѣша, настѣтиша са, взвѣса са и бѣша.

То же соотношение найдем и в других случаях, если расширим контексты, которые за отсутствием места здесь не приводятся.

Таким образом, во всех примерах имперфект выступает как маркированный член в функции „настоящего в прошедшем“, указывая на второплановость действий, обозначенных его формами, их соотношенность с действиями прошедшего абсолютного периода. Заметим еще, что во всех примерах формами имперфекта в Зографском евангелии обозначены такие второплановые действия, которые относятся к тому же периоду, что и действия, обозначенные формами аориста, т. е. имперфект выступает здесь в собственном значении.

Таким образом, рассмотренные разночтения не выходят за пределы, допустимые системой.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в трех случаях из пяти несовпадающими являются глаголы говорения.

В составе авторской ремарки замены в этой группе глаголов, хотя и другого типа, окажутся наиболее частыми и в других памятниках.

4. Имперфект — аорист (1 случай).

Ио. I. 33: *видѣхъ ахъ съходящга. ꙗко голже съ небесе. ꙗ прѣвистъ на немъ. ꙗ азъ не видѣхъ его.* (Зогр. *видѣхъ*; гр. *είδεναι* — указ. Ягичем, *ἴδεν* — у Тишендорфа).

Так как различия в лексическом значении глаголов для нас безразличны, обратим внимание на использование форм в двух евангелиях. Действие, обозначенное формами *кѣдѣхъ*—*видѣхъ*, во внеязыковой ситуации предшествовало действиям, обозначенным глаголами *видѣхъ* [*ахъ*] и *прѣвистъ*. Ни в Мариинском, ни в Зографском списке это предшествование формой времени не выражено (для этого следовало бы использовать плюсквамперфект), в обоих списках использована немаркированная в отношении этого признака форма, но в Мариинском использована форма, указывающая на второстепенность действия, обозначенного глаголом *кѣдѣхъ*, а форма, употребленная в Зографском, на это обстоятельство не указывает. Обе эти формы свободно замещают форму плюсквамперфекта. Впрочем, возможно также предположить, что в Зографском использована стяженная форма имперфекта.

5. Перфект — аорист (2 случая).

Мф. XXVII 46: ... *казяпи ис глагома белиема гла...* *бже мон. бже мон. кзкжж ма еси оставилъ.* (Зогр. *остави*);

Лук. I 78: 76. *ꙗ ты отъроча проркъ къшанѣаго наречешъ съ прѣзидешъ во прѣдъ лицемъ гнѣмъ оуточкати пжти его.* 77. *дати разумъ спаниѣ людемъ его къ отъпоущение грѣхокъ ихъ.* 78. *милосерден ради ба нашего. къ нихъже посѣтилъ естъ насъ къстокъ съ къше. прѣкѣтити сѣдшгма къ тѣмъ...* (Зогр. *посѣти*).

В обоих случаях выделенными глаголами обозначены действия в прошлом, актуальные, продолжающиеся по своим последствиям в настоящем. В Мариинском евангелии это выражено грамматически — формой „прошедшего в настоящем“ (перфекта), в Зографском эта связь прошлого с настоящим очевидна только из всего описания ситуации, но грамматически не выражена, так как употреблена немаркированная форма аориста, свободно замещающая форму любого относительного прошедшего времени.

6. Будущее простое — настоящее (2 случая).

Мф. XXVI 2: *Вѣсте ꙗко по дзкъю дзноу пасха бждеть.* (Зогр. *бждеть*);

Мф. XXVI 42: **бгче** мон аште **не възможе**т чаща ен. мимо ити отъ мене. аште не пнж ен бжди колѣткѣт (Зогр. не можетъ; в гр. наст. вр. δύναται).

В первом случае описывается „обычное“ действие, которое одинаково удобно передавать формами Н и Б; второй случай представляется спорным, так как глагол мощи двувидовой и потому допустима двойная интерпретация формы времени — и как настоящего, и как будущего.

7. Аорист — будущее простое (1 случай).

Лук. I 36: **и се елисавета** жжика **ткѣт**. **и та зачатъ** **сна** въ старостѣ **своѣ**. (Зогр. зачатъ).

8. Будущее простое — аорист (3 случая).

Мф. XXV 1: **Тгда оуподобитъ** **са** **црствне** **нбское** **десяти** **дѣл**. **иже** **примзша** **скѣтилники** **своѣ**. **изидж** **протикоу** **жениху**. . . (Зогр. оуподоби са; гр. ὁμοιωθήσεται).

Лук. XII 36: 35. **Бждж[дж]** **чрѣсла** **каша** **прѣпокрана**. **и скѣтилници** **горжште**. 36. **и кѣ** **подобани** **члкомъ** **чажштема** **га** **свогю** **когда** **възвратитъ** **са** **отъ** **вракѣ**. **да** **пришедшю** **и** **тлжкнжвзшю** **авне** **отврдзжтѣ** **са** **емоу**. (Зогр. възвратиша са; гр. ἀναλύσει).

Лук. XIII 26: **тогда начнете** **глати**. **ѣма** **прѣдъ** **товож** **и** **пихомзи** (Зогр. начатъ).

Четыре последние случая (в п. 7 и 8) представляют собою формально „запрещенные“ замены, так как формы неотносительного будущего и неотносительного прошедшего (аорист) не составляют привативной оппозиции.

Однако, как уже говорилось, признаком разрушения системы времен было бы последовательное безразличное употребление форм обоих времен как однородных членов при описании действий, относящихся к одному периоду времени. В четырех приведенных примерах несовпадений мы имеем дело не с такого рода явлением (которое вообще, по-видимому, отсутствует в памятниках болгарского языка всего обследованного нами периода, если, разумеется, не считается с возможным фактом описки), а с переосмыслением самой внеязыковой ситуации. Так, в первом примере (Лук. I 36) ангел сообщает Марии, что Елизавета — по смыслу Мариинского списка — ‘уже зачала сына’, что соответствует аористу греческого текста *συνελήφουα*, а по смыслу Зографского списка ‘зачнет сына в будущем’ (переосмысления тоже, конечно, можно интерпретировать как „описки“, но очевидно, что такого рода „описки“ возникают в результате переосмысления внеязыковых ситуаций).

Мы рассмотрели все случаи, встретившиеся в наших трех выборках, когда Ягич отмечает разночтения в употреблении форм времени в Зографском кодексе по сравнению с Мариин-

ским¹⁵. И количество, и характер этих разночтений позволяют сделать вывод, что система времен индикатива в старославянском языке, описанная нами на материале Мариинского евангелия, полностью подтверждается материалами Зографского евангелия.

§ 3. В Ассеманиевом евангелии, которое мы могли сравнить с Мариинским только по текстам первой выборки, несовпадений несколько больше, чем в Зографском — 41 случай (т. е. примерно 1,5% от общего числа спрягаемых форм индикатива в Мариинском евангелии в пределах первой выборки), что, возможно, отчасти связано с „жанром“ апракоса. Впрочем, могли быть и многие другие, в том числе чисто „индивидуальные“, обусловленные индивидуальностью переписчика этого списка причины разночтений.

Из этого 41 случая 9 разночтений отмечено также в Зографском евангелии (см. ниже), что касается характера и несовпадений, то они почти во всем повторяют то, что уже было отмечено в Зографском списке.

1. К первой группе разночтений, т. е. к заменам спрягаемых форм времени индикатива формами неиндикатива, относится всего 21 случай.

1. В одиннадцати случаях спрягаемым формам индикатива в Мариинском евангелии соответствуют в Ассеманиевом действительные причастия (Мф. VIII 18; Лук. XIII 15 — оба случая отмечены в Зографском евангелии; Лук. XIV 4; XVIII 12; XXIII 41; Ио. I 48; 49; 51; XI 33; XVII 1; XVIII 10).

2. В пяти случаях отсутствует глагол, имеющийся в тексте Мариинского евангелия:

а) в одном случае пропущен семантически избыточный второй глагол говорения, по смыслу тождественный с первым:

Ио. XIV 23: отъѣща и рече ѣмоу. (в Ассеманиевом только один глагол говорения глаголю и, лексическая „замена“ рече на глаголю — здесь, как и всюду в данной работе, безразлична);

---

¹⁵ Напоминаем, что мы будем проследивать судьбу в других списках и редакциях только спрягаемых форм индикатива, встречающихся в Мариинском списке; несоответствия обратные, т. е. употребление в других списках и редакциях спрягаемых форм индикатива в тех местах текста, где в Мариинском списке стоят какие-то иные формы (не спрягаемые формы индикатива), мы как правило рассматривать не будем. Заметим, однако, что в Зографском списке таких „обратных“ несоответствий очень немного. Так, в текстах нашей первой выборки Ягичем отмечено только девять таких разночтений: в трех случаях действительным причастиям в Мариинском евангелии соответствуют в тексте Зографского евангелия формы аориста (Мф. XXVI 51; Лук. VIII 49; XXII 44); в одном — действительному причастию — будущее простое (Ио. XVI 6); в двух случаях инфинитиву (в Мар.) соответствует аорист (в Зогр.) — Мф. XIV 29; Лук. XIV 17; в трех случаях при отсутствии глагола (в Мар.) отмечены спрягаемые формы индикатива (в Зогр.) — наст. вр. (Мф. XIX 26), аорист (Ио. XIV 29), имперфект (Ио. XIX 3).

б) в одном случае пропущена связка 3-го л. мн. числа наст. времени:

Лук. XII 38: *блжени сѣтъ раби ти* (в Ассеманиевом *связка сѣтъ* отсутствует; ср. пропуск связки *сѣтъ* в Зографском Мф. XXII 36);

в) в трех остальных случаях пропуск глагола совпадает с отмеченными в Зографском евангелии: Ио. XIV 4; 28; XI 4.

3. В одном случае активная форма будущего времени заменена аналогичной ей страдательной формой:

Лук. VIII 18: ... *иже бо имаѣа даѣа ѣа емоу, а иже не имаѣа, и иже маиѣа ѣа имѣа отъиметь ѣа от него* (Асс. *имѣи* и *то къззато вѣдѣа*).

4. В одном случае на месте формы индикатива находим в Ассеманиевом формѣ повелительного наклонения, отмеченную нами и в Зографском списке: Мф. XXVI 45.

5. В трех случаях формам индикатива в Мариинском соответствует инфинитив в Ассеманиевом:

Мр. VIII 36: *каа ко поласа ѣа чакѡу шѣге приобращеть къа мирѣ, і отъцѣтитѣ дѣшж ѣкоѣж*. (Асс. *приобрѣсти* и *отъцѣтити*).

Эквивалентное использование будущего времени и инфинитива для обобщенного и по существу вневременного действия (в других случаях обозначаемого также отглагольным именем) достаточно распространено как в древнеболгарском, так и в современном болгарском языке, и мы в дальнейшем будем довольно часто встречаться с такими заменами.

6. Мр. IX 26: *і къззпикѣ і мзного рѣжжакѣ ѣа изидѣ, і къстѣ ѣко мрѣтѣкѣ, ѣко мзноси глаахѣж ѣко оумѣртѣа* (Асс. *ѣко* и *многомѣ глаголати*).

Использование безличной конструкции с инфинитивом вместо конструкции с личной формой спрягаемого глагола (в данном случае вместо имперфекта), возникшие под влиянием греческого оригинала (ср. гр. *ἵστε τοὺς πολλοὺς λέγειν ὅτι ἀπέθανεν*), является разрешенной трансформацией для древнеболгарского языка.

II. Перечисленные несовпадения относятся к „внешним“ трансформациям, в которых спрягаемым формам индикатива в одном списке (Мариинском) соответствуют иные глагольные формы в другом списке (Ассеманиевом). К трансформациям „внутренним“, т. е. замене одних спрягаемых форм индикатива другими спрягаемыми формами индикатива, в Ассеманиевом списке относятся только 20 разночтений, т. е. около 0,7% всех форм.

Почти все эти разночтения относятся к „разрешенным“ в описанной нами системе индикатива типам замен.

1. Настоящее время — аорист (8 случаев). Два случая уже были отмечены в Зографском кодексе: Лук. X 19, Ио. XIV 24.

Мф. X 27: еже глѣжъ камъ къ тѣмѣ, рѣцѣте къ свѣтѣ, і еже къ оухо слышите, проповѣдите на кроуѣхъ (Асс. слышасте);

Лук. VIII 45: і рече иса, како есть коснѣны сѧ манѣ (Асс. кто прикоснѣ сѧ);

Ио. XV 14: Вы друзи мои есте, аште творите елико азъ заповѣдаю камъ (Асс. заповѣдаюхъ);

Мр. VII 37: і прѣзвѣха дивѣахъ сѧ глѣшѣте, добрѣ късе творитѣ. [і] глаухыѧ творитѣ слышати, і нѣмыѧ глати (Асс. сътвори);

Лук. XV 29: се толико лѣтъ работаю тѣбѣ, і николиже заповѣди твоѣя не прѣстѣпихъ, і манѣ николиже не даде еси козлати (Асс. работахъ).

Во всех этих примерах аорист, стоящий в Ассеманиевом списке, использован в перфектном значении, т. е. обозначает действие, актуальное в настоящий период, но в первых пяти примерах описывается действие, целиком укладывающееся в настоящий период, хотя и предшествующее моменту речи; в трех последних примерах формами А обозначены действия, захватывающие как прошедший, так и настоящий периоды времени. Во всех примерах формы А маркируют действия, ими обозначаемые как предшествующие моменту речи, но остается не выраженной их соотнесенность с действиями настоящего периода.

2. Аорист — настоящее (1 случай).

Мр. XV 16: Юнии же къса иса възвѣрѣ на дворъ, еже естѣ прѣторъ, і призваша късѣ спирж, і свѣша и къ прапрѣдѣ (Асс. призываюга).

Использование в Ассеманиевом (а также в Остромировом и Никольском) евангелии формы Н вызывает недоумение. Формально, как уже говорилось, формы Н, как немаркированные, могут замещать любые формы времени. Но в данном случае „замена“ произведена непоследовательно: из трех однородных форм къса, призваша, свѣша, обозначающих три однородных в отношении периода времени и последовательных по отношению друг к другу действия — сперва къса, потом призваша, затем уже свѣша — замене подверглась только вторая форма. Такого рода непоследовательность в замене части форм из ряда форм, выступающих синтаксически в роли однородных членов, следует признать противоречащей системе времени индикатива. Разумеется, единичные явления такого рода, почти неизбежные, как всякого рода „оговорки“ в устной и „описки“ в письмен-

ной речи, не могут рассматриваться как признак разрушения системы.

3. Аорист — имперфект (5 случаев); имперфект — аорист (4 случая). Два случая (Мф. XV 38; Лук. VIII 27) отмечены в разночтениях к Зографскому евангелию. Во всех относящихся сюда примерах описываются события прошлого. Обозначение формами А действий, относящихся к прошедшему периоду, само по себе не нуждается в объяснении, поскольку в системе прошедших времен аорист является неотмеченным членом корреляции. Поэтому в объяснении скорее нуждаются те случаи, где в Мариинском и Ассеманиевом евангелиях используются формы И.

Лук. XXI 4: *каки во си отъ избытка своего възражъ въ дары бжиа. а си отъ лишения своего. како имѣние еже имѣ възраже* (Асс. имѣаше).

Формой И здесь обозначается обобщенное действие второго плана, комментирующее прошедшее действие, обозначенное формой А. Такое употребление форм И широко распространено и в старых, и новых болгарских текстах.

Мф. XXVI 67: *Тъгда заплькаша лице его. і пакости емоу дѣлаша* (Асс. дѣлаха);

Мр. VII 36: *еликоже имъ тѣ заповѣдааше. они пакѣ изниха проповѣдаахъ* (Асс. запрѣти).

В этих примерах в Ассеманиевом евангелии формы А и И выступают в предложении в качестве однородных членов.

Однако в отличие от замены, разбиравшейся в п. 2, эта замена не может рассматриваться как противоречащая системе, так как в примере, приведенном в п. 2 (Мр. XV 16), в качестве однородных членов выступают формы времен, относящиеся действия к разным периодам — настоящему и прошедшему, в примере же из Ассеманиева евангелия как однородные члены используются разноименные формы времени, обозначающие конкретные действия, относящиеся к одному и тому же прошедшему периоду.

Мф. XXVII 35: *пропаше же и. раздѣлаше ризы его меташа жрѣбиа. і сѣдаше стѣжаахъ и тоу* (Асс. меташахъ).

Этот случай — обратный только что разобранным. В Мариинском списке формы разноименных времен, относящиеся конкретные действия к одному периоду прошлого, являются однородными членами. В Ассеманиевом находим одноименные формы времен.

Оба эти типа замен разрешены системой и будут постоянно встречаться нам в дальнейшем. И не случайно. Дело в том, что выбор той или иной формы — аориста или имперфекта — для обозначения ряда конкретных действий, относящихся к одному и тому же прошедшему периоду, в значительной мере для говорящего (пишущего) субъективен. Во всяком случае мотивировать в таких случаях распределение действий на главные и второ-

степенные, на действия первого плана и действия второго плана, оказывается затруднительным.

Это особенно касается тех случаев, когда мы имеем дело с формами А и И, образованными от глаголов, именуемых *verba dicendi*, и глаголов восприятия.

При передаче этого рода глаголов наблюдается большая свобода в выборе форм времени, чем для других глаголов, что можно наблюдать в следующих примерах:

Лук. XIV 7: **Глаше** же кз **зкванзимз** притзчж одрзжа. како прѣдзсѣданиѣ избираахж (Асс. гла);

Лук. VIII 31: 30. кзпроси же и исз. . . онз же рече. . . 31. **и молѣахж** и да не покемитз имз кз бездзнж ити бѣ же тоу стадо свинии мзного пасомо кз горѣ. **и молиша** и да покемитз имз кз тзи кзнити (Асс. молиша).

Иногда, как в последнем примере, выбор имперфекта или аориста, по-видимому, определяется степенью важности содержания высказывания, вводимого глаголом говорения или его синонимом.

Лук. XXIII 32: **Ведѣахж** же сз **исмз** и ина дзка злодѣѣ сз нимз оубитз (Асс. кѣса).

В Мариинском евангелии употребляется форма И в соответствии с греческим текстом (*ἵστατο*) для обозначения действия второстепенного действующего лица. Пример этот относится к описанию шествия на Голгофу. В этом описании все действия, относящиеся непосредственно к Христу, переданы формами А (**прѣдсѣта**, **покѣса**, **рече**, **придзж**, **пропа са**), тогда как действия, относящиеся к другим лицам, переданы формами И (**идѣаше. . . народз**, **мжжи** и **жены. . . бидѣахж са** и **плакаахж са**, **кѣдѣахж. . .** и **ина дзка злодѣѣ**).

4. Аорист — перфект (1 случай); перфект — аорист (1 случай).

Лук. XV 31: 29 . . . **манѣ** николиже не далз еси козлалѣ. . . 30. **егда** же **инз** ткои сз. **изѣды** ткое имѣние сз **мводѣицами** **приде**. **закла** емоу телецз питомы (Асс. **заклаз** емоу еси).

Мф. XVIII 23: **Сего ради оуподобило са** **есть** **цѣрѣткие** **небское** **чѣвоу** **цѣря**. **иже** **кзсхотѣ** **сзгззати са** **о** **словеси**. **сз** **рабы** **сконми** (Асс. **оуподови са**).

Так как форма А свободно используется для обозначения любого прошлого события, то в объяснении скорее нуждаются формы П. Во втором примере форма А в Ассеманьевом списке соответствует пассивному аористу в греческом тексте (*ἠκολούθη*). Поскольку сравнение небесного царства (а точнее — поведение бога-отца) с поведением цесаря имеет по существу вневременной характер и сообщается слушателям, чтобы они вели себя не так, как лукавый раб, форма П могла показаться здесь писцу

более подходящей, актуализующей это сравнение, чем форма А, безусловно относящего событие к прошедшему периоду. Это объяснение становится еще более очевидным, если иметь в виду соответствующее место в Саввиной книге, где использовано настоящее время: *подобано еста*.

Первый пример аналогичен в известном смысле примеру из п. 3 (Мф. XXVII 35). В нем, как и там, в качестве однородных членов предложения в одном из сравниваемых текстов, а именно в Ассеманиевом евангелии — используются разноименные формы времени: *приде* и *заклаахъ емоу еси*. И той, и другой формой, по существу обозначаются действия, одинаковые по своей временной характеристике. Ими обозначаются действия прошедшие, актуальные для ситуации, при которой происходит диалог между отцом и обиженным им, неблудным сыном. Использование разных форм времени дает возможность выделить, подчеркнуть действие, непосредственно являющееся причиной обиды.

Такое использование П возможно и в современных болгарских текстах (см. соответствующие примеры в первой части работы, стр. 71).

Список разночтений, относящихся к нашей теме, по материалам первой выборки этим исчерпывается^{15а}. Так как мы брали только совпадающую часть двух апракосов, то какая-то часть материала осталась за пределами нашей выборки. Часть эта по размеру существенно меньше нашей выборки. Саввина книга всего содержит 1581 неповторяющийся стих, из них общих с Врачанским евангелием мы насчитали 1078, таким образом, в нашу выборку из Саввиной книги не вошло 503 стиха. Это дает основания предположить, что и большая часть текста Ассеманиева евангелия охвачена нашей выборкой.

У нас нет оснований предполагать, что в необследованной нами части Ассеманиева евангелия доля разночтений существенно больше, чем в обследованной части. Что же касается обследованной части, то число разночтений в ней очень мало и почти все они (кроме одного случая — Мр. XV 16) описываются той же системой индикатива, т. е. представляют собой разрешенные трансформы.

^{15а} Случаев использования спрягаемых форм индикатива в тех местах текста, где в Маринском списке стоят иные формы, в Ассеманиевом списке 12: на месте действительного причастия мы находим в Ассеманиевом в четырех случаях аорист (Мф. XXVII 35; Лук. V 25, XVIII 16, XXII 44), в одном случае — настоящее время (Лук. XIII 15), в одном случае — будущее простое (Ио. XVI 6); на месте инфинитива находим в одном месте аорист (Мф. XIV 29) и в одном случае — будущее простое (Лук. XI 6); в одном случае на месте конструкции «да + настоящее время» находим будущее простое (Лук. XV 23) и в трех случаях при отсутствии глагола в Маринском находим в Ассеманиевом глагольные формы времени (Мф. XXIV 37; Ио. XIV 29 — формы аориста; Ио. XIX 3 — формы имперфекта).

Поэтому в отношении Ассеманиева евангелия можно сделать тот же вывод, который мы сделали в отношении Зографского евангелия: в нем представлена та же система времен индикатива, что и в Мариинском евангелии.

§ 4. Из обследованных нами старославянских евангельских сводов в Саввиной книге обнаружено наибольшее число разночтений по сравнению с Мариинским евангелием в спрягаемых глаголах индикатива¹⁶.

Это обстоятельство легко можно было предположить, поскольку известно, что и по многим другим характеристикам — графическим, лексическим, грамматическим — Саввина книга стоит несколько особняком в кругу древнейших памятников, выделяется наибольшими отличиями, в том числе и среди апракосов¹⁷.

Впрочем, число это (109), представляющееся большим в сравнении с числом разночтений в Зографском и Ассеманиевом кодексах, относительно общего числа форм, среди которых эти разночтения встретились (2634¹⁸), не так уж велико — примерно 4,1%. Большим это число можно было бы считать, пожалуй, лишь в том случае, если бы и Саввина книга и Мариинское евангелие оба являлись бы копиями (списками), восходящими непосредственно к какому-то третьему евангельскому своду, который был бы, таким образом, их общим оригиналом. Поскольку это предположение маловероятно, обнаруженная доля разночтений представляется не такой уж большой для двух списков, сделанных в разное время и в разных местах с разных списков (что, безусловно, признается всеми исследователями в отношении Мариинского кодекса и Саввиной книги), но восходящих к одному старославянскому оригиналу (перевод с греческого), и наоборот — разночтения представляются чересчур малочисленными для доказательства того, что эти два списка восходят к разным переводам с греческого оригинала (а тем более — с разных греческих оригиналов).

Количественная характеристика разночтений для всех времен индикатива дана в табл. 5. Таблица эта построена по материалам нашей первой выборки. В ней по горизонтальным строкам (кроме нижней) читаются данные, относящиеся к Мариинскому евангелию, а по столбцам (кроме четырех последних) — данные,

¹⁶ Напоминаем, что текст Саввиной книги обследован нами примерно на две трети. Размер и характер выборки (обследовались разные места книги, а не две трети текста подряд) дают основание предполагать, что в части текста, оставшейся необследованной, доля несовпадений примерно такая же, что и в обследованной части.

¹⁷ Сошлемся на мнение проф. Б. Цонева: „Третье наше старо евангеле — Саввина Книга — стои доста нададечь от тоя кръгъ, макаръ че е и то изборно“ (см.: „Врачанско евангеле“, София, 1914, стр. 64).

¹⁸ Напоминаем, что абсолютные размеры наших выборок колеблются, так как в разных памятниках встречаются небольшие пропуски в тексте, не совпадающие по отдельным памятникам.

Спрягаемые формы indicative в Маринском евангелии (по горизонталям) и их соответствия
в Савинной книге (по вертикалям)
(по материалу первой выборки)

Маринское евангелие	Савинная книга											Всего спрягаемых форм indicative в Маринском евангелии		Несоответствия в тексте Савинной книги			
	настоящее	аорист	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее	будущее в прошедшем	причастие действ. наст.	причастие действ. прош.	спрягаемая форма повелительное	инфинитив	имя существительное	Ø	число	% от общего числа форм	число	% от общего числа форм
Настоящее	715	7	1	—	—	1	—	10	1	—	—	—	7	743	28,2	28	3,8
Аорист	7	1095	8	2	—	—	—	4	9	—	1	—	3	1130	42,9	35	3,1
Имперфект	—	8	246	—	—	—	—	4	—	1	—	1	4	264	10,0	18	6,8
Перфект	2	2	—	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	1,4	4	10,5
Плюсквамперфект	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,2	—	—
Будущее	9	2	—	—	—	428	—	—	3	—	8	—	—	452	17,2	24	5,3
Будущее в прошедшем	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	3	0,1	—	—
	733	1114	255	36	4	429	3	18	13	1	10	3	14	2634	100,0	109	4,1

относящиеся к Саввиной книге. Последняя строка, естественно, не относится к данным по Мариинскому евангелию, а оказывается просто-напросто сводом итоговых данных по каждому столбцу. Два последних столбца содержат сведения о том, сколько именно в Саввиной книге по сравнению с текстом Мариинского евангелия отмечено несовпадений для форм данного времени и какова доля этих несовпадений по отношению ко всем формам данного времени, встретившимся в тексте Мариинского евангелия. В двух предшествующих столбцах содержатся итоговые данные (в абсолютных числах и в процентах) по распределению форм в Мариинском евангелии. Следует помнить, что за „эталон“ принято Мариинское евангелие и что „обратные“ несоответствия, то есть такие, где спрягаемым формам индикатива в Саввиной книге соответствуют какие-то бы ни было другие формы в Мариинском евангелии, в табл. 5 не указаны.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных разночтений, заметим, что доли разночтений, относящихся к трем основным временам, не очень существенно различаются: в формах Н отмечено 3,8% разночтений, в формах аориста — 3,1%, в формах Б — 5,3%. Существенное увеличение доли разночтений в формах П (10,5%) не очень показательно, так как эти формы весьма редко встречаются в тексте (всего 38 форм), и потому роль случайности здесь очень возрастает. Далее — несовпадениям типа „аорист—имперфект“ количественно соответствуют несовпадения типа „имперфект—аорист“, то же самое наблюдается для несовпадений типа „аорист—перфект“, „перфект—аорист“ и „настоящее время—аорист“, „аорист—настоящее время“.

Отмеченные обстоятельства, по-видимому, свидетельствуют о том, что разночтения в этих списках едва ли имеют направленный характер, а скорее всего являются случайными отклонениями, обусловленными какими-то индивидуальными причинами, но не сдвигами в структуре языка.

Что касается типов несовпадений, то большинство их (15) отмечалось уже в предшествующих евангельских сводах, три типа встречаются здесь впервые: „настоящее—имперфект“, „перфект—настоящее“, а также использование отглагольного существительного вместо глагола.

Повторяемость же самих конкретных несовпадений сравнительно невелика (отмечено 16 таких несоответствий, которые уже встретились, хотя бы в одном из рассмотренных прежде евангельских списков), что опять-таки свидетельствует о ненаправленном характере изменений.

1. К первой группе разночтений относится 60 несовпадений из отмеченных в Саввиной книге 109 несовпадений. Они распределяются по следующим подгруппам.

1. а) Действительные причастия настоящего времени на месте спрягаемых форм: настоящего вре-

мени: Мф. VI 16; X 37 (bis); X 40; * X 40¹⁹; XII 30 (bis); Мр. IX 18; Лук. * XIII 27; XXIII 34; аориста: Мф. * XIX 16; Мр. * IX 17; Лук. IX 42; Ио. I 50; имперфекта: Мф. * VIII 28; Мр. * IX 24; Лук. * X 30, XXIII 36.

б) Действительные причастия прошедшего времени на месте спрягаемых форм: настоящего времени: Мф. X 39; аориста: Мф. * VIII 18, * XIV 14, * XIV 14; Лук. VIII 49; * XIII 15; XV 28; * XVII 12; Ио. XI 9, XVIII 12; будущего времени: Мф. XVII 27, XIX 16; Ио. XVI 14.

Всего, таким образом, в 31 случае на месте спрягаемой формы индикатива в Мариином евангелии мы нашли в Саввиной книге ту или иную форму действительного причастия (из них замены Мф. VIII 18 и Лук. XIII 15 отмечены в обоих предшествующих списках, замена Лук. VIII 49 отмечена в Зографском списке).

2. Отсутствие глагола в тексте Саввиной книги.

а) Пропуск связки в настоящем времени:

* Мф. XIX 10: аште тако естѣ вина чакѡу сѧ жениѡ, оунѣ естѣ не жениги сѧ (в Саввиной книге второе естѣ отсутствует);

* Мф. XXII 17: ... достѡнно ли естѣ дати кинѡса кесареки или ни (в Саввиной книге отсутствует естѣ); Мф. IX 21: въпроси и сѧ отца его колико лѣтѣ естѣ одзвениже сѧ въстѣ емоу (в Саввиной книге отсутствует естѣ). Мф. XXII 36 — см. разночтения с Зографским евангелием.

В следующих примерах пропуск связки сопровождается некоторым дополнительным упрощением синтаксиса (замена придаточной конструкции определением в широком смысле слова):

* Мф. V 45: да въдете снѣкѡ отца вашего иже естѣ на небѡхѣ (в Саввиной книге вместо подчеркнутых слов стоит: сѡу вѡшемоу небѡмоу);

* Мф. VII 3: ... а вѣрѣвна еже естѣ къ оцѣ твоѡма не чюши. (в Саввиной книге вместо подчеркнутых слов стоит в сече сѡема вѣрѣвна);

Лук. II 11 ... ѡко роди сѧ камѡ днѡса спѡсѣ. иже естѣ хѣ гѣ. къ градѣ дѣѣ (в Саввиной книге подчеркнутые слова пропущены).

О допустимости таких трансформов в системе старославянского и болгарского глаголов было сказано выше (см. стр. 174).

б) Пропуск знаменательного глагола. По-видимому, в соответствии с принятым нами определением разночтения пропущенный в одном из сравниваемых текстов глагол должен нести избыточную информацию, чтобы пропуск его не был связан с различием в описываемых внеязыковых ситуациях. Такой

¹⁹ Знаком * отмечены здесь и далее разночтения, не указанные Ягичем в постраничных сносках к его изданию Марииного евангелия.

избыточностью. Обладают чаще всего глаголы бытия, а также всякого рода лексические повторы, в том числе и синонимические тавтологии. В следующих четырех примерах пропущены глаголы бытия:

* Мф. XXV 36: 35. ... *страненъ вѣхъ* и *къѣстѣ* ма. 36. *нагъ* и *одѣстѣ* ма. *болѣхъ* и *поѣстѣ* мене. *къ темъници вѣхъ* и *придѣте къ манѣ* (в Саввиной книге отсутствует второе *вѣхъ*).

Поскольку пропущенный в Саввиной книге глагол стоял в одном синтагматическом ряду с другими формами И, наличие этих других форм (*страненъ вѣхъ*, *болѣхъ*) сохраняет временную координацию для слов *къ темъници* и при отсутствии глагола *вѣхъ*. Заметим, что в этом же ряду и в тексте Маринского евангелия „пропущен“ глагол *вѣхъ* в аналогичной позиции при слове *нагъ*.

Лук. VIII 41: *И се приде мѣжъ къ исюу. емоужѣ вѣ* и *ма* и *наиръ* (в Саввиной книге вместо подчеркнутых слов стоит *именъма*).

Пример этот очень близок к тем, которые описаны в п. а (Мф. VII 3 и др.), трудно сказать, в какой степени глагол *вѣ* сохраняет здесь свою знаменательность.

* Лук. XIII 11: *и се жена вѣшашѣ* *дѣхъ* и *мѣжшги* и *недѣженъ* (в Саввиной книге отсутствует *вѣшѣ*).

Лук. XXI 4: *вдѣ* и *мѣни* *еже имѣ* *къвѣрѣже* (в Саввиной книге отсутствует *еже имѣ*). Глагол бытия *имѣ* здесь к тому же лексически тавтологичен по отношению к существительному.

В следующих двух примерах пропущены опять-таки тавтологические глаголы:

* Мр. I 35: *и утро прѣвѣзгоу стѣло. вѣстакъ изидѣ* *идѣ* и *идѣ* *къ поусто мѣсто*. (в Саввиной книге отсутствует глагол *идѣ*). В данном случае глагол *изидѣ* уже включает в себя содержание глагола *идѣ*.

Ио. XIV 4, 28 — см. разночтения с Зографским евангелием. О допустимости подобных трансформов уже говорилось выше (см. стр. 174).

3. Замена активной конструкции пассивной:

Лук. XXIII 32: ... *ведѣхъ* *же* *с* *имъ* и *ина* *дѣка* *злѣдѣ*.... *субитъ* (Сав. *ведѣна вѣста*). О допустимости подобных замен сказано выше (см. стр. 175).

4. Замена форм индикатива формами повелительного наклонения. Из 10 разночтений этой подгруппы 8 относятся к соответствиям „будущее простое — повелительное наклонение“ того же типа, который отмечен при сравнении Зографского евангелия, причем в одном случае (Мф. XXII 37) разночтение Зографского евангелия повторено в Саввиной книге. Приведем остальные 7 разночтений:

Ио. XV 27: **Ѣгда же придетъ параклитъ. Ѣгоже азъ послажъ вамъ, отъ отца дхъ истинннзи... тъ свѣдѣтельствоуотъ о мнѣ. и въ же свѣдѣтельствоуотъ. ꙗко искони съ мною есте.** (Сав. повѣдите);

Мф. XIX 18—19: 16. **И се етера... рече емоу. оучителю благзи. что благо сътвориш да имамъ животъ вѣчннзи... 18... Ис же рече емоу. еже не оубьещи. не прѣлюбъ сътвориши. не оукрадеши. не лажесвѣдѣтелъ бждеши.** 19. **чати отца и матеря. и възлюбнши искрнѣаго своего ꙗко самъ са** (Сав. не оубици, не прѣлюбъ створи, не кради, ни лажя поглосши, възлюби).

Мф. XXII 39: 35. **взпроси... оучителю. какъ запокѣда етъ больши въ законѣ.** 36. **ис же рече емоу. [възлюбнши га ба твоего. въсѣмъ срдцемъ твоимъ]... 39. вѣтора же подобна еи. възлюбнши искрнѣаго твоего ꙗко самъ са** (Сав. в обоих случаях казлнби).

В текстах Мф. XIX 18—19 и Мф. XXII 39 различия в Саввиной книге совершенно аналогичны различиям, отмеченным в Зографском и повторенным в Саввиной книге. (Мф. XXII 37). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тексте Мф. XIX 18—19 в Мариинском евангелии в ряду форм будущего времени (не оубьещи, не прѣлюбъ створиши, не оукрадеши, не лажесвѣдѣтелъ бждеши, възлюбнши) как однородный с ними член синтагматического ряда стоит форма повелительного наклонения чати.

В двух случаях, когда формы повелительного наклонения в Саввиной книге находим на месте формы Н (Мф. XXVI 45) и формы А (Ио. XVIII 16) в Мариинском евангелии мы имеем дело с переосмыслением самих внеязыковых ситуаций. Первый случай (Мф. XXVI 45) уже отмечен нами в Зографском евангелии. Приведем второй:

Ио. XVIII 16: **Петръ же стоѣше при дварехъ вѣнѣ. Изиде же ученикъ тъ. Исже вѣ знаемъ дрхнереоки. ирече дварннци. и въведе петра** (Сав. въведе).

Ср.: Мф. XXVI 45: **тѣгда приде къ оученикомъ. и гла имъ съдите проче и почиваате. се приближи са година и снъ чкъи прѣдаатъ са въ ржкы грѣшнникомъ** (Зогр. почиваате).

По смыслу текста Мариинского евангелия ученик сказал привратнице и ввел Петра, по смыслу Саввиной книги — ученик сказал привратнице, чтобы она ввела Петра (повелительная форма въведе может стоять только в прямой речи).

5. Замены форм индикатива инфинитивом (3 случая). Один случай („аорист—инфинитив“) аналогичен отмеченному в Ассеманиевом евангелии (Мф. IX 26) и восходит по структуре к греческой конструкции:

Лук. XIV 1: ꙗкогда въиде исъ къ домъ единого кнѣзѣ фарисѣйска къ соботѣ хлѣба ѣсть. и ти възвѣщающе и (Сав. вѣнѣти иси).

В двух случаях, синтаксически тождественных друг другу, использование простого будущего в текстах Марииинского евангелия представляется не вполне оправданным:

Мф. XIX 23: аминъ глѣхъ камъ. ꙗко не оудоба въидѣтъ богаты къ црствѣе некое (в Саввиной книге богатоу вѣнѣти);

Лук. XVIII 24: ... исъ ... рече. како не оудоба имѣшѣи богатство. къ црствѣе бжѣе въидѣтъ (в Саввиной книге имѣшѣмоу... вѣнѣти).

6. Замена спрягаемой формы глагола именем существительным:

Мф. XVIII 25: ...покаѣтъ гъ его да продадатъ и и женѣ его и чада. ꙗкоже елико имѣаше ꙗкогда и (в Саввиной книге и елико имѣаше ево).

Трансформации типа „глагол—отглагольное существительное“ широко распространены как в древнеболгарском, так и в современном болгарском языке и используются в тех случаях, когда, как в данном примере, временная характеристика не имеет значения для понимания описываемой ситуации. Такого рода замены входят в систему языка.

II. Къ второй группе разночтений относится 49 случаев, что составляет менее 2% всех спрягаемых форм индикатива, входящих в нашу выборку. Они распределяются между следующими подгруппами.

1. Настоящее время—аорист (7 случаев). Четыре случая уже были отмечены в Зографском и Ассеманиевом списках: Лук. X 19*; Лук. XV 29; Ио. XIV 24; Ио. XV 14. К ним по характеру замены близки и следующие два случая, где также описывается обобщенное действие, действительное для любого периода времени, а потому оно может обозначено формами и настоящего и прошедшего времени.

*Ио. VII 52: отъ галилаша и рѣша емоу... испитан и видѣа. ꙗко отъ галила прѣкъ не приходитъ (Сав. еда отъ галила прѣприде).

Ср. по-русски: „Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк“ и „Рассмотри, и увидишь, разве из Галилеи приходил пророк“ или „приходил ли пророк из Галилеи“.

Мф. XIX 11: 10. и глѣша емоу оученици его. аште тако естъ вина чакоу съ женѣи. оунѣ естъ не женити съ. 11. онъ же рече имъ. не вѣси вѣмѣстатъ словесе сего. нъ имъже дано естъ. (Сав. разумѣсте).

Во всех этих случаях формы А использованы в перфектном значении, т. е. для описания действия, актуального в настоящий период.

В следующем примере аорист в Саввиной книге использован уже в собственном значении, т. е. для описания действия, относящегося к прошедшему периоду и не связанного с настоящим, тогда как в Мариинском евангелии использовано настоящее „историческое“, что соответствует греческому тексту (ἀποπέλλουσιν — у Тишендорфа):

Мф. XXII 16: 15... Сзвѣтъ сзтвориша на нз да облачатъ і словеса. 16. і посылаѣтъ къ нему оученики евоѣ (Сав. погладша).

2. Аорист—настоящее время (7 случаев). Разночтения этого типа относятся к числу разрешенных замен и представляют собой то же самое явление, что и разночтения, разбиравшиеся в первой подгруппе („настоящее время—аорист“). По существу, мы имеем здесь дело с обычными случайными с точки зрения структуры языка использованиями в соответствии с индивидуальной манерой и стилем автора то одних, то других взаимозаменяемых конструкций, одинаково допускаемых глагольной системой.

В первых примерах первой подгруппы в текстах Саввиной книги формы А использованы были в значении П для описания прошедших действий, актуальных в настоящем, тогда как в текстах Мариинского евангелия им соответствовали формы Н; в примерах этой подгруппы для обозначения такого же рода действий в текстах Мариинского евангелия использованы формы А, а в текстах Саввиной книги формы Н.

В двух следующих примерах соответствующими формами описываются прошедшие, только что совершившиеся действия, актуальные для настоящей ситуации:

*Мф. IX 22: 20. і се жена крзкочника... пристѣпши сз задн. прикоснѣ сѣ вскриши ризы ево. 21. глѣше бо въ сѣбѣ. аще токмо прикоснѣ сѣ ризы ево спѣна вѣдѣ. 22. і сѣ же обрѣштѣ сѣ и видѣтъ ѣ рече. дрззѣи дѣци вѣра ткоѣ спсе та. і спѣна вѣштѣ жена отъ часа того (Сав. спѣтъ);

Лук. XVII 19: 12. і вѣходаштѣ емоу въ единѣ вѣсѣ. сзрѣте и дѣсѣтъ прокаженѣ мжжѣ... 13. і ти казнѣса глѣсѣ рѣшѣте. исе... помилуи нзи. 14. і видѣтъ ѣ рече имѣ. шадѣше покажите сѣ иертѣомѣ. и быстѣ иджштем имѣ иштѣиши сѣ. 15. единѣ же отъ нихѣ... вѣзврати сѣ... 16. и падѣ ницѣ на нгоу ево. хвалѣ емоу вѣздаѣ... 19. і рече емоу... иди вѣра ткоѣ спсе та (Сав. спѣтъ).

В остальных примерах описываются действия, тоже относящиеся к прошлому и опять-таки актуальные для настоящей ситуации, но их нельзя назвать непосредственно предшествующими моменту речи:

Ио. III 13: 12. аште земзна рѣхъ камз и не кѣроуоуте: како аште реж камз нѣска кѣроуоуте. 13. и никтоже възиде нѣо. тѣкмо сѣшедзи снѣсе. си чкзи сзи нѣсе (Сав. казидѣта).

*Ио. XV 18: 17. Си запокѣдѣж камз да любите другъ друга. 18. аште мирз касз ненавидѣта. кѣдите тѣко мене прѣжде касз възненавидѣ (Сав. казненавидѣта).

Примечательно, что во всех четырех случаях всем славянским формам А, употребленным в Марииинском евангелии в совершенном значении, в греческом тексте соответствуют формы П: Мф. IX 22, Лук. XVII 19 — *ἐπέσχευεν*, Ио. III 13 — *ἀναβέβηκεν*, Ио. XV 18 — *μεισθήκεν*.

В трех последних примерах формы А в Марииинском евангелии употребляются тоже в совершенном значении, но уже не в конкретном, а обобщенном высказывании:

Мф. XXIV 45: Кто оубо еста кѣрзны рабз и мѣдры егоже постави гз надз домомъ своимъ. да дастъ имъ кз крѣма пиштгж ихъ (Сав. поставить; гр. аорист *κατέστησεν*).

*Ио. XVI 21: жена егда раждатъ. печаль иматъ. тѣко приде годъ ея. егда же родиз отроча. кз томоу не поманитъ скрзби за радостъ. тѣко роди сѣ члѣкз в мирз (Сав. придетъ и родитъ чѣка; гр. в первом случае наст. вр. *ἐρχεται*, во втором — пассивный аорист *ἐγενήθη*).

3. Настоящее время — имперфект (1 случай).

Ио. XVIII 20: дзз касгда оучихъ на сзвзмишти. і кз црзкзѣ (ѣ) ідеже каси іудѣи сѣнемажтѣ сѣ. і тѣи не глахъ ничеже (Сав. сзвирахъ сѣ).

Настоящее время использовано в Марииинском евангелии для описания „обычного“ действия, комментирующего действия, обозначенные формами А. Такое употребление его совершенно закономерно, закономерно и использование вместо него формы И, поскольку основные действия отнесены к прошедшему периоду, а по отношению к аористу маркированной формой будет форма „настоящего в прошедшем“, т. е. имперфект.

4. Настоящее время — будущее время (1 случай).

*Ио. XVII 13: нзинѣ кз тебѣ градъ. і си глажъ кз мирѣ (Сав. придж; гр. *ἐρχομαι* — настоящее).

Случай этот аналогичен отмеченному в Зографском евангелии (Мф. VIII 25).

5. Будущее время простое — настоящее время (9 случаев). В пяти случаях разночтения этого типа относятся к глагольной связке, стоящей при именном сказуемом:

*Мф. VI 22—23: свѣтильникъ тѣлоу еста око. аще оубо вѣдетъ око твое просто. касе тѣло твое свѣтало вѣдетъ. аште ли око твое лѣжкво вѣдетъ. касе тѣло твое тамзно вѣдетъ (Сав. четыре раза еста).

В греческом тексте в первом и третьем случаях стоит форма настоящего конъюнктива ἦ, во втором и четвертом — форма будущего ἔσται. В переводах такого рода сентенций как на древнеболгарский язык, так и на современный болгарский обе формы свободно передаются как формой Б, так и формой Н. Ср.:

Мф. VI 22—23: Светило за тялото е окоето. Затова, ако твоето око *бъде* чисто, и цялото твое тяло *ще бъде* светло; ако пък твоето око *бъде* лукаво, цялото твое тяло *ще бъде* тъмно. И тъй, ако светлината, *що е* в тебе, е тъмнина, то колко ли голяма *ще е* тъмнината? ²⁰.

Мф. XXVI 42: Бѣче мои аште не възможесть чаша си. мимо ити стъз мене. аште не пиж на бжди колѣтѣ твоѣ (Сав. не кзможно ѣстъ).

Последний пример уже рассматривался в разночтениях Зографского евангелия (см. стр. 180 настоящей работы), где также использована форма Н (только не именного, а простого глагольного сказуемого).

В четырех других случаях разночтения связаны с знаменательными глаголами. Один из них аналогичен примеру, приведенному в п. 4:

Ио. VII 41—42: ...Оки глѣахъ еда стъз галилѣа хъ придетъ. не кзвигъзи ли рѣша. ꙗко стъз сѣмене два придетъ хъ. (Сав. в обоих случаях градѣтъ; гр. наст. вр. ἔρχεται).

*Мф. VIII 12: ... а свѣ[бѣ] цѣтки изгнани бждѣтъ. въ тѣмъж крѣштѣнѣжъ. тѣу бждѣтъ плача и скръжега зѣбомъ. (Сав. ѣстъ; гр. буд. вр. ἔσται); Ио. XIV 12: кѣроуѣнъ къ ма дѣла тѣже азъ тѣроуѣ. и тѣ сътворитъ. и болыша сътворитъ си хъ (Сав., стр. 91: творѣтъ; гр. наст. вр. ποιεῖ).

Не всегда разночтения такого рода одинаково бесспорны, так как омонимия форм Н и Б не позволяет с полной уверенностью определить, какие именно формы использованы в текстах Ио. VII и Ио. XIV. В двух случаях (Мф. VIII 12; Ио. VII 41—42) в тексте евангелия на современном болгарском языке здесь также использованы формы Б (*ще бъде* и *ще доиде*).

Нетрудно заметить, что во всех примерах, приведенных здесь, как и в примере, приведенном в предыдущем п. 4, формами то Н, то Б обозначаются действия, составляющие содержание обобщенных высказываний, которые могут быть действительными для любого периода времени.

6. Аорист—имперфект (8 случаев). Один случай уже был отмечен в разночтениях с Зографским евангелием (Лук. VIII 27). В семи случаях взаимозаменяющимися формами обозначаются конкретные прошедшие действия, относящиеся к тому же периоду, что и остальные действия, обозначенные формами А. Как мы уже

²⁰ „Новий завет на господа нашего Иисуса Христа“. София, „Синодалното издателство“, 1950, стр. 18.

говорили, при обозначении такого рода действий выбор формы А или И достаточно субъективен, так что переводчик или переписчик может по-своему переоценить значимость (первостепенный или основной характер) данного действия для данного комплекса ситуаций и в соответствии с этим своим пониманием использовать формы А и И. Характерно, однако, что в евангельских текстах замены аористов имперфектами в большинстве случаев относятся к действиям, связанным не с Иисусом Христом, а с другими персонажами, тогда как действия Христа, если они относятся к прошедшему периоду, обычно описываются формами А. Таковы следующие замены:

*Мф. IX 9: ... исцѣ... видѣ члвк. на мзигтаници сѣдѣща. ѿмене[ма] мѣта. і гла емоу по манѣ гради. і възстакъ по немъ иде (Сав. идѣше);

Мф. XXII 46: і никътоже не можааше отъвѣштати емоу словесе. ни смѣѣ като отъ дане того възпросити его къ томоу. (Сав. ни смѣташе);

Лук. VIII 39: 38. Молѣаше же са емоу мжжъ. из негоже изидъ вѣси. да би съ нима възлз. исъ же отъпусти и гла. 39. възврати са въ домъ твои. и повѣдай елико ти сътвори бѣ. і иде по всемю градуу. проповѣдаа елико сътвори емоу исъ (Сав. идѣше);

Лук. IX 38: 37. Быстѣ же къ прочии денѣ. съшедъшемъ имъ съ горы. сърѣте и народъ много. 38. і се мжжъ из народа възъши гла. оучителю молѣ ти са призри на снъ мой... 41. отвѣштакъ же исъ рече... приведи ми снъ твои сѣмо. 42... запрѣти же исъ лхуу нечистоуоумоу. і исцѣли отрока. (Сав. капиаше).

В следующем примере подобная замена отмечена в тексте притчи, рассказываемой Иисусом Христом, но действие, обозначенное в Саввиной книге формой И, относится опять-таки не к Христу, а к другому лицу:

*Лук. X 34: 30... члкъ единъ... къ разбойныкы въпадѣ. иже... тѣкы възложше отидъ... 33. самарѣтинъ... единъ грады приде надъ на. і видѣвъ милосрѣва. 34... възсаждъ же и на свои скотъ приведе и къ гостиницѣ. і прилежѣ емъ. 35. і на оутрани... двѣ пѣнаса дастъ гостинаникоу. і рече емоу прилежи емъ (Сав. прилежаше).

Наконец, в двух случаях подобные замены относятся к действиям, непосредственно связанным с Иисусом Христом:

*Лук. VI 17: 13. і егда възстѣ денъ пригласи оученикы свои. і избвравъ отъ нихъ двѣ на десѣте. іже и апостолы нарече... 17. і съшедъ съ ними ста на мѣстѣ раванѣ. и народъ... і множаство много люди... іже приде послѣоушатъ его. і исцѣлитъ са... і стѣраждъштен... исцѣлѣхъ са (Сав. стоаше);

*Ио. XVIII 20: *ѡзз не обиноуѡа сѡ глахъ всемоу миру. ѡзз
всегда оучихъ на снзмишти... і таі не глахъ ничесоже* (Сав. оучахъ).

Замена в последнем примере представляется довольно произвольной и „случайной“. Заметим прежде всего, что во всех прочих случаях мы имели дело с авторской речью; здесь же соответствие „аорист—имперфект“ наблюдается в прямой речи. В прочих случаях формами этих времен обозначались конкретные действия, здесь ими обозначается обобщенное, „обычное“ действие, по смыслу соотнесенное с действиями не прошедшего, а настоящего периода, так что форма аориста употребляется здесь в перфектном, а не имперфектном значении. В тексте евангелия на современном болгарском языке так и стоит форма П *съм поучавал* на месте формы А (оучихъ) Мариинского евангелия и формы И (оучахъ) Саввиной книги.

7. Имперфект—аорист (8 случаев). Один случай отмечен в разночтениях с Ассеманиевым евангелием (Лук. XIV 7). Разночтения этой подгруппы аналогичны разночтениям шестой подгруппы („аорист—имперфект“), и различаются они только тем, в каком из евангельских списков использована та или другая из взаимозаменяющихся форм. Как уже отмечалось, когда альтернативными формами являются формы А и И, предпочтение форме И в евангельских списках отдается чаще всего при описании действий, не относящихся непосредственно к Иисусу Христу, кроме того, заменам чаще других глаголов подвергаются глаголы говорения (безотносительно к тому, к кому из евангельских персонажей они относятся).

В нашем материале в пяти случаях формами И обозначены в Мариинском евангелии действия, непосредственно не относящиеся к Иисусу Христу:

*Мф. IX 18: 15. *рече имѡ иѡз... 18. сице глахъцю емоу кз нимѡ.
ѡе канѡзз вѡшедѡ клѡнѡше сѡ емоу гла* (Сав. поклони сѡ);

Лук. XXIII 34: 33. *і вгда придж на мѡсто... тоу пропаса н...
34. іс же глаше отче отзпусти имѡ. не вѡдѡтѡ бо сѡ чѡто творѡтѡ.
разѡтѡжшге же ризѡ его метахъ жрѡбниѡ. 35. і стоѡхъ ж люде
зрашгѡ... 43. і рече... иѡз...* (Сав. метаца)²¹.

Случай этот аналогичен разобранным нами в связи с разночтениями в Ассеманиевом евангелии Лук. XXIII 32 (см. стр. 185).

Ио. XVIII 16: *Петр же стоѡше при двѡрѡхъ канѡ. ізиде же
оученикѡ тѡ... і рече...* (Сав. стоѡ);

Мф. XXV 26: *... вѡдѡше ѡко жѡнѡ идеже не сѡхъ* (Сав. сѡхъ);

²¹ К слову *метаца* издатель Саввиной книги дает сноску внизу страницы: „sic“, а в указателе отмечает „метаца рго меташа“ (Саввина книга, стр. 185).

Мр. II 15: $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{Y}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ [же] $\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{L}}\bar{\text{E}}\bar{\text{J}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{I}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{D}}\bar{\text{O}}\bar{\text{M}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$. $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{N}}\bar{\text{O}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}$ ... $\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{L}}\bar{\text{E}}\bar{\text{J}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}$ ... $\bar{\text{B}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}\bar{\text{N}}\bar{\text{O}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$. $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{D}}\bar{\text{J}}$. $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}\bar{\text{C}}\bar{\text{I}}$ ... $\bar{\text{G}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}\bar{\text{C}}\bar{\text{O}}\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$ ... (Сав. $\bar{\text{B}}\bar{\text{T}}\bar{\text{S}}\bar{\text{A}}$);

В двух следующих примерах действия, обозначенные формой И, относятся непосредственно к Иисусу Христу:

Мф. IX 19: $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{D}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ ... (Сав. $\bar{\text{I}}\bar{\text{D}}\bar{\text{E}}$);

Ио. VII 37: $\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}\bar{\text{S}}\bar{\text{L}}\bar{\text{E}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{J}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{D}}\bar{\text{E}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{E}}\bar{\text{L}}\bar{\text{I}}\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{I}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{R}}\bar{\text{A}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$. $\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}$. $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{Z}}\bar{\text{V}}\bar{\text{E}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{G}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}$. $\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{T}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{J}}\bar{\text{A}}\bar{\text{J}}\bar{\text{D}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{R}}\bar{\text{I}}\bar{\text{D}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}\bar{\text{N}}\bar{\text{T}}$ $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{I}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ ... 39. $\bar{\text{S}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{J}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{D}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{N}}\bar{\text{J}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{X}}\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{E}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{R}}\bar{\text{I}}\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}\bar{\text{T}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{R}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{J}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{E}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$ (Сав. $\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{P}}\bar{\text{I}}$).

Подчеркнем, что и здесь во всех примерах, кроме одного (Ио. XVIII 16), взаимозаменяющимися формами обозначаются конкретные прошедшие действия, относящиеся к тому же периоду, что и действия, обозначенные другими формами А.

8. Аорист—перфект (2 случая). Формами П свободно замещаются формы А, обозначающие действия второго плана. И те, и другие формы описывают прошедшие действия, но по сравнению с формами А формы П делают грамматически выраженной связь этих прошедших действий с действиями настоящего периода, актуализуют эти действия. Поэтому чаще всего формы П используются в прямой речи, где они оказываются соотносены с формами Н.

Именно так использованы формы П в следующих двух примерах в тексте Саввиной книги, где в авторском повествовании, описывающем действия Христа, используются формы А ($\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{D}}(\bar{\rho})\bar{\text{A}}$ доба са, $\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ — в тексте из Луки, $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{B}}\bar{\text{T}}\bar{\text{C}}\bar{\text{I}}\bar{\text{A}}$, $\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ — в тексте из Иоанна), а в речи Христа используются формы Н для описания событий настоящего периода ($\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}\bar{\text{K}}\bar{\text{T}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{I}}\bar{\text{J}}$ — в тексте из Луки, $\bar{\text{G}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ — в тексте из Иоанна) и формы П для описания событий прошедшего периода, актуальных в настоящем ($\bar{\text{D}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{K}}\bar{\text{R}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{I}}\bar{\text{L}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$ — в тексте из Луки, $\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{L}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$ — в тексте из Иоанна).

В тексте Мариинского евангелия, где вместо форм П использованы формы А, эта актуальность прошедших действий остается грамматически невыраженной.

Лук. X 21: $\bar{\text{B}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{A}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{V}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{D}}(\bar{\rho})\bar{\text{A}}\bar{\text{D}}\bar{\text{O}}\bar{\text{K}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}\bar{\text{O}}\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$. $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}\bar{\text{K}}\bar{\text{T}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{I}}\bar{\text{J}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{G}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{Z}}\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}$. $\bar{\text{T}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{I}}\bar{\text{L}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{R}}\bar{\text{T}}\bar{\text{M}}\bar{\text{J}}\bar{\text{A}}\bar{\text{R}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{R}}\bar{\text{A}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{M}}\bar{\text{E}}\bar{\text{N}}\bar{\text{Z}}$. $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{K}}\bar{\text{R}}\bar{\text{Y}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}\bar{\text{D}}\bar{\text{E}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}\bar{\text{C}}\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{Z}}$. $\bar{\text{E}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}\bar{\text{L}}\bar{\text{E}}\bar{\text{N}}\bar{\text{I}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{D}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{O}}\bar{\text{B}}\bar{\text{O}}\bar{\text{J}}$ (Сав., стр. 41: $\bar{\text{D}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{K}}\bar{\text{R}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{I}}\bar{\text{L}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$);

Ио. III 16: 10. $\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{B}}\bar{\text{T}}\bar{\text{C}}\bar{\text{I}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{S}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{R}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{M}}\bar{\text{U}}$ ... 11. $\bar{\text{A}}\bar{\text{M}}\bar{\text{I}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{A}}\bar{\text{M}}\bar{\text{I}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{G}}\bar{\text{L}}\bar{\text{A}}\bar{\text{X}}$ $\bar{\text{T}}\bar{\text{E}}\bar{\text{V}}\bar{\text{T}}$ ... 16. $\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{B}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{A}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{B}}\bar{\text{I}}$ $\bar{\text{M}}\bar{\text{I}}\bar{\text{R}}\bar{\text{A}}$. $\bar{\text{T}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{S}}\bar{\text{K}}\bar{\text{O}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{I}}\bar{\text{N}}\bar{\text{O}}\bar{\text{C}}\bar{\text{H}}\bar{\text{A}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$. $\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{A}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{S}}\bar{\text{T}}\bar{\text{K}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{R}}\bar{\text{O}}\bar{\text{U}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}\bar{\text{N}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}$ $\bar{\text{P}}\bar{\text{O}}\bar{\text{G}}\bar{\text{Y}}\bar{\text{B}}\bar{\text{I}}\bar{\text{N}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$. $\bar{\text{N}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{I}}\bar{\text{M}}\bar{\text{A}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{J}}\bar{\text{I}}\bar{\text{V}}\bar{\text{O}}\bar{\text{T}}\bar{\text{A}}$ $\bar{\text{K}}\bar{\text{E}}\bar{\text{T}}\bar{\text{Z}}\bar{\text{N}}\bar{\text{A}}\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{G}}\bar{\text{O}}$ (Сав. $\bar{\text{D}}\bar{\text{A}}\bar{\text{L}}\bar{\text{Z}}$ $\bar{\text{E}}\bar{\text{S}}\bar{\text{I}}$).

Первый текст (Лук. X 21) встречается в Саввиной книге дважды на листе 57 об. (где и отмечено разночтение с Мариинским евангелием) и на листе 132. Во втором случае в Саввиной книге, как и в Мариинском евангелии, встречаем аорист ѓтзкри. Это обстоятельство весьма раз обнаруживает, что трансформация такого рода была разрешенной и обычной для системы древнеболгарского индикатива.

9. Перфект—аорист (2 случая).

*Мф. VIII 29: что еста нама и тебѣ иссе ене бѣжи. пришелъ еси емо прѣжде врѣмене мжчигъ насъ (Сав. приде).

Ио. VII 46: ѓтзкѣштгаша слугы. николиже тако естѣ гла члв[ч]кз. ꙗко са члвкз (Сав. не гла).

В обоих случаях форма П использована в Мариинском евангелии для описания действий, актуальных в настоящем, в тексте Саввиной книги эта актуальность грамматически не выражена.

10. Перфект—настоящее время (2 случая). Формами П обозначаются прошлые действия, актуальные для настоящего момента, или действия, охватывающие как прошедший, так и настоящий периоды вплоть до момента речи. Поскольку перфект, таким образом, означает результативное действие, вместо перфекта могут быть использованы в этом значении и формы Н. Именно в этом значении и использована в Саввиной книге форма Н вместо соответствующей ей в Мариинском евангелии формы П в следующих текстах.

Мф. XIX 20: гла емоу юноша. вѣстѣ си съхранихъ ота юности моеѣ. чего есмѣ еште не доконьчалъ (Сав. чего еще лишж са; в греческом тексте форма наст. вр. ѓстерѡ; ср. русский перевод: „Чего еще недостает мне?“);

Мф. XVIII 23: сего ради оуподобило са естѣ цѣрствие нѣкое члвкоу цѣрю. иже възхогѣ съгзати са о словеси. съ равзи сконми (Сав. подобано еста).

Напоминаем, что в Ассеманиевом евангелии, как и в греческом тексте, в этом месте использована форма А (см. стр. 185).

11. Будущее простое—аорист (2 случая). Один случай отмечен в разночтениях с Зографским евангелием (Мф. XXV 1).

*Ио. XVI 20: амина амина глаж вамъ. ꙗко въс(п)лаете са и възрзидад[а]те взі. и миръ възрадоуотъ са. (Сав. възплаче взі са).

Этот тип разночтений, как мы уже отмечали, связан с „запрещенными“ заменами и поэтому труднее всего поддается грамматическому объяснению. В первом случае возможно говорить о переосмыслении внеязыковой ситуации, во втором случае, где форма А оказывается в качестве однородного члена в одном ряду с формами Б вероятнее всего предположить ошибку переписчика.

Мы закончили анализ разночтений трех основных старославянских кодексов с Мариинским евангелием. Анализ показал, вопервых, что число разночтений, связанных с заменами спрягаемых форм индикатива, крайне невелико как в абсолютном, так и в относительном выражении. В четырех древнейших евангельских списках обнаруживается практически не только полное единство системы времен изъявительного наклонения, но и такое малое различие в использовании разрешаемых этой системой трансформов, что это можно объяснить только единством перевода, к которому все эти списки восходят. Мы уже видели на сравнении двух переводов „Муму“ и увидим далее при сравнении двух редакций евангельского текста на современном болгарском языке, что разные переводы одного и того же произведения, сделанные в один и тот же период, отличающийся несравненно большей унификацией грамматических форм и большей нормативностью в их употреблении, чем древнейший период болгарской письменности, характеризуются несравненно большими (по крайней мере в 10 раз большими) различиями в области употребления интересующих нас форм, чем четыре рассмотренных нами евангельских кодекса:

Во-вторых, обнаруженные нами разночтения в подавляющем большинстве случаев представляют собою трансформы, не только допустимые, но и предполагаемые системой глагола древнеболгарского языка. Значительная часть этих разночтений (более половины для каждого из евангельских списков) относится к заменам первой группы, т. е. к заменам спрягаемых форм причастными или к заменам форм индикатива формами других наклонений, или, наконец, к пропуску глагола, большей частью — глагольной связки в настоящем времени.

Только менее половины всех разночтений, менее 20% всех спрягаемых форм индикатива в евангельских текстах вообще относятся к заменам одних форм времени другими в пределах индикатива, и среди них только два случая Мф. VIII 12 и Ио. XVI 20 в Саввиной книге следует признать ошибками, нарушающими систему времен. Такое небольшое число разночтений, даже при наличии общего оригинала, к которому, по-видимому, восходят, хотя и непосредственно, все четыре списка, можно объяснить только высокой культурой и „техникой“ переписчиков и их исключительно бережным отношением к евангельскому тексту.

СРЕДНЕБОЛГАРСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Сравнение системы времен изъявительного наклонения в среднеболгарский период с ее состоянием в период древнейших памятников старославянской письменности построено в основном на материале Врачанского евангелия, изданного болгарской Академией наук под редакцией проф. Б. Цонева²².

Врачанское евангелие представляет собою список апракоса, сделанный, по мнению исследователей, в конце XIII или в первой половине XIV в. болгарским писцом из северо-западной области Болгарии с какого-то неизвестного нам списка русского извода, восходившего по распределению материала и словарю к группе древнейших старославянских апракосов, в которую входят Ассеманиево и Остромирово евангелия²³.

Значительные изменения и прежде всего — фонетические изменения, происшедшие в болгарском языке за период между созданием Мариинского и Врачанского списков евангелия, заметно отразились в тексте среднеболгарского памятника, и это определяет интерес к нему лиц, занимающихся историей болгарского языка, и объясняет наш выбор именно этого памятника для сравнения с Мариинским.

„... Врачанское евангелие, — пишет Б. Цонев, — особенно важно для истории болгарского языка, поскольку в нем содержатся наряду с древними чертами некоторые фонетические и морфологические особенности, которые его приближают к новоболгарскому языку“²⁴.

²² „Врачанско евангеле“. Срѣднобългарски паметникъ от XIII вѣкъ. Прочуль и стѣкмиль за издание професоръ Б. Цоневъ. Издава българска Академия на науките. София, 1914.

²³ Все общие сведения о Врачанском евангелии почерпнуты нами из вступительной статьи Б. Цонева к его изданию Врачанского евангелия (Указ. соч., стр. 1—64).

²⁴ „Врачанско евангеле“, стр. 2.

Переписчик Врачанского евангелия, очевидно, не отличался высокой письменной культурой и под влиянием живого языка своего времени невольно допускал в переписываемом им тексте многочисленные ошибки всякого рода — от чисто графических, буквенных, до синтаксических. Особенно много ошибок было допущено им под влиянием произношения, которое в конце XIII в. существенно отличалось от произношения, зафиксированного в памятниках старославянской письменности. Ошибки такого рода делаются легче всего и чаще всего, и они менее всего контролируются переписчиком, не привыкшим к жестким орфографическим нормам. Самоконтроль переписчика должен был больше проявляться в области лексики, морфологии и синтаксиса. Однако и здесь переписчик Врачанского евангелия оказался не на высоте и внес в приготовляемый им список многочисленные ошибки, отразившие изменения, происшедшие в болгарском языке в морфологии и синтаксисе со времени написания древнейших памятников.

„Замена супина инфинитивом, как и другие морфологические замены, о которых до сих пор шла речь, как и взаимные мены именительного и винительного падежей у *a*-основ, или родительного и винительного у основ на согласный, неправильное употребление относительного местоимения *иже* представляют собой в то же время и синтаксические явления, которые показывают, что прежняя стройность уже нарушена и что язык пошел по другому пути. Именно этим объясняются многочисленные синтаксические ошибки в нашем памятнике, где на каждой странице встречается по одному-два примера на неправильное употребление падежей или причастий — самое слабое место болгарских писцов того времени“²⁵.

Итак, существенные изменения в области морфологии и синтаксиса, происшедшие в болгарском языке среднего периода по сравнению с древним периодом, отражены в ошибках, допущенных переписчиком Врачанского евангелия, причем ошибки эти, по компетентному утверждению Б. Цонева, встречаются по две-три на каждой странице памятника.

Естественно поэтому предположить, что, если ко времени создания Врачанского евангелия произошли существенные изменения в системе времен индикатива в болгарском языке по сравнению с тем, что было зафиксировано в первых старославянских списках евангелия, то переписчик, на каждой странице допускавший под влиянием живого языка неправильности (по сравнению с нормами X—XI вв.) в употреблении падежей, причастий, инфинитива, супина и других форм, будет также допускать и отклонения в использовании временных форм. Причем отклонения эти будут принципиально иного порядка, чем те, которые мы отмечали в древнейших евангельских сводах, сравнивая их с Марии-

²⁵ „Врачанско евангеле“, стр. 61.

ским евангелием. Там мы встречались с разночтениями, допустимыми в пределах единой системы индикатива, обусловленными наличием в языке нескольких разрешенных способов описания одних и тех же внеязыковых ситуаций. Здесь в случае, если сама система индикатива существенно изменилась, должны были появиться иные замены, запрещавшиеся старой системой индикатива и разрешенные новой системой.

И наоборот. Отсутствие в тексте Врачанского списка такого рода разночтений с Мариинским списком, которые противоречили бы системе времен старославянского индикатива, мы вправе считать доказательством того, что в среднеболгарском языке сохранилась без существенных изменений та система времен индикатива, которая отражена и в древнейших памятниках старославянской письменности.

В самом деле, трудно допустить, чтобы человек, систематически путавший буквы, слова, формы и конструкции в архаическом для него тексте под влиянием того языка, на котором он сам говорил, обнаружил бы вдруг строгую точность, аккуратность в копировании этого же текста в одной очень ограниченной сфере — в употреблении глагольных времен, если бы такое употребление было ему чуждо и непонятно, как были ему чужды и непонятны соотношения некоторых букв и звуков, падежных форм, форм инфинитива и супина и их использование.

Предваряя анализ разночтений, отмеченных нами во Врачанском евангелии, скажем здесь, что разночтений, свидетельствующих об изменении системы времен старославянского индикатива, мы в этом памятнике не обнаружили.

Прежде чем перейти к рассмотрению разночтений, нужно уточнить наше определение этого понятия в связи с некоторыми особенностями материала, представленного во Врачанском списке. Как уже отмечалось, наибольшее количество ошибок, допущенных переписчиком этого списка, было обусловлено фонологическими различиями среднеболгарского языка и старославянского. В частности, с этим была связана путаница в употреблении некоторых букв: так переписчик постоянно ошибался в употреблении букв ж—з; ж—д, ю; ж—оу; л—ѣ; л—ъ, љ; љ—ъ, а также в употреблении букв ж—о, ж—ѣ, л—оу, л—д и др.

В ряде случаев такого рода ошибки, сами по себе не имеющие морфологического характера, приводили к появлению в тексте случайной и неожиданной омографии таких форм, которые в живом языке XIII в., очевидно, различались и в произношении, и в употреблении. Так, например, в тексте Мф. XII 34 вместо можѣтъ во Врачанском списке стоит можѣтъ. Нет оснований думать, что писец XIII в. практически не пользовался в своей речи категориями лица и числа, а потому смешивал форму 2-го л. мн. числа наст. вр. с формой 3-го л. ед. числа наст. вр. Писец неправильно употреблял буквы ѣ и љ, потому что в его говоре старо-

славянский звук, передававшийся буквой к, в ряде случаев вокализировался в е, и, привыкнув к тому, что в ряде случаев в старом тексте встречается буква ь там, где он бы поставил в соответствии со своим произношением букву е писец мог поставить букву ь вместо буквы е и там, где исконно звука и буквы к не было и не могло быть, так как для него эти буквы стали взаимозаменяющимися.

По тем же причинам подобные омографы могли появляться под рукой писца и для глагольных форм разных времен и наклонений. Так, например, в тексте Мф. XII 18 вместо положж переписчик Врачанского евангелия написал положи. Было бы неверно рассматривать этот случай как разночтение, свидетельствующее о замене формы 1-го л. ед. числа буд. вр. формой 2-го л. ед. числа пов. накл. Хотя вообще использование форм будущего времени в значении повелительного наклонения является разрешенным и постоянно встречающимся в старом и современном болгарском языке трансформом, в данном случае такая замена означала бы переосмысление внеязыковой ситуации, поскольку здесь цитируются слова пророка (прямая речь), который говорит о себе, что он (пророк) положит дух свой на отрока, тогда как появление формы 2-го л. ед. числа повелительного накл. означало бы, что пророк кому-то повелевает положить дух на отрока. Из контекста Врачанского списка видно, что писец не допускал для себя такого переосмысления евангельского текста: «*отрокъ мои.гоже изколихъ. казавъени мои на негоже благоизволи дша мою. положи духъ мои на немъ*²⁶».

Правда, слово положи возможно интерпретировать и как форму 3-го л. ед. числа аориста, употребленную писцом по аналогии с аористными формами *изколихъ* (в Мариинском *изколихъ*) и *благоизволи*. В этом случае мы также должны допустить переосмысление писцами внеязыковой ситуации. В тексте оригинала пророк собирается положить дух свой на отрока (в греческом тексте *θήσω τὸ πνεῦμά μου ἐπ' αὐτόν*), если принять слово положи за форму 3-го л. ед. числа аориста, то действие, выраженное этим словом, следует уже отнести не к пророку, а к душе пророка, которая благоволит отроку и которая (душа) и положила на отрока дух пророка.

Такое переосмысление как будто нельзя считать исключенным, но ряд других фактов делает его маловероятным. Дело в том, что такого же типа омографы, формально позволяющие отождествить слово, стоящее в Мариинском евангелии в форме 1-го л. ед. числа буд. вр. как с формой 2-го л. ед. числа повелительного накл., так и с формой 3-го л. ед. числа аориста, мы находим и в ряде других мест Врачанского списка. Например, в тексте

²⁶ „Врачанско евангеле“, стр. 202.

Мф. VII 4 слову *измж* в Мариинском соответствует слово *йзми* во Врачанском списке: ... или како *ре^т[ши]* братоу твоёмѹ. Ѡгтаки *йзми* *сжчеца* иза ѡчине твоего.

По смыслу оригинала здесь стоит форма 1-го л. ед. числа буд. вр.: „дай, я выну сучок из глаза твоего“ (в гр.: ἢ πῶς ἐρεῖς τῷ ἀδελφῷ σου ἄφες ἐκβάλω τὸ κάρφος ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ σου...). Допустить здесь интерпретацию слова *йзми* как формы 3-го л. ед. числа аориста невозможно, так как такое переосмысление было бы очевидно нелепым. В отличие от предыдущего примера (Мф. XII 18) здесь возможна как будто интерпретация слова *йзми* как формы 2-го л. ед. числа повелительного накл. Если мы примем эту интерпретацию, то в отдельности для каждого из этих примеров это, может быть, и будет выглядеть внешне убедительным. Но то обстоятельство, что в двух случаях для однотипных замен должны быть предложены разные интерпретации, уже само по себе должно возбудить настороженность и сомнение. Но далее в том же списке обнаруживаются и другие замены того же типа, к которым уже не подходит ни та, ни другая интерпретация и которые на синтаксическом уровне вообще не могут быть объяснены. Например:

Ио. XX 25: Ѡнѹ же *ре* има, аще не *виж^а ж* на *ржкоу* его *йзвы* *гкоз^а иныѹ* и *вълочи* *прзста* моего. ка *изкж* *гкозиныѹ*, и *вълочи* *ржка* моего *кз* *ребра* его не *ймж* *кѣры* (ср. в Мариинском: онѹ же *рече* имѹ. ашгге не *виждж* на *ржкоу* его *ѣзкы* *гкоздинныѹ*. *вълочж* *ржкы* моего *кз* *ребра* его. ни *вълоч(ж)* *прзста* моего *кз* *ѣзкж* *гкоздинныѹ*. не *ймж* *кѣры*).

Ясно, что слова *вълочи*, *кзлочи*, стоящие во Врачанском тексте в одном ряду с формами 1-го л. ед. числа буд. вр. *виж^а ж*, *ймж*, невозможно интерпретировать ни как формы аориста, ни как формы повелительного наклонения, а можно понять только как неверное (с точки зрения норм старославянской письменности) написание той же формы 1-го л. ед. числа буд. вр., которую мы находим и в тексте Мариинского евангелия.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с различием, которое нас должно интересовать, не с использованием разных грамматических способов описания одной и той же внеязыковой ситуации и не с переосмыслением самой внеязыковой ситуации, а с разными способами графической передачи одной и той же грамматической формы, которая передается то в соответствии с прежними нормами (*вижж*, *ймж*), то несколько неожиданным способом с заменой буквы *ж* буквой *и* (*вълочи*, *кзлочи*).

Причина такой замены заключается в том, что писец XIII в., смешивая употребление букв *ж* и *ъ*, которые в каких-то позициях для него обозначали один и тот же звук, также смешивал употребление букв *ъ* и *ь*, которые также в ряде случаев обозначали для него идентичные звуки, и, наконец, он смешивал буквы *ь*

и н, поскольку в некоторых позициях и эти буквы вокализовались для него одинаково. Это обстоятельство и позволило ему рассматривать все эти буквы как взаимозаменяющиеся и свободно подставлять любую из этих букв вместо любой другой из них.

Убедившись на этом бесспорном примере (Ио. XX 25), что перед нами не грамматическое разночтение, а графические замены, обусловленные фонетическими процессами, мы вправе теперь и две другие аналогичные замены (Мф. XII 18, Мф. VII 4) исключить из нашего рассмотрения, так как замены такого типа не относятся к нашим разночтениям.

Омографы подобного рода, обязанные своим возникновением не грамматическим, а фонетическим и фонологическим изменениям, происшедшим в языке, могут встречаться и для других глагольных форм, но мы уже не будем в дальнейшем на них останавливаться, полностью исключив их из нашего рассмотрения.

Общая сводка всех разночтений между Врачанским и Мариинским евангелием в области использования форм времени по материалам первой выборки дана в табл. 6. Таблица эта построена точно так же, как табл. 5, относящаяся к Саввиной книге, и также содержит только сведения, относящиеся к судьбе во Врачанском евангелии форм индикатива, использованных в тексте Мариинского евангелия; сведений о тех случаях использования форм индикатива во Врачанском евангелии, которым в тексте Мариинского евангелия соответствуют иные формы, табл. 6 не содержит.

Как видно из таблицы, разночтения во Врачанском евангелии составляют сравнительно небольшую долю (3,1%) по отношению ко всем формам индикатива. Это даже меньше, чем доля разночтений в Саввиной книге.

Сохраняются и те же типы разночтений, которые нам уже встречались в предшествующих евангельских сводах; к уже отмеченным добавляется здесь лишь один новый тип разночтений: „наст. вр. — да + наст. вр.“, представленный одним случаем.

Доли разночтений, относящихся к трем основным временам (настоящее, аорист, будущее) по-прежнему различаются не очень существенно. Соответствия „прямые“ и аналогичные им „обратные“ соответствия („настоящее—будущее“, и „будущее—настоящее“, „аорист—имперфект“ и „имперфект—аорист“ и т. п.) численно не очень различаются. Так что, как и прежде, можно говорить о ненаправленном характере разночтений.

Довольно большая доля разночтений (29 из 79), встретившихся во Врачанском евангелии, уже была отмечена нами в других евангельских списках.

Следующие семь разночтений отмечены во всех трех евангелиях — Зографском, Ассеманиевом и в Саввиной книге: „наст. вр.—аорист“ Лук. X 19, Ио. XIV 24; „наст. вр.—повелительное накл.“ Мф. XXVI 45; „пропуск глагола в наст. вр.“ Ио. XIV 4;

**Спрягаемые формы индикатива в Маринском евангелии (по горизонталам) и их соответствия
во Врачанском евангелии (по вертикалям)**
(по материалу первой выборки)

Маринское евангелие	Врачанское евангелие													Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несоответствия в тексте Врачанского евангелия		
	настоящее	вопрст	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее	будущее в прошедшем	привативе д. явл. наст.	привативе д. явл. пр.	справдательная форма	повелительное наклонение	инфинитив	вр. да + наст.	∅	число	% от общего числа форм	число	% от общего числа
Настоящее	721	5	2	—	—	1	—	2	—	—	2	—	1	2	736	28,5	15	2,0
Аорист	5	1043	7	3	—	3	—	1	15	1	1	—	—	3	1082	41,9	39	3,6
Имперфект	4	7	249	—	1	—	—	5	—	—	—	1	—	2	269	10,4	20	7,4
Перфект	—	1	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36	1,4	1	2,8
Плюсквамперфект	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,2	—	—
Будущее	1	3	—	—	—	448	—	—	—	—	—	—	—	—	452	17,5	4	0,9
Будущее в прошедшем	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	<0,1	—	—
Всего во Врачанском евангелии	731	1059	258	38	5	452	1	8	15	1	3	1	1	7	2580	100%/0	79	3,1

„аорист—причастие прош. вр.“ Мф. VIII 18, Лук. XIII 15; „пропуск глагола в аористе“ Ио. XIV 28.

В одном случае разночтение уже было отмечено в двух евангелиях — в Ассеманиевом и в Саввиной книге: „имперфект—аорист“ (Лук. XIV 7).

Одиннадцать разночтений отмечены в Саввиной книге: „наст. вр.—причастие наст. вр.“ Лук. XXIII 34; „аорист—перфект“ Лук. X 21, Ио. III 16; „аорист—причастие наст. вр.“ Мр. IX 17; „аорист—причастие прош. вр.“ Мф. XIV 14 (bis), Лук. XV 28; „пропуск глагола в аористе“ Мр. I 35; „имперфект—аорист“ Лук. XXIII 34; „пропуск глагола в имперфекте“ Лук. VIII 41, Лук. XIII 11.

Восемь разночтений отмечены в Ассеманиевом евангелии: „аорист—имперфект“ Мф. XXVI 67; „перфект—аорист“ Мф. XVIII 23 (в Саввиной книге здесь разночтение типа „перфект—настоящее“); „настоящее—аорист“ Мр. VII 37; „аорист—настоящее“ Мр. XV 16; „аорист—имперфект“ Лук. XXI 4; „имперфект—аорист“ Лук. XXIII 32; „аорист—причастие прош. вр.“ Ио. I 48, Ио. I 49.

Два разночтения отмечены в Зографском евангелии: „пропуск глагола в настоящем времени“ Мф. XXII 36; „имперфект—причастие наст. вр.“ Лук. XVI 21.

Итак, во Врачанском евангелии 19 разночтений совпадают с разночтениями Саввиной книги, 16 — с разночтениями Ассеманиева евангелия и 9 — с разночтениями Зографского евангелия.

I. Как и в предшествующих трех евангельских сводах, значительная часть разночтений (36 из 79) относится к первой группе, т. е. не связана с меной времен индикатива.

1. Действительные причастия на месте спрягаемых форм:

а) причастия наст. вр. на месте форм настоящего времени: Мф. VI 16; Лук. XXIII 34; аориста: Мр. IX 17; имперфекта: Мф. XXVII 41; Лук. XV 16; XVI 21; XVIII 3; Ио. VII 44;

б) причастия прошедшего времени на месте форм аориста: Мф. VIII 15, 18; IX 20; XIV 14 (bis); XVII 14; Мр. II 12 (bis); III 5; Лук. XIII 15; XV 28; Ио. I 48, 49; XII 36, 38.

2. Отсутствие глагола в тексте Врачанского евангелия:

а) пропуск связки в наст. вр.: Мф. XXII 36, см. разночтения с Зографским евангелием;

б) пропуск знаменательного глагола²⁷:

²⁷ Сюда, разумеется, не относятся такие пропуски глагола, которые ведут к потере лингвистической информации, т. е. неполно описывают внеязыковую ситуацию (строго говоря — описывают другую внеязыковую ситуацию), и которые следует объяснить небрежностью переписчика, пропускавшего порой не только отдельные слова, но и целые страницы текста: „Макар и писмото на Врач. Еван. да е доста хубаво и акуратно, обаче

Лук. XIV 1: I **вѣсть** егда **баниде** ^и **иъзъ** **къ** **домъ** **единого** **кнѣзѣ** **фарисѣиска** **къ** **соботѣ** **хлѣба** **ѣсть**. и **ти** **вѣдахъ** **назирайте** и.

Во Врачанском евангелии вместо одного евангельского зачина, выраженного формой аориста от глагола бытия, использован другой, столь же характерный евангельский зачин **Бѣ** **вр** (‘в оно время’), который выражает ту же идею бытия, существования, происшествия и также встречается очень часто в Маринском (как и во всех других) списках евангелия (например, Мф. XII 1; XIV 1 и др.).

Остальные пять случаев пропуска знаменательных глаголов уже встречались нам в других евангельских списках: Мр. I 35 (см. стр. 191), Лук. VIII 41 и XIII 11 (см. стр. 191), Ио. XIV 4 и 28 (см. стр. 174).

3. Замена активной конструкции пассивной.

Мр. II 1: I **баниде** **пакзи** **иъзъ** **къ** **капернаоумъ** **по** **данехъ**. I **слоухъ** **вѣсть** **ѣко** **къ** **домоу** **ѣтъ** (Врач. **сѣзшана** **вѣи**)

4. Замена форм индикатива формами повелительного наклонения.

Как уже говорилось, в ряде случаев трансформации „индикатив—императив“ являются разрешенными (см. стр. 175 и стр. 192 настоящей работы), однако замены во Врачанском евангелии относятся не к этой категории, а связаны с переосмыслением внеязыковых ситуаций.

Мф. XXV 46: 45. **тѣгда** **отвѣщаагъ** **имъ** **глаголю**... **по** **неже** **не** **сѣтвористе** **единому** **отъ** **снхъ** **малышнхъ** **ни** **манѣ** **сѣтвористе**. 46. I **идѣтъ** **ти** **къ** **мжкж** **вѣчнжж**.

Во Врачанском евангелии **ти** пропущено, а вместо **идѣтъ** стоит **идѣте**. По смыслу этого места в Маринском евангелии

прѣписавать му не е биль тѣи внимателенъ и често пакти недописва, или повтаря думи, или пѣкъ прѣскача букви, думи, та и цѣли фрази. Въ това си невнимание той прѣскачалъ на едно мѣсто цѣль листь, т. е. намѣсто единъ, обръналь два листа отъ своятъ изводъ, продължаваль да прѣписва и се догажда чак слѣдъ като прѣписаль цѣли 27 реда; но слѣдъ това се досѣтиль и загражда погрѣшно прѣписанитѣ редове съ киноваръ, а отстрани прѣкъзъ лѣвата пола на л. 19^б съвѣкъмъ на крайцецѣтъ написва съ по дребно писмо въ единъ редъ: . . . . . грѣшнжжъ варѣ какъ сѣ забѣи та грѣшнхъ. прѣврати^{хъ} два листа грѣшнн^ѣ ѣ“ (Б. Цонев. Указ. соч., стр. 12-13).

Например, в Маринском евангелии читаем: Мф IX 13: **шдѣше** **же** **наоучи** **сѣ**. что **ѣтъ** **милостыни** **хошѣж** **а** **не** **жрѣтвѣ**.

Во врачанском списке пропущены подчеркнутые нами слова, в результате чего возникает совершенно новое осмысление текста, точнее псевдоосмысление, так как почти с уверенностью можно сказать, что писец и не думал вкладывать в слова Христа новый смысл: „наоучите сѣ мати ѣ не жрѣтвѣ“.

Рассматривать этот и подобные ему случаи явной порчи текста, притекающей от невнимательности писца, как пропуск глагола, допускаемый системой языка среднеболгарского периода, очевидно нет никаких оснований (ср. аналогичный пропуск глагола по недосмотру в тексте Лук. VIII 45).

(и в греческом тексте) бог отец формулирует вину тех, кто не помогал „меньшим“, а Христос говорит в заключение, что эти виновные „пойдут в муку вечную“. По смыслу текста Врачанского евангелия заключение принадлежит также богу отцу, а не Христу, бог, обращаясь непосредственно к виновным, повелевает им: „Идите в муку вечную“.

Мф. XXVIII 8: 5... анѣла рече женама. не бонга кзи са... б., приѣта видита мѣсто. идеже лежа хъ. 7. I ѣдро шадши рѣчѣта оученикомъ его. тко кзета отъ мръткыхъ. I се карѣта кзи кз галилей. тоу и оузырите се рѣхъ кама. 8. I отъшедши ѣдро отъ гроба съ страхомъ I радостнѣж великѣж. тѣсте възвѣститѣ оученикомъ его.

Во Врачанском евангелии вместо тѣсте написано тиѣта и кзвѣститѣ. По смыслу Мариинского евангелия (и греческого текста) слова ангела, обращенные к женщинам, заканчиваются словами рѣхъ кама далее идут слова самого евангелиста („автора“), рассказывающего о том, что сделали женщины, когда ангел кончил с ними говорить („отойдя поспешно от могилы, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам его“). По смыслу Врачанского евангелия весь этот текст, кроме первых трех слов (анѣла рече женама), представляет собою прямую речь ангела, так что здесь уже нет сообщения о дальнейшем поведении женщин, а содержится только повеление ангела, чтобы женщины „отойдя поспешно от могилы, побежали бы и возвестили...“ В соответствии с этим не только аорист тѣсте, но и супин кзвѣститѣ („побежали возвестить“) заменены формами повелительного наклонения, причем между двумя глаголами вставлен союз и, указывающий на то, что писец рассматривал эти слова как однородные члены („бегите и возвестите“).

Третий случай замены отмечен во всех предшествующих списках.

5. Замена форм индикатива инфинитивом.

Мф. VIII 28: I пришедшоу емоу искн на онъ полъ ... сърѣтете и дѣка вѣсна... тко не можааше никтоже минжти пжтѣма тѣма. I се кзвѣписте гѣца.

Во Врачанском евангелии вместо подчеркнутых слов написано тко немощи никомоуже, т. е. использована безличная конструкция, уже встречавшаяся нам в Ассеманиевом евангелии и в Саввиной книге и восходящая к греческому оригиналу (*ὅστε μὴ ἰσχύουσιν τινὰ παρελθεῖν*).

6. Замена формы индикатива конструкцией „да+наст. вр.“

В ряде случаев конструкция „да+наст. вр.“, как мы увидим в дальнейшем, может выступать в болгарском языке в качестве трансформы к конструкциям с формами индикатива. Но в данном

случае мы опять-таки имеем дело с переосмыслением внеязыковой ситуации:

Лук. VIII 18: Благдѣте сѧ оубо како сзвѣстите. иже бо иматъ дастъ сѧ емоу. а иже не иматъ. и еже мѣнитъ сѧ имѣя отзимеръ сѧ отъ него.

Во Врачанском евангелии вместо подчеркнутых слов написано да не мнитъ сѧ. По смыслу Маринского евангелия 'кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь'. По смыслу Врачанского евангелия 'кто не имеет, у того отнимется, чтобы не считал себя имеющим'.

II. Ко второй группе разночтений относится 43 случая, что составляет менее 1,7% всех спрягаемых форм индикатива, входящих в нашу выборку. Они распределяются между следующими подгруппами.

1. Настоящее время — аорист (5 случаев). Два случая (Лук. X 19 и Ио. XIV 24) отмечены были в разночтениях по Зографскому кодексу и одно (Мр. VII 37) — в разночтениях по Ассеманиевому кодексу. Кроме тех случаев, которые уже встречались нам в предшествующих евангельских списках, во Врачанском евангелии к этому типу разночтений относятся два случая. В одном случае изменено время глагольной связки:

Мф. VI 23: аште ли око твое ажжко бждетъ. како тѣло твое тѣмъно бждетъ. аще оубо свѣтъ иже въ тѣбѣ. тѣма естъ тѣ тѣма колѣми (Врач. вѣи).

В другом случае изменено время знаменательного глагола:

Ио. VII 38: 37... аште кто жаждетъ да придетъ ко манѣ и приетъ. 38. вѣроуеи въ ма тѣкоже книги рѣша рѣкзи отъ чѣтка его истекжтъ водзи жикзи (Врач. истикошж; гр. буд. вр. *ρεῖοουσι*).

В обоих случаях переписчик Врачанского евангелия вольно или невольно изменил временную координацию событий, внося тем самым нечто новое и в описываемую ситуацию, поскольку замена времен в данном случае выходит за пределы чисто грамматических трансформаций.

2. Аорист — настоящее время (5 случаев). Один случай (Мр. XV 16) уже был отмечен в разночтениях по Ассеманиевому кодексу, два (Мф. XXIV 45 и Ио. XV 18) — в разночтениях по Саввиной книге.

Лук. I 30: и рече еи анѣлз. не бои сѧ марие. обрѣте бо благодатъ отъ ва. (Врач. обрѣцши).

В этом случае замена времен вполне допустима грамматической системой, но она неизбежно связана и с переосмыслением описываемой ситуации. В Маринском евангелии ангел сообщает Марии, что она уже обрела благодать, тогда как во Врачанском евангелии утверждается, что Мария только обретает или обретет благодать.

С такой же заменой времен, приводящей к переосмыслению ситуации, встречаемся мы и в следующем примере.

Лук. VIII 43: *1 жена ѡжшти въ точении крѣве... ѣже балѣмъ издаѣкши кзе имѣние. ни отъ единого же не може исцѣлѣти... кося ѡ какариии ризѣ его. 1 авне ста токз крѣве на (Врач. можѣтъ).*

Здесь, однако, частичное переосмысление сложной ситуации создает противоречие, которого не возникало в предыдущем случае (Лук. I 30). Там изменена была временная характеристика одиночного действия, здесь же изменение временной характеристики одного действия при сохранении старой временной характеристики остальных действий, создающих вместе одну сложную ситуацию, приводит к нарушению временной координации (в ряду форм А кося ѡ, ста оказывается форма Н можѣтъ).

Пример этот, разумеется, не свидетельствует вовсе о разрушении системы времен в болгарском языке XIII в., так как настоящее и прошедшее время, мы знаем, различались на протяжении всего письменного периода болгарского языка, он всего-навсего подтверждает ту характеристику невнимательного „калугерица“, написавшего Врачанский список, которую дал ему Б. Цонев и которую мы уже приводили.

3. Настоящее время — имперфект (2 случая).

Мр. II 2—8: *2. 1 авне събзраша ѡ мзноси... 3. 1 приахъ къ нему носаште ослабленъ жилами... 4... отъкрыша покровъ... събѣсиша одръ... 5. видѣхъ же иъзъ вѣржъ ихъ. гла... чадо отъ-поушгажѣтъ ти ѡ грѣши ткои. 6. бѣдохъ же едини отъ книжжъ [нижъ] никъ тоу сѣдаште. 1 помъшлѣхъте въ сздацихъ сконхъ. 7. что ѡ тако глаголетъ бласфимна... 8. 1 авне разоумѣхъ иъзъ дхъма сконма. ѣко тако ти помъшлѣхъте въ сѣбѣ. рече имъ (Врач. помъшлѣхъ; гр. наст. вр. διαλογίζονται).*

Действия первого плана в этом отрывке описываются формами А, одновременные им действия второго плана могут быть свободно описаны как формами А, так и И (форма помъшлѣхъ во Врачанском), а поскольку в данном случае мы имеем дело с несобственно прямой речью — автор передает, что думал (разоумѣхъ) Христос, — свободно используется также и настоящее время (форма помъшлѣжѣтъ в Маринском).

Лук. VIII 45: *рече петръ... настакъниче народи оутышгажѣтъ та и гнетжѣтъ (Врач. ѡгнѣтажѣ: гр. наст. вр. συνέχουσιν σε καὶ ἀποθλίβουσιν).*

В этом случае, как и в предшествующем, описывается действие, относящееся к одному периоду с действием первого плана, но предшествующее тому моменту, к которому относится действие первого плана. В первом примере Христос понял, что подумал книжник, после того, как книжник уже подумал что-то, во вто-

ром примере толпа „угнетала“ Христа до того, как Петр сказал свои слова (разумеется, книжник мог продолжать думать, а толпа „угнетать“ Христа и после того, как Христос „понял“, а Петр „сказал“). Поэтому в обоих случаях форма настоящего времени свободно заменяется формой прошедшего времени. Но в первом случае основное повествование дано в аористе, и этому соответствует форма имперфекта, служащая для обозначения одновременно происходящего действия второго плана. Во втором же случае мы имеем дело с прямой речью, и, стало быть, действие относится к настоящему периоду, а поэтому при замене настоящего прошедшим естественнее было бы ожидать здесь форму П— прошедшего результативного, актуального для настоящего момента.

4. Имперфект — настоящее время (4 случая).

Ио. XVI 19: Разумѣ же ис. ꙗко хотѣху и кзпращати. и рече имъ... (Врач. хотѣхъ).

Пример этот аналогичен случаю, разобранным в предыдущей подгруппе (Мр. II 8); формы И и Н здесь свободно замещают друг друга.

В двух следующих примерах форма Н, употребленная во Врачанском списке, представляется более точно передающей описываемые ситуации, чем форма И, использованная в Маринском евангелии:

Мф. XXVI 54: 53. ми мѣнитъ ти сѧ ꙗко не можѣхъ оумолити отъца моего. и приставитъ мѣнѣ каште ми дѣка на десѧте лѣхона анѣлъ 54. како же оубо събѣждѣхъ сѧ кзникъ. ꙗко тако подобаше быти (Врач. по^авагѣхъ; гр. — *δει*).

Лук. XV 32: 31... чадо тѣи кажегда съ маюж еси. и вѣстѣ моѣ твоѣ сѣхъ. 32. възвеселити же сѧ и възрадовати подобаше. ꙗко братъ твои сѧ мрътѣвѣ вѣ и ожике. изъивѣлѣ вѣ и обрѣте сѧ (Врач. по^авагѣхъ; гр. — *δει*).

В следующем примере использование формы Н представляется неоправданным:

Мф. XXII 46: и никтоже не можааше отвѣстити емоу словесе. ни съмѣ кто отъ дѣне того кзпроити его къ чтомуу (Врач. можѣхъ).

5. Настоящее время — будущее время (1 случай).

Мр. VIII 36: каа бо польза естъ чѣкоу аште приобращѣхъ всѧ миръ. и стѣнетитъ дшѣ кож (Врач. вѣдѣхъ).

Замена связки настоящего времени связкой будущего времени при описании подобной ситуации осуществляется совершенно свободно в болгарском языке (ср. в русском: *А вы кто же будете?*).

6. Будущее время — настоящее время (1 случай).

Мф. XXV 1: Тѣгда оуподовитъ сѧ цсрѣткие некое десѧти дѣкъ.

ѢЖЕ ПРИМѢША СѢТИЛНИКѢ СКОБЪ · ИЗИДЖ ПРОТІКОУ ЖЕНИХОУ...
(Врач. побно етѣ).

Поскольку во Врачанском евангелии наряду с заменой глагольного сказуемого в форме Б именным сказуемым со связкой настоящего времени опущено слово тѣгда, которое было бы трудно совместить с представлением о настоящем времени, „замена“ становится вполне возможной, и она ничем не отличается от той замены, которая была рассмотрена в предыдущей подгруппе.

7. Аорист — имперфект (7 случаев). Два случая (Мф. XXVI 67, Лук. XXI 14) были отмечены в разночтениях по Ассеманиевому евангелию. Как уже говорилось, формы А могут свободно употребляться вместо форм любого прошедшего времени, а потому при известных условиях возможна и обратная замена форм А формами И, а именно для описания событий второго плана, соотносимых с действиями прошедшего периода. Примером использования формы И в таком значении является следующее разночтение, отмеченное во Врачанском евангелии:

Ио. XI 13: ис же рече о сзврзати его. они же мѣнѣша ꙗко о оуспении сзѣна глѣтѣ (Врач. мѣахж).

Действия, обозначенные глаголами рече и мѣнѣша, не только относятся к одному, прошедшему, периоду, но и совпадают или почти совпадают по времени. Действие первого плана — высказывание Иисуса Христа (рече), действие второго плана — понимание (в данном случае — неправильное понимание) учениками слов учителя (мѣнѣша). Такое распределение форм И и А в евангельском тексте при обозначении конкретных действий персонажей повествования является обычным.

В трех следующих примерах разночтение отмечено в глаголах говорения, особенности употребления которых уже отмечались выше (см. стр. 179 и 185).

Мр. I 37: 35. I ѡтро прѡбрѣзгоу сѣло. кзстѣвѣ изидѣ исѣ и иде кз поуѣто мѣсто. I тоу молитеж дѣаше. 36. I гзѣнѣша и симонѣ и иже вѣахж сз нимѣ. 37. I обрѣтѣше и глѣша емоу ꙗко кѣси иштѣтѣ тебе. I гла имѣ идѣмѣ... (Врач. глѣхж);

Ио. XI 23: гла ии ис. кзкрзѣнетѣ вратѣрѣ твои ꙗко гла емоу марта кѣмѣ... (Врач.: первый раз — глѣше, второй — гла);

Ио. XI 39: гла ис кззѣмѣте камень. Гла емоу сѣстра... (Врач.: первый раз — глѣше, второй — гла).

Два последних примера особенно показательны. Замена форм А формами И здесь не является нарушением системы времен, но примечательно, что в каждом из примеров писец, заменяя первую форму А, вторую форму, стоящую в точно такой же позиции и имеющую точно такое же значение, как и первая форма, остав-

ляет незамеченной. Такое безразличие в выборе форм времени для глаголов говорения неоднократно обнаруживается в евангельских текстах.

Ио. XVII 6:1. си гла ис...и рече · отче · приде година. прослави сн҃а своего. да и сн҃з твои прославитъ та... 6. ꙗкоже има твои члвкыма. ꙗже далъ еси манѣ отъ мира. твои бѣша и манѣ ꙗ далъ еси (Врач. бѣхъ).

В этом случае формой относительного времени, имперфектом (во Врачанском списке), также обозначено действие второго плана (действия первого плана приде, прослави, ꙗкоже, а также прославитъ), но действие это не одновременно действиям первого плана, а предшествует им. Наиболее уместным было бы использование плюсквамперфекта, однако формы И выступают в качестве неотмеченного члена в корреляции с формами Пл и потому могут свободно их замещать.

8. Имперфект — аорист (7 случаев). Три случая уже были отмечены в разночтениях по спискам евангелия уже рассмотренных выше: Ио. I 33 отмечен в Зографском евангелии, Лук. XXIII 32 отмечен в Ассеманиевом евангелии, Лук. XXIII 34 отмечен в Саввиной книге.

Разночтения в этой подгруппе аналогичны разночтениям в подгруппе 7 и не вносят ничего нового в соотношение этих двух прошедших времен, „замены“ во всех приводимых здесь примерах являются разрешенными.

Лук. VIII 29:27... сзрѣте и мжжъ... иже имѣ бѣсѣ... 28. оузрѣкъ же исъ... рече. что естъ манѣ и тебѣ исъ...не мжчи мене. 29. прѣштѣаше бо доухови нечистоуоумоу изити отъ члвкѣ. отъ многоу бо лѣтъ въсхъшѣаше и. і вѣздахъ и жжи желѣзны... 30. вѣспроси же и исъ... (Врач. въсхъшѣ).

Мф. VII 27: і сзвидѣ дождъ и приде рѣкъы и вѣвѣаша вѣтри и опзрѣша сѣ храмниѣ твои. і паде сѣ. і вѣ разрушение еѣ велие стѣло. (Врач. бы);

Мф. IX 11: і видѣвше фарисей глѣхъ оученикомъ его... (Врач. рекошъ);

Лук. VI 20: і чѣ вѣвѣдъ очи свои на оученикъы свои глѣаше... (Врач. ре).

9. Аорист — перфект (3 случая). Два случая (Лук. X 21, Ио. III 16) отмечены в разночтениях по Саввиной книге.

Лук. XV 30:29... се тслико лѣтъ работѣхъ тебѣ. і николиже запокѣди твоеѣ не прѣстѣхъ. і манѣ николиже не далъ еси козлаче. да сз дроты мси ми вѣвѣселилъ сѣ вимѣ. 30. егда же сн҃з твои сѣ. изѣды твое имѣние... приде · закла емоу телецъ... (Врач. заклалъ еси).

В этом тексте два „симметричных“ действия не дана еси и за-
клад еси, имеющие актуальное значение для момента высказывания,
во Врачанском списке обозначены более последовательно — двумя
формами П, чем в Мариинском, где второе действие обозначено
формой А (впрочем, употребление аориста в позиции, где можно
употребить перфект, всегда свободно допускается).

10. Перфект — аорист (1 случай). Этот случай (Мф. XVIII
23) отмечен в разночтениях по Ассеманиеву евангелию.

11. Аорист — будущее время (3 случая). Замены этого
типа чаще всего связаны с переосмыслением временной характе-
ристики самих внеязыковых ситуаций, а не с возможностями си-
нонимического описания, предоставляемыми грамматической систе-
мой языка. Поэтому в разночтениях такого рода один из пере-
писчиков обычно создает неверное или неточное представление
о содержании текста. Такой искажающий смысл дают все три
приводимые нами разночтения во Врачанском евангелии:

Мр. X 45: $\text{Ѡво ѡнъ члвчскы не приде да послуж(жа)тъ емоу}$
 $\text{нз послужитъ . і дати дшж свож избавленіе за многы (Врач.}$
 приде) .

Поскольку Христос говорит здесь о самом себе („сын чело-
веческий“), форма Б здесь не имеет смысла, ее следует признать
ошибкой, каковы бы ни были причины ее появления.

Ио. XIII 32: 31... $\text{Нынѣ прослави сѧ онъ члвчскы. и бѣ про-}$
 $\text{слави сѧ о немѧ. 32. аште бѣ прослави сѧ о немѧ. і бѣ прогласиты-и}$
 $\text{бѧ себѣ. і авие прогласитъ і (Врач. прогласитъ сѧ)}$.

Появление прогласитъ сѧ вместо прослави сѧ в таком сложном
тексте, где идет игра слов и форм (6 раз употребляется одно и
то же слово в разных формах), под пером такого малограмотного
и рассеянного писца, каким был переписчик Врачанского еванге-
лия, кажется вполне „естественной“ ошибкой.

Ио. XVII 12: $\text{егда вѣхъ сѧ ними въ мирѣ. азъ съвмодахъ ѡ бѣ}$
 $\text{іма твое. ѡже далъ еси мноѣ съхранитъ. і никтоже отъ нихъ не по-}$
 $\text{гыбе. ткзмо онъ погыбѣхъны (Врач. не погыбнетъ; гр. ἀπόλετο)}$.

Такое чтение текста (с формой Б) вполне возможно, но оно
несколько переосмысляет ситуацию по сравнению с оригиналом.

12. Будущее время — аорист (3 случая). Все разночте-
ния в этой подгруппе с большой вероятностью следует отнести
к случайным опискам. Но так как это именно описки, которые
можно объяснить только простой невнимательностью переписчика,
а не влиянием каких-то объективных факторов языка (как, на-
пример, можно объяснить смещением букв под влиянием из-
менившегося произношения написание глшж вместо глдше), то
у нас нет и, видимо, не может быть бесспорных доказательств
того, что это именно описки, а не переосмысление писцом (пусть

не очень понятное и убедительное) внеязыковых ситуаций (напомним, что мы уже приводили аналогичный пример разночтения из Зографского евангелия в тексте Лук. I 36, см. стр. 180).

Лук. I 37: 35... **днѣмъ рече ен. дхъ стѣи наидетъ на та. сила къшзнтѣго осѣнитъ та. тѣма же еже родитъ сѣ стѣо наречетъ сѣ снз бжн.** 36. **и се елисабета жжика тѣоѣ и та зачатъ снѣ въ староста своѣ. и сѣ мѣсѣцъ шестѣи естѣ ен. нарицаемѣи неплодзби.** 37. **ѣко не изнеможетъ отъ бѣ касткз глз.**

Переписчик Врачанского евангелия вместо форм Б наидетъ и изнеможетъ написал наиде и изнеможе, графически совпадающие с формой А. Признав эти слова формой А, мы должны будем признать, что писец, произвольно изменив временную характеристику одного события „дух найдет“, при этом не заменил временную характеристику другого события „сила осенит“, тогда как события эти не только очевидно одновременно, но скорее всего они даже нераздельны и, по-видимому, должны рассматриваться как разные выражения одного и того же факта („дух найдет“ — это и означает, что „сила осенит“). Обратим также внимание на то обстоятельство, что в этом же тексте переписчик пропустил слова еже родитъ сѣ — такое изменение текста уже никак нельзя считать его „переосмыслением“, так как без пропущенных слов дальнейшие слова (стѣо наречетъ сѣ снз бжн и) просто теряют смысл. Это еще один аргумент в пользу того, что и отклонения в написании глагольных форм появились просто вследствие рассеянности писца.

Лук. VIII 12: ...а иже при пжти сѣтѣ слышаштѣи. по томъ же придетъ днѣколъ. и къзметъ слово отъ срѣца ихъ.

Во Врачанском евангелии вместо придетъ написано приде, но сохранена форма Б къзметъ. Это обстоятельство позволяет предположить, что в слове придетъ переписчик просто не дописал двух букв.

Имперфект — плюсквамперфект (1 случай).

Мф. XXVI 43: 40. **и приде къ оученикомъ и обрѣте ѣ спаштѣа...** 43. **и пришедъ пакы обрѣте ѣ спаштѣа. вѣстѣ бо счи имъ тажцѣ. и оставлѣ ѣ. пакы шедъ помоли сѣ третицеж (Врач. вѣста штагачилѣ).**

Имперфект по отношению к плюсквамперфекту является неотмеченным членом корреляции, а потому в известных позициях формы обоих времен являются взаимозаменяемыми. В приведенном примере формами относительных времен (вѣстѣ тажцѣ и вѣста штагачилѣ) обозначены действия второго плана (и это оправдывает употребление здесь относительных времен), предшествующие по отношению к действию первого плана, обозначен-

ному аористом (окръѣтѣ), это оправдывает использование во Врачанском евангелии формы Пл.

В пределах нашей первой выборки мы рассмотрели все различия Врачанского евангелия с Мариинским, связанные с „менами“ форм индикатива. Как по количеству, так и по характеру эти различия не отличаются принципиально от тех, с которыми мы уже встречались при рассмотрении старославянских евангельских кодексов. Даже самый состав этих различий почти наполовину повторяет те самые различия, с которыми мы уже встречались в Зографском и Ассеманиевом евангелиях и в Саввиной книге. Эти совпадающие различия в какой-то степени характеризуют устойчивый набор разрешенных трансформаций, связанный с меной временных форм индикатива, охотнее всего — сознательно или бессознательно — допускавшиеся переписчиками евангельских текстов.

Какая-то часть замен должна быть отнесена за счет небрежности переписчика, но и среди них даже при очень строгом подходе можно с трудом обнаружить, пожалуй, только две замены (Лук. VIII 45. — см. стр. 213; Мф. XXII 46 — см. стр. 214), которые могут свидетельствовать о неумении переписчика „правильно“ пользоваться формами неотносительных и относительных времен.

Если к тому же принять во внимание, что переписчик Врачанского евангелия отличался крайне невысокой письменной культурой, вследствие чего рукопись и приобрела для исследователей среднеболгарского языка значение ценнейшего документа, отражающего фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка XIII в., то и для нас она сохраняет такое же значение как памятник, свидетельствующий о том, что к концу XIII — началу XIV вв. в живом болгарском языке не произошло никаких существенных изменений в функционировании системы времен изъявительного наклонения.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

§ 1. Мы, к сожалению, не знаем, как подготовлялся евангельский текст того издания XIX в., которым мы воспользовались для сравнения с Мариинским евангелием. Однако на титульном листе этого издания напечатано: „Верно и точно прѣведено отъ первообразно-то“. И внимательное чтение текста как будто убеждает в том, что эта редакция текста во всяком случае не восходит к древним переводам евангелия на старославянский язык, так что можно считать, что, сравнивая этот текст с текстом Мариинского евангелия, мы сравниваем два перевода одного произведения, сделанные в разные исторические периоды развития болгарского языка. Напоминаем, что в отношении обследованных нами древних евангельских сводов скорее допустимо обратное предположение, что все они в конечном счете восходят к одному переводу (хотя очень может быть, что этот перевод не был единовременным, что, например, сперва были переведены те куски евангельского текста, которые вошли в апракосы).

Очень легко допустить, что переводчик нового времени не только был знаком с древнейшими списками евангелия на болгарском языке, но и как-то использовал их в своем переводе. Однако в целом это был все-таки, по-видимому, новый перевод, причем перевод на современный болгарский язык, без использования таких архаических средств, которые противоречили бы структуре живого языка. Так, система имени в этом переводе та же, что и в произведениях болгарских писателей второй половины XIX в. В области глагола также не отмечено ни одного явления, которое было бы чуждо живому языку: формы супина ни разу не встречаются в этом переводе, старые действительные причастия почти не встречаются, и те несколько действительных причастий настоящего времени (7 случаев из 799, использованных в соответствующих местах текста Мариинского евангелия), которые отмечены в этом переводе, употреблены в атрибутивном значении,

в соответствии с нормами болгарского языка XIX в., употребление инфинитива (формы „да + настоящее время“) соответствует его функциям в современном языке и т. д.

В то же время система времен изъявительного наклонения в целом не подверглась существенным изменениям, и состав абсолютных и относительных времен и их функционирование в тексте евангелия XIX в. те же, что и в евангельских текстах древнего периода.

Подчеркиваем, что речь идет о функционировании системы времен индикатива, а не о материальном выражении самих форм времени. Материальное выражение форм времени в тексте XIX в. по сравнению с текстами X—XI вв. существенно изменилось и полностью соответствует нормам современного болгарского языка. Так, вместо сложной формы имперфекта используется простая форма, вместо простой формы Б используется там, где этого требуют нормы современного языка, сложная форма со *ште* и т. п.

Однако не только состав, т. е. список времен, остался прежний, но и их распределение в тексте XIX в. довольно близко к распределению в древних текстах. Сравним, например, распределение времен изъявительного наклонения в полном тексте евангелия от Матфея в Мариинском евангелии и в евангелии XIX в. (см. табл. 7).

Число спрягаемых форм индикатива в тексте XIX в. (3083) существенно увеличилось по сравнению с текстом Мариинского евангелия (2410). Увеличение это главным образом связано с тем, что ряд действий, которые древний переводчик мог описать причастными формами, переводчик XIX в. мог описать только спрягаемыми формами, поскольку в его языке изменилась функция причастий. Таких случаев в нашей таблице отмечено 707. Другие отклонения оказались весьма незначительными: в 57 случаях переводчик XIX в. использовал спрягаемые формы индикатива там, где древний переводчик их не использовал, и в 92 случаях он не использовал спрягаемые формы индикатива там, где они были использованы в старом переводе.

К изменениям, не связанным с использованием причастных форм, мы еще вернемся в дальнейшем, а сейчас отметим, что несмотря на количественное изменение спрягаемых форм индикатива в тексте XIX в. по сравнению с древним текстом, распределение временных форм в этих двух текстах различается не так уж существенно. В тексте XIX в. несколько сократилась доля форм А (менее чем на 2%) и доля форм Б (на 5%) и несколько возросла доля форм относительных времен (имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем). Эти изменения, может быть, следует связать с несколько большей дифференциацией употребления форм абсолютных и относительных времен, с более четким функционированием системы времен в целом, но они

Состав форм индикатива в Маринском евангелии (по горизонталям)

(по материалу)

Маринское евангелие	Евангелие								
	настоящее	аорист	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее	будущее в прошедшем	причастие д. явл. наст. времени	причастия на -а
Настоящее	717	—	—	2	—	2	—	—	—
Аорист	75	878	15	40	9	—	—	—	—
Имперфект	2	6	118	3	—	—	—	—	—
Перфект	1	4	—	16	—	—	—	—	—
Плюсквамперфект	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Будущее	9	—	—	1	—	421	—	—	—
Будущее в прошедшем	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Причаст. д. зал. наст. времени	139	24	163	3	3	5	1	7	4
Причаст. д. зал. прошедш. вр.	3	343	2	5	6	9	1	—	5
Причастия на -а	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инфинитив	1	—	2	—	—	2	—	—	—
Страдат. форма	1	2	—	—	—	4	—	—	—
Страдат. прич.	1	—	—	—	—	—	—	—	—
∅	29	7	3	—	—	5	—	—	—
Всего в евангелии XIX в.	978	1264	303	70	18	448	2		
% от общего числа форм	31,7	41,0	9,8	2,3	0,6	14,5	0,1		

никак не могут свидетельствовать о разрушении этой системы.

Далее. Самым убедительным подтверждением предположения, что система времен индикатива в болгарском языке второй половины XIX в. принципиально не отличалась от системы X—XI вв., является тот факт, что в громадном большинстве случаев для описания аналогичных ситуаций переводчик XIX в. использует формы тех же времен, которые использовал древний переводчик.

Так, в текстах нашей первой выборки (напоминаем, что она составлена из евангельских текстов, совпадающих в двух апракосах, см. стр. 208 настоящей работы) из 2656 спрягаемых форм индикатива, использованных в Мариинском евангелии, в 2343 случаях в тексте XIX в. использованы в аналогичных местах те же формы, которые были использованы в Мариинском евангелии. Несоответствия же встречаются только в 313 случаях, т. е. составляют лишь 11,8% всех спрягаемых форм индикатива, использованных в Мариинском евангелии (табл. 8).

В текстах второй выборки (напоминаем, что в нее включено по 500 спрягаемых форм индикатива, взятых подряд из текста каждого евангелиста) несоответствий в использовании спрягаемых временных форм насчитывается 250, что составляет примерно 12,5% всех спрягаемых форм индикатива, использованных в Мариинском евангелии в пределах второй выборки. В остальных случаях (1747) в аналогичных местах двух текстов использованы одни и те же формы (табл. 9). Наконец, в третьей выборке (весь текст евангелия от Матфея) несоответствия отмечены в 260 случаях (10,8%), тогда как в 2150 случаях использованы совпадающие формы (см. табл. 7).

Различия эти (от 10,8 до 12,5% несовпадающих форм) следует признать небольшими и в принципе вполне объяснимыми использованием в двух переводах различных синтаксических конструкций, равно допустимых в пределах одной глагольной системы. В двух современных болгарских переводах евангелия содержится примерно такая же доля несоответствий в использовании спрягаемых форм индикатива (13—14%). Как мы уже отмечали, два болгарских переводчика рассказа „Муму“ более чем в 7% случаев при переводе аналогичных мест с русского использовали разные конструкции современного болгарского языка. При проверке на других переводах этот процент повысился до 10. Можно предположить, что существует какая-то естественная „норма“ расхождений в использовании языковых средств при описании одного и того же комплекса внеязыковых ситуаций двумя разными носителями одного языка (или двумя переводчиками одного произведения) даже при добросовестном стремлении обоих достичь максимальной точности описания (или максимальной адекватности оригиналу). Таким образом, наличие в двух переводах одного произведения, из которых второй был сделан через

Спрягаемые формы индикатива в Маринском евангелии (по горизонталю)
и их соответствия в евангелии XIX в. (по вертикалям)
 (по материалу первой выборки)

Маринское евангелие	Евангелие XIX в.													Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Всего несопадающих форм индикатива в тексте евангелия XIX в.			
	настоящее	ворист	имперфект	перфект	пансquam-перфект	будущее	будущее в прошедшем	новелит. страдат. форма	условное нарк.	"да + наст."	"да + ворист"	"да + наст." + "да + наст."	имен существительное	Ø	число	% от общего числа форм	число	% от общего числа форм	
																			число
Настоящее	759	2	1	1	—	3	—	2	2	3	3	—	—	—	2	777	29,3	18	2,3
Аорист	114	930	10	61	8	—	—	—	7	—	1	—	2	9	1142	43,0	212	18,6	
Имперфект	3	8	242	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	2	258	9,7	16	6,2	
Перфект	2	9	—	26	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	38	1,4	12	31,6	
Плюсquamперфект	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	0,2	—	—	
Будущее	7	—	—	1	—	380	—	6	1	3	31	1	1	1	432	16,2	52	12,0	
Будущее в прошедшем	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	—	—	4	0,2	3	75,0	
Всего в евангелии XIX в.	885	949	252	89	15	383	1	8	11	6	34	1	4	14	2656	100%	313	11,8	

1000 лет после первого, 11—13% расхождений в использовании глагольных форм при описании аналогичных ситуаций не может само по себе свидетельствовать об изменении глагольной системы, а скорее наоборот — свидетельствует о ее единстве.

Если таких описаний (переводов) одного комплекса внеязыковых ситуаций (одного произведения), сделанных разными носителями языка (разными переводчиками), будет не два, а десять или двадцать, то, по-видимому, определится и примерный набор таких синонимических конструкций, выход за пределы которого будет явлением сравнительно редким. При увеличении числа таких описаний (или переводов одного и того же текста) набор этот станет более достоверным, а выход за его пределы (т. е. использование кем-то одним из описывающих, одним из переводчиков, такой конструкции, которая не встречается ни в одном из других описаний) станет менее вероятным. Этот набор синонимических конструкций определяется системой языка, разрешающей довольно богатую синонимику на каждом своем уровне.

С подобным явлением мы уже столкнулись, обнаружив повторяющиеся разночтения в разных евангельских списках древнего и среднеболгарского периода. Среди разночтений между текстами евангелия XIX в. и Маринским также есть такие, которые были нами отмечены в предшествующих списках. Таких совпадающих разночтений мы обнаружили в текстах первой выборки 21. Небольшое число совпадающих разночтений по сравнению с общим числом разночтений в тексте XIX в. объясняется тем, что в предшествующих списках, рассмотренных нами, было вообще сравнительно немного разночтений. В Зографском евангелии было отмечено в текстах первой выборки всего 23 разночтения, из которых два повторяются в тексте XIX в., в Ассеманиевом евангелии из 41 разночтения отмечено 5 случаев, совпадающих с текстом XIX в., в Саввиной книге от 109 разночтений 12 отмечено в тексте XIX в., и во Врачанском евангелии из 79 разночтений повторяются в тексте XIX в.—10, т. е. примерно одна десятая часть разночтений каждого списка повторяется в тексте XIX в.

Приводим список этих совпадающих разночтений:

Мф. XXVI 45 („наст. вр.—повелит. накл.“) — отмечено в Зографском, Ассеманиевом, Врачанском евангелиях и в Саввиной книге;

Лук. VIII 27 („аорист—имперфект“) — отмечено в Зографском и Ассеманиевом евангелиях, в Саввиной книге;

Мф. XXVI 67, Лук. XXI 4 („аорист—имперфект“) — отмечено в Ассеманиевом и Врачанском евангелиях;

Лук. VIII 41 (пропуск имперфекта) — отмечено в Саввиной книге и во Врачанском евангелии;

Мф. XV 38 („аорист—имперфект“) — отмечено в Ассеманиевом евангелии;

Мф. XIX 10 (пропуск связки в настоящем времени), Мф. IX 19, Ио. VII 37 („имперфект—аорист“), Мф. VI 22 („буд. вр.—

**Спрягаемые формы индикатива в Маринском евангелии (по горизонталям)
и их соответствия в евангелии XIX века (по вертикалям)
(по материалу второй выборки)**

Маринское евангелие	Евангелие XIX в.											Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несоответствия в тексте евангелии XIX в.		
	настоящее	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее	будущее в прошедшем	повелит. накл.	страдат. форма	вр. 1-го + наст.	именительное	∅	число	% от общ. числа форм	число	% от общ. числа форм	
																число
Настоящее	517	1	—	3	—	3	—	2	—	6	—	3	535	26,8	18	3,2
Аорист	89	726	9	43	6	—	—	—	—	1	—	20	896	44,9	170	19,05
Имперфект	5	15	285	—	7	—	1	—	—	1	1	—	316	15,8	31	9,5
Перфект	—	1	—	9	—	—	—	—	—	1	—	—	11	0,6	2	18,2
Плюсквамперфект	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4	0,2	—	0
Будущее	6	—	—	1	—	206	—	1	—	19	1	—	234	11,7	28	12,0
Будущее в прошедшем	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,1	1	100
Всего в евангелии XIX в.	617	743	295	56	17	209	1	3	4	27	2	23	1997	100%	250	12,5

наст. вр.“), Мф. XIX 18—19 (5 раз) („буд. вр. — повелит. накл.“) — отмечено в Саввиной книге;

Мр. VIII 36 („наст. вр.—буд. вр.“), Ио. XI 13 („аорист — имперфект“), Лук. XV 30 („аорист—перфект“), Лук. XIV 1 (пропуск аориста), Мф. IX 11 („имперфект—аорист“), Мф. XXVI 43 („имперфект—плюсквамперфект“) — отмечено во Врачанском евангелии.

Что касается типов разночтений, представленных в табл. 7, 8 и 9, то большая часть их уже встречалась нам при рассмотрении предшествующих евангельских списков. Новым является только один тип разночтений: „спрягаемая форма индикатива — условное наклонение“. Тип этот можно, по-видимому, считать характерным для разночтений с текстом XIX в., однако его нельзя считать исключительным и для текстов старославянских, хотя в нашей выборке такое разночтение и не отмечено.

Существенно изменились количественные характеристики типов разночтений, и это, пожалуй, можно связать с некоторыми изменениями в глагольной системе, что не противоречит нашему утверждению о принципиальной общности системы времен индикатива в разные периоды истории письменного болгарского языка.

Во-первых, существенно сократилась доля разночтений I группы, т. е. таких, в которых спрягаемым формам индикатива в тексте Мариинского евангелия соответствуют в сравниваемом тексте какие-то иные формы (не спрягаемые формы индикатива). В предшествующих евангельских списках разночтения I группы составляли примерно половину (иногда немного больше, иногда немного меньше) всех отмеченных разночтений. В евангелии XIX в. к разночтениям I группы относятся в текстах первой выборки немногим более 26% всех разночтений, в текстах второй выборки — немногим более 23% и в текстах третьей выборки около 35%.

Такое сокращение I группы разночтений объясняется тем, что для периода XIX в. оказалось исключительным использование причастных форм, очень распространенное в старых евангельских текстах. Разночтения типа „спрягаемая форма индикатива — действительное причастие“, отнесенные нами к I группе, составляли в старых списках около 30% всех разночтений вообще. Невозможность использовать подобные замены привела к значительному сокращению доли разночтений I группы.

Во-вторых, среди разночтений I группы в евангелии XIX в. самое большое место (от 40 до 60% всех разночтений I группы) занимает тип «спрягаемая форма индикатива — „да+наст. вр.“», тогда как в предшествующем материале нам встретился только один случай разночтений этого типа (Лук. VIII 18 во Врачанском евангелии). Дело в том, что в современном болгарском языке конструкция „да+наст. вр.“ может выступать в различных функциях. Например, в функции инфинитива: учителю... какво добро да сторж за да имамъ животь въчень? (Мф. XIX 16), в функции

повелительного наклонения: чули сте е речено: да любишь ближній-тъ си и да ненавиждишь врагъ-тъ (Мф. V 43), в функции условного наклонения: не пазѣте себе да не бы да отягнѣтъ сьрдца-та ви от обяденіе и пѣянство и отъ житейскы грыжы, и ви постѣгне напрасно той день (Лук. XXI 34), в функции будущего времени: рече й иисусъ: азъ съмь въскрсьеніе и живот-тъ, който вѣрува въ мене, и да умре, ще оживѣе (Ио. XI 25).

В предшествующих евангельских списках встречались различия типа „спрягаемая форма индикатива—инфинитив“, „спрягаемая форма индикатива—повелительное наклонение“, „спрягаемая форма индикатива—условное наклонение“. Эти три типа различий в тексте XIX в. в ряде случаев могут быть скрыты в различии типа «спрягаемая форма индикатива — „да + наст. вр.“».

В-третьих, различия приобрели направленный характер. В Зографском, Ассеманиевом, Врачанском евангелиях и в Саввиной книге по сравнению с Мариинским евангелием „заменам“ подвергались примерно равные доли форм основных времен — настоящего времени, аориста и будущего времени. Несколько выше была доля „заменяемых“ форм относительных времен — имперфекта и перфекта.

Кроме того, в старых текстах наблюдалось примерное количественное равенство различий противоположных, так сказать „зеркальных“ типов („аорист—имперфект“ и „имперфект—аорист“ и т. п.).

Оба эти обстоятельства свидетельствуют, как уже говорилось, о ненаправленном характере различий, о том, что в конце концов выбор той или иной разрешенной конструкции оказывался делом случайным, и нельзя сказать, что кто-то из переписчиков отличался от других большей последовательностью в использовании системы временных форм индикатива. Все они пользовались этой системой одинаково, все использовали относительные времена для описания действий второго плана, но трудно сказать, почему именно переписчик Ассеманиева евангелия в тексте Лук. XXI 4 поставил форму И (тогда как в Мариинском евангелии в этом месте была использована форма А), а в тексте Мр. VII 36 поставил форму А (тогда как в Мариинском евангелии здесь стоит форма И). В обоих случаях описывались действия второго плана, в обоих случаях система допускала свободу выбора между формами А и И, — сказать что-нибудь больше о причинах, по которым каждый из переписчиков сделал свой выбор, не представляется возможным.

В таблицах различий по евангелию XIX в. наблюдается несколько иная картина. Различий в формах Н отмечено примерно столько же (в отношении ко всему числу форм), сколько их отмечалось и в старых евангельских списках (например, в Саввиной книге — 4⁰/₀ от всех форм Н). Но значительно возросла

доля разночтений в формах Б (за счет использования конструкции „да + наст. вр.“ при описании таких действий, для которых в Мариинском евангелии использованы были спрягаемые формы индикатива) и еще больше — в формах прошедших времен.

Особенно важными представляются разночтения между Мариинским евангелием и евангелием XIX в. в формах А. В обоих текстах А является наиболее употребительной формой времени. Доли форм А (судя по евангелию от Матфея) в обоих текстах примерно равны (43% всех спрягаемых форм индикатива в Мариинском евангелии, 41% — в евангелии XIX в.). Но именно формам А в Мариинском евангелии больше всего (в абсолютном числовом, а не в процентном выражении) встречается несоответствий в евангелии XIX в. (на долю форм А, использованных в Мариинском евангелии, приходится более 67% всех разночтений в первой и второй выборках и более 57% разночтений в третьей выборке).

Наиболее распространенным типом разночтения для аориста является во всех выборках тип „аорист — наст. вр.“. Разночтения этого типа составляют примерно половину всех разночтений, связанных с аористом (в первой выборке 52%, во второй — 51%, в третьей 48%), и они довольно интересны для нашего исследования.

Напомним, что разночтение типа „аорист — наст. вр.“ отсутствовало в Зографском евангелии (противоположный тип „наст. вр. — аорист“ был представлен двумя случаями), в Ассеманиевом евангелии встретилось один раз (противоположный тип отмечен 8 раз), в Саввиной книге встретилось 7 раз (противоположный тип отмечен 7 раз), во Врачанском евангелии встретилось 5 раз (противоположный тип отмечен 5 раз). Таким образом, в старых евангельских списках мы имели дело с ненаправленными колебаниями в использовании временных форм, тогда как в тексте XIX в. мы видим очевидное преобладание разночтений типа „аорист — наст. вр.“ над противоположным типом („наст. вр. — аорист“). Так, в первой выборке разночтений типа „аорист — наст. вр.“ — 114, противоположного типа — 2, во второй выборке соответственно — 89 и 1, в третьей выборке — 75 и 0.

В большинстве своем разночтения типа „аорист — наст. вр.“ представляют собою замену формы А формой Н в глаголах говорения глаголати и речи: гла — казуба, глаша — казубага, гласте — казубага, рече — казуба. Так, в первой выборке из 114 разночтений типа „аорист — наст. вр.“ 95 приходится на долю указанных замен в глаголах говорения.

Таким образом, исключение из подсчетов только этих двух глаголов сокращает долю разночтений в формах А с 19,3% в первой выборке до 9,3%. Аналогичную картину дают две другие выборки.

Глаголы говорения употребляются в наших текстах почти исключительно в авторских ремарках, т. е. в служебных конструкциях, предназначенных для введения речи персонажей в авторское повествование.

Если материал нашей третьей выборки (полный текст евангелия от Матфея) разбить на три компонента, образующие вместе единый текст, — речь автора (евангелиста), речь действующих лиц и авторские ремарки, то мы убедимся, что подавляющая часть разночтений типа „аорист—наст. вр.“ приходится именно на авторские ремарки, тогда как в двух других компонентах этот тип разночтений занимает очень скромное место. Такого рода разбие текста отражено в табл. 10, 11 и 12, которые представляют собою как бы расчленение данных, собранных воедино в табл. 7, на три составные части в соответствии с тремя речевыми компонентами. В речи автора (табл. 10) отмечено всего 2 разночтения типа „аорист—наст. вр.“, что составляет 5% всех разночтений, отмеченных вообще в авторской речи в евангелии от Матфея, и 7% всех разночтений в формах А. В речи персонажей отмечено 11 разночтений такого типа, что составляет 7% всех разночтений в речи персонажей и 19% всех разночтений по формам А. В авторских ремарках отмечено 60 разночтений этого типа, это составляет более 85% всех разночтений, отмеченных в авторских ремарках, более 89% всех разночтений в группе аориста.

Внеязыковая информация, которую несут глаголы говорения в авторских ремарках в евангелии, практически ничтожно мала, так как слова глаголати и ρεϋσι не содержат ни указания на какие-то особенности манеры говорения, ни авторской оценки манеры говорения данного говорящего лица или самого содержания „говоренного“. Это во всех отношениях нейтральные слова, одинаково относимые ко всем действующим лицам — к Иисусу Христу, апостолам (в том числе и к Иуде Искариотскому), к друзьям и врагам Христа, к больным, которых исцелял Христос, к Пилату и др.²⁸ Слова эти, таким образом, только сообщают о самом факте говорения, т. е. выполняют ту функцию, которую в литературе нового времени выполняют в ряде случаев некоторые знаки препинания — знак тире перед началом прямой речи в сочетании с набором текста с красной строки, двоеточие перед прямой речью (после наименования лица, которому принадлежит прямая речь) в сочетании с кавычками, которыми отмечаются начало и конец прямой речи, а также иногда и со знаком тире и т. п.

Лингвистическая функция глаголов говорения заключается в том, что они являются сказуемыми в предложениях, где вся следующая за глаголом говорения реплика (прямая речь) может

²⁸ Ср., например, использование этих глаголов в следующем тексте: . . . ι αβηε πρηνεζηϋ (Иуда.—И. Б.) κτλ ενσβη ρεϋε εμοϋ. . . ραδοϋσθι σα ραββηνι. ι οβλοβμζα η, ισοϋσϋε ηε ρεϋε εμοϋ. . . (Мф. XXVI 49—50).

Состав форм индикатива (в речи автора) в Маринском евангелии (по горизонталю)
и в евангелии XIX в. (по вертикали)
 (по материалу третьей выборки)

Маринское евангелие	Евангелие XIX в.												Несовершенство в тексте евангелии XIX в.							
	настоящее	аорист	имперфект	перфект	наосквям-перфект	будущее	будущее в промед.	в причастии м. в промед.	в причастии м. наст. вр.	повелит. накл.	да + наст. вр.	указное накл.	страд. форма причастия	накл. причастия	именное существ.	Ø	Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несовершенство в тексте евангелии XIX в.	
																	число	% от общего числа форм	число	% от общего числа форм
Настоящее	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	2,1	—	—
Аорист	2	335	9	1	7	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	6	362	82,8	27	7,5
Имперфект	1	4	56	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	62	14,2	6	9,7
Перфект	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Плюсквамперфект	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Будущее	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	4	0,9	2	50,0
Будущее в промед.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Причастие д. зал. наст. вр.	4	1	36	—	2	—	—	—	1	1	3	—	1	2	3	4	—	—	—	—
Причастие д. зал. прошедшего вр.	—	134	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	2	—	—	—	—
Инфинитив	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Страд. форма	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ø	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	437	100%	35	8,0
Всего в евангелии XIX в.	18	477	105	2	11	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	615				
% от общего числа форм	3,0	77,4	17,2	0,3	1,8	0,3										100%				

Состав форм индикатива (в авторских ремарках) в Маринском евангелии (по горизонталю)
и в евангелии XIX в. (по вертикали)
(по материалу третьей выборки)

Маринское евангелие	Евангелие XIX в.													Несовпадения в тексте евангелия XIX в.					
	настоящее	вопрос	имперфект	перфект	плюсквамперфект	будущее в прош.	будущее	причастие д. наст. пр.	страд. форма причастия	на -а	дг + наст. пр.	страд. причастие	страд. воприст	имя существ-вительное	Ø	Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несовпадения в тексте евангелия XIX в.	
																число	% от общего числа форм	число	% от числа данных форм
Настоящее	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1,4	0	0
Аорист	61	243	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	310	88,6	67	21,6
Имперфект	—	2	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	34	9,7	3	8,8
Перфект	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	—	—
Плюсквамперфект	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	—	—
Будущее	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,3	0	0
Будущее в прош.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	—	—
Причастие д. зал. наст. вр.	14	21	100	—	1	—	—	1	—	1	3	1	—	—	1	—	—	—	—
Причастие д. зал. прош. вр.	—	133	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—
Инфинитив	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ø	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350	100%	70	5,0
Всего в евангелии XIX в.	81	399	134	—	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	620	—	—	—	—
	13,1	64,4	21,6	—	0,6	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	100%	—	—	—	—

Состав форм индикатива (в речи персонажей) в Маринском
(по материалу

Маринское евангелие		Евангелие								
		настоящее	аорист	имперфект	перфект	плюсквам- перфект	буд. вр.	будущее в прош.	причаст. д. явл. наст. вр.	причастие на -а
Настоящее		703	—	—	2	—	2	—	—	—
Аорист		12	300	4	39	—	—	—	—	—
Имперфект		1	—	31	3	—	—	—	—	—
Перфект		1	4	—	16	—	—	—	—	—
Плюсквамперфект		—	—	—	—	—	—	—	—	—
Будущее		9	—	—	1	—	418	—	—	—
Будущее в про- шедшем		—	—	—	—	—	—	—	—	—
Причастие д. зал. наст. вр.		121	2	27	3	—	5	1	5	—
Причастие д. зал. пр. вр.		3	76	—	5	3	9	1	—	5
Причастие на -а		—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инфинитив		1	—	—	—	—	1	—	—	—
Страдат. форма		—	1	—	—	—	4	—	—	—
Страд. причаст. наст. вр.		—	1	—	—	—	—	—	—	—
Страд. прич. пр. вр.		1	—	—	—	—	—	—	—	—
∅		27	4	2	—	—	5	—	—	—
Всего в евангелии XIX в.	число	879	388	64	69	3	444	2	5	5
	%	44,4	19,6	3,2	3,5	0,15	22,4	0,1	0,25	0,25

евангелии (по горизонтали) и в евангелии XIX в. (по вертикали)
третьей выборки)

XIX в.								Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несовпадения в тексте евангелия XIX в.	
„Ав + наст. вр.“	повелит. накл.	условное накл.	страд. форма	страд. причастие	имя существительное	прилаг.	∅	число	% от общего числа форм	число	% от числа данных форм
17	6	2	—	—	—	—	6	738	45,5	35	4,8
—	—	—	3	—	—	—	—	358	22,1	58	16,2
—	—	—	1	—	—	—	—	36	2,2	5	13,9
—	—	1	1	—	—	—	—	23	1,4	7	30,4
—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	0	—
32	5	—	2	—	—	—	1	468	28,8	50	10,6
—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	0	—
4	4	1	1	2	9	6	2	—	—	—	—
5	16	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1623	100%	155	9,55
58	31	4	10	2	9	8	1981				
2,9	1,6	0,2	0,5	0,1	0,45	0,4	100%				

рассматриваться как своеобразное „прямое дополнение“. Как и всякое сказуемое, глагол говорения указывает на временную отнесенность действия, т. е. акта говорения, к моменту речи (т. е. ко времени авторского повествования).

Авторское повествование ведется в евангелии в прошедшем времени (см. табл. 10 — формы Н занимают в ней около 2⁰/₀ всех спрягаемых форм индикатива, формы Б — примерно 1⁰/₀), соответственно и глаголы в ремарках должны, естественно, указывать на действия, относящиеся к прошедшему периоду. Но это обстоятельство само по себе вовсе не означает, что глаголы в ремарках должны стоять в формах одного из прошедших времен. Указывать на действие, относящееся к прошедшему периоду, может и глагол в форме Н. Табл. 12 показывает, что в старославянском тексте глаголы в ремарках действительно стояли преимущественно в формах П (формы Н использованы в ремарках всего лишь 5 раз, форма Б — 1 раз, так что все эти 6 форм вместе не составляют и 2⁰/₀ всех спрягаемых форм, использованных в ремарках). Таким образом, в старославянском тексте было почти полное грамматическое совпадение в использовании временных форм в авторской речи и в ремарках.

Иначе обстоит дело в тексте XIX в. Если в речи автора доля форм Н существенно не изменялась (только в трех случаях употреблению форм П в Мариинском евангелии соответствует использование в тексте XIX в. форм Н — см. табл. 10), то в авторских ремарках в тексте XIX в. в 60 случаях использованы формы Н там, где в Мариинском евангелии были использованы формы А. Временная координация самого акта говорения, т. е. внеязыковой ситуации, разумеется, не изменилась. В новом тексте, как и в древнем, это событие относится к прошедшему периоду. Например, место Мф. IX 28 в Мариинском евангелии читается так: ...пристѣжѣтѣ къ немуу слѣпца. ꙗ гла има нѣзъ; в тексте XIX в.: ... пристѣжихъ слепитѣ при него, и казува имъ Исусъ...

В Мариинском евангелии оба действия обозначены формами А, в евангелии XIX в. сохранена форма А для первого глагола и использована форма Н для глагола говорения. По смыслу текста XIX в. ясно, что оба действия относятся к одному периоду времени и что этот период является прошедшим по отношению к „акту речи“ (т. е. к реальному времени писания) самого евангелиста. Настоящее время, использованное в тексте XIX в. для глагола говорения, является так называемым историческим настоящим временем, т. е. стилистическим использованием грамматической формы Н для описания событий прошлого. Такое использование, во-первых, не противоречит описанной нами системе времен изъявительного наклонения (поскольку настоящее время является неотмеченным членом корреляции), во-вторых, соответствует греческому тексту, где также была использована форма Н

(λέγει). в том же значении исторического настоящего времени (προσῆλθον αὐτῷ οἱ τυφλοί, καὶ λέγει αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς).

В древнеболгарском переводе была использована в этом месте (как и в других аналогичных случаях) форма А, и это соответствует общеизвестному факту отсутствия в древнеболгарских текстах такого использования форм Н (в значении исторического настоящего).

Не пытаюсь объяснить, почему в старославянском языке отсутствует настоящее историческое, напомним, что в других функциях замены форм прошедших времен формами настоящего времени регулярно встречаются в старославянских памятниках, в том числе и в рассмотренных нами евангельских текстах (см. стр. 112). Таким образом, появление в современном болгарском языке настоящего исторического не противоречит существовавшей в старославянском языке системе времен индикатива, а свидетельствует о некотором ее „усовершенствовании“, о том, что корреляции, уже обнаруживающиеся в текстах древнейшего периода, в текстах нового времени используются более последовательно.

Следующим по количеству типом разночтений в формах А является тип „аорист—перфект“. Разночтения эти составляют от 24 до 28% всех разночтений в формах А по трем нашим выборкам. Причем опять-таки противоположный тип („перфект—аорист“ значительно уступает ему количественно (разночтений „прямого“ типа в первой выборке 61, противоположного—9, во второй выборке—43 и 1, в третьей—40 и 4). (В предшествующем материале разночтения обоих типов были единичными: в Зографском и Ассеманиевом евангелиях прямой тип отсутствовал, в Саввиной книге он представлен двумя случаями, во Врачанском евангелии—тремя; противоположный тип представлен одним случаем в Ассеманиевом и Врачанском евангелиях и двумя случаями в Зографском евангелии и в Саввиной книге).

Преобладание прямого типа над противоположным свидетельствует опять-таки о направленном характере „замен“ в тексте XIX в., о том, что использование форм относительных времен в языке XIX в. возрастает по сравнению с языком древнеболгарским и среднеболгарским (нечто подобное происходит в отношении форм Пл, хотя и в меньших масштабах, что же касается форм И, то увеличение их числа происходит главным образом за счет разночтений типа „действительное причастие наст. вр.—имперфект“, а не за счет разночтений типа „аорист—имперфект“). Факт этот опять-таки представляется возможным интерпретировать как некоторое „усовершенствование“ системы времен индикатива, появление большей последовательности в использовании форм относительных времен для обозначения действий второго плана.

Перейдем теперь к описанию самих разночтений.

I. Количественная характеристика разночтений первой группы уже дана была выше, и здесь мы ограничимся перечнем примеров и кратким их пояснением там, где в этом будет необходимость²⁹.

1. Отсутствие глагола в тексте XIX в. (14 случаев).

а) Отсутствие связки в настоящем времени: Лук. XVI 25: рече же авраамъ... лавара ... нзинѣ же сѣде оутѣшадѣ сѣ а ты страждещи.

В тексте XIX в. вместо подчеркнутых слов: *а сега той е на утѣшеніе, а ты на мжкы*. Это обычный случай эллипсиса, — отсутствующий в конструкции *ты на мжкы* глагол (е) легко „восстанавливается“, так как он стоит в соседней симметричной конструкции *той е на утѣшеніе*. Самый же факт замены знаменательных глаголов (оутѣшадѣ сѣ и страждещи) именной конструкцией (в греческом тексте находим знаменательные глаголы) не подлежит нашему рассмотрению, поскольку временная характеристика остается в обоих текстах неизменной.

Мф. XIX 10 — см. разночтения с Саввиной книгой (стр. 190).

б) Отсутствие глагола в аористе. В девяти случаях в тексте XIX в. отсутствует форма А 3-го л. ед. числа от глагола БЫТИ, встречающаяся в тексте Маринского евангелия в однородных конструкциях, восходящих к греческим конструкциям с формой А 3-го л. ед. числа ср. залога (в одном случае в гр. тексте стоит форма настоящего времени γίγεται) от глагола γίγνομαι: „аорист + род. п. имени + род. п. прич.“; „аорист + союз времени + аорист“; „аорист + инфинитив + вин. п.“. Повторение глагола в болгарском языке создавало избыточную грамматическую информацию, относящуюся к временной характеристике события (ср. БЫСТЬ же гда БЫСТЕ тоу; в гр. тексте ἐγένετο + infinitiv), и не несло никакой внеязыковой информации. Это делало всю конструкцию неким стилизованным элементом повествования, своеобразным „зачином“, приступом к описанию событий. Таким образом, отказ от использования этой конструкции в новом переводе не связан ни с какими изменениями в системе индикатива.

Мф. VII 28: ¹ БЫ гда законча иѣ блстѣ словеса си. диклѣхъ сѣ народи о оучении его (в тексте XIX в.: И когато свърши Исусъ тыя словеса, чудѣше ся народѣ-тъ на поученіе-то му; гр. Καὶ ἐγένετο ὅτε ἐτέλεσεν ὁ Ἰησοῦς);

Мф. IX 10: ¹ БЫ емоу възлежацию къ домоу. ¹ сѣ мнози грѣшници и мытари ... възлежадохъ сѣ имъ... (в тексте XIX в.: И когато бѣ сѣднѣлъ на трѣпезѣ-тѣ въ кѣщи, ето мнозина

²⁹ Для первой группы разночтений исчерпывающий перечень ограничен материалом первой выборки, разночтения из материалов второй и третьей выборки приводятся только для таких типов, которые не встречаются в текстах первой выборки.

мытари ... дойдохъ и настьдахъ съ Исусъ...; гр. καὶ ἐγένετο αὐτοῦ αναχειμένου);

Мр. II 15: **И БЫСТЬ** [же] взлежаштѣ емоу въ домоу его. **И мнѡси мѡгарѣ** и грѣшници взлежахъ съ нѣма и съ оученики его (в тексте XIX в.: и когато бѣше на трѣпезъ въ кѡщѣ-тѣхъ му, много мытари и грѣшници бѣхъ настьдали наедино съ Исусомъ; гр. γίνεται κατακεισθαι αὐτῖν);

Мр. II 23: **И БЫСТЬ** мимо ходаштѣ емоу исѡу. въ соботѣ сквозѣ стѣни. **И нача** оучници его пѣтъ творити въстрѣгаштѣ класи (в тексте XIX в.: И въ единъ сѣботѣ когато минуваше прѣзъ стѣнѣ-тѣхъ, начнѡхъ ученици-тѣхъ му да късать класове-тѣхъ като зърнѣхъ въ пѣтъ-тѣхъ; гр. Καὶ ἐγένετο αὐτὸν ἐν τοῖς σάββασις παραπορεύεσθαι);

Лук. II 6: **БЫСТЬ** же егда възите чюу. исполниша сѣ дѣние родити еи (в тексте XIX в.: И когато бѣхъ тѣ тамъ, исполнихъ сѣ дни-тѣхъ и да роди; гр. Ἐγένετο δὲ ἐν τῷ λέγειν αὐτὸν);

Лук. II 15: **И възитѣ** ꙗко отидѣ отъ нихъ анѣли ... пасѣри рѣша другѣ къ другоу... (в тексте XIX в.: И щомъ си отидохъ ангели-тѣхъ отъ тѣхъ на небо-то... овчари-тѣхъ рекохъ си един на другъ; гр. Καὶ ἐγένετο ὡς ἀπῆλθον ἀπ' αὐτῶν);

Лук. XI 27: **БЫСТЬ** же егда глѡаше сѣ. въздвижши гласъ една жена ... рече ... (в тексте XIX в.: И когато той говорише това, една жена ... въздвигнѣ гласъ и рече...; гр. Ἐγένετο δὲ ἐν τῷ λέγειν αὐτὸν);

Лук. XIV. 1: **И БЫСТЬ** егда бѣниде исъ въ домѣ... и ти бѣхъ назираштѣ и (в тексте XIX в.: И еднѣ сѣботѣ когато дойде той въ кѡщѣ-тѣхъ... тѣ имахъ на очи-тѣхъ си на него; гр. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεῖν αὐτὸν);

Лук. XVII 14: **И БЫСТЬ** нѣждѣтемъ имѣ. шитистиша сѣ (в тексте XIX в.: И когато отиваха, очистихъ сѣ; гр. καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ὑπάγειν αὐτοῦ).

в) Отсутствие глагола в имперфекте. В Маринском евангелии година бѣ ꙗко шитѣа, в евангелии XIX в. *часъ-тѣ около шесть* (Ио. XIX 14). Обе конструкции возможны в современном болгарском языке (ср. в русск. *было около шести часов — часов около шести* и т. п.), временная характеристика предложения в целом сохраняется, так как впереди уже использована одна форма И: *Бѣше* же петѣкъ на Пасхѣ-тѣхъ (бѣ же паскѣклѣни пасѣтѣ).

Лук. VIII 41 — см. разночтения с Саввиной книгой. (стр. 191).

г) Отсутствие глагола в будущем времени: Мф. XV 33: **И глѡша** ... оученици. **отъ кѡждѣ възьмемъ** на поуѣтѣ мѣстѣхъ хлѣви. насѣтити толико народа (в тексте XIX в.: И казу-

вать му ученици-тѣ му: *Отъ двѣ у насъ въ пустынѣ-тѣ толкови хлѣбове, щом да насытим толкозь народ?*).

Оба способа описания допустимы в современном болгарском языке, во втором снимается временная характеристика.

2. Использование пассивной конструкции вместо активной (11 случаев). О допустимости подобных замен как в древнеболгарском, так и в современном болгарском языке уже было сказано, здесь остается привести разночтения:

Мф. XIX 3: *І прѣстѣпиша къ нему фарисѣи и искоушавающе и гажще. аште достонтѣ чѣкоу поустигити женѣ скорѣ. по вѣткон вѣнѣ (в тексте XIX в.: *Простено ли е на човѣка да напусне женѣ-тѣ си по всякаквѣ причинѣ?*);*

Лук. XIV 3: *... аште достонтѣ къ соботѣ цѣлгити. (в тексте *Позволено ли е да цѣли нѣкой въ сѣботѣ?*);*

Мф. VI 29: *... чѣко ни солмона во вѣки слава свои обѣче са. чѣко единѣ отъ сихѣ (в тексте XIX в.: *не бѣ обѣченъ*);*

Мф. XXVII 38: *Тѣгда пропаша съ нима двѣа разбойника. (в тексте XIX в.: *быхѣ распнѣти*);*

Лук. XVI 22: *... оумарѣтѣ же и богатѣи и погрѣса и (в тексте XIX в.: *погребенъ бы*);*

Мф. VI 24: *никѣ же раба можетѣ двѣма господѣма работати. ли бо единого възненавидѣтѣ. а другога възлюбѣтѣ. ли единого дрѣжитѣ са а о другомѣ неродити начнѣтѣ (в тексте XIX в.: *едному ще бѣде привѣрженъ*);*

В следующих пяти случаях использование страдательной формы сопровождается также изменением формы времени глагольной связки в тексте XIX в. по сравнению с текстом Маринского евангелия. В тексте XIX в. связка стоит в настоящем времени, в Маринском евангелии знаменательные глаголы стоят в четырех случаях в форме А, в одном случае — в форме П. Во всех случаях аорист в старославянском тексте употреблен в перфектном значении для описания им обычного действия (Мф. XIX 12) или действия, актуального в настоящем. Формы прошедшего времени в таком значении свободно заменяются формами настоящего времени в современном болгарском языке, как и в старославянском языке (см. стр. 176, 183, 194, 195 настоящей работы).

Мф. XIX 12: *сѣтѣ бо каженици иже и чѣтка мнѣ родѣша са тако. і сѣтѣ каженици ѣже исказѣша чѣци. (в тексте XIX в.: *сѣ родени и сѣ скопени*);*

Лук. XVI 26: *пропада великѣ оутвѣрди са (в тексте XIX в.: *е утвѣрдена*);*

Ио. XII 27: *Нѣине дѣша моѣ възмѣти са (в тексте XIX в.: *е смутена*);*

Мф. XVIII 23: Б҃го ради оуподобило сѧ естъ цѣр҃кѣнѣ нѣскоѣ члѣкоу цѣр҃ю (в тексте XIX в.: *е улодобено*).

Разночтение в последнем тексте отмечено в ряде евангельских списков, в греческом использован пассивный аорист, в Саввиной книге настоящее время индикатива (см. стр. 183, 193—195, 212—213).

3. Повелительное наклонение вместо индикатива (8 случаев). О допустимости подобных замен см. выше (стр. 175). Семь разночтений уже отмечены: одно (Мф. XXVI 45) — во всех рассмотренных нами евангельских списках (см. стр. 176), другое (Мф. XIX 18—19) — в разночтениях с Саввиной книгой (см. стр. 192). В одном случае (Ио. XIV 11) разночтение, возможно, связано с переосмыслением самой внеязыковой ситуации, основанием чему было наличие в греческом тексте омонимичной формы *πιστεύετε*, передающей и значение 2-го л. мн. числа будущего времени, и значение 2-го л. мн. числа повелительного наклонения (ср. аналогичное явление в тексте Мф. XXVI 45):

Ио. XIV 11: вѣр҃ж имѣте мнѣтѣ ꙗко азъ къ отаци и отаца къ мнѣ. аште ли же ни за та дѣла вѣр҃ж емлѣте ми... (в тексте XIX в.: *вѣрувайте ми за тья дѣла*).

Впрочем, в этом тексте (в отличие от текста Мф. XXVI 45) форму Б (за та дѣла вѣр҃ж емлѣте ми) возможно, кажется, рассматривать в собственном значении и в значении повелительного наклонения.

4. Условное наклонение вместо индикатива (6 случаев). Как уже говорилось, формы изъявительного наклонения в качестве немаркированных могут в ряде случаев замещать собою формы других наклонений (см. стр. 175), в том числе и формы условного наклонения. В отношении форм Б индикатива это отмечается как факт общеизвестный в ряде грамматик современного болгарского языка³⁰. Из следующих далее примеров видно, что в старославянском языке такое модальное употребление форм Б было также достаточно распространено, так что отсутствие разночтений такого типа в обследованных нами памятниках можно считать явлением случайным.

Лук. XI 12: 11 котѣраго же отъ васъ оца въспроситъ гнѣ хлѣба. еда камена подастъ ему. ли рѣзѣи. еда къ рѣзѣи мѣсто змиж подастъ ему. 12. или аште проситъ лица. еда по(да)стъ ему скорпиѣ (в тексте XIX в.: *И отъ васъ който е тойзи баща, щото ако му поище сынъ му хлѣбъ, а той да му даде камыкъ? Или ако му поище рыбж, намѣсто рыбж змиж ли ще му даде? Или ако бы поискалъ яйце, да ли скорпиж ще му даде?*).

³⁰ См., например: Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 243 и далее.

О факультативности использования здесь условного наклонения свидетельствует и тот факт, что в этом же тексте в аналогичной конструкции *кзспроситъ снъ хлѣба* в переводе XIX в. использована та же форма, что и в Мариинском евангелии (ако му *поище* сынъ му хлѣбъ), тогда как во втором случае произведена замена (впрочем, в старославянском тексте во втором случае тоже существовала модальность, выраженная лексически союзом *аште*). В следующем тексте модальность действий, обозначенных в Мариинском евангелии формами Б, совершенно очевидна, хотя она и не выражена ни грамматически, ни специальными лексическими средствами (союзами), а обусловлена только содержанием большого контекста:

Лук. XIV 5: 3... *исъ рече кз законаникомъ и фарисѣемъ гла. аште достоитъ кз советъи цѣлнги. они же оумлачаша. 4. и приемъ и исцѣли и и отъпусти и. 5. и отъвѣштгакъ кз нимъ рече. котораго казъ озгъз ли колъ кз стоуденецъ въпадеть. и не авие истрѣгнетъ его. ка дена советъаны. и не кзможж отъвѣштгати емоу кз емоу (в тексте XIX в.: ако бы *паднжлъ* осель-тъ или *воль-тъ* му въ ямж, не бы го на часъ-тъ *извлѣклъ*...).*

В следующих трех примерах представлены случаи более редкие в языке — использование (в Мариинском евангелии) в том же значении настоящего времени.

Мф. XI 27: ...ни отца кто знаетъ. тько снъ. и емоуже *волитъ* снъ отъкрыти (в тексте XIX в.: *бы изволилъ*).

Здесь модальность заключена в лексическом значении самого глагола *волити* (ср. русск. *кому захочет сын открыть* — *кому захотел бы сын открыть* — обе конструкции одинаково возможны);

Лук. XI 5: I *рече кз нимъ кзто отъ казъ иматъ другъ. и идеть кз емоу полоу ношги. и речетъ емоу дружже даждъ ми въ заимъ три хлѣвзи* (в тексте XIX в.: *ако бы ималъ*).

Форма Н *иматъ* в этом тексте обозначает не реально совершающееся в настоящий период действие, а обобщенное предположительное действие (в русском тексте евангелия: ...положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь...). Заметим, что действие, обозначенное глаголом *идеть*, имеет точно такой же предположительный характер, как и действие, обозначенное глаголом *иматъ*, однако в тексте XIX в. для него уже используется форма Н, как и в Мариинском евангелии (*отиде*), а не условного наклонения.

Ио. XIX 11: 10. *Гла емоу пилатъ ... не въси ли тько власта имамъ пропати та. и власта имамъ поустити та. 11. отъвѣштгъ ис. не имаше области на манѣ никонаже. аще не би ти дано съ вѣше* (в тексте XIX в.: *не бы ималъ*).

Очевидно древняя форма *имаши* (соответствующая греческому настоящему времени *ἔχεις*) имеет модальное значение (в русском переводе евангелия также использована форма условного наклонения, в болгарском переводе XX в. форма Б в Пр в значении условного наклонения *ти не щеше да имаши*).

5. Конструкция „*да+наст. вр.*“ вместо индикатива (34 случая)³¹. В качестве альтернативной формы этой конструкции чаще всего сопоставлена форма Б и гораздо реже — форма Н. Это объясняется тем, что „из временного значения будущего времени, часто по самой своей природе содержащего в себе некоторый оттенок гадательности, легко развивается модальное значение предположения или возможности, относящейся к настоящему или даже к прошлому“³².

Как уже говорилось, в современном болгарском языке (как, впрочем, и в древнеболгарском, где эта конструкция также была широко распространена) конструкция эта многозначна, и за ней могут быть скрыты разные типы разночтений, отмечавшиеся в старых списках. Однако выделить и классифицировать эти разные значения конструкции „*да+наст. вр.*“ представляется в большинстве случаев делом очень трудным.

Почти всегда эта конструкция указывает на будущий период действия и при этом сообщает действию некий оттенок модальности. Характер модальности, выражаемой этой конструкцией, может быть различен: повеление, пожелание, возможность, условность и т. д. Степень модальности тоже, по-видимому, может быть неодинакова: в одних случаях реальность действия в будущем представляется несомненной, в других она совершенно снимается модальностью (ср., например, высказывания *Прѣди да пѣе пѣтель-тъ трижды ще отречеши от мене* и *Да възлюбиши Господа Бога твоего*. Первое высказывание мы скорее всего передадим по-русски формой Б *прежде чем петух пропоет трижды*³³, второе — формой повелительного наклонения *возлюби господа бога твоего*).

Классификацию фраз, сконструированных по модели „*да+наст. вр.*“, можно попытаться построить на альтернативных трансформам, т. е. подыскивая для каждой сконструированной таким образом фразы все возможные для нее трансформы и группируя затем эти фразы в зависимости от возможных для них выводов трансформаций. Сама конструкция „*да+настоящее время*“ будет являться в таком случае по отношению к этим трансформам не-

³¹ Здесь же рассматривается конструкция „*да+аорист*“, встретившаяся в нашем материале только один раз, совпадающая по функции с конструкцией „*да+наст. вр.*“ в одном из ее значений.

³² Ю. С. Маслов. Указ. соч., стр. 243.

³³ Использование конструкции *прежде чем петуху пропоет трижды* здесь тоже возможно, и это свидетельствует о существовании какого-то оттенка модальности.

отмеченным членом корреляции. Нам не удалось, однако, при этом достичь строгой однозначности для всех групп, что, может быть, связано с недостаточно четкой грамматикализацией модальных отношений разных типов в болгарском языке.

Повторяем, что, кроме модальности, фразы этой конструкции в большинстве случаев относят действие к будущему периоду, а потому в большинстве случаев эта конструкция может быть трансформирована в форму Б. Поэтому первым критерием классификации следует выбрать формы с более узким кругом значений.

а) В ряде случаев конструкции „да+наст. вр.“ трансформируются в современном болгарском языке в формы повелительного наклонения.

Мф. V 43: *сзвѣстѣ ꙗко речено естъ. възлюбѣши искренняго своего. ꙗ възненавидѣши врага своего* (в тексте XIX в.: *да любишь и да ненавидишь*);

Мф. XXII 37—39: *ѿ же рече емоу. възлюбѣши га ба твоего...* 38. *си естъ прѣва и большѣе запокъдѣ.* 39. *вътораа же подобна еи. възлюбѣши искренняго твоего ꙗко самъ са* (в тексте XIX в.: *да възлюбишь — 2 раза*).

Замена формой повелительного наклонения в данных случаях была, как мы уже видели, возможна и в древнеболгарском языке (см. сравнение с Зографским евангелием и с Саввиной книгой, стр. 175 и 192).

б) Конструкция „да+наст. вр.“ может трансформироваться в современном болгарском языке в формы условного наклонения и не может трансформироваться в формы повелительного наклонения.

Мф. VII 4: *ли како речеши братроу твоемоу. отъстави и изъмѣжъ сѣчѣцѣ из очѣе твоего* (в тексте XIX в.: *да извадиж*);

Мф. XXVI 42: *...въторицеж ...помолиса гла. отче мой аште не възможегъ чаша си. мимо ити отъ мене. аште не пижъ еѣ бѣди колѣ твоѣ* (в тексте XIX в.: *Отче мой, ако не е възможно тая чаша да заmine отъ мене, без да ѣж пѣж, нека бѣде воля-та твоя*);

Мф. XXVI 53: *ли мѣнитъ ти са ꙗко не можъ изинѣ оумолити отъца моего. ꙗ приставитъ мѣнѣ каште ли дѣка на десѣте лѣхона анѣлаз* (в тексте XIX в.: *да ми прѣдстави*);

Лук. X 25: *ѿ се законаникъ етеръ взета къ иски. искоушана и и гла. оучителю что сътора жикотъ въчизинъ наследъствоуѣж* (в тексте XIX в.: *что да правиж за да наследѣдѣж*);

Лук. XI 7: *5...къто отъ васъ иматъ другъ. ꙗ идетъ къ нему полу ношти. ꙗ речетъ емоу друже даждѣ ми въ займъ три хлѣвѣ...* 7. *ꙗ отъ изъжтрѣждаж отъвѣштѣваж речетъ не твори*

ми тѣхъ ... не можъ възстати дати тѣхъ (в тексте XIX в.: *да рече*; напоминаем, что в этом тексте глагол имѣтъ уже поставлен переводчиком XIX в. в условное наклонение — см. стр. 241);

Лук. XI 11: *котеѣаго же отъ кака оца възпроситъ снъ хѣба. еда каменъ подастъ емоу. ли рзѣвѣ. еда къ рзѣвѣ мѣсто змижъ подастъ емоу.*

В тексте XIX в. вместо подчеркнутых слов стоит *да мжъ даде камык*, тогда как второе *подастъ* переведено формой Б: *ще му даде*. Это различие отсутствует в древнем переводе, где модальность в обоих случаях передана лексически — употреблением союза *ѣда*³⁴. Древний перевод ближе к греческому тексту, в котором в обоих случаях использована одна и та же глагольная форма буд. вр. *ἐπιθῶσει* и частица *μή* (употребленная, как и *ѣда* в древнем переводе, дважды). В болгарском переводе XX в. в обоих этих случаях использована форма Б: *ще му даде*.

Лук. XIII 18—20: 18. *Глѣаше же комоу подобно естъ цѣрѣткѣне бжѣне. и комоу оуподобѣжъ е...* 20. *Паказъ рече комоу оуподобѣжъ цѣрѣткѣне бжѣне.* (в тексте XIX в.: *да го уприличжъ и да уподобжъ*);

Лук. XVIII 18: *И възпроси и единъ кня(са) гла. оучителю... чѣто сѣткорѣ жикотъ кѣчынѣ наследѣствоужъ* (в тексте XIX в.: *за да наследувамъ*; ср. текст Лук. X 25);

Лук. XXI 34: *Евѣнѣмѣте же себѣ еда когда отажѣжтъ срдѣца каша. обѣданима и патѣнѣсткома. и печалмаи житѣйскѣими. и наидѣтъ на кѣи кѣнезапѣжъ данѣ тѣ* (в тексте XIX в.: *Но пазѣте себе си да не бы да отягнѣтъ срдѣца-та ви отъ обяденіе и пѣянство и отъ житѣйскѣи грыжѣи, и вы постигне напрасно той день*);

Ио. XI 25: *Рече енъ иѣ. азъ есмѣ какрѣщеніе и жикотъ. кѣтрѣоубѣи къ ма дѣштѣ оумьрѣтъ ожикѣтѣ.* (в тексте XIX в.: *да умре*);

Ио. XIII 37: *Гѣ по чѣто не можъ нѣинѣ по тѣхъ ити. нѣинѣ дѣшжъ можъ за та положжъ* (в тексте XIX в.: *да не можъ*).

в) Конструкция „*да* + наст. вр.“ может трансформироваться в современном болгарском языке в формы Б и не может трансформироваться в формы повелительного и условного наклонений.

Примеры, входящие в эту группу, в отличие от примеров, входящих в группы а) и б), не обладают единством позитивных признаков (так как трансформироваться в формы будущего вре-

³⁴ Ср. также использование союза *ѣда* в тексте Лук. XXI 34 и союза *дѣштѣ* в текстах Мф. XXVI 42, Ио. XI 25.

мени могут в большинстве случаев и конструкции из групп а) и б). Возможно, что основанием для дальнейшей классификации внутри этой группы могут быть взяты характер и степень модальности, но, очевидно, для этого нужен больший материал, чем тот, которым мы располагаем.

Мф. XXVI 75: *1 помѣнѣж петръ глазъ ѿверзъвъ ѿже рече емоу. ꙗко прѣжде даже кокогъ не възгласитъ. три краты отъвержеши сѧ мене;*

Лук. II 26: *1 вѣаше емоу отъвѣщанаго дхма стѣимъ. не видѣти смръзти прѣжде даже видитъ хъ гнѣ;*

Ио. XIV 29: *1 нзиѣтъ рѣхъ камъ. прѣжде даже не вждетъ. да егда вждетъ вѣрж имете.*

В тексте XIX в. употреблены конструкции *прѣди да пѣе*, *прѣди да види*, *прѣди да бжде*. Во всех трех случаях глагол, стоящий в конструкции „прѣжде даже + буд. вр.“ указывает на какое-то событие в будущем, с наступлением которого связано как-то по времени наступление другого события — действия первого плана. Собственная временная характеристика действия второго плана относительно момента речи в сущности безразлична. Вот почему именно в этом значении конструкция с *да* может замещать также и глагол в форме прошедшего времени, как в следующем примере: Ио. I 49: *отъвѣщана исъ и рече емоу. прѣжде даже не възгласи тебе филипъ сѣшга подъ смоковницѣж видѣхъ тѧ, гдѣ действие, обозначенное формой А, также указывает на событие, служащее точкой отсчета для действия первого плана (видѣхъ).* Соответственно в тексте XIX в. после *да* стоит форма А *повыка*. Вместо глагола в этой функции может быть использовано имя существительное, например: *и вѣ тоу до оумрътна иродока* (Мф. II 15). В этом отношении любопытны следующие разночтения, отмеченные в тексте XIX в. по сравнению с Маринским евангелием.

Лук. II 21: *1 егда исплзниша сѧ осмь дѣнии да и обрѣжѣтъ. и нарѣша има емоу исъ. нареченое анѣамъ прѣжде даже (не) зачатъ сѧ въ чрѣкѣ (в тексте XIX в. конструкция „прѣжде даже + глагол“ передана именной конструкцией *прѣди негово-то зачатіе*, тогда как в тексте XX в. она передана конструкцией „да + глагол“: *прѣди да се зачене*).*

Ио. XVII 5: *1 нзиѣтъ прослави ма тзи отче оу тебе самого. славожъ еже имѣхъ. прѣжде даже не бысть миръ оу тебе. (в тексте XIX в.: *прѣди создание мира*, XX в.: *прѣди свет да бжде*).*

Лук. XV 18: *къстѣкъ идѣ къ отцю моемоу. 1 рекъ емоу;*

Ио. XI 11: *по семъ гдѣ имъ. лазаръ ... оуспѣ. нъ идѣ да възбоудѣж ѿ (в тексте XIX в.: *да идѣ — дважды*).*

В этих примерах значение реального действия преобладает над модальностью. Факультативность конструкции „да+наст. вр.“ в тексте Лук. XV 18 особенно очевидна, так как второе действие *рекж* обозначено в нем формой Б *ще му рекж*. В тексте XX в. во всех случаях (Лук. XV 18, Ио. XI 11) в соответствующих местах использована форма Б.

В отношении остальных примеров этой группы мы не будем выяснять, преобладает ли в них значение реального действия, отнесенного к будущему периоду, над модальностью или, наоборот, модальность преобладает над значением реального действия, так как примеры эти не столь очевидны, как предыдущие, а кропотливый разбор их увел бы нас в сторону от основной темы. В то же время „разрешенность“ такого типа „замен“ как в современном болгарском, так и в старославянском представляется очевидной.

Мф. XIX 16: *оучителю благы. что благо сътвориж. да имамъ жикотъ вѣчны (в тексте XIX в.: какво добро да сториж);*

Мф. XXII 45: *аще оубо дедъ дхомъ га нарицатъ. и како емоу естъ сынъ (в тексте XIX в.: как да му е сынъ?);*

Мр. XV 24: *и пропашше и раздѣлаше ризы его меташа жрѣбниа о на. кто что възметъ (в тексте XIX в.: да земе);*

Лук. XII 17—18: *и мзишѣаше къ себѣ гла. что сътвориж. ꙗко не имамъ къде съвати ... плодъ монхъ. 18. и рече се сътвориж разорж житаница моа и больша съзиждаж. и съберж тоу вастъ жита моѣ и добро моѣ (в тексте XIX в.: да сториж, да събориж, да съградж, да съберж);*

Лук. XII 37: *ꙗко прѣпошѣтъ са и посадитъ ѣ. и минжѣт послужитъ имъ (в тексте XIX в.: ще мине да имъ послужа);*

Лук. XVII 8: *... не речѣтъ ли емоу. оу(го)тобди чѣто вечерѣж (в тексте XIX в.: да вечерямъ);*

Ио. XI 22: 21. *Рече марѣта къ исоу... 22. нз и нзинѣ вѣмъ. ꙗко егоже колиждо просиши оу ба дастъ тебѣ въз (в тексте XIX в.: да поущеш);*

Ио. XII 27: *Нзинѣ дша моѣ възмжти са. и что рекж. отче спси ма отъ годинии себа. нз сего ради придъ на годинии снж (в тексте XIX в.: да рекж);*

Ио. XVIII 11: *10... петръ имзи ножъ извлѣче и. и оудари... раба... 11. рече же иса петрови. базиши ножъ къ ножнициа. Чашж нже дастъ манѣ отцъ не имамъ ли пити еѣ (в тексте XIX в.: да ѣ не пѣж ли);*

Ио. XIX 15: *они же взпитѣхж ... пропани и. гла имъ пилатъ. црѣ ли кашего пропнж (в тексте XIX в.: да распнж).*

6. Конструкция „*имаше + да + наст. вр.*“ вместо индикатива (4 случая). Замены этого типа по характеру близки к заменам предыдущего типа (с конструкцией „*да + наст. вр.*“) и отличаются от них не модальностью, а тем, что в них формой И от глагола *имам* выражена отнесенность обозначаемых ими действий к точке отсчета, находящейся в прошедшем периоде. И действительно, во всех случаях, когда на месте спрягаемой формы индикатива (в Мариинском евангелии) встречается в евангелии XIX в. подобная конструкция, мы находим, что действие первого плана обозначено формами А (рече, начатъ гати). В трех случаях этой конструкции в тексте Мариинского евангелия соответствуют формы БвПр и в одном — форма Б.

Мр. X 32: I поемъ изъ пакъи ова на делате. начатъ имъ гати. еже хотѣаше бѣти емоу (в тексте XIX в.: И като прибра пакъ дванадесетъ-тѣ, начнѣ да имъ казува това което *имаше да му ся случи.*., XX в. — будущее время: *ще стане*);

Ио. XII 33: 29. народъ же стоѣи i слъшавъ. гдадохъ громъ бизтъ. ини гдадохъ анѣла гда емоу. 30. отъвѣшта ис ѣ рече. не мене ради гласъ са бизтъ нъ касъ ради ... 32. i азъ аште възнесенъ бждѣ отъ земаа. касъ прикѣкѣ къ себѣ. 33. се же гдаше клепаа конѣ смрътиѣ хотѣаше оумръѣти (в тексте XIX в.: А това говорѣше като назначаваше отъ каквѣ смъртъ *имаше да умре*, XX в.: *щеше да умре*);

Ио. XVIII 32: 31... рѣша же емоу иудеи. не достонтъ намъ оубити никогоже. 32. да слово иско събждетъ са. еже рече клепаа конѣ смрътаѣ хотѣаше оумръѣти. (в тексте XIX в.: Намъ не ни е простено да убиемъ никого: за да ся сбжде рѣчь-та Иисова, коѣто рече, като назначаваше съ каквѣ смъртъ *имаше да умре*; XX в. — будущее время: *щеше да умре*);

Ио. XXI 19: се же рече клепаа. конѣ смрътиѣ прославить бѣ (в тексте XIX в.: И това рече като назначаваше съ каквѣ смъртъ *имаше да прослави* Бога, XX в. — будущее время: *ще да прослави*) — Зогр.

7. Имя существительное вместо спрягаемой формы индикатива (4 случая). О возможности таких трансформаций в древнем и современном болгарском языке мы уже говорили выше (см. стр. 193) и здесь ограничимся перечнем примеров:

Лук. II 21 — (см. стр. 246 настоящей работы);

Лук. VII 2: Бѣтънкоу же егероу рабъ бола златъ оумирааше. иже бѣ емоу чзстенъ. (в тексте XIX в.: бѣше злѣ боленъ *на умiranje*);

Лук. X 35... азъ гда кзвращѣтъ са кздама ти (в тексте XIX в.: азъ *на връщаніе* ще ти платѣ);

Ио. XVII 5 — (см. стр. 246 настоящей работы).

II. Поскольку разночтения второй группы (мена спрягаемых форм в пределах индикатива) имеют для нас большее значение, мы рассмотрим их на материале всех трех выборок³⁵.

1. Настоящее время — аорист (3 случая).

Мр. V 29: *и дѣни илѣкнѣ источника крѣкѣ ба. и разоумѣ тѣломъ тѣко цѣлѣватъ отъ ранъ* (в тексте XIX в.: *исцѣлѣ*, XX в.: *е изцѣрена*; в гр. — наст. вр. *ἰαται*);

Ио. XI 28: *и се рѣкши иде и призва мариѣ сестрѣ своѣ тѣи. рѣкши оучителя се естъ и зовѣтъ тѣ* (в тексте XIX в.: *учитель-тъ дойде*, XX в.: *учителят е тук*; в гр. — наст. вр. *πάρειτι*);

Ио. XIX 7: *по закону нашему длѣжнѣ етъ оумрѣти. тѣко гнѣ бжн творитъ са* (в тексте XIX в.: *направи себе си*; XX в.: *себе си направи*; гр. — аорист *ἐποίησεν*). О возможности замены формы II или заменяющей ее формы A, когда ею обозначено действие, непосредственно предшествующее действиям настоящего периода и имеющее актуальный характер, уже говорилось выше, и примеры таких замен отмечались в уже рассмотренных нами евангельских списках. К таким „заменам“ и следует отнести второй пример (Ио. XI 28), где употребленное в переводе XIX в. слово *дойде* обозначает действие, которое непосредственно предшествует диалогу и результаты которого актуальны для ситуации, при которой совершается диалог. Однако грамматически такой характер действия остается невыраженным, так как использована немаркированная форма времени (подобное же явление отмечено нами в разночтениях по Зографскому евангелию в текстах Лук. X 19, Ио. XIV 24, см. стр. 176). Древнеболгарский перевод точнее передает греческий текст, где использована форма наст. вр. *πάρειτι* от глагола *πάρειμι* 'пребывать', 'быть возле кого-нибудь', и в грамматическом, и в лексическом отношении переводчик евангелия XX в. вернулся к форме, избранной древним переводчиком *учителят е тук*.

В третьем примере форма A также употреблена в перфектном значении, ею описывается действие, явившееся причиной действия, происходящего в настоящий период *длѣжнѣ етъ оумрѣти — законъ трѣбва да умре*. Это прошлое действие, инкриминируемое Христу, сохраняет свою „действенность“ и для настоящего момента, так как он не отказывается от своего утверждения, что он сын божий, и в момент суда над ним.

---

³⁵ Напоминаем, что материал каждой выборки частично совпадает с материалом двух других выборок, а потому общее число всех разночтений по трем выборкам меньше арифметической суммы разночтений, указанных в трех таблицах, соответствующих трем выборкам.

Таким образом, в обоих случаях здесь возможно использование как формы Н, так и формы П. Форма А используется в переводе XIX в. как форма, замещающая перфект.

В первом же примере использование прошедшего времени вместо настоящего времени (в греческом тексте форма наст. вр. *ἴσται*) ведет к переосмыслению внеязыковой ситуации. По смыслу текста Мариинского евангелия больная чувствует, что она выздоравливает, по смыслу текста XIX в. и XX в. больная чувствует, что она уже исцелилась. С такого рода переосмыслениями внеязыковых ситуаций, т. е. с интерпретацией переводчиком переводимого им текста, мы уже встречались в древних списках.

2. Настоящее время — перфект (6 случаев). Во всех шести случаях используются „разрешенные замены“, — в Мариинском евангелии взяты формы Н для обозначения результата действия, совершившегося в прошлом, в евангелии XIX в. используются формы П для обозначения прошлых действий, актуальных для настоящего момента.

В двух следующих примерах этими формами времени обозначаются действия конкретные.

Мф. XIII 27: ...не добро ли семя сеяно на поле твоемъ. отъ коудъ оубо иматъ плевелъ (в тексте XIX в.: *сж ся зели*; XX в.: *откуда са*; гр. — наст. вр. *ἔχει*);

Мр. V 14: і пасхити [ски]скиниѣ вѣжаша. і кзвѣстиша къ градѣ и на селѣхъ. і приѣх видѣти что естъ бѣвѣвшее (в тексте XIX в.: *какво е станжло*; XX в.: *что се е случило*; гр. *ἔστιν το γεγονός*).

В следующих четырех текстах формы Н (в Мариинском) и П в евангелии XIX в. использованы не для указания на реальные единичные действия, а в отвлеченных рассуждениях о том, как обычно развивается та или иная ситуация.

Мф. XVIII 15: аще же сзрѣшитъ къ тебѣ братръ твои. иди обличи и между собож и тѣмъ единѣмъ. аще тебе послоушатъ приобращеши братръ твои (в тексте XIX в.: *спечелил си*, XX в.: *так же*; гр. — аорист *ἐκέρδησας*);

Мр. III 26: і аште сотона кзета самъ на са и раздѣли са. не можетъ стати. нз коньчинъ иматъ (в тексте XIX в.: *дошло му е свършеніе-то*; XX в.: *дошел е краят му*; гр. — наст. вр. *τέλος ἔχει*);

Мр. IV 29: 28. о себѣ бо землѣ плодитъ са. прѣжде трѣвж по томъ же класъ. по томъ же и пшеницъ въ класѣ. 29. егда же созрѣатъ плодъ. абие посзлетъ срзпъ. ꙗко настонтъ жатва (в тексте XIX в.: *е настанжла жетва*; XX в.: *так же*; гр. — перфект *παρέστηκεν*);

Ио. VII 52: отъвѣща и рѣша емоу (= Никодиму. — И. Б.).
ѣда и ты отъ гали[е]и еси. испити и кидѣ. ꙗко отъ галилѣи
прѣка не приходитъ (в тексте XIX в.: *не е вѣстанжлъ*;
в XX в.: *не се явил*; гр. — наст. вр.; в Саввиной книге для
обозначения этого действия использована форма А — см.
стр. 193).

Ср. аналогичное употребление формы прошедшего времени
в русск. *немедленно посылает серп, потому что наступает
жатва и немедленно посылает серп, потому что наступила
жатва.*

3. Перфект — настоящее время (2 случая). Это
„зеркальный“ тип по отношению к типу предыдущей подгруппы.
Представлен в двух близких по содержанию и по структуре
текстах, формы П обозначают актуальное результативное дей-
ствие:

Мф. XIX 20: гла емоу юноша. вѣстъ си съхранихъ отъ юности
моеѣ. чѣго есмѣ еште не докончалъ (в тексте XIX в.: *не до-
стига*; XX в.: так же; в Саввиной книге в этом месте также
использована форма Н, как и в греческом тексте, см. стр. 200).

Лук. XVIII 22: слышавъ же се иса рече емоу. еше единого не
докончалъ еси. вѣстъ елико имаша продаждъ и раздай нищимъ
(в тексте XIX в.: *не достига*, XX в.: так же; гр. — наст. вр.
λείπει).

4. Настоящее время — будущее время (5 случаев).
Один случай (Мр. VIII 36) отмечен в разночтениях по Врачан-
скому евангелию. В этом случае и в следующем замена касается
связки настоящего времени.

Мр. V 41: і ема за ржкж отроковицъ гла еи талитакуумъ.
еже естъ съказуемо. дѣнице тебѣ глажъ вѣстани (в тексте XIX в.:
което истълкувано ще рече, XX в.: *което означава* — наст.
вр.; гр. — ὁ ἐστὶν μετρητηνυόμενον).

О допустимости таких замен уже говорилось выше. Близкой
к этим двум является и замена в следующем тексте;

Ио. I 39: она же рѣсте емоу рабѣи. еже гаетъ са съказуемо
оучителю. кзде живѣши. (в тексте XIX в.: *което тълкувано
ще рече Учителю*; XX в.: *което значи* — наст. вр.; гр. —
ὁ λέγεται ἐρητηνυόμενον).

В следующем примере отмечена также „разрешенная замена“
формы Н формой Б для обозначения действия в высказывании
обобщенного характера:

Мф. VII 8: вѣсткѣ бо проган приемлетъ. і ищанъ обрѣтаатъ.
тлѣжжимоу отъвѣзатъ са (в тексте XIX в.: *ще му ся от-
вори*, XX в.: *ще се отвори*, гр. — буд. вр. ἀνοίχεται). Нако-
нец, в последнем случае возможность замены настоящего вре-

мени, использованного в Маринском евангелии, будущим временем обусловлена самой ситуацией:

Мф. XXIV 48: аште ли рѣчѣтѣ злѣзи раба къ срѣдци своего. къснитѣ мои гнѣз прити. и начнѣтѣ бити клѣкрѣтѣз своихъ... придетѣ гнѣз раба того. къ денѣ къ нѣже не чѣтѣз (в тексте XIX в.: *ще ся забави да дойде господарь-тъ ми*; XX в.: *няма да си дойде скоро господарят ми*; гр. — наст. вр. *χρονίζει*).

5. Будущее время—настоящее время (17 случаев). Это — „зеркальный“ тип по отношению к предыдущей подгруппе; различия имеют тот же характер, и, следовательно, выбор той или иной формы в двух сравниваемых текстах обусловлен не различиями в системе индикатива, а манерой и вкусом переводчика.

Один случай отмечен в различиях с Саввиной книгой (Мф. VI 22). Следующие два примера близки по характеру „замен“ к последнему примеру из предыдущей группы:

Ио. IV 35: не къ ли глѣте ꙗко еште чѣтѣре мѣсѣци сѣтѣз. и жѣтѣа придетѣ. сѣ глѣжѣамъ. късѣдѣте очн...и видитѣ нѣкъ ꙗко пѣвѣзи сѣтѣз къ жѣтѣ ꙗже. (в тексте XIX в.: *иде*; XX в.: *ще дойде*; гр. — наст. вр. *ἔρχεται*);

Ио. XVI 2—4: 1. си глѣхъ камъ. да не съблѣзнитѣ сѣ. 2. отъ сѣзнамишѣз ижденѣтѣ къ. нѣз придетѣ година. да късѣтѣз иже оубиѣтѣз къ. мѣнитѣ сѣ слѣужѣж приносити боу. 3. и си сѣтворѣтѣз камъ. ꙗко не познаша отѣца ни мене. 4. нѣз сѣ глѣхъ камъ. да егда придетѣ година. поминѣте си. ꙗко азъ рѣхъ камъ (в тексте XIX в. вместо первого придетѣз стоит *иде*; в XX в. — *настълѣва*; гр. — *ἔρχεται*; во втором случае в тексте и XIX в. и XX в. употреблен глагол совершенного вида *дойде*; гр. — *ἔσται ἔλθη ἢ ὥρα*).

В следующих текстах заменяющие друг друга формы использованы для описания действий обобщенной ситуации:

Мф. X 38: ꙗже не приметѣ крѣста своего и къ сѣдѣз мене градѣтѣ. нѣстѣ мене достоинѣз (в тексте XIX в.: *не зема и не слѣдува*; XX в.: *взима и следѣва*; гр. — наст. вр. *λαμβάνει, ἀκολουθεῖ*);

Мф. XVIII 12: чѣто сѣ камъ мѣнитѣ. аште бѣдетѣ етерѣу чѣбѣку. рѣбѣцѣ. ꙗ заблѣдитѣ едина...не оставитѣ ли дебат и дебатѣз и дебатнн...и шѣдѣз иштѣтѣз заблѣждѣшѣа. и аще обратѣтѣз ѣ...ꙗко радѣуѣтѣз сѣ о немъ пачѣ. неже о... не заблѣждѣшихъ (в тексте XIX в.: *има и не оставя ли*; XX в.: *има и ще остави*; гр. — *ἀφείσ, ζητεῖ*);

Мр. IV 32: 30...чѣсѣмоу оуподобимъ цѣрѣстѣне бжнн...31. ꙗко горѣшиѣтѣ зрѣнѣ...егда късѣно бѣдетѣ къздѣстѣтѣз. бѣдетѣ болѣ късѣхъ зелнн. и творитѣ кътѣки велнн... (в тексте XIX в.: *ся посеѣ, израстуѣва, бѣѣва, правн*);

Лук. VIII, 11—12: ...сѣтѣма естѣ слово бжнн. а иже при пѣтн сѣтѣз слышѣашѣтѣн. по томъ же придетѣ дѣтѣколъ. и вѣзѣметѣ слово

отъ ^сраца ихъ. да не вѣрзи емъше спси бждѣтъ (в тексте XIX в.: *идува и отнема*; XX в.: *дохожда и гравава*; гр. — наст. вр. *ἔρχεται, αἶρει*).

В следующих примерах „замена“ времен касается связки:

Мф. V 13: *кзи несте солз земли. аще же солз шбоуаюте чимз шсолитъ сани кз чегому не бждѣтъ.* (кз т)омоу нз да изыпана бждѣтъ кзиз и попи(ра)юема чакъти (в тексте XIX в.: *не струва*; XX в. так же; гр. — наст. вр. *ισχύει*) — по Дечанскому евангелию;

Лук. VI 22: *блажени бждете егда кззненакидатъ кзи чаци. егда разлажатъ кзи и поносатъ. пронежатъ има ваше тко зло. сна чакъкаго ради* (в тексте XIX в.: *сте*; XX в.: *ще бъдете*; гр. — наст. вр. *ἔστε*);

Мф. XX 4: 3. *и шшедз. . . кидъ инзи на трзжици стоаштъга празднзи. 4. и тѣмз рече идѣте и кзи кз кинограда мон. и еже бждѣтъ правѣда дамз камз. они же идж* (в тексте XIX в.: *каквото е праведно*; XX в.: *каквото е право*; гр. — praes. conjunct. *ῆ*);

Мф. XX 7: *... идѣте и кзи. . . еже бждѣтъ правѣда примете* (в тексте XIX в.: *каквото е праведно*).

Мы уже говорили о том, что вследствие омонимии форм Н и Б в древнеболгарском языке иногда бывает затруднительно определить, какая именно из этих форм употребляется в тексте.

В тех приведенных выше примерах, где употребляется форма бждѣтъ (Мф. XVIII 12, Мр. IV 32, Мф. V 13, Мф. XX 4) или форма бждете (Лук. VI 22), видимо, с большей уверенностью можно интерпретировать и остальные формы как употребляющиеся в значении будущего времени.

В тех же примерах, где такого рода формы не употребляются, скорее, по-видимому, следует говорить о формах Н. Мы имеем в виду формы жатка придетъ (Ио. IV 35), придетъ година (Ио. XVI 2—4), приметъ крста. . . и. . . градѣтъ (Мф. X 38), придетъ дитколз и кззметъ (Лук. VIII 12). Если так понимать эти формы, тогда расхождение между текстом Марииинского евангелия и текстом евангелия XIX в. в указанных местах сведется к расхождениям видового порядка.

6. Аорист—настоящее время. Эта подгруппа является самой многочисленной и, пожалуй, самой характерной в материале по сравнению древнего текста с текстом XIX в. Именно здесь мы встречаемся с принципиально новым явлением, которого мы не наблюдали ни в одном из обследованных до сих пор памятников, — с обозначением формами Н таких событий первого плана, которые в тексте Марииинского евангелия обозначались формами неотносительного прошедшего времени — аориста. Однако об этом подробнее скажем ниже. Сначала рассмотрим такие случаи „мен“, форм А и Н, которые встречались нам при сравнении текста Марииинского евангелия с другими древними кодексами и с Врачанским евангелием.

Как уже говорилось, в древних списках евангелия постоянно встречаются случаи использования настоящего времени для обозначения прошлых событий, непосредственно связанных с событиями настоящего периода, результативных или просто актуальных, как при описании конкретных фактов, так и в высказываниях обобщенного характера. Возможности такой замены соответствует наше представление о настоящем времени как о неотмеченном члене корреляции „прошедшее ~ настоящее“.

Такого рода использование форм Н в тех местах текста, где в Мариином евангелии были использованы формы наст. вр. (в данном случае — аориста), соответствующее старым нормам употребление времен встречается и в переводе XIX в., причем количество таких „замен“, как и в других евангельских списках, очень невелико — всего четыре случая:

Мф. XIII 14—15: *и слыкаетъ са имъ пророцтво истинно гл҃ащїе слухомъ оуслышите и не имате разумѣти. и зраце оузрите и не имате видѣти. отъидетъ бо ср҃дце людей сихъ. и оушима тяжко слышаша. и очи свои замѣжиша. егда когда оузратъ очима. и оушима оуслышатъ. и ср҃дцемъ разумѣтъ. и обрататъ са и исцѣлѣнъ ѿ.* (в тексте XIX в.: *тежко чужтъ, слушат*; гр. — аорист ἤκουσαν);

Ио. I 32—34: *и свѣдѣтельствова иоанъ гла. ꙗко видѣхъ дхъ сп҃сходящгѣ. ꙗко голѣва съ небесе. и прѣвизѣтъ на немъ: и азъ не вѣдѣхъ его. нъ позлабши ма креститъ въ водѣ. тѣ манѣ рече. надъ наже оузариши дхъ сп҃сходящгѣ. . съ естъ крестан дхма ст҃аима. и азъ видѣхъ и свѣдѣтельствовахъ. ꙗко съ естъ синъ бжїи* (в тексте XIX в.: *свидѣтельствуювамъ*, но в тексте XX в.: *свидѣтельствуювах*; гр. — перфект μεμαρτύρηκα);

Ио. XII 29: *народъ же стоѣи и слышавъ. глахъ громъ быистъ.* (в тексте XIX в.: *е*; XX в.: *гръмна се*; гр. — βροντήν γερονέναι);

Мф. XVI 9: 8. *разоумѣвъ же ис рече. чѣто мзислите въ себѣ малокѣри. ꙗко хлѣвъ не казаете. 9. не оу ли разоумѣсте. ни поманите а хлѣвъ. пяти тѣисѣштъ. и коинко кошъ казаете. . . како не разоумѣете. ꙗко не о хлѣвѣхъ камъ зна[и]мати рѣхъ* (в тексте XIX в.: *още не разумѣвате ли*; XX в. оба раза: *не разбираете*; гр. — в обоих случаях наст. вр. νοείτε).

Обратим внимание, что в последнем примере в Мариином евангелии наряду с формой А точно в таком же типе контекста несколькими строчками ниже употребляется форма Н разоумѣете, что наглядно лишний раз свидетельствует о возможности такого рода „замен“ и для древнеболгарского языка.

Использование форм Н в тексте XIX в. на месте форм А в тексте Мариинского евангелия для обозначения прошлых событий первого плана встречается в материале трех наших выборов

(если не считать тождественных случаев, повторяющихся в разных выборках) 218 раз.

Как мы уже говорили, такое употребление настоящего времени в функции „исторического настоящего“ встречается в древнеболгарских текстах редко, хотя оно и не противоречит описанной нами системе времен изъявительного наклонения древнего письменного болгарского языка. В древний период корреляция между „настоящим“ и „прошедшим“ имела более ограниченный характер, чем в современном болгарском языке, — она позволяла свободно использовать в качестве немаркированных форм Н для замещения форм относительных прошедших времен, так или иначе связанных с действиями настоящего периода. Поскольку формы А, неотносительного прошедшего времени, могли свободно замещать собою любую форму относительного прошедшего времени, формы Н могли в свою очередь замещать собою и формы аориста, когда они использовались в значении перфекта. Кроме того, формы Н могли свободно замещать собою формы любого времени в том числе и аориста при обозначении действий „обобщенного“, „вневременного“ характера. Возможность „замены“ прошедшего неотносительного (аориста) настоящим неотносительным в древнеболгарском языке не распространялась на те случаи, когда аорист использовался не как заместитель перфекта, а в своей собственной функции — для обозначения прошлых действий, не связанных с действиями настоящего периода.

Поэтому-то древние переводчики и правщики, встречая в греческом тексте формы наст. вр., использованные для обозначения событий прошлого, не связанных с настоящим (т. е. употребление „исторического настоящего“), довольно последовательно заменяли их формами А (неотносительного прошедшего времени), что соответствовало их языковому сознанию. Очевидно, для них употребление настоящего времени при описании событий, отнесенных к прошедшему периоду и никак не связанных с настоящим периодом, означало бы нарушение хронологической координации событий, искажение самой внеязыковой ситуации.

Поэтому, калькируя в ряде случаев языковые особенности греческого оригинала, где эти особенности (даже если бы они были необычны для славянского языка) отражались только на языковой информации (так называемые „гредизмы“ в старославянских переводах), древние переводчики и правщики избегали необычного для них использования настоящего времени, поскольку оно, с их точки зрения, означало уже искажение внеязыковой, содержательной информации.

Впрочем, это не исключало того, что в отдельных случаях в древний славянский текст евангелия могла проникнуть грамматическая форма греческого оригинала (в данном случае — форма Н индикатива). Таково, например, ее употребление в значении „настоящего исторического“ в следующем тексте из Мариинского евангелия:

Мф. XXII 16: 15... Съзвѣтъ сътвориха на нъ да оболъчатъ
и скома. 16: погизиджѣтъ къ нему оученики скома.

Напоминаем, что в Саввиной книге (см. стр. 195 настоящей работы) в этом месте стоит аорист. Приведенный пример не является единственным³⁶.

Однако в громадном большинстве случаев греческой форме наст. вр., употребленной в значении „настоящего исторического“, и в евангельских кодексах древнего периода и во Врачанском евангелии XIII в. соответствует форма А.

Так, например, в Мариинском евангелии греческой форме наст. вр. λέγει соответствует форма А гла (Мф. IX, 28) или форма рече (Мф. IV 6), форме έρχονται — форма приде (Мр. V 38), форме εισπορεύεται — форма каниде (Мр. V 40), форме εύρίσκει — форма обрѣте (Ио. I 42), форме προσέρχονται — форма пристъпиша (Мф. IX 14), форме παραλαμβάνουσιν — форма поѣла (Мр. IV 36), форме γίνεται — форма възитъ (Мр. IV 36), форме ενεργουσιν — форма кзвоудиша (Мр. IV 38), форме ορα — форма оузарѣ (Лук. XVI 23), форме βλέπει — форма кидѣ (Ио. I 29), форме άγγαρεύουσιν — форма задѣша, форме φέρουσιν — форма прикѣла (Мр. XV 21—22), форме φαίνεται — форма ѣки са (Мр. II 13), форме δείχνουσιν — форма показа (Мф. IV 8), форме προσπορεύονται — форма идѣте (Мр. X 35), форме συνέρχεται — форма съвзраша са (Мр. III 20).

В переводах же евангелия на болгарский язык как XIX, так и XX в. греческие формы наст. вр., употребляемые в значении „исторического настоящего“, свободно передаются формами Н, так как для языкового сознания переводчиков этого времени в таком употреблении этой формы уже не было ничего необычного. В письменном литературном болгарском языке выбор формы А или Н для описания прошлых событий в авторском повествовании был уже вопросом стиля, манеры повествования и не был нарушением общезыковых норм.

Для читателя XIX в., а тем более для современного читателя, абсолютная хронология событий не искажалась из-за того обстоятельство, что при описании одного комплекса внеязыковых фактов в авторском повествовании использовались попеременно то формы Н, то формы А в собственном значении аориста.

Впрочем, переводчик XIX в. также не всегда передавал „настоящее историческое“ греческого оригинала формой наст. вр. Так, в тексте Мр. VI 1 он передал формой А (дойде) греческую форму наст. вр. έρχεται (в Мариинском евангелии аорист приде) и формой И (слѣдувахъ) греческую форму наст. вр. ακολουθοῦσιν (в Мариинском евангелии аорист идѣ). Однако в большинстве случаев переводчик XIX в. использует для передачи „настоящего исторического“ форму Н.

³⁶ K. Horalek. Evangeliafe a četveroevangelia. Praha, 1954, стр. 186—188.

Использование форм Н в значении „исторического настоящего“ в переводе евангелия XIX в. связано, по материалам наших выборок, со сравнительно небольшим списком, насчитывающим всего 17 глаголов, причем частоты использования этих глаголов в форме „исторического настоящего“ существенно различаются.

Глагол глаголати 173 раза употреблен в тексте Марининского евангелия в форме А в тех местах, где в переводе XIX в. употреблена форма Н в значении „исторического настоящего“ в соответствии с формой наст. вр. греческого текста. Рассмотрим следующий пример на соответствие гла — казува:

Мф. VIII 19—20: *і прѣстѣпа єдинѣз книжникаꙗ рече ємоу. оучитєлю идѣ по тѣбѣ. ꙗкоже колиждо идєши. гла ємоу исз. лици ꙗзкыны имѣтѣ. і птица небєкына ꙗнѣздѣ. а снѣз члѣвєкѣзи не имѣтѣ кѣдє глабѣзи подѣклонити.*

В этом диалоге имеются две авторские ремарки, вводящие — одна — прямую речь книжника, другая — Иисуса, в обеих ремарках имеется глагол говорения: в первой рече, во второй гла. В греческом тексте первому глаголу говорения (рече) соответствует форма пр. вр. εἶπεν, второму (гла) — форма наст. вр. λέγει. В древнеболгарском тексте обоим глаголам говорения соответствует форма А, так как для того периода развития болгарского языка, по-видимому, невозможно было, описывая разговор двух лиц, т. е. действия, безусловно, происходившие в один „астрономический“ период времени, действия одного лица описывать в грамматической форме наст. вр., а действия другого в грамматической форме прош. вр. Переводчик же XIX в. в соответствии с формами времени, использованными в греческом тексте, для первого глагола говорения использует форму А рече, для второго форму Н казува, так как для него такое „смещение“ грамматических времен уже не могло означать в данном случае смещения временных координат в действительности.

Примечателен следующий факт. В тексте, непосредственно следующем за только что приведенным, также передается диалог (Иисуса с другим учеником), в котором также содержатся две авторские ремарки с теми же глаголами говорения рѣштѣ и глаголати:

Мф. VIII 21—22: *дрругѣзи же отѣз оученикаꙗ рече ємоу ꙗи. покєли ми прѣжде ити. і погрєти отѣца моего. исз же гла ємоу. гради поманѣ...*

В основном греческом тексте в издании Тишендорфа этим двум глаголам соответствуют те же две разные формы — εἶπεν для рече и λέγει для гла, однако в примечаниях внизу страницы ко второму глаголу приведена в качестве разночтения форма εἶπεν. В болгарском евангелии XIX в. оба глагола говорения передаются формой А рече. Таким образом, далеко не всегда форме гла

в Мариинском евангелии соответствует форма *казува* в переводе XIX в., а лишь там, где в греческом тексте ей соответствовала форма настоящего времени.

Чтобы не загромождать текст однообразными повторяющимися разночтениями, мы не будем приводить остальные тексты с подобными заменами, а ограничимся перечнем тех мест евангелия, где они встречаются:

глад — *казува*: Мф. VIII 7, 26, IX 6, 28, XII 13, XIII 51, XV 34, XVI 15, XVIII 22, 32, XIX 8, 18, 20, XX, 6, 8, 21, 23, XXI, 13, 31, 42, XXII 8, 12, 20, 21, 43, XXVI, 25, 31, 35, 36, 38, 40, 45, 52, 64, 71, XXVII, 13, 22, XXVIII, 10; Мр. I, 38, 41, 44, II, 5, 10, 14, 17, III, 3, 4, 5, 34, IV, 13, 35, V, 36, 39, VII, 34, VIII, 29, X, 42; Лук. XVI, 25; Ио. I, 21, 29, 36, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, II, 3, 4, 5, 7, 8, 10, III, 4, IV, 7, 9, 11, 15, 16, 17, 19, 21, 26, 28, 34, 49, 50, V, 6, 8, VII, 50, XI, 7, 11, 23, 24, 27, 39 (bis), 40, 44, XIII, 31, 38, XIV, 5, 6, 8, 9, 22, XVIII, 6, 17 (bis), 26, 38 (bis), XIX, 4, 5, 6, 9, 10, 14, 15, 26, 27, XXI, 15 (ter.), 16 (ter.), 17 (bis), 19, 21, 22; глзд — *казва*: Мр. V 41; глздте — *казуватъ*: Мф. IX 28, XX 22, 33; глздшд — *казуватъ*: Мф. XIII 51, XIV, 17, XV, 33, XIX, 7, 10, XX, 7, XXI, 31, XXII 21, 42, XXVII 22; Мр. I, 30, 37; Ио. XI 8, 34, XVI 29.

Глаголу *ршгги* в форме А в Мариинском евангелии 10 раз соответствует употребление глагола в форме Н в значении „исторического настоящего“ в тексте XIX в. в соответствии с формой настоящего времени в греческом тексте. Тексты с разночтениями мы приводить не будем, так как никаких грамматических отличий от примеров глаголати в них не содержится, и также ограничимся указанием мест, где эти разночтения обнаружены:

рече — *казува*: Мф. IV, 6, 9, 19, VIII, 4, XIV, 8, XVII, 25, 26, XXI, 16, XXVI 63; ршшд — *казуватъ*: Мр. I 18, IV 38.

Глагол *прити* в форме А в Мариинском евангелии 16 раз соответствует употреблению глагола в евангельском тексте XIX в. в значении „исторического настоящего“:

Мр. I 40: I *приде* къ немуу прокаженъ мола и. i на колѣноу падаѣ и глзд емуу (в тексте XIX в.: и *идува* при него единъ прокаженъ. та му ся моляше и колѣничеше прѣдъ него и казуваше му...); Мф. XXV 11 (*придѣ*—*дождатъ*); XXVI 36 (*придѣ*—*идува*); 40 (*придѣ*—*идува*); Мр. I 3 (*придѣ*—*идуватъ*); 18 (*придѣ*—*идуватъ*); II 3 (*придѣ*—*идуватъ*); III 19 (*придѣ*—*идуватъ*); 31 (*придѣ*—*идува*); V 15 (*придѣ*—*идватъ*); 22 (*придѣ*—*идва*); 35 (*придѣ*—*идватъ*); 38 (*придѣ*—*идува*); Лук. VIII 49 (*придѣ*—*идва*); Ио. IV 7 (*придѣ*—*идува*); XI 38 (*придѣ*—*идува*).

Глаголу *обрѣсти* в форме А в Мариинском евангелии в тексте XIX в. 5 раз соответствует употребление глагола в форме Н со значением „исторического настоящего“:

Мф. XXVI 43: и пришедъ пакъи обрѣте ѿ сѣпача (в тексте XIX в.: и като дойде *намѣрува* гы пак заспали...); 40 (обрѣте — *намѣрува*); Ио. I 42 (обрѣте — *намирува*); 44 (обрѣте — *намирува*); 45 (обрѣте — *намѣрува*).

Глаголу видѣти в форме А в Мариинском евангелии четыре раза в тексте XIX в. соответствует употребление глагола в форме Н со значением „исторического настоящего“:

Мр. V 38: и приде къ домъ... и видѣ мѣлѣж и плачуща гѣ. и кричуща много. и възшедъ гла имъ (в тексте XIX в.: И идува въ домъ-тъ... и *вижда* мѣлѣж, че плачѣхъ и пищѣхъ много. И като влѣзе казува им...); 15 (видѣша — *виждатъ*); Ио. I 29 (видѣ — *ижда*); XXI 20 (видѣ — *вижда*).

Аналогичные разночтения с глаголом прикѣсти отмечены два раза:

Мр. VII 32: и приѣсѣ къ нему глауха гѣгнника. и молѣхъ и да възложитъ на на рѣкѣ... възложи прѣстыи своѣ къ оуши его. и... кося и къ язкѣ (в тексте XIX в.: и *доводятъ* му одного глухъ и гѣгнивъ, и молятъ му ся да възложи рѣкѣ на него... возжи пѣрсты-тъ си въ оуши-тъ му... похванъ го по языкъ-тъ); XV 22 (прикѣса — *заводатъ*).

Аналогичные разночтения с глаголом акити гѣ отмечены два раза³⁷.

Мф. II 13: ѿшедшимъ же възхвома се агла гнѣ жеи гѣ къ сѣнѣ йѡсифу гла ... (в тексте XIX в.: *явява ся*); 19 (такое же соответствие).

Аналогичные разночтения с глаголом поимати отмечены два раза: Мф. IV 8; Мр. IV 36 (тексты см. ниже).

Наконец, по одному разу встретились аналогичные разночтения с глаголами възити, възнити, възбоудити, задѣти, ити, показати, пристѣпати, събирати, оузѣрѣти:

Мр. IV 36—38: 35. и гла имъ... прѣидѣма на онѣ полѣ. 36. и отзпоушаше народъ. поясѣ и тѣкоже бѣ къ ладии. и инзи же ладия бѣхъ съ нимъ. и бысть воурѣ ... и бѣ самъ... сѣпа. и възбоудиша и. и глаша ему ... не родиши ли тѣко погнѣлемъ... (в тексте XIX в.: *зематъ, дигнува ся, разбудатъ*);

Мр. V 40: ... онъ же изгнѣвъ къ гѣ. поятъ отца отроковица и матерѣ. и иже бѣша съ нимъ. и въниде идеже бѣ отрока лежа (в тексте XIX в.: А той като испѣди всичкы-тъ, зема на дѣте-то башъ му и майкѣ му и онѣзи които бѣхъ съ него, и *влѣзува* дѣто лѣжеше дѣте-то);

³⁷ Так как в рукописи Мариинского евангелия соответствующие места отсутствуют, мы ориентируемся в данном случае на текст Саввиной книги, разночтений с другими старославянскими евангелиями в передаче интересующей нас формы Ягичем не отмечено.

Мр. XV 21—23: і задѣша мимо ходашгоу единомуу симону... да възметъ кѣтъ его. и приѣса и на мѣсто голгофа... і даѣхъ емоу пити оцѣтно вино. онъ же не приѣтъ (в тексте XIX в.: И накарвать...Симона...да носи кръсть-тъ му. И *завождатъ* Исуса на мѣсто-то Голгофа... И давахъ му да пие вино..., но той не пое);

Мр. X 35: і прѣдъ нимъ идете итѣкъз и (и)оанъ... глѣшга емоу... (в тексте XIX в.: *идуватъ*);

Мф. IV 8: пакъ поатъ и дигколъ на горъ възокъ зѣло. и показа емоу кѣтъ цѣтѣна всего мира и слава ихъ и рѣ емоу... (в тексте XIX в.: Пакъ го *завожд* диаволь-тъ...и *показува*...и *казува* му);

Мф. IX 14: Тогда притѣпиша къ емоу оученици иоанки глѣце... (в тексте XIX в.: *идуватъ*);

Мр. III 19—20: і приѣхъ въ домъ. і събѣраша сѧ пакъ народи. тѣко не моци имъ ни хлѣба снѣсти (в тексте XIX в.: И *идуватъ* въ единъ домъ, и *събира сѧ* пакъ много народъ, така щото тѣ не можахъ нито хлѣбъ да ядѣтъ);

Лук. XVI 23: і въ адѣ възвѣдъ очи свои сѧ въ мѣкахъ оузрѣ акрама из далече. и лазарѣ на монтъ его (в тексте XIX в.: *вижда*).

7. Аорист—имперфект. Корреляция „имперфект ~ аорист“, отражающаяся в двух типах разночтений „аорист—имперфект“ и „имперфект—аорист“ связана с представлением о значительности описываемого действия в комплексе ситуаций. Если для описания какого-то действия использована форма И, это определение означает, что автор описания относит данное действие ко второму плану, если же использована форма А—это означает, что формами времени отнесенность действия к первому или ко второму плану остается невыраженной. Если при описании комплекса ситуаций использованы формы и того и другого времени, то, поскольку формами И отмечены действия второго плана, действия, описанные формами А, становятся тем самым также отмеченными как действия первого плана. Но если при описании комплекса ситуаций использованы только формы А, то относительная значительность каждого действия, входящего в этот комплекс ситуаций, остается не выраженной формами времени³⁸. Корреляция „имперфект ~ аорист“ представляет автору или переводчику в употреблении одного из этих двух времен, пожалуй, бѣльшую

³⁸ В этом случае, как и во всех других, оценка значительности действий может быть выражена другими грамматическими средствами, а также средствами лексическими. Анализ этих способов выделения действий первого и второго планов не входит в наши задачи. Всюду, где в дальнейшем мы будем говорить о грамматической выраженности или невыраженности значительности действий, мы будем иметь в виду только способ выражения этой оценки при помощи противопоставления временных глагольных форм.

свободу выбора, чем при выборе любых других альтернативных временных форм. Этим обстоятельством можно объяснить то, что в ряде случаев (примеры см. ниже) авторы древнейших переводов использовали аорист там, где в греческом тексте стоял имперфект, и наоборот. Переводчик XIX в. по тем же причинам в некоторых случаях „восстанавливает“ форму греческого оригинала, тогда как переводчик XX в. в некоторых из этих же случаев в выборе формы совпадает с древними переводчиками, а в других — совпадает с переводчиком XIX в.

Мф. XV 25: ...она же пришедши поклони сѧ емоу гашти... (в текстах XIX в. и XX в.: имперфект *ся кланяше*);

Мф. XV 29: 1 пришедъ отъ тоудѣ ис. иде при мори галилѣисцѣмъ. 1 вшедъ на горъ сѣде тоу (в тексте XIX в.: имперфект *сѣдѣше*; XX в.: аорист *седна*; в гр. — имперфект *ἐκάθητο*);

Мр. VI 6: 2. 1 вѣзши советѣ. начатъ на саншишти оучити. 1 мзноси сѧшиавше дивѣхъ сѧ... сѣблажнахъ сѧ о немѧ... 6. 1 днѣ сѧ за некѣрѣтко ихъ. 1 отъхождаше градца оуча (в текстах XIX и XX вв. имперфект: *се чудеше*);

Мф. IV 24: изиде слоухъ него по всѣи сири и пришедоша емоу къ болащѧмъ... и исцѣли ѧ (в тексте XIX в.: имперфект *довождахъ*; XX в.: аорист *доведоха*) — по Дечанскому евангелию;

Мр. V 31: 1 глѧша емоу оученици его (в тексте XIX в. имперфект *казувахъ*; XX в.: аорист *казаха*; гр. — имперфект *ἐλεγον*);

Мр. V 8: 2. 1 излѣзшоу емоу (об Иисусе Христе. — И. Б.) ис корабѣ. авне сѣрѣте и отъ гробъ чкъ. нечистомъ дхмъ. 3. иже жилиште имѣаше къ гробѣхъ... 6. оузрѣвъ же исѧ из далече. тече и поклони сѧ емоу. 7. 1 вѣзпикъ гласомъ келиемъ гла. что манѣ и тѣбѣ исѣ снѣ ба вѣзшиѧго. закинаѣ тѧ бмъ не мжчи мене. гла емоу изиди дше нечистѧи отъ чѧвѧ.

В греческом тексте второму гла соответствует форма имперфекта *ἐλεγεν*. В евангелии XIX в. это место переведено следующим образом:

И щомъ излѣзе изъ ладѣж-тѣ, тозь часъ го срѣшнѣ единѣ человекъ отъ гробища-та съ духъ нечистъ, Който имаше жилище-то въ гробища-та... А като видѣ Иисуса отъ далечъ, притече и поклони му сѧ. И извыка съ гласъ голѣмъ и рече: **Що** имашь ты съ мене, Иисусе, Сыне на Бога вышняго? **Заклѣвамъ** ты въ Бога, недѣй мя мжчи. (Защото му *казуваше*: Излѣвъ изъ человекъ, душе нечистый).

В переводе XX в. аористу древнеболгарского текста соответствует плюсквамперфект (*бе казал*).

Таким образом, древний переводчик ни грамматически, ни лексически не выделил действие, обозначенное вторым словом гла из ряда других в комплексе ситуаций. Переводчик XIX в. — в со-

ответствии с греческой формой — использовал маркированную форму, отмечающую грамматически отнесенность действия ко второму плану, и, кроме того, в соответствии с причинным союзом ἄρ, стоящим в греческом тексте, поставил слово *зацото* и взял в скобки всю фразу, описывающую этот эпизод — обращение Христа, приказавшего нечистому духу выйти из человека. Переводчик евангелия XX в. наряду с лексическим средством (он сохранил союз *зацото*) использовал наиболее точно грамматические средства, поставив здесь форму П_а, указывающую на то, что заклинание, с которым обратился Христос к нечистому духу, предшествовало словам самого одержимого (точнее — по смыслу евангельского изложения — словам нечистого духа, говорившего устами больного человека, умолявшего не мучить его), хотя по расположению в тексте они предшествуют словам Христа.

Мф. XXVIII 6: 5. ..ѡтма бо тко иа про(па)патааго ицета. 6. нѣста еде вѣта бо ткоже рече. приѣта видита мѣсто. идеже лежа хъ. (в тексте XIX в.: имперфект *лѣжеше*; XX в.: перфект *е лежал*, гр. — имперфект *ἔκειτο*).

Употребление форм А в Мариинском евангелии как немаркированных форм прошедшего времени не вызывает никаких сомнений. Не вызывает сомнения и обозначение этого действия как прошедшего, актуального для ситуации, при которой происходит диалог, формой П в евангелии XX в. Обозначение же этого действия формой И представляется здесь неоправданным, во всяком случае оно свидетельствует об ином понимании временной соотнесенности действий, описываемых в приведенном тексте.

Мф. XII 1: Ез то рѣтма приде иъз сквозѣ станиѣ. оученици же его въздаакаша са. и нача са възстрзгати класи и тѣсти (в текстах XIX в. и XX в.: имперфект *минаваше*);

Мф. IX 27: I прѣходащю тждѣ иъви. по немь идете дѣба слѣпаца зокѣца и глѣца (в тексте XIX в.: имперфект *вървѣхъ*, XX в.: аорист *трынаха*).

Лук. XXI 4: вѣсе имѣние еже имѣ възрѣже (в текстах XIX в. и XX в.: *имаше*; гр. — имперфект *εἶχεν*; в Ассеманиевом и Вранчанском евангелии: *имѣаше*);

Лук. XV 11: чакъ единъ имѣ дѣба сна. и рече юнѣи ею отцю (в греческом тексте, как и в обоих новых переводах, имперфект);

Мф. XIII 5: ... дроугаа же пада на каменехъ. тже не имѣша земаа мнози (в греческом тексте, как и в обоих новых переводах, имперфект);

Мр. IV 5: а дроугое паде на каменѣтѣмь. идеже не имѣ земаа мнози. i абѣ прозаве зане не имѣаше глѣбинзи земзиѣа (в греческом тексте, как и в обоих новых переводах, имперфект);

Мр. III 13: I казиде на горѣ и призва баже самъ хотѣ. i идъ къ немюу. i сѣткори дѣба на дѣсате да бѣждѣтъ съ нимь. i да погзи-

лаатъ ѣа проповѣдати (в греческом тексте, как и в обоих новых переводах, имперфект);

Мф. IV 25: изиде слоухъ его по всѣи сирини и приведоша емуоу еса болацаба...и исцѣли ѣа...И по немъ идоша народи мнозини (в тексте XIX в.: имперфект *вървѣше*; XX в.: аорист *трѣгнаха*; гр. — аорист *ἠκολούθησαν*) — по Дечанскому евангелию;

Мф. XXII 1: и отъзвѣштавъ ис рече имъ къ притчахъ гла (в текстах XIX в. и XX в.: имперфект *говорѣше*; гр. — аорист *εἶπεν*);

Мф. XXVI 67: Тъгда заплыбаша лице его. и пакости емуоу дѣаша. Оби же за ланигъ оудариша гаште...кто етъ оударен га (в текстах XIX в. и XX в.: имперфект *удряхъ*, *удряха*; гр. — аорист *ἐράπισαν*);

Мр. VI 1: I изиде отъ тждоу. и приде къ отечествене свое. и по немъ идж оученици его. и взицъши соботѣ. начатъ на санишшти оучити. и мзнози слышавъше диклѣхъ еа глѣще... (в тексте XIX в.: имперфект *слѣдувахъ*; XX в.: омонимичная форма аориста-имперфекта *следвахъ*³⁹; гр. — наст. вр. *ἀκολούθοισιν*);

Лук. VIII 27: шедъшию же емуоу на землѣ. сзрѣте и мжжъ единъ отъ града. иже имѣ вѣзѣ отъ лѣтъ мзногъ. и къ ризж не облачааше еа и къ храмѣ не живѣаше. нз къ гробѣхъ. оузрѣвъ же нѣа и къзъпикъ. припаде къ немуоу... (в старых евангелиях Зографском, Ассеманиевом и в Саввинской книге, как и в обоих новых переводах: имперфект *имѣаше*, *имаше*; гр. — причастие наст. вр. *ἔχων*);

Лук. XIV 3: 2. и се члкъкъ единъ имъи водънзи трждъ. вѣ прѣдъ нимъ. 3...рече нѣз... фарисѣемъ гла. аште достонтъ къ соботъи цѣланти. они же оумлѣчаша. 4. и приемъ и исцѣли... (в тексте XIX в.: имперфект *мълчехъ*, XX в.: омонимичная форма аориста-имперфекта *мълчаха*; гр. — аорист *ἥσυχασαν*);

Ио. XI 13: иже рече о сзрѣти его (= Лазаря. — И. Б.). они же манѣша тко о оузъпении сзна глѣтъ (во Врачанском евангелии и в евангелии XIX в.: имперфект *мнѣхъ*, *мыслѣхъ*, в евангелии XX в.: аорист *помислиха*; гр. — аорист *ἔδοξαν*);

Лук. I 5: Бъистъ къ дъни ирода... иереи единъ именемъ захаритѣ... и жена его... вѣшете же оба праведна...и не вѣ има чада... взицъ же слоужаштоу емуоу... 11. тѣи же еа емуоу анѣз гнѣ (в тексте XIX в.: Въ дни-тѣ на Ирода...*имаше* нѣкой си священникъ; в тексте XX в.: та же форма И);

Мф. XXII 15: Тъгда шедъше фарисѣи: Сзвѣтъ сѣтвориша на нз да областатъ и словомъ. и послѣланѣтъ къ немуоу оученикъи еса

³⁹ Омонимия некоторых форм А и И в современном болгарском языке в ряде случаев (особенно с глаголом *съм*) не позволяет определить, имеется ли различие в использовании этих форм между новым и старым переводом. Такие спорные случаи здесь не рассматриваются.

(в тексте XIX в.: имперфект *сѣвѣтувахъ*; XX в.: аорист *наговориха*; гр. — аорист *ἔλαβον*).

8. Имперфект—аорист. Этот тип разночтений является „зеркальным“ по отношению к предыдущему типу, в основе его лежит та же корреляция „имперфект—аорист“. Поэтому нет надобности давать по поводу разночтений этой подгруппы дополнительные объяснения, и мы ограничимся перечнем самих разночтений. Отметим только, что количество разночтений в этой подгруппе в каждой из трех наших выборок близко к количеству разночтений в предыдущей подгруппе. Этого следовало ожидать, так как свобода выбора между двумя разрешенными вариантами при переводе одного текста на большом материале скорее всего дает в конечном счете примерно одинаковое число разночтений как для одного, так и для другого варианта.

Мр. III 6: *1* двие ишедзше фарисѣи съзидѣхъ творѣхъ на на како и бж погоубили. *1*сз же отиде съ оученикы... к морю... рече оученикомъ...

В греческом тексте здесь стоит аорист (*ἐποίησαν*), в обоих новых переводах — также аорист (в тексте XIX в.: *сѣтвориха*; XX в.: *сѣбраха на сѣвещание*). Текст этот описывает в сущности ту же самую ситуацию, что и текст Мф. XXII 15 (см. стр. 263 настоящей работы), но там в древнем переводе используется форма А, тогда как новые переводчики предпочли форму И, в данном же случае — наоборот — в древнем переводе отдается предпочтение форме И, а в новых — форме А. Напоминаем, что в греческом и в том, и в другом случае стояла форма аориста.

Дечанское евангелие: Мф. III 5: 1. Въ тыма же дзнии прииде иѡванъ крѣтити съ проповѣдаа... 4. самъ иѡванъ имѣаше ризы... гдз же его въ рѣзѣи... 5. тзгда исхождаше к нему... къ сѣи юдеа... 6. и крацаахъ са... къ... рѣцѣ... 13. Приидѣ иъсъ ѡ галилеа на иѡрданъ къ иѡвану крѣтити са... (в тексте XIX в.: аорист *извървѣ*; XX в.: имперфект *излизаха*);

Мф. IX 10—11: *1* бзи емоу възлежацию въ домоу. *1* се мзноси грѣшзници и мзитарѣ. пришедзше възлежаахъ съ иемъ. 11. *1* видѣхъше фарисеи глхъ оученикомъ его. по что съ мзитарѣи и грѣшзникы оучителя башъ тѣста. 12. *1*сз же слышакъ рече имъ. не трѣбуѣхътъ сздракии врача. нз болации (в обоих новых переводах два аориста: *насядаха* и *рекоха*);

Мф. IX 19: ...и късѣгакъ иъсъ по немъ идѣаше и оученици его (в обоих новых переводах аорист: *отиде* и *трѣгна*);

Мф. XIX 25: 23. и... рече кз оученикомз своимз... 25. слышаша[а]взше же оученици дивѣахъ са слово гл҃аште... (в тексте XIX в.: аорист *ся удивихъ*; XX в.: имперфект *се чудеа*);

Мр. I 32: позѣ же възвзшю егда захождаше слынце. приноша-ахъ кз нему васа неажжнзша... 33. и вѣ васа градз съвзраша са... и исцѣли мнози... (в тексте XIX в.: в обоих случаях стоит аорист: *залѣзе* и *доведохъ*; в тексте XX в.: в первом случае глагольная конструкция заменена именной: по *заник-слынце*, во втором случае стоит имперфект: *довеждаа*);

Мр. V 9, 10, 13: 6. оузрѣвз... иса... гла... не мжчи мене... 9. и въпрашаше и како ти естз има. и гла емоу леѣонз манѣ естз има... 10. и молѣше и много да не позлетз ихз кромѣ странзи. вѣ же тоу стадо свино... и молиша... вѣси... позли нзи ба свиниа... 13. и авие покелѣ... и ишедзше дси нечистии ванидѣ ба свиниа. и оустрзми са стадо по врѣгоу кз море. вѣ же ихз тко дзве тзи-сжшти. и оутапаахъ кз мори. и пасжшти... вѣжаша... (в обоих новых переводах в трех случаях использован аорист: *попита*, *моли ся*, *ся издавихъ*);

Лук. II 48: обрѣтете и кз цркви... и рече кз нему мати его. чадо что сътвори нама тако. се отецз твои и азъ. скрзбаша искааховѣ тебе (в тексте XIX в.: аорист *търсихмы*; XX в. конструкция с *да*: *много се измѣчихме да Те търсим*);

Лук. III 16: отъвѣштываше иоанз вастмз гла... (в обоих новых переводах аорист: *отговори*; гр.—причастие наст. вр. *λέγων*);

Лук. IV 37: 33... вѣ чакз имзи ахъ вѣса... и запрѣти емоу исз гла... изиди из него... и вѣсз... изиде иж него... и възитз оужасз на вастхз. и сътаздаахъ са другз кз другоу гл҃аште. что естз слово. се тко... силсж велитз. нечистзимз ахмз и исхода 37. и исхождааше шюмз о немз кз вастко мѣсто и странзи (в обоих новых переводах аорист: *разнесе ся*);

Лук. IV 40: заходаштю же слынцоу. взи елико имѣахъ болацаѣ неажгзи различнзи привождаахъ ба кз нему. онз же на когождо ихз ржкж кзлагая исцѣлѣаше ба (в тексте XIX в.: два аориста *доведоа* и *исцѣли*; XX в.: два имперфекта *зевеждаа* и *изцерьываше*);

Лук. V 9: 6... обаса мзножзство рзвз много... и испазниша оба кораблѣ. тко погржжати са има... 8... петрз. припаде кз колѣнома исама гла... грѣшенз есмз ги... 9. оужасз во обдрѣждаше и. и васа сжцаѣа сз нимз о лобитѣ рзвз... и рече... исз. не бои са... (в обоих новых переводах аорист *обзѣ*);

Лук. VIII 29: 27. . . сѣрѣте и мѣжжъ единъ отъ града. иже имѣ вѣсѣи отъ мѣтѣ мѣногъ. . . оузарѣкѣжъ же иса. . . припаде къ нему. . . рече. что естѣ мѣнѣ и тебе исе. . . моужъ ти сѣ не мѣчи мене. 29. прѣшташе бо доухеки нечистоуоумоу изити отъ чѣка.

В этом тексте описан комплекс ситуаций, аналогичный тому, который описан в тексте Мф. V 8 (см. стр. 261). В греческом тексте здесь, как и в тексте Мф. V 8, стоит имперфект *παρήγγελλεν*; в древнем переводе используется на этот раз аналогичная форма, тогда как в тексте Мф. V 8 древнего перевода использовалась форма А, и наоборот, переводчик XIX в. использует теперь форму А, в тексте же Мф. V 8 им была использована форма И. В переводе XX в. в обоих случаях используется форма Пл, чтобы передать грамматически предшествование (выраженное в древнем переводе словом бо, в переводе XIX в. словом *защото*).

Лук. XVIII 2—4: . . . Г҃ди вѣ. . . вѣдока. . . вѣ. . . прихощааше къ нему глашати. мѣсти мене отъ сѣпрѣрѣ моего. и не хотѣаше на длѣсѣ вѣрѣмени. послѣди же рече. . . (в обоих новых переводах аорист: *рече*);

Ио. IV 27: и тѣгдажде приидѣ оученици его. и чощаашѣ сѣ тѣко сѣ женижъ глааше (в обоих новых переводах аорист);

Ио. IV 52—53: вѣпраша же години. . . къ кѣжъ соумѣ емоу вѣи рѣша же емоу тѣко вѣчера къ години седмѣжъ остави и огня. разоумѣ же [о]щѣ. тѣко та вѣ година къ ноще рече емоу иса тѣко тѣна тѣкои жикѣ естѣ (в тексте XIX в.: аорист *стана*, XX в.: перфект *е било*).

Использование формы П, на первый взгляд, представляется не вполне объяснимым, так как основное повествование ведется в аористе *А той ги попита. . . Тогава бащата разбра. . .*, а глаголом в форме П описано событие, предшествовавшее действиям первого плана. Однако надо иметь в виду, что в придаточном дополнительном при глаголах восприятия речи употребление перфекта и плюсквамперфекта факультативно в болгарском языке.

Ио. VII 37: Вѣ послѣдани же дѣна великии праздникѣ. стоѣаше исе. и зѣвааше гла. . . се же рече о доухѣ иже хотѣахѣ приимати вѣроуиштен къ него. не оу бо вѣ дѣ стѣи данъ. . . мѣноси. . . глаахо (sic) сѣ естѣ вѣи-истинѣ прѣкъ (в текстах XIX в. и XX в.: аорист);

Ио. XIX 13—15: . . . пилатѣ. . . изведе конѣ иса. . . и гла индеомѣ се цѣрѣ кашѣ. они же вѣпиѣхѣ. . . пропади и (в текстах XIX в. и XX в.: аорист).

9. Аорист — перфект. Эти „замены“ допускаются системой болгарского языка, поскольку перфект и аорист образуют привативную оппозицию, в которой перфект занимает место маркированного члена. Формами П всегда обозначаются прошедшие действия преднастоящего периода, в то время как формами А обозначаются действия любого прошедшего периода, в том числе и такого, для которого моментом отсчета является какой-либо момент настоящего периода.

Во всех случаях, где в тексте евангелия XX в. обнаружено употребление форм П в соответствии с формами А в Мариинском евангелии, формы А имеют перфектное значение. Обычно они употребляются совместно с формами Н, т. е. в позиции, характерной для употребления форм П.

Если мы вернемся к табл. 10, 11 и 12, то увидим, что в авторских ремарках в евангелии от Матфея формы П не встретилась ни разу ни в тексте Мариинского евангелия, ни в евангелии XIX в. (см. табл. 11), в речи автора (см. табл. 10) форма П не встретилась ни разу в Мариинском евангелии и встретилась два раза в евангелии XIX в. Только в четырех случаях в материале второй выборки разночтения „аорист — перфект“ отмечены в авторском повествовании. Таким образом, перфект по сути дела используется преимущественно в речи персонажей (табл. 12), т. е. в прямой речи, как в древнем, так и в новом тексте.

Однако в тексте XIX в. формы П в евангелии от Матфея встречаются в три раза чаще, чем в тексте Мариинского евангелия. Увеличение это произошло, как видно из табл. 12, в основном за счет использования переводчиком XIX в. форм П в тех местах, где древние переводчики использовали формы А, — 39 случаев, тогда как лишь в 14 случаях в новом переводе использованы формы П там, где древние переводчики употребляли какие-то иные, не аористные формы. Разночтения „зеркального“ типа „перфект — аорист“ отмечены только четыре раза, т. е. только четыре раза новый переводчик предпочел для перевода форму А там, где в старом переводе были использованы формы П. Данные по двум другим выборкам, первой и второй, дают примерно такую же картину (см. табл. 8 и 9).

Все это позволяет сделать следующий вывод: содержание корреляции „перфект ~ аорист“, отраженной еще в тексте древнеболгарского языка, не изменилось до настоящего времени, однако она стала обнаруживаться значительно отчетливее, поскольку в текстах нового периода заметно учащается использование форм перфекта, отмеченного члена корреляции, для указания на действия, актуальные для настоящего момента.

Впрочем, вывод относительно употребительности перфекта в древнейший период следует ограничить следующей оговоркой. Древнейшие переводы евангелия могут давать далеко не пол-

ную картину в этом отношении. На примере употребления форм Н для обозначения абсолютного прошедшего мы уже видели, что переводчики евангелия избегали такого употребления временных форм, которое не было свойственно древнеболгарскому языку, даже если язык оригинала, с которого делался перевод, их к такому употреблению „подталкивал“. Однако в случае выбора между формами А и П для обозначения действий, актуальных для настоящего момента, положение переводчика было иным. Древнеболгарский язык представлял здесь переводчику свободу выбора. Если основное повествование велось в настоящем времени, для описания событий прошлого можно было выбрать как форму П, так и форму А. В последнем случае, т. е. при выборе формы А, актуальность прошлого события для настоящего оказалась бы не выраженной выбором формы времени, но это и не было обязательным „требованием“ языка, да и в ряде случаев эта актуальность прошлого для настоящего могла выражаться иными способами — синтаксической конструкцией (союзами, например), лексически, содержательно. При таком положении вещей влияние языка, с которого делался перевод, могло в ряде случаев оказаться решающим в выборе формы времени. Очень может быть, что в большинстве случаев разночтения типа „аорист—перфект“ между древним и новым переводом следует объяснять именно таким образом. В связи с этим заметим, что в нашем материале в подавляющем большинстве случаев там, где форме П в новых переводах соответствует форма А в древнеболгарском переводе, в греческом тексте мы находим форму А, например:

Мф. V 43: слышасте ꙗко речено естъ. възлюбихи искрънѣго ского... (в тексте XIX в.: *чули сте*; XX в.: *слушали сте*; гр. — аорист ἤκουσατε);

Мф. VIII 13: иди ꙗкоже вѣрова бѣди тебе. I ищѣлаѣ отрокъ... (в текстах XIX в. и XX в.: *си повярувал*; гр. — аорист ἐπίστευας);

Мф. XXIV 45: Кто оубо естъ вѣрзани рабъ и мѣдрзи. ꙗкоже постави гъ надъ домома своимъ. да дастъ имъ къ вѣрма пиштъ и хъ (в текстах XIX в. и XX в.: *е поставил*; в Саввиной книге: форма Н — см. стр. 195; гр. — аорист κατέστησεν);

Мф. IX 33: I дикша ед народи гл҃ше. николиже лви сѣ тако кли (в тексте XIX в.: *никогда е видѣло*; XX в.: *никогда не е бивало*; гр. — аорист ἐφάνη); см. также аналогичные примеры

Мф. VII 23: николиже знахъ кака (в тексте XIX в.: *съм вы знаяхъ*; XX в.: *не съм ви познавал*; гр. — аорист ἔγνω);

Мр. II 12: николиже тако видѣхомъ (в тексте XIX в. и XX в.: *не смы виждали*; гр. — аорист εἶδμεν);

Мф. VIII 4: нз шедз покажи са архирерови. и неси дарз иже повелѣ мози (в тексте XIX в.: перфект *e повелелъ*; XX в.: перфект *e заповѣдалъ*; гр. — аорист *προέταξεν*); см. также аналогичные примеры Мр. I 44 (те же соответствия в греческом тексте и в текстах XIX и XX вв.); Лук. V 14 (в греческом то же; в текстах XIX в. и XX в.: *e заповѣдалъ*); Мф. XIX 8 (в тексте XIX в.: *дозволил e*; XX в.: *e позволил*); гр. — аорист *ἐπέτρεψεν*).

Есть случаи, когда переводчик преодолевал влияние оригинала и выбирал не ту форму, которая ему подсказывалась грамматикой подлинника, а ту, которая позволяла грамматически уточнить связь прошедшего времени с настоящим. Так, например, в тексте Мр. II 25 аорист греческого текста (*ἀνέγνωτε*) в древнем переводе передается формой П: *и тѣ глаше имз. нѣсте ли николиже чѣли. что сзтвори давдз...*, тогда как в приведенных выше аналогичных случаях (Мф. VII 23, Мр. II 12) сохраняется временная форма, соответствующая греческому оригиналу. В других случаях в Маринском кодексе отмечены различия в переводе двух очень близких по содержанию текстов: в тексте Мф. IX 24 греческий аорист (*ἀπέθανεν*) переведен аористом (*не оумрѣтз*), так же он передан и в тексте Мф. IX 18, а в тексте Лук. VIII 52 та же форма этого же глагола переведена перфектом (*нѣтз оумрѣла*):

Мф. IX 24: *и видѣвз сопѣца и народз мзвѣщзв гла имз. отидѣте не оумрѣтѣ во дѣкица нз сзпитѣ.*

Лук. VIII 52—53: *рзидадѣх же кѣси. и плакадѣх са еѣ онз же рече не плачите са еѣ. нѣстѣ оумрѣла нз сзпитѣ. и рждѣдѣх са емоу кѣдѣште тк(о) оумрѣтѣ.*

Интересно, что в тексте Лук. VIII 52—53 тот же греческий аорист *ἀπέθανεν* второй раз передан аористом *оумрѣтѣ*. По-видимому, переводчик в первом случае выбрал форму П, поскольку речь Христа передана формами Н, второй раз то же греческое слово переводчик передал формой А, поскольку оно употреблялось уже не в прямой речи, а в авторском повествовании. Переводчик XIX в. во всех случаях дал форму П (*e умрѣла*), так как для него, по-видимому, несобственно прямая речь в отношении возможности использования форм П приравнивалась к прямой речи (см. аналогичный случай в тексте Мр. IX 26: *мзнѣзи глѣдѣх тк(о) оумрѣтѣ*).

В нашем материале есть, однако, другие случаи, свидетельствующие о том, что далеко не всегда предпочтение, отдававшееся древним переводчиком форме А, можно объяснить влиянием формы, стоявшей в греческом оригинале. Дело в том, что в восьми случаях в нашем материале мы находим форму А в тексте Маринского евангелия на месте греческого перфекта:

Ио. IV 16—18: 16. гла еи и҃с. . . призови мѣжа твои. . . отвѣшта жена. . . не имамъ мѣжа. гла еи и҃с. добръ рече ꙗко мѣжа не имамъ. патъ бо мѣжа имѣла еси. ꙗзичѣ евоже имаша нѣстъ ти мѣжа. се къ истинѣ рече.

Первому славянскому аористу рече соответствует греческий аорист εἶπεσ, второму — греческий перфект εἶρηκας, в переводе XIX в. в обоих случаях использована форма П *си рекла и си казала*. См. также тексты Ио. III 13 (греческому перфекту ἀναβέβηκεν соответствует в Мариинском евангелии аорист кзидѣ, в евангелии XIX в. перфект *е вѣлѣзъ*); Ио. XIV 9 (греческим перфектам εἶρηκας и εἶρακεν соответствуют в Мариинском евангелии аористы не позна и видѣ, в евангелии XIX в. перфекты *не си познал и видѣл е*); Ио. XV 10 (греческому перфекту τετέρεκα в Мариинском евангелии соответствует аорист сзбамъ, в евангелии XIX в. — перфект *съмъ азъ държалъ*).

Хотя случаи эти и немногочисленны, они показывают, что выбор глагольной формы был все-таки свободным, причем он остался свободным и в современных переводах евангельского текста на болгарский язык. Если во многих случаях мы находим в новых переводах перфект там, где в Мариинском евангелии стоит аорист, то в ряде других случаев (хотя и не часто) мы в аналогичных позициях находим аорист и в новых переводах, причем он может соответствовать как аористу, так и перфекту в греческом тексте:

Ио. XIV 25—26: си глахъ вамъ въ васъ сзи. параклитъ же. . . тъ взи науотъ васемоу. ꙗзичѣ евоже камъ кастъ еликоже рѣхъ вамъ. (в тексте XIX в.: *Това ви исказахъ, доклъ съмъ още съ васъ. А Утѣшитель-тъ. . . той ще ви научи всичко, и ще ви напомни всичко що ви съмъ реклъ*; в евангелии XX в. также в первом случае — аорист *казах*, во втором — перфект *съмъ говорил*; в греческом же тексте первому аористу соответствует перфект λέλαληκα, второй форме — аорист εἶπον);

Ио. XVI 4: се глахъ вамъ. да егда придетъ година. поминаете си. ꙗко азъ рѣхъ вамъ. си хъ же камъ испръка не рѣхъ. ꙗко съ камъ вѣхъ. нз(и)нѣ же нѣжъ къ позлакъшиемоу ма (в тексте XIX в.: *Но азъ ви рекохъ това, та кога дойде тойзи часъ да го помните, че азъ ви съмъ реклъ: и той най-напрѣдъ не ви го казахъ, защото бѣхъ съ васъ*; в тексте XX в. в первом случае стоит аорист *казах*, во втором — перфект *съмъ казал*; в греческом тексте те же формы);

Ио. XVIII 19—21: Архирей же кзпроси и҃а ѿ оученицѣхъ его. ꙗко о оучени(и) его. отвѣшта емоу и҃с. азъ не обинуѣдъ сѧ глахъ васемоу мироу. азъ вѣгда оучихъ на снзмишти. ꙗко въ цркъвѣ(ѣ) идеже вѣси иудѣи снземажѣта сѧ. ꙗко таи не глахъ ничеже. Чѣто ма кзпрашаши.

ἐπιρῶσι ἐλπίδα κτλ. ч. что глахъ ѿмз. се си вѣдатъ еже рѣхъ азъ (в тексте XIX в.: Отговори му Иисусъ: азъ явно говорихъ на свѣтъ-тъ; азъ всякога поучавахъ въ съборище-то и въ храм-тъ дѣто Іудей-тѣ ся събирать вынжгы. и нищо не съмь говорилъ на скрито. Що пыташь мене? пытай конто сж мя чули, какво имъ съмь говорилъ; ето тѣ знайтъ що съмь азъ реклъ (в тексте XX в. те же формы, что и в XIX в.; в греческом первому глахъ соответствует перфект ἐλάληκα, второму — аорист ἐδίδαξα, третьему глахъ и форме рѣхъ — аористы ἐλάλησα и εἶπον);

Мф. IX 18: Ἐε κἀναζъ κтшедъ κланѣше са емоу гла. тко дзыги моѣ нзинѣ оумьрѣтъ. нз пришедъ нзинѣ кзволжи на нж ржкж ткож и ожикетъ (в тексте XIX в.: перфект *е умрела*, XX в.: аорист *умря*; гр. — аорист ἐτελεύτησεν);

Мр. IX 26: 25 ... нз. ... запрѣти дхѣоу нечит(оу)моу ... 26. і кззпикъ и мзногю пржжакъ са изиде. і быетъ тко мрзѣтъ. тко мзнози глахъ тко оумьрѣтъ. іе же емз і за ржкж кзздиже і кзста (в тексте XIX в.: аорист *умрѣ*; XX в.: перфект *е умряло*, т. е. несобственно прямая речь отождествляется с прямой речью; гр. — аорист ἀπέθανεν);

Лук. XIV 22: 21 ... рече равоу ... изиди. ... на распжтѣ. ... слѣпиза кзведи сѣмо. 22. і рече равз. ги взыетъ ткоже повелѣ. и еште мѣсто етз (в тексте XIX в.: перфект *си заповѣдалъ*, XX в.: аорист *заповяда*; гр. — аорист ἐπέταξας);

Лук. XV 29—30: се толико лѣтъ работаж твѣ. і николиже заповѣди ткожа не прѣтжпихъ. і манѣ николиже не далъ еси козалаге. да. ... сз другѣ ... кззверемиз са вима. егда же энз твои са. изѣды ткоже имѣние. ... приде. закла емоу телецз питомз (в тексте XIX в. два перфекта *съмь прѣстжпилъ* и *си закла*; во Врачанском евангелии: в первом случае сохранен аорист *прѣтжпихъ*, но во втором стоит перфект — см. стр. 216; в тексте XX в. в обоих случаях употреблен аорист: *прѣстѣпих* и *закла*; гр. — два аориста παρήλαον и ἔθυσας).

Мы привели основные варианты разночтений типа „аорист—перфект“ между Мариинским евангелием и евангелием XIX в. Остальные примеры, повторяющие основной вариант „аорист в Мариинском евангелии, соответствующий аористу в греческом тексте,—перфект в издании XIX в.“ мы не будем здесь приводить, а укажем только места в евангельском тексте, где отмечены такие же разночтения: Мф. V 28, VII 24; VIII 10; X 8; XI 11; XII 28; XIII 28; XIV 2, 31; XV 13; XVI 7, 8, 17; XIX 3, 6, 11, 12; XXII 12; XXV 26, 40, 45; XXVII 23, 42; XXVIII 19—20; Мр. I 39; II 27; III 26 (bis); IV 14, 16; XV 31; Лук. I 30, 45; IV 23; X 28; XII 20; XIII 16; XVII 9; XVIII 21; Ио. I

18; II 4, 10; III 11, 16, 18; III 17, 32 (bis), 33, 34, 35; IV 12, 38, 29, 39; VII 49; XI 11—13, 41—42; XII 34, XIV 31; XV 20, 24; XVI 21, 24, 32; XVII 3—5, 7—8, 21, 23, 24, 25; XVIII 22—23.

Нам остается только упомянуть в заключение о четырех случаях, когда разночтения „аорист—перфект“ встретились не в прямой речи. В трех случаях они относятся к несобственно прямой речи, о разночтениях в подобной позиции мы уже говорили выше и здесь ограничимся перечнем самих примеров:

Лук. I 22: .. разоумѣша ꙗко видѣни видѣхъ кз цркви (в тексте XIX в.: *e vidѣлѣ*);

Ио. IV 1: Бгда же оукѣдѣ гз ꙗко оуслышаша фарисити. ꙗко исз множишаша оученики зтворитз. .. остаки иудеж. и иде пакзи кз галилеж (в тексте XIX в.: *сж чули*);

Ио. IV 47: сз събшакз ꙗко ис приде отз иудеж кз галилеж. иде кз немуу и молѣаше и. да сънидетз и исцѣлитз сна его (в тексте XIX в.: *e дошелъ*).

В одном случае разночтение такого типа встретилось в лирическом вступлении к повествованию, которое может рассматриваться как прямая речь самого автора: \

Зогр.: Ио. I 1—3: Исconi бѣаше слово. і слово бѣаше отз ба. і бз бѣаше слово. се бѣ искони отз ба. кзсѣтѣтѣма бѣшаша. і бжж-него ничтоже не взиств (в тексте XIX в.: *Всичко чрѣз него станж, и кто е станжло, нищо безъ него не станж*).

10. Перфект—аорист.

Разночтения этого типа, „зеркальные“ по отношению к только что рассмотренным, сравнительно немногочисленны. Формами П и А здесь обозначаются действия, так или иначе соотношенные с событиями настоящего периода. Правда, может быть, не случайно, что все замены, отмеченные в нашем материале, встретились в конструкциях, где собственно форм Н нет и настоящее время, с которым можно считать соотношенным формы П в Марииинском евангелии, выражено, таким образом, только самим фактом прямой речи. Видимо, этим обстоятельством следует объяснить, что на месте перфекта, стоящего в Марииинском евангелии, мы не только находим формы А в евангелии XIX в., но в двух случаях находим в евангелии XX в. даже формы И, которые, как уже говорилось, довольно свободно используются вместо форм А, но, как правило, не заменяют формы П. Приводим все встретившиеся разночтения по трем выборкам:

Мф. XIII 27: ... пришедши же раби гина рѣшаша емоу ги. не добро ли сѣма сѣлѣ еси на селѣ твоема. отз коудж оубо иматз плѣкелз (в текстах XIX в. и XX в. аорист *не постѣ ли*);

Мф. XXV 20: і пристѣпа примзи а таланзтз. принесе другжж а таланзтз гла. ги патз таланзтз ми еси прѣдалъ. се другжж а

таланъта прѣобрѣтъ ими.; Мф. XXV 22 (аналогичный текст):
... ги бѣ таланъта ми еси прѣдалъ... (в обоих случаях в новых переводах стоит форма А прѣдаде);

Лук. I 78: 76. и тѣи отроча проркъ (sic!) вышанътаго наречеша сѧ прѣдзидши... да ти разоумъ спсаниѣ людемъ... 78. милосѣрдн ради бѧ нашего. бѧ ни хъже посѣтиа естѣ насъ къстока съ кѧше (в текстах XIX в. и XX в.: аорист *посети*);

Лук. XXIII 35: и стоѣахъ люде зрашгѣ. подрѣжаахъ же и и канаси глѣще съ ними. ины естѣ съпалъ да спсѣтъ и сѧ. ашгѣ сѧ естѣ хъ снъ бжии (в тексте XIX в.: аорист *избави*; XX в.: аорист *спаси*);

Ио. XVII 1—22: 1 ... отче приде година. прослави сѧ своего. да и снъ твои прославитѣ тѧ... 4. азъ прослави хъ тѧ на земли. дѣло свѣршихъ. ежи далъ еси мнѣ да сътворишъ... 6. тѣихъ има твое члкомъ. ѡже далъ еси мнѣ отъ мира. твои бѣша и мнѣ ѡ далъ еси. и слово твое съхраниша 7. нѣинѣ разоумѣша тѣо късѣ елико далъ еси мнѣ отъ тебе сжѣтъ. 8. тѣо глы ѡже далъ еси мнѣ да хъ имъ. и ти приаеа и разоумѣша квинстинъ тѣо отъ тебе изидъ... 9. азъ... молю... о тѣхъ ѡже далъ еси мнѣ... 11... Отче стѣи свѣданн ѡ кѧ има твое. ѡже далъ еси мнѣ. да бждѣтъ едино тѣоже и мзи. 12. егда бѣ хъ съ ними кѧ мирѣ. азъ свѣдаахъ ѡ кѧ има твое. ѡже далъ еси мнѣ съхранихъ. и никтоже отъ нихъ не погнѣе... 22. и азъ слабъ ѡже далъ еси мнѣ да хъ имъ. да бждѣтъ едино. тѣоже и мзи едино...

В евангелии XIX в. это место читается так: 1. Отче, дойде час-тъ, прослави сына си, да ты прослави и сынъ ти... 4. Азъ ты прослави хъ на земѣтж; свѣршихъ работж-тж кой-то ми даде да вършж... 6. Изяви хъ име-то ти на тыя человекѣи, които ми даде отъ свѣтъ-тъ. Твои бѣ хъ, и даде ги на мене, и твоео слово удържахъ. 7. Сега познахъ, че всичко, що ми си далъ отъ тебе е; 8. Защото словеса-та, които ми даде ты, дадохъ ги на тѣтъ; и тѣ прѣяхъ, и познахъ истинъ... 9. Азъ... молю за тѣзи които ми даде ты... 11. Отче святой, упзи ги въ име-то си, тыя които ми даде, за да бждѣтъ едно, както ный. 12. Когато бѣ хъ съ тѣхъ на свѣтъ-тъ, азъ ги пазѣхъ... тѣзи които ми даде упзихъ; и ни единъ отъ тѣхъ не погынъ... 22. И азъ, слабъ-тж кой-то ми даде дадохъ ѡ тѣмъ; да бждѣтъ едно, както смы ный едно...

Интересно, что в евангелии XX в. в стихе 4-м и 22-м стоит плюсквамперфект *бе дал*, в стихе 6-м — во втором случае стоит аорист, в остальных местах — перфект. В греческом тексте в стихах 4-м, 9-м, 11-м, 12-м, 22-м стоит перфект, в стихе 6-м и 8-м — аорист. Таким образом, едва ли здесь можно говорить о влия-

нии временных форм греческого текста на употребление временных форм в приведенном тексте в каком-нибудь из трех переводов.

11. Аорист — плюсквамперфект. Такого рода „замены“ „разрешаются“ системой болгарского языка. Это определяется тем, что эти времена образуют привативную оппозицию, в которой плюсквамперфект занимает место отмеченного члена. Формами Пл всегда обозначаются действия предпрошедшего периода, в то время как формами А могут обозначаться действия любого прошедшего периода.

Эта корреляция совершенно определенно обнаруживается уже в древних текстах, хотя довольно редко, так как формы Пл в древних текстах встречаются редко. Так, в полном тексте евангелия от Матфея по Мариинскому списку не отмечено ни одной формы Пл, в первой выборке отмечено 5, во второй — 4 формы. В громадном большинстве случаев действия предпрошедшего периода обозначаются в них формами А, т. е. немаркированной формой. Характерно, что во всех списках евангелия, которые мы уже сравнили выше, отмечена только одна замена с использованием формы Пл (мы имеем в виду то место во Врачанском евангелии — Лук. XXVI 43, где стоит форма Пл, которая в Мариинском евангелии соответствует форма И).

В евангельском тексте XIX в. формы Пл используются раза в три чаще, чем в древних переводах, хотя по-прежнему доля форм этого времени по отношению к формам других прошедших времен остается очень небольшой.

По всем трем выборкам отмечено всего 17 разночтений этого типа:

Мф. I 18⁴⁰: Исхѣко рожѣзѣтѣко лице бѣ. шѣрѣченѣи бѣиши матѣри ѿго марии ииулиѣу. прѣжде даже не сънидоша сѣ шѣрѣте сѣ ииулиции кѣ чрѣкѣ бѣ ѿ дѣа сѣа (в тексте XIX в.: *бяха ся съединили*; XX в.: *бяха се събрали*);

Мф. II 9⁴¹: ѿни же поглѣшавѣши црѣкѣ идоша. и се зѣзда иже видѣша на кѣстоцѣ и дѣше (прѣдз) нимн. дондеже пришедши сѣа крѣхѣ (идеже бѣ) ѿтрѣа (в текстах XIX в. и XX в.: *бѣхъ видѣли*);

Мф. II 16⁴²: тѣгда иродѣ... поглакѣ и зѣви кѣа ѿтрокѣ сѣщаѣа кѣ вѣолеумѣ и кѣ кѣхѣз прѣдѣ(лѣ)хѣз ѿго. ѿ дѣоу лѣтоу и ниже по

⁴⁰ В издании Ягича эта часть текста дана по Дечанскому евангелию, но Ягич не отмечает разночтений в отношении интересующей нас формы времени этого места изданной им рукописи с древнейшими евангельскими списками.

⁴¹ См. предшествующую сноску.

⁴² См. предшествующую сноску.

вѣрмени неже испѣята ѿ вѣдѣнъ (в тексте XIX в.: *бѣ испыталъ*; XX в.: *бе узнал*);

Мф. XXVI 20: 17. Въ прѣкзи же денъ опрѣнокъ. пристѣпиша оученици къ нѣби глѣще къ нему. Къде хощеши оуготоваема тѣбѣ пасѣжѣсти. онъ же рече... и сѣтвориша оученици ꙗкоже повѣстѣ имъ иже. и оуготоваша пасѣжѣ. 20. вечероу же вѣзвѣшоу. вѣзвѣже съ обѣма на десѣте оученикома. и ѣджемъ имъ рече. аминъ глѣмъ. ꙗко единъ отъ вѣсѣ прѣдѣстѣ ма. и скрѣбѣще сѣло начѣса глѣти емоу единъ кожѣдо ихъ. еда азъ емъ ги (случай этотъ менее очевиден, чем все предыдущие и последующие, и не случайно в тексте XX в. здесь сохранен аорист *седна*, тогда как в тексте XIX в. употреблен плюсквамперфект *сѣднѣлъ бѣ на трѣпѣжѣ-тѣ*; ср. в русском переводе: 'Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками');

Мф. XXVI 48: 47. и еште (sic!) глѣшти емоу. се иуда...приде. и съ нимъ народъ... 48. прѣдѣжи же и дасть имъ знаменѣ глѣ. егоже аште лобѣжѣ тѣ естѣ имѣте и. и абѣ пристѣпа къ нѣби рече емоу. радоуи сѣ рабѣви. и обловѣза и (в текстах XIX в. и XX в.: *бѣше даль*);

Мф. XXVI 75: и абѣ кокотъ вѣзгласи. 75 и помѣнѣ петръ глѣ иже совѣз иже рече емоу. ꙗко прѣжде даже кокотъ не вѣзгласитѣ. три кратѣ отъвѣржиши сѣ мене. и ишедъ конъ плака сѣ горѣко (в тексте XIX в.: *бѣше реклъ*; — XX в. страдательное причастие: *спомни си Петръ думата, казана му от Иисуса*);

Мф. XXVII 55: Бѣхъ же чоу женѣ. . . иже ижд по иштѣ отъ галлѣна слоужашта емоу... (в тексте XIX в. и XX в.: *бѣхъ послѣдовали*);

Мф. XXVII 57, 60: 57. Позѣт же вѣзвѣшоу. приде чѣкъ богѣтѣ отъ ариматѣѣ. именовѣ иосифъ. иже и оучи сѣ оу иже. сѣ пристѣпа къ пилѣтоу проси тѣло иже... 60. и положи е вѣ... гробѣ. иже иштѣ вѣ камѣни... (первому аористу в тексте XIX в. соответствует плюсквамперфект *беше училъ*, в тексте XX в. — имперфект *беше ученик* — о свободной заменяемости форм А и Пл формами И уже говорилось; второй же глагол в обоих новых текстах стоит в плюсквамперфекте: *бѣ изсѣклъ*);

Мр. VI 17: Тѣ во иродъ послѣдѣ вѣтѣ иодана. и сѣвѣза и вѣ темѣници. иродѣды ради женѣ филипа брата своего ꙗко жени сѣ иж (в тексте XIX в.: *бѣше иж зѣлъ за женѣ*, XX в.: *се бе оженил за нея*);

Лук. III 19: Иродъ же... обличѣмъ имъ. о иродѣдѣтѣ женѣ брата своего. и о вѣсемъ залѣ еже сѣтвори иродъ. приложи и се надъ вѣстѣми.

і заклепе ноѡна кѡ теманици (в тексте XIX в.: *бѣ сторилѣ*; XX в.: *бе направил*);

Лук. VI 17: І сѡшедѡ сѡ ними сѡта на мѣсте рабанѣ. и народѡ оученикѡ его. мѡножаствѡ мѡного людин...іже *придѡ* поглѡушатѡ его. і исцѣлитѡ сѡ отѡ недѡжѡ. и сѡграждѡштени отѡ дѡхѡ нечистѡ. исцѣлитѡхѡ сѡ. і вѡсѡ народѡ некадѡше прикасѡти сѡ ема. ꙗко сила из него исхождаѡше и цѣлѡше вѡсѡ. (в текстах XIX в. и XX в.: *бѣхѡ дошли*);

Лук. VIII 35—38: изидѡ же видѣтѡ бѡзвѡшаѡго. і придѡ кѡ искѡ. і обрѣтѡ сѡдѡштѡ ꙗко. из него же бѣси изидѡ облаченѡ и сѡмѡзсѡштѡ... 38. Молѡше же сѡ емоу мѡжѡ. из негоже изидѡ бѣси. да би сѡ нимѡ бѡилѡ (первому глаголу в обоих новых переводах соответствует плюсквамперфект *бѣхѡ излѣзли*, второму — в тексте XIX в. та же форма, в тексте XX в. аорист: *от когото излязоха бесовесте*);

Ио. IV 45: егда же приде кѡ галилѡѡ. приѡсѡ и галилѡанѡ. вѡсѣ видѣвѡше елико сѡтворѡ кѡ имѣхѡ. кѡ праздникѡ. і ти бо *придѡ* кѡ праздникѡ (в тексте XIX в.: *бѣхѡ дошли*; XX в.: *бѡхѡ ходили*);

Ио. XI 13: 11... и по сѡмѡ глѡ имѡ. лазарѡ дроугѡ нашѡ оусѡпе. нѡ идѡ да вѡзбѡуждѡ ѡ. рѣшѡ же оученици[ци] его. ги ѡште оусѡпе спѡсѡнѡ вѡдетѡ. 13. ис же рече о сѡмрѡти его. они же мѡнѡшѡ ꙗко о оусѡпении сѡнѡ глѡтѡ. тѡгда рече имѡ не не обиноуѡ сѡ. лазарѡ оумѡрѣтѡ (в тексте XIX в.: *бѣ рекѡ*, XX в.: *бе казал*);

Зогр.: Ио. XVIII 24: 13 і вѣсѡ и кѡ анѡт прѡвѣѣ. бѣ во тѡсѡтѡ канѣфтѣ іже бѣ архѡереи лѣтоу томоу... 15 По ісѣт же ідѡше симѡнѡ петрѡ. і дроугѡи оученикѡ... і канѡде сѡ іѡмѡ. кѡ дѡрѡз архѡереѡвѡ. Петрѡ же сѡтѡше... канѣ. 19. Архѡереи же вѡпросѡ ісѡ... ѡ оучени(и) его. ѡтѡвѣштѡ емоу не... 21. Чѡто ма вѡпрашѡемѡ. вѡпросѡ сѡзѡшѡвѡшѡѡѡ... Си рѡкѡшѡ емоу. едѡнѡ отѡ... слѡугѡ. оудари кѡ лѡнитѡ ісѡ... 23. ѡтѡвѣштѡ емоу не. ѡште злѣтѡ глѡхѡ сѡвѣдѣтелѡствѡу. ѡ злѣтѡ. ѡште ли добрѣ чѡто ма биши. 24. *Пѡсѡлѡ* же і анѡнѡ сѡвѡзѡнѡ кѡ канѣфтѣ архѡереѡбѡи (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *проводилѣ бѣ*; XX в. аорист *прѡти*).

Во всех приведенных примерах форма Пл использована для обозначения предпрошедшего действия, и „разрешенность“ такой замены во всех этих случаях совершенно очевидна.

Обращает на себя внимание тот факт, что из 17 разночтений, отмеченных в трех выборках, 10 приходится на текст евангелия от Матфея. В древнем переводе, как уже говорилось, в евангелии от Матфея вообще ни разу не были использованы формы этого времени. Поскольку в древнем переводе текстов других евангелистов формы Пл использовались (например, в равномерно составленной второй выборке 4 формы Пл на 1500 спрягаемых

форм индикатива⁴³), то отсутствие этих форм в переводе евангелия от Матфея, вероятно, можно было бы отнести за счет индивидуальной манеры переводчика или переписчика этого текста. В новом переводе евангелия от Матфея формы Пл использованы 19 раз, что составляет по отношению к общему числу спрягаемых форм индикатива 3084 примерно 0,6%. Доля этих форм в текстах трех остальных евангелистов в Маринском евангелии по материалам нашей второй выборки $\approx 0,3\%$.

Таким образом, как число форм плюсквамперфекта, использованных в переводе евангелия XIX в., так и доля их по отношению ко всем спрягаемым формам индикатива заметно возросли⁴⁴.

Разночтений „зеркального“ типа „плюсквамперфект—аорист“ в нашем материале нет.

12. Имперфект—плюсквамперфект. Корреляция „плюсквамперфект ~ имперфект“ аналогична корреляции „плюсквамперфект ~ аорист“, так как формами И, как и формами А, может быть обозначено действие, отнесенное к любому моменту прошлого, с той только разницей, что формами А описываются события любого плана, тогда как использование формы И указывает на отнесенность обозначенного этой формой действия ко второму плану.

Поскольку формы И в евангельских текстах встречаются реже, чем формы А, реже встречаются и соответствующие разночтения, т. е. использование в новом переводе форм Пл в тех местах евангельского текста, где в Маринском евангелии стоит форма И. Приведем все эти разночтения:

Мф. XXVI 43: и пришеда пакзи обрете на снаща .вече во очинма тажацѣ (в тексте XIX в.: *бѣхж отегнали*, XX в.: *бяха натегнали*);

Мр. II 15: и възгъ [же] кзвляжашти емоу кз домоу его. и мзносн мзггаре и грѣшници възляжашъ сз исма и сз оученики его... и книжници фарисеи. видѣвше и ѣдигъ сз мзггари и грѣшникзи. глахж оученикомъ его. что ꙗко сз грѣшникзи ѣтъ и паетъ (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *бѣхж настѣдали*; в тексте XX в.: имперфект *седяха*);

Мр. IV 38: и възгъ боурѣ.. клзны..каликахж сз кз ладнж ꙗко юже погразнжти хотѣаше. и бѣ самъ..сѣпа .и кззбоуднша и

⁴³ Вся вторая выборка содержит 2000 спрягаемых форм индикатива, но из них 500 форм приходится на тексты из Матфея, где нет форм Пл.

⁴⁴ В болгарской художественной прозе XIX—XX вв. формы Пл употребляются несравненно чаще, чем в переводе евангельского текста XIX в. Например, в повести Елина-Пелина „Гераците“ в первой тысяче спрягаемых форм индикатива нами отмечено 24 формы Пл, во второй тысяче — 32. В романе И. Вазова „Под игото“ в четырех выборках по 500 спрягаемых форм индикатива в каждой отмечено форм Пл 9, 7, 22, 7. Таким образом, в повести Елина-Пелина формы Пл составляют в среднем 2,8% всех спрягаемых форм индикатива, в романе И. Вазова — 2,2%.

1 глашѣ емоу... не родиши ли ꙗко погзиблѣма (в текстах XIX и XX вв. *бѣше заспалъ*);

Мр. V 4: 2. I извѣзвѣшоу емоу не кораблѣ. авне сзрѣте и отъ гробъ чкъ. нечистомъ дхмъ... и ни... жжемъ его никтоже не можааше сзвезати. 4. зане мнози кратъи... жжи... сзвѣ(за)нж сжцию. прѣтръздау ж сѣ отъ него. жжа... сѣкроушау ж сѣ. и никтоже его не можааше оумжити. и въинж день и ношгѣ... въ горахъ вѣ. въпнѣ и тлѣкѣ сѣ каменима... (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *пожсѣлъ бѣ* и *бѣ строшилъ*, XX в.: имперфект и *разжсѣваше* и *счупваше*);

Лук. I 7: 5. Бзистъ въ дѣни ирода... перен единъ... и жена его... вѣашете же оба праведна... 7. и не вѣ има чада. понеже вѣ елисаветѣ не плодѣи. и оба заматорѣвъша въ дѣнехъ сѣоныхъ вѣашете. бзистъ же слоужаштоу емоу... 11. ꙗки же сѣ емоу днѣа... (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *бѣхж заматорѣли*; XX в.: имперфект *бѣха в напреднала възрѣст*);

Лук. IV 20: 17. I въздаша емоу кзникъи... и разгнѣвъ кзникъи. обрѣте мѣсто ижеже... 20. сзгнѣвъ кзникъи кздавъ слоустъ сѣде. I клѣмъ въ сзгнѣмици очи вѣашете зѣрашити на нѣ. начатъ же гласти къ нимъ... (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *бѣх сѣ възрѣли*; в тексте XX в.: пассивная форма И *бѣха насочени*);

Лук. IV 38: взиде въ домъ симонкъ. тлѣштѣ же симонѣ вѣ одрѣжима огнемъ (в тексте XIX в.: *бѣше хванала*; XX в.: *бе забояла*);

Лук. VIII 29: 27... сзрѣте и мжжъ единъ отъ града. иже имѣ вѣсѣи. отъ лѣтъ мнози... оузрѣккъ же иса и кззпикъ... 29. прѣштѣаше во доухоки нечистоуоумоу изити отъ чѣка. отъ мнози во лѣтъ вѣсхѣштѣаше и. I вѣздау ж и жжи желѣзѣи. I пжтѣи стрѣгшгштеи. I растрѣсавъ жзѣи... (в тексте XIX в.: плюсквамперфект *бѣ го прѣхванжлѣ*, XX в.: имперфект *мѣчеше*);

Ио. II 22: бгда оубо вѣста отъ мртвѣзѣихъ. помѣнѣша оученици его ꙗко сѣ глашѣе. I вѣрж ѣсѣа... словеси еже рече иса (в тексте XIX в.: *бѣ казувалъ*; XX в.: *бѣ говорилъ*).

Как видим, в шести случаях из десяти в издании XX в. использована форма И (т. е. неотмеченная форма), как и в древнем переводе, там, где переводчик XIX в. использовал форму Пл (отмеченную форму). Это обстоятельство свидетельствует о факультативном характере подобных замен, о том, что они не связаны с какими-то сдвигами в системе времен изъявительного наклонения.

13. Будущее в прошедшем—и м п е р ф е к т. Корреляция между этими временами аналогична корреляции между имперфектом и плюсквамперфектом, но с той разницей, что формами П обозначаются предпрошедшие действия, а формами Б в Пр обозначаются „постпрошедшие“ действия. Как неотмеченные формы времени, обозначающие события второго плана прошедшего пе-

риода, формы И могут свободно употребляться как вместо форм ПЛ, так и вместо форм Б в Пр. В нашем материале встретилось одно различение такого типа:

Мр. IV 37: *и възвѣтъ вѣтрѣна велѣтъ възвѣти же вѣли-
каѣхъ са въ ладѣхъ. ꙗко юже пограбѣхти хотѣаше, вѣ самъ...
сѣпа. и възвѣдиша н. и глаша емоу... не родиши ли ꙗко погзиблемъ
(в тексте XIX в.: И дигнува ся голѣма буря ветренна; и волны-тѣ
ся вливаѣхъ въ ладѣхъ, така щото тя вече ся пѣльнѣше съ водъ;
в тексте XX в.: тоже имперфект).*

14. Имперфект—перфект. В современном болгарском языке, как и в древнеболгарском, эти два времени не образуют корреляции ни по признакам, характеризующим различия в периодах времени (I группа), ни по признакам, характеризующим различия в системе отсчета (II группа). Поэтому „замены“ такого рода всегда до сих пор встречались редко и были связаны с переосмыслением текста.

В материале различений по евангелию XIX в. ни в первой, ни во второй нашей выборке таких различений вообще нет. В третьей выборке три таких различения встретились подряд в притче о господине, поручившем рабам печься о своем имуществе. В двух случаях, правда, различения в этой притче между Мариинским евангелием и евангелием XIX в. можно интерпретировать не как „замену“ имперфекта плюсквамперфектом, а как „замену“ аориста перфектом, поскольку в Мариинском евангелии употребляется омонимичная форма вѣ:

Мф. XXV 21, 23, 26: *... рече емоу га его. доврѣти рабе и благи
и вѣрне о малѣ вѣ вѣренѣ. нады многога та поставѣхъ... о малѣ
вѣ вѣренѣ (в обращении к другому рабу. — И. Б.) ... злы рабе
и лѣны. вѣдѣаше ꙗко жанѣхъ идеже не сѣбахъ... подобаше ти вѣдати
сзрѣво мое трѣзвникомъ... (в текстах XIX и XX вв. во всех трех
случаях находим формы П си билъ (bis) и съм селя; гр. — дважды
praes. coniunct. ἦς, πιστός, третий раз — аорист ἔπειρα).*

Употребление форм П во всех трех случаях в евангелиях XIX и XX вв. представляется оправданным, так как взаимозаменяющимися формами обозначается факт прошлого, имеющий непосредственное отношение к ситуации, при которой происходит диалог и актуальностью которого определяется отношение господина к рабам, сумевшим не только сохранить, но и приумножить его имущество.

Употребление форм И в Мариинском носит скорее случайный характер. Заметим, что в Зографском евангелии на месте имперфекта *сѣлахъ* стоит причастие *сѣлахъ*, в Саввиной книге — форма, омонимичная для аориста и имперфекта *сѣхъ*.

15. Будущее время—перфект. Так же, как и в предыдущей подгруппе, мы здесь имеем дело с „меной“ форм времени, не допускаемой болгарской системой времен, поскольку будущее

время и перфект не составляют корреляции ни по одному из дифференциальных признаков, на которых покоится система противопоставлений времен в болгарском языке.

По-видимому, не случайно, что до сих пор такого рода различия не встречались, а в материале различий по евангелию XIX в. они встретились только два раза и в обоих случаях при глаголах (в форме Б в Мариинском евангелии и в форме П в евангелии XIX в.) стоит отрицание:

Ио. IV 49: гла кз немуу црзз мжжз. ги сзнци прѣжде даже не оумьреть отроча мое (в тексте XIX в.: Господи, слъзь докль не е умрѣло дѣте-то ми; в тексте XX в.: так же);

Ио. XIII 38: отквѣштга емуу ѿз. . . амин глазъ твѣѣ. не кзвгласитз кокогз дондѣже отквѣжши са мене три крѣты. (в тексте XIX в.: . . . истинж ти казувамъ, додѣ не е пѣвалъ пѣтел-ть, три пѣти ще ся отречешь отъ мене; в тексте XX в.: будущее время не ще пропее).

Именно отрицание и делает здесь взаимозаменяемыми формы Б и П, так как отрицание придает действию, обозначенному любой из этих форм, характер события, не совершившегося в настоящем.

Дело в том, что экстралингвистический факт, имеющий место в настоящем, можно выразить тремя способами: или утверждая его наличие в настоящем, или отрицая наличие противоположного факта в прошлом или, наконец, отрицая наличие противоположного факта в будущем. Ср., например, два ряда следующих русских предложений: *пока она не умерла — пока она не умрет — пока она жива (живет); пока петух не пропел — пока петух не запоет — пока петух молчит.*

В приведенных выше примерах взаимозаменяемыми формами обозначаются действия второго плана, которые упоминаются в связи с ситуацией „настоящего момента“, т. е. того момента, в который происходит диалог. Форма Б в Мариинском евангелии выступает за отсутствием специальных форм в значении формы того немаркированного относительного будущего времени, которое на „идеальной“ схеме системы времен обозначается знаком Б₂.

Мы описали все различия, связанные с употреблением спрягаемых форм индикатива, в тексте евангелия XIX, а отчасти и XX вв. по сравнению с текстом Мариинского евангелия. Хотя число различий между этими двумя текстами значительно превышает число различий между любыми двумя евангельскими списками древнейшего периода, оно не выходит за пределы, вполне допустимые для двух разных переводов одного и того же произведения.

Характер различий, отмеченных в тексте XIX в., свидетельствует о том, что, в о-первых, система времен изъявительного наклонения, представленная в письменном языке древнего периода,

сохранилась без принципиальных изменений (т. е. без изменения уже существовавших в X—XI вв. коррелятивных отношений между формами времен) и в современном болгарском языке; во-вторых, коррелятивные отношения между формами абсолютных и относительных времен, существовавшие уже в древний период, обнаруживаются в текстах XIX и XX вв. более очевидно, — сфера использования относительных времен осталась той же, но употребление более частым; в-третьих, появилась новая корреляция между неотносительным настоящим и неотносительным прошедшим (аористом), о чем свидетельствует довольно частое и последовательное использование форм Н для обозначения прошедших событий первого плана (так называемое „настоящее историческое“). Корреляция эта не повлияла на уже существовавшие до того корреляции в системе болгарского индикатива.

§ 2. Издание 1950 г.⁴⁵, текст которого мы сравниваем с Мариинским евангелием, представляет собою еще один перевод евангелия на современный болгарский язык, причем, судя по лексике и некоторым грамматическим формам, более новый, чем перевод евангелия в венском издании 1885 г.

Однако отраженная в этом переводе система времен изъявительного наклонения принципиально не отличается от той, которая отражена в переводе XIX в., и различия текста издания 1950 г. от текста Мариинского евангелия имеют примерно такой характер, как и те, которые уже отмечены нами для текста XIX в. Это видно даже из простого сравнения табл. 8 и 13, в которых приведены результаты сравнения текстов изданий 1885 и 1950 гг. с текстом Мариинского евангелия на материале нашей первой выборки⁴⁶.

Во-первых, доля разночтений от всего числа спрягаемых форм не изменилась существенно (для издания 1885 г. они составили немногим больше 12⁰/₀, для издания 1950 г. — несколько менее 14⁰/₀). В громадном большинстве случаев (более 86⁰/₀) в новом переводе издания XX в. и в одном из древнейших списков первого евангельского текста на болгарском языке в аналогичных местах текста мы находим одни и те же спрягаемые временные формы.

Во-вторых, разночтения первой группы составляют около 35⁰/₀ всех разночтений (для издания 1885 г. они составили примерно 25⁰/₀), и в этой группе самое большое место (более 40⁰/₀) приходится на использование конструкции „да + наст. вр.“ в тех местах текста, где в Мариинском списке была использована спрягаемая форма индикатива.

---

⁴⁵ „Новый завет на господа нашего Иисуса Христа“. София, Синодално издательство, 1950.

⁴⁶ Сходство результатов, полученных на материале первой выборки, позволило нам ограничиться этим сравнением и не делать для издания 1950 г. второй и третьей выборки.

В-третьих, как и в издании 1885 г., наибольшее число разночтений приходится на долю аориста, так что изменения опять-таки имеют очевидно направленный характер.

Господствующими являются те же типы разночтений, что и в издании 1885 г.: „аорист—настоящее время“, „аорист—перфект“, „аорист—имперфект“, «будущее время—„да+настоящее время“».

Поскольку в большинстве случаев типы разночтений для издания XX в. остаются теми же, что и для издания XIX в., хотя места евангельского текста, где эти разночтения встречаются, могут и не совпадать, нет необходимости повторять их грамматическую характеристику. Поэтому для всех разночтений, однотипных с уже отмеченными для издания 1885 г., мы будем только указывать места евангельского текста, где они встретились, а приводить примеры и давать к ним объяснения будем только для существенно новых разночтений.

1. К первой группе относится 115 разночтений. Отметим, что среди разночтений I группы нет случаев использования форм условного наклонения на месте спрягаемых форм индикатива и отмечены некоторые раньше не встречавшиеся типы разночтений (использование страдательных причастий, новых деепричастий и пересказывательных форм).

Это, разумеется, вовсе не свидетельствует о каких-то сдвигах в болгарской глагольной системе XX в. по сравнению со второй половиной XIX в., а свидетельствует более всего о факультативном характере такого рода разночтений. О факультативности „замен“ свидетельствует и тот факт, что совпадения в разночтениях по двум новым евангелиям 1885 г. и 1950 г. почти никогда не отмечены последовательно во всех случаях разночтений данного типа, а в каждом типе совпадают только частично.

1. Отсутствие глагола в тексте XX в. там, где в тексте Мариинского евангелия встречается спрягаемая форма индикатива.

а) Пропуск формы 3-го л. ед. числа наст. вр. от глагола *быти* (полузнаменательного характера и связи): Мф. V 45 (отмечено в Саввиной книге), Мф. VI 1 (повторение предыдущего текста), Мф. VII 3 (отмечено в Саввиной книге), Мф. XXVII 46, Мр. VII 34, Мр. XV 16 (в трех последних текстах вместо *ѣже ѣстъ* в современном тексте *сиреч*), Мр. VIII 36 (отмечено в Зографском евангелии), Лук. VI 32, 33, 34 (три текстуальных совпадения, аналогичных по конструкции тексту Мр. VIII 36), LVIII 45 (bis).

б) Отсутствие глагола в форме А. В девяти случаях это уже отмеченный нами в переводе XIX в. пропуск формы 3 л. ед. числа от глагола *быти*: Мф. VIII 28, IX 10; Мр. II 15; Лук. II 6, 15, XI 27, XIV 1, XVI 22 (в переводе XIX в. глагол сохранен), XVII 14.

**Спрягаемые формы индикатива в Маринском евангелии (по горизонталям)
и их соответствие в евангелии XX в. (по вертикалям)**
(по материалу первой выборки)

Маринское евангелие	Евангелие XX в.													Всего спрягаемых форм индикатива в Маринском евангелии		Несоответствие в тексте евангелия XX в.			
	настоящее	ворист	имперфект	перфект	паюсквам-перфект	будущее	будущее в прошедшем	новат. наклонение	отрицат. форма	причастии отрицат.	пр. + наст. наклонение	пересказат. наклонение	имя существ.	аспричастие	∅	число	% от всего числа форм	число	% от числа данных форм
Настоящее	698	5	1	2	—	—	2	4	1	9	1	1	1	—	12	736	28,0	38	5,0
Аорист	74	923	61	17	1	1	—	6	5	2	—	—	—	1	10	1130	43,1	207	18,3
Имперфект	4	24	236	2	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	3	274	10,4	38	13,5
Перфект	2	7	1	26	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	1,5	12	31,6
Паюсквамперфект	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	4	0,15	2	50,0
Будущее	6	—	—	—	377	—	11	6	—	36	—	1	—	—	—	437	16,7	60	13,7
Будущее в прошедшем	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,15	1	0,25
Всего в евангелии XX в.	784	959	266	90	23	381	5	13	18	47	1	3	2	25	2623	100%	358	13,6	

В одном случае опущена форма гл̄а, так как в тексте имеется другой более конкретный глагол говорения:

Ио. I 49: ..отъѣхѣтъ натаѣанила и гл̄а... (в тексте XIX в.: натаѣанила му *отговори* ...).

с) Отсутствие глагола в форме И: Лук. VIII 41 (отмечено в Ассиманиевом евангелии и в Саввиной книге), Лук. XIII 11 (отмечено в Саввиной книге), Ио. XIX 14 (отмечено в тексте XIX в.).

2. Использование пассивной конструкции вместо активной: Мф. VII 2, XII 37 (bis), XIX 3 (отмечено в тексте XIX в.), XXII 17, XXVII 38; Мр. II, 27; Лук. XIV 3 (отмечено в тексте XIX в.), 11 (bis); 22, XV 24, 32, XVII 15, XXI 34, XXIII 40; Ио. VII 38, 42.

3. Страдательное причастие вместо спрягаемой формы индикатива. Разночтений такого типа до сих пор не было в нашем материале, однако они не представляют собой ничего нового; поскольку разрешенным является использование пассивной конструкции вместо активной и использование причастия вместо спрягаемой формы, разрешенной является и замена спрягаемой формы индикатива страдательным причастием. Так, например, в тексте Мф. XIX 12 в Мариинском евангелии находим спрягаемые формы индикатива:

Мф. XIX 12: сътъ въ каженици иже и-чѣтка мнѣ родиша съ тако · і сътъ каженици ѡже и-сказиша члци. (В тексте XIX в. была использована пассивная конструкция: ... зашто има скопци които отъ утробъ-тъ на майкѣ си тако съ *родени*, има пакъ скопци, които съ отъ чедовъцы-тъ *скопени*... В тексте XX в. употребляются страдательные причастия: ... зашто има скопци, *родени* тѣй от майчина утроба, има и скопци, *скопени* от човеци).

Другие случаи использования страдательных причастий см. в текстах Мф. XXVI 75; Лук. II 4; Ио. XVII 3, Ио. XVIII 9.

4. Повелительное наклонение вместо индикатива. Разночтения эти или уже встречались в тех же местах текста в других редакциях или совершенно аналогичны уже встречавшимся: Мф. XXVI 45 (два раза; отмечены во всех старых списках и в тексте XIX в.); Мф. XIX 18—19 (пять раз; отмечены в Саввиной книге); Мф. XXII 37, 39 (отмечены в Саввиной книге); Мф. V 43 (два раза) и Лук. X 27 (аналогичны двум предыдущим разночтениям); Ио. XIV 11 (отмечено в тексте XIX века).

5. Конструкции „да+наст. вр.“ вместо индикатива. В переводе издания 1950 г. эта замена, как и в переводе XIX в., является самой распространенной из всех разночтений первой группы. Однако далеко не во всех случаях использование этой конструкции в двух новых переводах совпадает. Сравнение старого и двух новых переводов евангелия показывает, что частота использования конструкции „да+наст. вр.“ в современном бол-

гарском языке по сравнению с древним переводом значительно возросла, но замена этой конструкцией в определенных условиях форм Н и Б осталась факультативной. Современные переводчики чаще используют эту конструкцию, чем древний переводчик, но в передаче спрягаемых форм индикатива этой конструкцией два современных переводчика в большинстве случаев не совпадают. Так, в материалах нашей первой выборки замена формы Н конструкцией „да+наст. вр.“ отмечена в издании 1885 г. пять раз, в издании 1950 г. — девять, но среди этих замен нет ни одного случая совпадения. Во всех пяти случаях, где переводчик XX в. избрал конструкцию „да+наст. вр.“, переводчик XIX в., как и древний переводчик, поставил форму Н индикатива. В замене конструкцией „да+наст. вр.“ форм Б два новых переводчика в некоторых случаях совпадают, но чаще — расходятся. Сравним, например, три перевода следующего текста:

а) В Мариином евангелии: Лук. XII 17—18: *и мѣшкѣаше въ сѣбѣ гла. что сътвориш. ꙗко не имамъ кѣде събрати ... плодъ монахъ . и рече се сътворишъ разорѣши житница моя и больша съзиждѣши . и съберѣши тоу всѣмъ житю моему и доврѣ моему ...;*

б) в евангелии XIX в.: ... И мысляше си въ себе си и думаше: *Що да сторѣши? зашто не ѣмамъ дѣла да съберѣши плодове-тѣ си. И рече: Това ще сторѣши; да съборѣши житницы-тѣ си, и да съградѣши по голѣмы, и да съберѣши тамъ всички-тѣ си жита и имотъ-тъ си ...;*

с) в евангелии XIX в.: ... и той размишляваше в себе си и казваше: какво *да направя?* няма де да събера плодите си. И рече: това ще сторя: *ще съборя* житниците си и *ще съградя* по-големи, и *ще събера* там всичките си храни и благата си...

Из четырех форм Б греческого текста ποιήσω, καθελῶ, οἰκοδομήσω, συναΐσω древний переводчик все четыре передал формой Б изъявительного наклонения, переводчик XIX в. все четыре передает конструкцией „да+наст. вр.“, тогда как переводчик XX в. использует эту конструкцию только для первой формы, а остальные передает формой Б. Заметим, что вполне возможно в современном болгарском языке передать эту греческую форму во всех четырех случаях формой Б.

Так как объем значений конструкции „да+наст. вр.“ в обоих новых изданиях евангелия примерно один и тот же, мы не будем повторять классификацию и характеристику различий этого типа (см. стр. 244) и ограничимся их перечнем, отметив, какие из них встречаются также и в евангелии XIX в., а какие не встречаются.

Различия типа „да+наст. вр.“ на месте будущего времени, совпадающие в текстах XIX и XX вв.: Мф. VII 4, XIX 16, XXVI 42, 75; Мр. XV 24; Лук. X 25, XII 17, XIII 20, XVII 8, XVIII 18, XXI 34 (bis); Ио. XI 25, XII 27, XVIII 11, XIX 15.

Разночтения типа „да+наст. вр.“ на месте будущего времени, отсутствующие в тексте XIX в.: Мф. VI 25 (ter) 31, XV 33, XVIII 30, 34; Лук. VII 4, VIII 17, XII 36, XIV 8, 10, XVI 31; Ио. XI 22, XV 7, 16; XVI 23; 25.

Разночтения типа „да+наст. вр.“ на месте настоящего времени (все отсутствуют в тексте XIX в.): Мф. V 45, VIII 19; Мр. IX 18; Лук. XIII 15, XVIII 4 (bis); Ио. XV 7, Ио. XVIII 17, 25.

В двух случаях конструкция „да+наст. вр.“ — на месте аориста (Лук. II 1, Ио. XVII 5), о них уже говорилось выше (см. стр. 246).

6. Деепричастия на месте спрягаемых форм индикатива. В современном письменном болгарском языке такого рода замены производятся свободно и сами по себе не связаны с какими-нибудь сдвигами в системе времен изъявительного наклонения. В нашем материале отмечено два случая использования деепричастия:

Мф. XVIII 26: па̀дз оубо работз ·кланѣше сѧ емоу гла ·ги потрѣпи на манѣ и кѧсѣ къздамъ ти (в тексте XX в.: тогава тоя слоуга падна и, кланяйки му се, каза...);

Мф. XXVII 35: пропгнаше же и раздѣлаше риззи его меташа жрѣбниѧ (в тексте XX в.: А след като Го разгнаха, разделиха дрехите Му, хвърляйки жребие...).

7. Имя существительное вместо спрягаемой формы индикатива. В трех случаях, встретившихся в нашем материале, вместо спрягаемой формы глагола использовано глагольное имя: Мф. XV 28; Лук. VII 2; Лук. X 35 (отмечено в тексте XIX в.).

8. Пересказывательное наклонение вместо спрягаемой формы индикатива. Поскольку в древнеболгарском языке не было пересказывательного наклонения, „замены“ такого рода следует признать характерным признаком современного болгарского перевода евангелия. Появление пересказывательного наклонения привело к возникновению в глагольной системе еще одной корреляции „индикатив—пересказывательное наклонение“, в которой формы индикатива оказывались неотмеченным членом, поскольку они не включают в себя специального указания на „пересказывание“, хотя и могут заменить собою во всех случаях пересказывательные формы. Появление этой новой корреляции не привело к изменениям уже существующих корреляций внутри временных форм индикатива.

В нашем материале отмечен всего один случай использования форм пересказывания (напомним, что в переводе XIX в. эти формы нам вообще не встречались). Очень может быть, что переводчик сознательно избегал пользоваться новыми формами, отсутствовавшими как в греческом оригинале, так и в древних славянских переводах.

Ио. XII 34: *отгвѣштѣ емоу народъ мзи слъзшахомъ отъ закона.*
ѣко хъ прѣзикаатъ къ вѣкѣ. ꙗко тзи глѣши възвести сѣ подобатъ
емоу чакчикоумоу. кто сѣ естъ снъ чакчкъ.

В тексте XX в.: Народътъ Му отговори: ние сме слушали от закона, че Христос пребъдва во-веки; а как Ти казваш, че *трябвало Син Човеческий да бѣде издигнат?* Кой е Този Син Човеческий?

II. Вторая группа разночтений в евангелии XIX в. представлена следующими типами.

1. Настоящее время—аорист. Во всех разночтениях этого типа аорист в тексте XX в. употреблен в перфектном значении. „Замены“ форм Н формами А отмечались во всех редакциях евангелия, начиная от древнейших списков.

В материале по евангелию XX в. они встретились в следующих местах: Лук. VIII 45 (bis) (вм. *кто естъ коижъ сѣ манѣ — кой се допря до Мене?*; аналогичная замена отмечена в Ассеманиевом евангелии); Мф XXVI 68 (случай, аналогичный предыдущему); Ио. XVI 7; Ио. XIX 7 (отмечено в тексте XIX в.).

2. Настоящее время—перфект. В нашем материале это разночтение представлено одним примером Ио. VII 52, отмеченным уже в тексте XIX в.

3. Перфект—настоящее время. Имеется два разночтения этого типа, оба уже встречались в предшествующих редакциях: Мф. XVIII 23 (отмечен в Саввиной книге); Мф. XIX 20 (отмечен в тексте XIX в.).

4. Настоящее время—будущее время. Из двух примеров на разночтения такого типа один Мф. XXIV 48 отмечен в тексте XIX в. В другом случае взаимозаменяемыми формами времени обозначается действие, которое должно непременно произойти непосредственно сразу или вскоре после момента речи:

Лук. XIV 18: *сѣло коупихъ и имамъ нждѣж изити и видѣти е*
(в тексте XX в.: *ще трябва да отида*).

5. Будущее время—настоящее время. В одном случае в настоящем времени стоит связка: Ио. XVI 22 (см. аналогичные разночтения в Саввиной книге Мф. VI 22 и др. — стр. 195, во Врачанском евангелии Мф VIII 36 — стр. 214); в четырех случаях форма Н использована вместо формы Б времени для обозначения обобщенного „обычного“ действия: Ио. XV 5 (bis), 6 (bis); в одном случае речь идет о действии, которое неизбежно должно совершиться вскоре после момента речи: Ио. XVI 2 (отмечено в издании XIX в.).

6. Аорист—настоящее время. Подавляющее большинство разночтений этого типа, 72 из 74, падает на случаи употребления форм Н в значении „настоящего исторического“. Разночтения эти в тексте XX в. образуют самую многочисленную подгруппу, как и в тексте XIX в., однако их здесь значительно

меньше, чем в переводе XIX в. В ряде случаев, где переводчик XIX в. в соответствии с греческим оригиналом поставил форму Н в значении „настоящего исторического“, в переводе XX в. мы находим, как в Маринском евангелии, форму А, хотя в некоторых случаях „настоящее историческое“ использовано в переводе XX в. там, где в переводе XIX в. стоит аорист. Как и в переводе XIX в., в основном эти разночтения связаны с глаголами говорения, а также с глаголами прийти (5 случаев), обратиться (3 случая), идти (1 случай) и крестити (1 случай).

Приводим перечень тех мест в евангельском тексте, где встретились такого рода разночтения.

Разночтения, совпадающие с отмеченными в тексте XIX в., в глаголах говорения: Мф. VIII 7, 20, IX 28, XIV 17, XV 33, XVII 25, 26, XVIII 32, XIX 7, 8, 10, 18, 20, XXII 20, 21 (bis), 42, 43, XXVI 40, 45, 52, 64, XXVIII 10; Мр. II 10, 14, 17; III 3, 4, 5; Ио. I 29, 43, 45, 46, 47, 48, 51, VII 50, XI, 11, 27, 34, 39 (bis), 40, 44, XIV 22, XVI 29, XVIII 5, 16, 17, 26, XIX 6, 10, 15, 26, 27; XXI 15 (ter); в других глаголах: Мф. XXV 11, XXVI 40 (bis), 45; Ио. I, 29, 45, XI 38.

Разночтения, не отмеченные в издании 1885 г., в глаголах говорения: Мр. VIII 29; Лук. V 24; Ио. XVIII 17; в других глаголах: Мф. XXVI 45; Ио. XI 29 (bis); XVIII 3.

В двух случаях отмечены замены „старого“ типа, когда форма Н употреблена там, где в древнем переводе использован аорист в перфектном значении:

Лук. XVI 26: і надъ крѣтми сими. между нами и вами. пропаде бл҃гѣ оутвѣрди са. ꙗко да хоташте минѣти отъ сѣдоу къ вамъ не възмагаште. ни иже отъ тѣхъ къ намъ прѣхѣдате (в тексте XX в.: *see*);

Ио. XI 27: гла емоу еи ги азъ въровахъ ꙗко тѣ еси хъ синъ бжи. градни къ тебе миръ (в тексте XX в.: *вярвам*; греч. — перфект *πεπίστευχα*).

7. Аорист — имперфект. Как уже отмечалось, замены этого типа, как и противоположного ему „зеркального“, являются наиболее свободными, и естественно поэтому, что доля несовпадений „замен“ этого, как и „зеркального“, типа, в двух новых переводах является самой большой (см. табл. 13). Из 29 разночтений в этой подгруппе только 8 отмечены в аналогичных местах евангельского текста в издании XIX в.: Мф. XV 25, 38, XIX 8, XXVI 67; Лук. II 6, XIV 4, XV 11, XXI 4. В остальных случаях разночтения, имеющиеся между изданием 1950 г. и Маринским евангелием, не отмечены в издании 1885 г.: Мф. IX 33, XV 22, XXV 35 (bis), 42 (bis), XXVI 71, XXVII 43; Мр. II 23, 25, IX 22, XV 31; Лук. II 2, VIII 32, 37, X 21, XVII 13, XXII 44; Ио. I 32, XI 37, XII 30.

8. Имперфект — аорист. В „зеркальном“ типе из 24 различий совпадающих с изданием 1885 г. шесть: Мф. IX 10, 11, 19; Ио. VII 37 (bis), XIX 15; несовпадающих — 18: Мф. XIV 23, 28, XVIII 30, XXV 5, XXVI 58; XXVII 34; Мр. II 24, 25; VII 35, IX 28; Лук. VII 4, 6, VIII 9, X, 40, XIII 14, XIV 2, XV 26, XXIII 34.

9. Аорист — перфект. По числу различий эта подгруппа, как и в переводе XIX в., занимает второе место, уступая только подгруппе „аорист — настоящее время“.

В отличие от того, что наблюдается в подгруппах „аорист — имперфект“ и „имперфект — аорист“, где существует известное количественное „равновесие“ между „прямым“ и „противоположным“ типом „замен“, здесь в „противоположном“, „зеркальном“, типе, т. е. типе „перфект — аорист“, как и в переводе XIX в., отмечены только единичные и, видимо, случайные различия. Отношение „прямого“ и „зеркального“ типов различий, связанных с корреляцией „имперфект ~ аорист“, в переводе XX в. — 29 : 24, в переводе XIX в. — 10 : 8. Отношение „прямого“ и „зеркального“ типов различий, связанных с корреляцией „перфект ~ аорист“, в переводе XX в. — 61 : 7, в переводе XIX в. — 61 : 9.

Такое различие, очевидно, отражает различие в характере корреляций „имперфект ~ аорист“ и „перфект ~ аорист“. Первая корреляция („имперфект ~ аорист“) отражает авторскую оценку значительности действий, входящих в некий комплекс внеязыковых ситуаций. Поскольку такого рода оценка всегда более или менее субъективна, в значительной мере субъективным, произвольным оказывается и выбор формы времени между аористом и имперфектом. Этим и можно объяснить тот факт, что наибольшее число различий в евангельских текстах до XIX в. приходится на долю замен, связанных с этой корреляцией, и что количественное соотношение „прямого“ и „зеркального“ типов почти всюду близко к единице. Это „старая“ корреляция, сохранившаяся неизменной на протяжении всей истории письменного болгарского языка. А то обстоятельство, что в изданиях 1885 и 1950 гг. число таких различий значительно больше, чем их было в старых евангельских списках, обусловлено тем, что в одном случае мы имеем дело с разными списками, восходящими к одному переводу, тогда как в изданиях 1885 и 1950 гг. даны два новых перевода. Поэтому же и наибольшее количество различий между двумя новыми переводами приходится на долю этих двух типов.

Вторая корреляция „перфект ~ аорист“ в каком-то смысле более грамматична. Она связана не с содержательной оценкой внеязыковых фактов, а с установлением связи между разновременными действиями, установлением актуальности прошлых событий для настоящего периода. Это тоже „старая“ корреляция. Болгарский язык предоставлял древнему автору, как и совре-

менному, возможность выражать или не выражать грамматически такую связь между действиями прошлого и настоящего периодов. Грамматические средства, служащие для выражения этой связи — формы II — остались в современном языке теми же, что и в древнем. Однако, как уже отмечалось, использование этих средств в современном языке стало более частым, чем в древний период. В новых переводах разночтения, связанные с этой корреляцией, встречаются несравненно чаще (в 6 раз больше в переводе XIX в., в два раза больше в переводе XX в.), чем разночтения, связанные с корреляцией „имперфект ~ аорист“.

Характерно также, что разночтения типа „аорист—перфект“ в двух новых переводах совпадают гораздо чаще, чем разночтения типа „аорист—имперфект“. Первые разночтения („аорист—перфект“) совпадают примерно на 68—69%, вторые разночтения („аорист—имперфект“) совпадают только на 27—28%. Это, очевидно, связано с тем, что в определении связи между одновременными действиями, в частности актуальности прошлого для настоящего, разные авторы и переводчики оказываются менее субъективными, чем в оценке значительности действий.

Приводим список разночтений типа „аорист—перфект“ для евангелия XX в. по сравнению с Мариинским евангелием.

1) Разночтения, совпадающие с евангелием XIX в.: Мф. V, 43, VIII 13, IX 24, 33, XIX 6, 8, 12, XXIV 45, XXV 40 (bis), 45 (bis), XXVIII 20; Мр. I 38, 44, II 12; Лук. VIII 53, XII 20, XIII 16, XVII 9; Ио. III 13, VII 48, XI 12, 42, XII 34, XIV 9 (bis), 26, 31, XVI 4, 21 (bis), 24, XVII 8 (bis), 21, 23, 25, XVIII 20 (bis), 21 (bis).

2) Разночтения, отсутствующие в евангелии XX в.: Мф. VI 29, XIX 20, XXVI 55, XXVIII 6; Мр. II 17, IX 26; Лук. VIII 47, X 21 (отмечено в Саввиной книге и во Врачанском евангелии), XII 16, XVIII 21, XXIII 41; Ио. XI 11, 34, XIV 7, XV 3, 15, 18, XVI 27, XVIII 11.

Кроме одного случая, все разночтения, не отмеченные в издании 1885 г., приходятся на прямую речь, и формы II соотнесены в них с формами H. В одном случае форма II встретила на месте аориста в авторском повествовании, но в так называемой несобственно прямой речи, и, таким образом, соотнесенность с моментом речи здесь также в скрытом виде имеется:

Лук. VIII 47: *и падши предъ нимъ. За ниже книж прикоснъ са емъ. повѣдѣ емоу предъ вѣстами людьми. и тко исцѣлѣ абие* (в тексте XX в.: *и като падна пред Него, изяви Му пред целия народ, защото се бе допряла до Него, и как веднага се е излекувала*).

В новом переводе „замене“ подверглись оба аориста, причем один прикоснъ са „заменен“ формой II (что соответствует реальной временной последовательности действий, так как женщина

сперва прикоснулась к одежде Христа, а уже потом, вследствие этого прикосновения, исцелилась), другой ищлѣт — формой П, поскольку описывается результативное действие, актуальное для „настоящей ситуации“. Такой дифференцированный выбор форм времени отмечался нами и в древних текстах, но там эта дифференцированность встречалась значительно реже, чем в новых переводах.

Заметим, что в разночтениях по старым спискам чаще встречаются замены типа „аорист—настоящее время“, чем замены типа „аорист—перфект“. Поскольку настоящее время в древний и средний период как правило не использовалось в функции „настоящего исторического“, все случаи употребления форм Н вместо форм А связаны с заменой форм А, употребленных в Мариинском евангелии в перфектном значении. Это означает, что когда древний переписчик хотел подчеркнуть актуальность прошлого события для настоящего момента, он делал выбор между формами П и Н и чаще выбирал последнюю. Так, например, если в текстах Лук. X 21, Ио. III 16 в Саввиной книге стоит перфект (на месте аориста в Мариинском евангелии), то в текстах Мф. XXIV 45, Ио. III 13, XIV 18, XVI 21 (bis) на месте форм А (стоящих в Мариинском евангелии) в Саввиной книге использованы формы Н.

В новых переводах евангелия, как и вообще в современной болгарской литературе, аорист довольно часто используется в перфектном значении, как использовался он и в памятниках древнеболгарской письменности. В ряде случаев, как уже отмечалось, новые переводчики также используют формы Н для обозначения прошлых событий, актуальных для событий настоящего, например, в переводе XIX в. в текстах Мф. XIII 14, Мф. XVI 9, Ио. I 34, Ио. XII 29, а в переводе XX в. в текстах Лук. XVI 26, Ио. XI 27 формы Н использованы для описания событий прошлого, актуальных для событий настоящего, которые в Мариинском евангелии обозначены формами А в перфектном значении. Однако гораздо чаще в новых переводах выбор между формами Н и П при описании событий прошлого делается в пользу перфекта.

10. Перфект — аорист. Использование аориста в перфектном значении в тех местах текста, где в Мариинском евангелии использованы формы П, хотя оно и встречается значительно реже, чем замены „прямого“ типа, свидетельствует о том, что выбор этих форм времени в данной позиции остается факультативным и в современном болгарском языке, как факультативен он был в языке древнеболгарском. Причем в разночтениях по изданию XX в. эта факультативность, известная свобода выбора, пожалуй, даже очевиднее, чем в разночтениях по изданию XIX в.

Два случая (Лук. XXIII 35, Ио. XVII 6) отмечены уже в тексте XIX в. Приводим остальные случаи:

Мф. XIX 4: она же отъвѣштвакъ рече имъ. нѣсте ли чали. ꙗко сътвори и искони мъжескъ полъ и женескъ. сътвориаъ естъ (в тексте XX в.: *сътвори*);

Лук. XVI 25: рече же адрѣамъ чадо помѣни ꙗко въсприналъ еси тѣи блага твоѣ къ животѣ твоему. і лазаръ такожде злада. нѣнѣ же садѣ оутѣшаатъ са а тѣи страждѣши (в тексте XX в.: *получи*);

Лук. XVIII 22: събшааъ же се нѣзъ рече емоу. еше единого не докончааъ еси. къст елико имаша продаждъ и раздан ницимъ. и имѣти имаша съкровиште на небесе. і гради по манѣ. (в тексте XX в.: *не достига*);

Ио. XVII 23: аъа къ нѣхъ и тѣи къ манѣ. да вѣждтѣ съврѣшени къ едино и да разумѣатъ миръ ꙗко тѣи ма послѣа. і къзлюбилъ ѣа еси. ꙗкоже и ма възлюбилъ еси. (в тексте XX в.: *възлюби*);

Ио. XVII 24: оче ѣаже дааъ еси манѣ. хоштѣ да иждеже есма аъа и ти вѣждтѣ съ мноуж. да видатъ слава моуж ѣаже дааъ еси манѣ. ꙗко къзлюбилъ ма еси. прѣжде сложенѣи мира (в тексте XX в.: *възлюби*).

11. Аорист — плюсквамперфект. Такого рода „замены“ в тексте евангелия XX в. совершаются в пределах, допустимых системой времен болгарского языка.

Увеличение случаев употребления форм плюсквамперфекта, отмечавшееся в материале разнотчений по евангелию XIX в., подтверждается и данными, почерпнутыми из сравнения Маринского евангелия и евангелия XX в. Так, в евангелии XIX в. в материалах первой выборки было отмечено 10 случаев использования форм Пл в тех местах текста, где в Маринском евангелии были употреблены формы других прошедших времен, из них в восьми случаях плюсквамперфект использовался вместо аориста. В евангелии XX в. по материалам первой выборки таких замен отмечено 21, причем в 17 случаях плюсквамперфект использован вместо аориста.

Во всех этих случаях действие, обозначенное формой Пл, является предшествующим по времени другому действию, обозначенному в том же тексте формой А. Ио. XVIII 26: гла единъ отъ раба... емоуже оуреза петръ оухо. (в тексте XX в.: *бе заповѣдал*); см. также тексты Мф. VIII 33, XXVI 43, 48, XXVII 43, XXVIII, 6; Лук. VIII 30, 35, 39, 43, 47, XII 16; Ио. XI 13, 30, XVIII 26, 32; в одном случае аорист заменен формой страдательного Пл (Мф. XXVI 57).

Нужно заметить, что хотя в современном болгарском языке формы Пл используются чаще, чем в древнеболгарском, использование их, как и более распространенное использование форм П остается факультативным. Характерен тот факт, что совпадающих „замен“

этого типа в двух новых переводах евангелия отмечено только три (Мф. XXVI 48; Лук. VIII 35; Ио. XI 13). Это означает, что в пяти случаях из восьми, где переводчик XIX в. использовал плюсквамперфект вместо аориста, стоявшего в Марииинском евангелии, переводчик XX в. по-прежнему использовал аорист, а из семнадцати случаев, где в издании 1950 г. аорист был „заменен“ формой Пл, в четырнадцати случаях в переводе XIX в. был использован аорист.

Характерен и такой пример — в тексте Лук. VIII 35 переводчик XX в. употребил плюсквамперфект, но в аналогичном тексте Лук. VIII 38 он избрал аорист, тогда как переводчик XIX в. в обоих случаях поставил форму Пл.

Лук. VIII 35: *изидѣ же видѣтъ бѣвшиаго. и приидѣ къ иѣси. и обрѣтѣ сѣдашга чка. из негоже бѣси изидѣ. облачена и съмбѣслашга при ногоу иѣкоу (в тексте XX в.: ... от кого-то бяха излязали бесовете);*

Лук. VIII 38: *Молѣаше же сѣ емоу мѣжжа. из негоже изидѣ бѣси. да би сѣ нимѣ бѣлаз (в тексте XX в.: ... от кого-то излязоха бесовете).*

Разночтений „зеркального“ типа „плюсквамперфект—аорист“ в нашем материале нет.

12. Имперфект — перфект. Формы И и П в болгарском языке, как мы уже неоднократно говорили, не находятся в коррелятивных отношениях, поэтому такого рода „замены“ „имперфект—перфект“ и обратные им „перфект—имперфект“, которые рассматриваются в следующем пункте, во всех разобранных ранее весьма немногочисленных случаях были связаны с различиями в интерпретации временной соотнесенности действий в сравниваемых текстах. Это же мы обнаруживаем при анализе и всех примеров, приводимых ниже в этой и следующей подгруппах.

В обеих „заменах“ этой подгруппы (Мф. XXVII 54, Ио. I 36) форма П, избранная переводчиком XX в., представляется более мотивированной, поскольку повествование ведется от первого лица и описывается прошлое действие, актуальное для настоящего момента:

Мф. XXVII 54: *сѣтаника же и иже бѣхѣ сѣ нимѣ стрѣжаште иѣа. видѣвше трѣсѣ и бѣкшиаа. оубоѣша сѣ сѣло гѣлце къ-истиж бжии снѣ сѣ бѣ (в тексте XX в.: е бил);*

Ио. XI 36: *гладѣх же иудеи. вижда како любѣваше и. (в тексте XX в.: колко го е обичал).*

Формы И в древнем переводе, видимо, следует отнести за счет оригинала, так как в греческом тексте в обоих случаях стоят аналогичные формы.

13. Перфект — имперфект. В единственном различии этого типа выбор формы И новым переводчиком представляется довольно случайным:

Лук. XIII 26: тогда начнете глаголю. ꙗкоже прѣдъз товоуж и пихомъз. ꙗ на распятнхъ нашихъ оучилъ еси. ꙗ речеъз глаголю вамъ. не ꙗкоже каже отъ каждоу есте. (в тексте XX в.: *поучаваше*; гр. — аорист ἐδίδαξας).

Форма П представляется более оправданной здесь, поскольку люди, обращающиеся к богу, называют обычно из прошлого лишь факты, актуальные для ситуации, побуждающей их обратиться с мольбой — молитвой к богу. Впрочем, последовательность требовала бы обозначения всех трех действий формами П. Однако такая последовательность не предусматривается, как мы говорили неоднократно, нормами употребления маркированных и немаркированных форм — в данном случае аориста (ꙗкоже, пихомъз) и перфекта (оучилъ еси) ни в древних, ни в современных текстах.

Употребление формы И в тексте XX в. свидетельствует об ином понимании роли действий, обозначенных в приведенном тексте формами прошедших времен. В интерпретации этого места в издании 1950 г. эти действия рассматриваются как самостоятельный эпизод, вне связи с ситуацией „настоящего момента“, что и сделало возможным употребление имперфекта.

14. Имперфект — плюсквамперфект. В тексте XX в. отмечено только два различия такого рода.

Лук. VIII 27—30: ... сърѣте и мжжъ... иже имѣ въсѣ отъ лѣтъ много... оудръкъ же иса... рече, что естъ мнѣ и тебѣ исе... мож ти са не мжчи мене. 29. прѣшталаше бо доухоки нечистоуоумоу изити отъ чѣка отъ многоъ бо лѣтъ въсхъшталаше и. ꙗ казадохъ и жжи... къпроси же и иса гла что ти има етъ. онъ же рече леѣонъ. ꙗко вѣки мнози вънидохъ ко нѣ. ꙗ молвахъ и да не повеиотъ имъ въ безданъ ити (гр. — перфект παρήγγελλεν, плюсквамперфект συνηπάχει, перфект εἰσήληθεν).

Интересно, что в переводе XIX в. в этом отрывке формой Пл *бѣ прѣхванъжъ* „заменен“ имперфект (късхъшталаше), а в переводе XX в. один раз плюсквамперфект (*бе заповядал*) использован на месте имперфекта (прѣшталаше), второй раз (*бяха влезли*) — на месте аориста (кънидохъ). Во всех трех случаях использование форм Пл вполне оправдано, но отсутствие единообразия показывает факультативный характер их употребления как в современном болгарском, так и в древнеболгарском языке. Сравнение с греческим текстом показывает, что древние переводчики, как и переводчики нового времени, не калькировали рабски греческие формы времени, а употребляли свои болгарские формы собразно со смыслом переводимого текста и теми возможностями, которые предоставляла им система времен болгарского языка.

В греческом тексте болгарским формам И и Пл соответствуют два раза формы П и один раз форма Пл. С точки зрения норм болгарского языка употребление форм П здесь невозможно, потому что эти формы времени если и употребляются в авторской речи, то только в отступлениях, комментирующих повествование, ведущееся в прошедшем времени, а не в самом этом повествовании.

15. Перфект — плюсквамперфект. Оба эти времени принадлежат к числу относительных прошедших времен, но они находятся в отношениях, которые свойственны членам эквивалентной оппозиции. И то, и другое всегда указывает на отнесенность действий, ими обозначаемых, к относительному прошедшему периоду, но формами П всегда обозначаются только действия такого относительного прошедшего периода, для которого МО будет какой-то момент абсолютного настоящего периода, а формами Пл всегда обозначаются только действия такого относительного прошедшего периода, для которого МО служит какой-то момент абсолютного прошедшего периода. Поэтому эти формы времени не могут заменять друг друга. Замена одной формы другой всегда ведет к переосмыслению временной соотношенности действий, ими обозначаемых, что мы можем наблюдать в примерах, приводимых ниже. Появление такого рода замен в этих примерах, видимо, объясняется тем, что сама описываемая внеязыковая ситуация дает возможность двойного осмысления временной соотношенности действий, обозначаемых формами прошедшего времени.

Так, поскольку передается прямая речь, то имеется возможность осмыслить действия, обозначенные интересующими нас здесь формами, как упоминаемые в связи с ситуацией самого диалога, т. е. с фактами „настоящего периода“, и поэтому оправдано употребление форм П. В то же время, поскольку в данном случае речь идет о прошлых действиях, из которых одно (далъ еси) предшествовало ряду других (прослакихъ, съкряшихъ; дахъ), может быть оправдано и употребление в новом переводе форм Пл *бе дал*.

Ио. XVII 4: азъ прослакихъ та на земли. дадо съкряшихъ. еже далъ еси мнѣ да сътвориш.

Ио. XVII 22: азъ слава еже далъ еси мнѣ дахъ имъ. да вѣдѣтъ едино. екоже и мзи едино.

16. Будущее в прошедшем — будущее время. Корреляция этих двух времен основана на том, что оба времени указывают на действие будущего периода, но точка отсчета одного из них — для будущего в прошедшем — лежит в прошедшем периоде, оно указывает на действия, будущие по отношению к действиям, обозначенным формами неотносительного прошедшего времени (аориста), тогда как другое — неотносительное

будущее время — является немаркированным членом корреляции, т. е. оно не указывает на определенную систему отсчета и может замещать любое относительное будущее время.

В нашем материале разночтения этого типа до сих пор не встречались. Это, очевидно, объясняется очень малой употребительностью форм Б в Пр как в древних, так и в современных болгарских текстах.

Мр. X 32: I поѣмз иѣз пакзи оба на дѣлате. начатъ имъ гати. еже хотѣаше быти емоу (в тексте XX в.: какво ще стана с него).

Мы закончили сравнение разновременных редакций и переводов евангельских текстов, написанных на древнеболгарском, среднеболгарском и современном болгарском языках. Объем материала, да и сами результаты анализа позволяют с достаточно большой уверенностью считать, что выводы, действительные для нашего материала, действительны и для той части евангельских текстов, которая не вошла в наши выборки, и более того — действительны в большой мере и для всего письменного болгарского языка в целом.

Проведенное нами сравнение показало, что не только состав времен изъявительного наклонения, но и их функционирование в письменном языке не претерпело таких радикальных изменений, какие претерпела система индикатива и вся глагольная система в целом в большинстве славянских языков (в русском, польском и др.). В новом переводе евангелия, сделанном через тысячу лет после первого перевода, мы в 86—87% всех случаев находим в аналогичных местах переведенного текста те же самые временные формы, употребленные в том же самом значении, что и в первом переводе.

Что касается „разночтений“, т. е. различий в использовании спрягаемых форм индикатива, анализу которых и был посвящен весь наш обзор, то устойчивость состава типов „разночтений“, характерная для всех редакций евангельских текстов всех периодов, опять-таки свидетельствует о неизменности тех коррелятивных отношений, которые существовали еще в древнейший период.

Даже появление и развитие в системе болгарского глагола категории пересказывания не отразилось на системе времен изъявительного наклонения и объеме его значений, связанных с выражением грамматической хронологии действий.

Количественные характеристики различных типов „разночтений“ оставались в основном неизменными в древний и среднеболгарский период, но для переводов евангельских текстов XIX и XX вв. они существенно изменились, причем сравнение двух новых переводов показывает, что эти новые количественные характеристики оказываются достаточно устойчивыми.

Изменения эти связаны, во-первых, с появлением новой корреляции „настоящее время ~ аорист“, в которой формы настоящего времени оказываются маркированными, а формы аориста — немаркированными членами. Появление этой новой корреляции не привело к изменению уже существовавших до того корреляций, поскольку эта корреляция опиралась на различия в стилистическом использовании форм времени, а не на различия в использовании их для выражения грамматической хронологии действий.

Во-вторых, существовавшие до того коррелятивные отношения между относительными и неотносительными временами, не изменившись содержательно, получили более широкую базу, поскольку формы относительных времен — имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта — стали использоваться в письменном языке несравненно чаще, чем в древний и среднеболгарский период. В частности, несравненно большее развитие получила корреляция „перфект ~ настоящее время“ и соответственно реже стал использоваться аорист в перфектном значении.

Однако использование относительных времен, как и в древнеболгарский период, сохранило факультативный характер. Более всего это относится к выбору форм аориста — имперфекта, но также и ко всем другим коррелятивным парам. Об этом свидетельствуют многочисленные, достигающие 13—14% „разночтения“ в области использования спрягаемых форм индикатива между двумя переводами евангелия на современный болгарский язык*.

---

* Надстрочные знаки и рисунок буквы ы (ы, ъ, ѣ) по техническим причинам не везде соответствует рукописному тексту памятника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ТЕКСТОВ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ

- А и Е — „Слово о Адамѣ и Евѣѣ“. — В кн.: Й. Иванов. Богомилски книги и легенди. София, 1925, стр. 211—217.
- АК — „Прѣмъдрость Акюрева“. — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази. София, 1935, стр. 237—245.
- А от Т — „Александр от Трояда“. — Там же, стр. 200—211.
- Асс. — Ассеманиево евангелие. Цит. по кн.: Маринское евангелие. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.
- Бер. — Петр Берон. Рибен буквар. София, 1949.
- Браш. — Брашовска грамота — писмо от Иван Срацимира Видински. — В кн.: Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 601—602.
- Ваз. — И. Вазов. Събрани съчинения, т. XII. София, 1956. („Под игото“).
- Вар. — „Чътеніе стго Вароха“. — В кн.: Й. Иванов. Богомилски книги. . . стр. 193—200.
- Вар. Охр. — „Житие преп. Варвара Охридского“. — В кн.: А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей. М., 1898, стр. 41—55.
- Веж. — П. Вежинов. Повести и разкази. М., 1951.
- В. и Й. — „Варлаам и Йоасаф“. В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 298—304.
- Вит. гр. — Витошка грамота от Ивана Шишмана. — В кн.: Й. Иванов. Български старини. . . стр. 600—601.
- Вискочил — P. Vyskočil. Staroslověnské stvorná bđđ. „Slavia“, XXV, 1956, S. 2, стр. 260—261.
- Врач. — Врачанско евангеле. — „Български старини“, кн. IV. София, 1914 (издатель — Б. Цонев).
- Ев. Фомы — Апокрифическое евангелие апостола Фомы. — В кн.: А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей, стр. 139—143.
- Ез. — „Слово прѣмъдраго Іусѣпа како бѣсть житіе его“. В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 245—249.
- Ен. — „Книги стѣ тайнъ Енохо“. В кн.: Й. Иванов. Богомилски книги. . . стр. 167—180.
- Е.-П. — Елян-Пелин. Събрани съчинения, т. I—V. София, 1946—1948.
- ЖК. — „Краткое житие св. Кирилла“. В кн.: Й. Иванов. Български старини. . . стр. 284—288.
- ЖГЛ — Житие Григория Лесновского. — В кн.: Й. Иванов. Български старини. . . стр. 300—311.
- ЖИР — Житие св. Иоанна Рыльского патриарха Евфимия Тырновского. — В кн.: Й. Иванов. Български старини. . . стр. 370—383.
- ЖПТ — Житие на св. Петка. Там же, стр. 432—433.

- Зогр. — Зографское евангелие. Цит. по кн.: Маринское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.
- Зогр. гр. — Зографска грамота от Ивана Александра. — В кн.: Й. Иванов. Български старини. ., стр. 587—590.
- И. Н. — „Житие св. влчч. Иоанна Нового“. — В кн.: А. И. Яцимирского. Из славянских рукописей. М., 1898.
- Копр. — Коприщенски дамаскин. „Български старини“, кн. II. София, 1908 (издатель — А. Милетич).
- К. Т. — „Кръчмарка Теофана“. — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 307—309.
- Любл. — „Люблянският български ръкопис от XVII век“. — Сб. НУ, кн. XII (1895). София (издатель — С. Аргиров).
- Мар. — Маринское четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883.
- М. в. — „Житие Михаила воина“. — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 211—212.
- Н. Н. — „Житие св. Николая Софийского“. — В кн.: „Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII вв.“ Исследование и труд П. А. Сырку. СПб., 1901.
- Н. Охр. — „Словѣнски житие на св. Наума Охридски“. — В кн.: Й. Иванов. Български старини. ., стр. 52—55.
- О вере — „Слово преп. Феодосия о вере варяжской“. — В кн.: А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей, стр. 1—27.
- Пр. за Т. — Притча за тѣлото и душата. — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 305—306.
- Сав. — Саввина книга. Труд В. Щепкина. — „Памятники старославянского языка“, т. I, вып. 2. СПб., 1903.
- Свищ. — Свищовски дамаскин. — „Български старини“, кн. VII. София, 1923 (издатель — А. Милетич).
- Син. — С. Северьянов. Синайская псалтырь. Пг., 1922.
- Суп. — Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова, т. I. СПб., 1904.
- Тр. Пр. — Троянска притча — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 250—273; 140—162.
- Т. р. — Тиквешки ръкопис. — Сб. НУ, VIII (1892), IX (1893), X (1894). София (издатель — Н. А. Начов).
- Чудо — „Чюдъ стго Георгия о крѣтѣ и о Болгаринѣ“ — В кн.: Й. Иванов. Старобългарски разкази, стр. 213—215.
- Ц. Беседа — „Григоріа мнѣха и презвитера, игѣмена ѡбитѣлан пантѣкраторѣвъ (Цѣмблѣ)“. Беседа о матини, и о нициѣ. В кн.: А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. „Памятники древней письменности и искусства“. М., 1906, стр. 59—63.
- Ц. Слово — Григоріа мнѣха и презвитера, игѣмена обитѣлан Пандократорѣвъ, слово на свѣтлин цѣтѣноста правдинѣ, и ако ни едно неслѣгастѣ, въ евангѣлистѣхъ и на ѡдѣа. Там же, стр. 20—40.
- Хандж. — Ханджарский дамаскин. Рукопись XVII в. хранится в БАН. Ленинград № 24.4.32. Собрание И. И. Срезневского.
- Euch. — R. Nachtigal. Euchologium Sinaiticum. Lyublyana, 1941—1942.
- Петк. — Д. Петканова. Дамаскните в българската литература. София, 1965.
- Станк. — В. Станков. Имперфектът в съвременния български книжовен език. София, 1966.
- Янакиев — М. Янакиев. За граемите, наричени в българската граматика „сегашно време“ и „бъдеще време“. „Известия на Ин-та за български език“, кн. VIII. София, 1962, стр. 419—432.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ЧАСТЬ I. МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ	25
Глава 1. Предварительные замечания	25
2. Максимальная модель категории времени	29
3. Модель категории времени в болгарском языке	39
ЧАСТЬ II. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ В БОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	45
Глава 1. Контексты с рядом одноименных форм времени	45
2. Контексты с рядом разноименных форм времени	83
ЧАСТЬ III. РАЗНОЧТЕНИЯ В СПРЯГАЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА (XI—XX вв.)	158
Глава 1. Предварительные замечания	158
2. Древние редакции	167
3. Среднеболгарская редакция	202
4. Современные переводы	220

Ирина Константиновна Бунина

История глагольных времен в болгарском языке

*Утверждено к печати Институтом
славяноведения и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*

Художник *А. Д. Смеляков*. Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 27 V 1969 г. Подписано к печати 10/III 1970 г. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 1500 экз. Бумага № 2. Тип. вак. 282.

Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

72-33к

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

И.К.Бунина • История глагольных времён в болгарском языке